

Филип Пулман

Северное сияние

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ОКСФОРД

Глава первая ГРАФИН ТОКАЯ

Глава вторая ИДЕЯ СЕВЕРА

Глава третья ЛИРА В ИОРДАНЕ

Глава четвертая АЛЕТИОМЕТР

Глава пятая ВЕЧЕРИНКА С КОКТЕЙЛЯМИ

Глава шестая МЕТАТЕЛЬНЫЕ СЕТИ

Глава седьмая ДЖОН ФАА

Глава восьмая ОТКАЗ

Глава девятая ШПИОНЫ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ БОЛЬВАНГАР

Глава десятая КОНСУЛ И МЕДВЕДЬ

Глава одиннадцатая БРОНЯ

Глава двенадцатая ПРОПАВШИЙ МАЛЬЧИК

Глава тринадцатая ФЕХТОВАНИЕ

Глава четырнадцатая ОГНИ БОЛЬВАНГАРА

Глава пятнадцатая КЛЕТКИ С ДЕЙМОНАМИ

Глава шестнадцатая СЕРЕБРЯНАЯ ГИЛЬОТИНА

Глава семнадцатая ВЕДЬМЫ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ СВАЛЬБАРД

Глава восемнадцатая ЛЕД И ТУМАН

Глава девятнадцатая ПЛЕН

Глава двадцатая БЕЗ ПОЩАДЫ

Глава двадцать первая ПРИВЕТСТВИЕ ЛОРДА АЗРИЭЛА

Глава двадцать вторая ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Глава двадцать третья МОСТ К ЗВЕЗДАМ

СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ

На краю

Пучины дикой, — зыбки, а быть может

Могилы Мироздания, где огня

И воздуха, материков, морей

В помине даже нет, но все они

В правеществе зачаточно кишат,

Смесившись и воюя меж собой,

Пока Творец Всевластный не велит

Им новые миры образовать;

У этой бездны осторожный Враг,

С порога Ада созерцая даль,

Обмысливал свой предстоящий путь...

Джон Мильтон, «Потерянный Рай», кн. II (Пер. Арк. Штейнберга)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОКСФОРД

Глава первая

ГРАФИН ТОКАЯ

Лира со своим деймоном тихо двигались по полутемному Залу, держась поближе к стене, чтобы их не увидели из Кухни. Три больших стола, тянувшиеся по всей длине Зала, были уже накрыты, серебро и хрусталь поблескивали в сумерках; длинные скамьи ждали гостей. На стенах, теряясь в тени, висели портреты бывших Магистров. Лира подошла к помосту, оглянулась на открытую кухонную дверь и, никого не увидев за ней, поднялась на помост к верхнему столу. Здесь приборы были золотые, а не серебряные, и вместо дубовых скамеек стояли

четырнадцать стульев красного дерева с бархатными подушками. Лира подошла к креслу Магистра и щелкнула по бокалу ногтем. По Залу разнесся прозрачный звон.

— Ведешь себя легкомысленно, — шепнул ей демон.

— Будь серьезней.

Ее деймона звали Пантелеймон, и сейчас он принял вид мотылька, темно-коричневого, чтобы быть не слишком заметным в сумрачном Зале.

— Там шумно на Кухне, — прошептала в ответ Лира.

— А Стюард до первого звонка не появится. Перестань нервничать.

Тем не менее, она приложила ладонь к звеневшему еще бокалу, а Пантелеймон порхнул дальше, в приоткрытую дверь Комнаты Отдыха по другую сторону от помоста. Через секунду он вернулся.

— Там никого, — шепнул он.

— Но надо спешить.

Пригнувшись за высоким столом, Лира шмыгнула в Комнату Отдыха, выпрямилась там и огляделась. Единственным источником света здесь был камин; на глазах у нее пылающие поленья слегка осели, выбросив в дымоход фонтан искр. Почти всю жизнь она прожила в Колледже, но еще ни разу не видела Комнату Отдыха: сюда допускались только Ученые и их гости, женщины — никогда. Здесь даже служанки не могли убирать — только Дворецкий.

Пантелеймон сел ей на плечо.

— Ну, довольна? Можем идти? — прошептал он.

— Глупости! Я хочу посмотреть!

Это была большая комната с овальным полированным столом, на котором стояли разные графины и бокалы и серебряный курительный прибор с коллекцией трубок. Рядом, на буфете — жаровня и корзина с коробочками мака.

— Уютно устроились, а, Пан? — шепотом сказала Лира.

Она опустилась в зеленое кожаное кресло, оказавшееся таким глубоким, что в нем можно было почти лежать. Лира села, подобрав под себя ноги, и окинула взглядом портреты на стене. Тоже, наверное, старики-Ученые: в мантиях, бородатые и хмурые, они смотрели на нее с

неодобрением. «Как думаешь, о чем они тут разговаривают?» — хотела спросить Лира, но не успела: за дверью послышались голоса.

— За кресло, живо! — шепнул Пантелеймон, и Лира, выскочив из кресла, присела за ним. Укрытие было не из лучших: она предпочла бы кресло в середине комнаты — а здесь стоит только шелохнуться...

Дверь открылась, в комнате стало светлее — кто-то из вошедших принес лампу и поставил на буфет. Лира видела его ноги в темно-зеленых брюках и черных начищенных туфлях. Слуга.

Раздался низкий голос:

— Лорд Азриэл еще не прибыл?

Это был Магистр. Лира, затаив дух, увидела, как деймон слуги (собака, как почти у всех слуг) подбежал к его ногам и уселся, а потом показались и ноги Магистра, как всегда в поношенных черных туфлях.

— Нет, Магистр. И никаких известий из Аэродока.

— Полагаю, он будет голоден. Проводите его прямо в Зал, хорошо?

— Слушаюсь.

— Вы налили для него графин особого токайского?

— Да, Магистр. Урожая тысяча восемьсот девяносто восьмого года, как вы приказали. Его светлость очень любят это вино.

— Хорошо. Теперь можете идти.

— Лампа нужна, Магистр?

— Да, лампу оставьте. Во время обеда не забудьте, пожалуйста, поправлять фитиль.

Дворецкий слегка поклонился и пошел к двери; его деймон послушно затрусил следом. Из своего ненадежного укрытия Лира видела, как Магистр подошел к большому дубовому гардеробу в углу, снял с вешалки мантию и с трудом надел. Магистр был человек могучего сложения, но ему давно перевалило за семьдесят, и все движения его были медленными и скованными. Деймон Магистра имел облик ворона и, как только мантия была надета, прыгнул с гардероба и, по обыкновению, уселся на правом плече.

Лира чувствовала, что Пантелеймон вне себя от тревоги. Сама же она ощущала приятное волнение. Гость, упомянутый Магистром, лорд

Азриэл, приходился ей дядей, она им восхищалась и очень боялась его. По слухам, он имел касательство к высокой политике, секретным исследованиям, к войне в отдаленных краях и появлялся в колледже всякий раз неожиданно. Он был суров, и, если бы застиг ее здесь, не избежать было бы тяжелого наказания. Но Лиру это не смущало.

И тут она увидела такое, что забыла обо всем.

Магистр достал из кармана сложенную бумажку и положил на стол. Потом вынул из графина с золотистым вином пробку и, расправив бумажку, высыпал из нее в графин белый порошок, после чего бумажку скомкал и бросил в огонь. Потом вытащил из кармана карандаш, размешал им вино, чтобы полностью растворился порошок, и заткнул графин.

Его деймон тихонько каркнул. Магистр что-то ответил вполголоса и, прежде чем выйти, взглядом из-под нависших бровей обвел комнату. Лира шепнула:

— Ты видел, Пан?

— Конечно, видел! Скорей уходим, пока Стюард не пришел!

Но тут в дальнем конце Зала коротко прозвенел колокольчик.

— Это Стюард! — сказала Лира.

— Я думала, у нас больше времени.

Пантелеймон быстро подлетел к двери Зала и сразу вернулся.

— Стюард уже там, — сказал он.

— А через другую дверь не выйдешь...

Другая дверь — куда ушел Магистр — вела в оживленный коридор между Библиотекой и Комнатой Отдыха Ученых. Сейчас там было полно людей, они надевали мантии к обеду или спешили в Общую Комнату, оставить свои бумаги и портфели перед тем, как идти в Зал. А Лира намеревалась уйти обратно через Зал, рассчитывая, что у них еще есть несколько минут до звонка.

И если бы она не увидела, как Магистр сыпет в вино порошок, то, может быть, и рискнула бы рассердить Стюарда или незаметно прошмыгнуть по людному коридору. Но она была растеряна и не знала, что делать.

Она услышала тяжелые шаги по помосту. Стюард шел сюда — убедиться, что вино и мак готовы для послеобеденного отдыха Ученых. Лира кинулась к дубовому гардеробу, залезла в него и закрыла дверь как раз в ту секунду, когда вошел Стюард. За Пантелеймона она не опасалась: стены в комнате были темные, и он всегда мог спрятаться под креслом.

Она услышала свистящее дыхание Стюарда и через щелку неплотно прикрытой дверцы увидела, как он поправляет курительные трубки и осматривает графины и бокалы. Потом он пригладил ладонями волосы на висках и что-то сказал своему деймону. Он был слугой, а деймон его — собакой. Но слуга он был высшего разряда, и собака — тоже. Деймон его имел вид рыжего сеттера. Он что-то подозревал и бегал по комнате, словно почуяв непрошеного гостя, но, к большому облегчению Лире, гардеробом не заинтересовался. Лира боялась Стюарда, который ее дважды бил.

Она услышала тихий шепот; видимо, Пантелеймон пролез к ней.

— Теперь придется сидеть здесь. Почему ты меня не слушаешься?

Она не отвечала, пока не ушел Стюард. Его обязанностью было обслуживать верхний стол; она услышала, как входят в Зал Ученые, гул голосов, шарканье ног.

— И хорошо, что не послушалась, — прошептала она в ответ.

— Иначе не увидели бы, что Магистр отравил вино. Это ведь токай, про который он спрашивал Дворецкого! Они хотят убить лорда Азриэла!

— Почем ты знаешь, что это яд?

— Конечно, яд. Ты же помнишь, он велел Дворецкому уйти до того, как высыпал? Если бы не яд, он бы сделал это при Дворецком. Я знаю, тут что-то затевается — что-то политическое. Слуги об этом который день говорят. Пан, мы можем предотвратить убийство!

— В жизни не слышал такой чепухи. Как ты высидишь четыре часа в этом душном гардеробе? Дайка, вылезу, загляну в коридор. Скажу тебе, когда там будет пусто.

Он вспорхнул с ее плеча и маленькой тенью мелькнул перед освещенной щелкой.

— Напрасно, Пан, я остаюсь, — сказала она.

— Тут еще какая-то мантия. Положу ее на пол и устроюсь поудобней. Я должна увидеть, чем они занимаются.

Она осторожно поднялась с корточек и, стараясь не шуметь, пошарила вокруг. Гардероб оказался просторнее, чем она думала. Здесь висело еще несколько мантий, по большей части шелковых, некоторые — оторочены мехом.

— Интересно, это все — Магистра? — прошептала она.

— Когда ему дают ученые степени в других местах, наверное, дают и красивые мантии, а он их тут держит и наряжается... Пан, ты правда думаешь, что там не яд?

— Нет, — ответил он.

— Я тоже думаю, что яд. И думаю, что это не наше дело. И думаю, что из всех твоих глупостей это будет самая большая, если ты встрянешь. Нас это не касается.

— Ерунда, — сказала Лира.

— Буду сидеть здесь и смотреть, как его отравляют?

— А ты не сиди здесь.

— Ты трус, Пан.

— Конечно, трус. Позволь спросить — ты что задумала? Выскочишь и выхватишь бокал из его дрожащих пальцев? Какой твой план?

— Нет у меня плана, ты прекрасно это знаешь, — тихо огрызнулась она.

— Но я видела, что сделал Магистр, и теперь у меня нет выбора. Ты ведь, наверное, слышал про совесть? Могу я сидеть в Библиотеке или еще где и ковырять в носу, зная, что тут творится? Да ни за что, можешь быть уверен.

— Ты с самого начала это задумала, — сказал он, помолчав.

— Хотела спрятаться тут и подсматривать. Как же я раньше не догадался?

— Ну, хотела. Все знают, что тут у них какие-то секреты. Какой-то ритуал или еще что. И я хотела узнать.

— Не наше это дело! Хотят секретничать — пусть их, а ты будь выше этого. Прячутся и шпионят только глупые дети.

— Знала, что ты так и скажешь. Хватит занудничать.

Оба замолчали. Лире было неудобно сидеть на жестком полу гардероба, а недовольный ее упрямством Пантелеймон трогал своим временным усиком одну из мантий. Противоречивые мысли теснились в голове у Лире, и больше всего на свете ей хотелось поделиться ими со своим деймоном, но мешала гордость. Ничего, попробует разобраться в них без его помощи.

На первом месте была тревога, и тревожилась она не за себя. В неприятности она попадала часто и привыкла к ним. Сейчас она тревожилась за лорда Азриэла и не понимала, что все это значит. Он не часто посещал Колледж, а времена сейчас были напряженные, и вряд ли он явился только для того, чтобы поесть, выпить и покурить со старыми друзьями. Она знала, что и лорд Азриэл, и Магистр были членами Государственного Совета, особого консультативного органа при премьер-министре, так что приезд его мог быть связан с этим, — но Совет заседал во Дворце, а не в Комнате Отдыха Иордан-колледжа.

И уже не первый день слуги перешептывались вот о чем: тартары якобы вторглись в Московию и устремились на север к Санкт-Петербургу. Они получают господство над Балтийским морем и в конце концов захватят весь запад Европы. А лорд Азриэл был на далеком Севере: когда она видела его в прошлый раз, он готовил экспедицию в Лапландию...

— Пан, — прошептала она.

— Что?

— Ты думаешь, будет война?

— Нет пока. Лорд Азриэл не обедал бы здесь, если бы ее ждали на будущей неделе.

— Вот и я так подумала. Попозже?

— Тсс! Кто-то идет.

Она села прямо и заглянула в щелку. Шел Дворецкий, поправить лампу, как велел Магистр. Общая Комната и Библиотека освещались безвоздушными антарными лампами, но в Комнате Отдыха ученые предпочитали более мягкий свет старинных гарных ламп. При жизни этого Магистра их не заменят.

Дворецкий подвернул фитиль, подложил полено в камин, после чего, прислушавшись у двери в Зал, вытащил из курительного прибора горсть листьев.

Не успел он закрыть крышку, как повернулась ручка другой двери, заставив его вздрогнуть. Лира едва удержалась от смеха. Дворецкий поспешно запихнул листья в карман и повернулся к вошедшему.

— Лорд Азриэл! — сказал он, и у Леры холодок пробежал по спине. Отсюда он не был виден, и она с трудом победила искушение выглянуть.

— Добрый вечер, Рен, — сказал лорд Азриэл. Этот резкий голос всегда был приятен Лире, но и немного пугал ее.

— Я опоздал к обеду. Подожду здесь.

Дворецкий чувствовал себя неловко. В Комнату Отдыха гости входили только по приглашению Магистра, и лорд Азриэл это знал. Но, заметив, что лорд Азриэл подчеркнуто смотрит на его оттопыренный карман, Дворецкий решил не возражать.

— Доложить Магистру, что вы прибыли, милорд?

— Не имею ничего против. И принесите мне кофе.

— Хорошо, милорд.

Дворецкий поклонился и торопливо вышел; его деймон послушно затрусил за ним. Дядя Леры подошел к камину, потянулся и зевнул, как лев. На нем была дорожная одежда. Страх, который ощущала Лира при каждой встрече с ним, вернулся и на этот раз. О том, чтобы улизнуть незаметно, не могло быть и речи; приходилось сидеть и ждать.

Деймон лорда Азриэла, снежный барс, стоял с ним рядом. Он тихо спросил:

— Здесь будешь показывать снимки?

— Да. Меньше будет суеты, чем в Лекционном Театре. И они захотят посмотреть образцы; сейчас пошлю за Швейцаром. Неудачное время, Стелмария.

— Тебе надо отдохнуть.

Он расположился в кресле, и Лира уже не видела его лица.

— Да, да. И переодеться. Тут, наверно, какой-нибудь древний этикет, могут оштрафовать на дюжину бутылок за то, что пришел в неподобающем виде. И поспать бы надо дня три. Все дело в том...

В дверь постучали, вошел Дворецкий с кофейником и чашкой на серебряном подносе.

— Спасибо, Рен, — сказал лорд Азриэл.

— Там у вас токай на столе?

— Магистр приказал налить специально для вас, милорд, — ответил Дворецкий.

— Осталось всего три дюжины бутылок девяносто восьмого года.

— Все хорошее кончается. Поставьте поднос сюда, поближе. Да, и попросите Швейцара прислать два ящика, которые я оставил при входе.

— Сюда, милорд?

— Да, сюда, пожалуйста. И мне понадобится экран и проекционный фонарь — тоже сюда и тоже сейчас.

Дворецкий чуть не раскрыл рот от удивления, но совладал с собой и воздержался от дальнейших вопросов или возражений.

— Рен, вы забываетесь, — сказал лорд Азриэл.

— Не задавайте вопросов, делайте, что вам сказано.

— Хорошо, милорд, — ответил Дворецкий.

— Но если позволите, я доложу мистеру Коусону о ваших намерениях, милорд, иначе это будет для него неожиданностью. Поймите меня.

— Ладно. Доложите.

Коусоном звали Стюарда. Соперничество между ним и Дворецким началось давно и не утихало. Стюард был старше по положению, но у Дворецкого было больше возможностей расположить к себе Ученых, и ни одной из них он не упускал. Ему будет приятно показать Стюарду, что он лучше осведомлен обо всем, происходящем в Комнате Отдыха.

Он поклонился и вышел. Лира видела, как дядя налил чашку кофе и разом выпил, потом налил другую и стал отпивать медленнее. Она сгорала от любопытства: ящики с образцами? Проекционный фонарь? Что это такое важное и срочное он хочет показать Ученым?

Лорд Азриэл встал и отвернулся от камина. Теперь она видела его во весь рост и удивлялась, насколько он отличается от пухлого Дворецкого, от сутулых, медлительных Ученых. Лорд Азриэл был высок и широкоплеч, глаза на суровом смуглом лице сверкали свирепым весельем. Это было лицо человека, которому можно только подчиняться или противостоять, — человека, который не потерпит ни

покровительства, ни жалости. Все движения его были свободными и гармоничными, как у дикого животного, и, оказавшись в такой комнате, он напоминал дикое животное, запертое в тесной клетке.

Сейчас его лицо было задумчиво и сосредоточенно. Его деймон подошел к нему и прислонился головой к его поясу, а он, посмотрев на него невидящим взглядом, шагнул к столу. У Лира что-то оборвалось в животе: лорд Азриэл вынул пробку из графина с токаем и наливал себе бокал.

— Нет!

— Тихий крик вырвался у нее невольно. Лорд Азриэл услышал и обернулся.

— Кто здесь?

Лира уже не владела собой. Она выскочила из гардероба, подбежала и выхватила бокал из его руки. Вино пролилось на край стола и на ковер, бокал упал и разбился. Дядя схватил ее за руку и больно вывернул.

— Лира! Какого черта ты здесь делаешь?

— Отпустите меня, скажу!

— Я тебе руку оторву. Как ты смела сюда войти?

— Да я вам жизнь спасла!

Оба на мгновение умолкли; девочка корчилась от боли и гримасничала, чтобы не закричать во весь голос, а дядя смотрел на нее сверху, нахмурясь, как грозовая туча.

— Что ты сказала? — произнес он спокойнее.

— Вино отравлено, — выдавила она сквозь зубы.

— Я видела, как Магистр насыпал в него порошок.

Он разжал руку. Лира опустилась на пол, и взволнованный Пантелеймон сел ей на плечо. Дядя смотрел на нее со сдерживаемой яростью, и она не осмелилась встретить его взгляд.

— Я просто зашла посмотреть, как выглядит комната, — сказала Лира.

— Я знала, что нельзя. Хотела сразу уйти, пока никого нет, но тут услышала Магистра, и деться было некуда. Только спрятаться в гардеробе. И увидела, как он сыпет порошок в вино. Если бы я не...

В дверь постучали.

— Это Швейцар, — сказал лорд Азриэл.

— Быстро в шкаф. Только шелохнись там — пожалеешь, что родилась на свет.

Она кинулась туда и едва успела закрыть за собой дверцу, как лорд Азриэл крикнул: «Войдите». Как он и сказал, это был Швейцар.

— Да, милорд?

Старик нерешительно остановился в дверях, а позади него виднелся угол большого деревянного ящика.

— Да, Шутер, — сказал лорд Азриэл.

— Заносите оба и поставьте у стола.

Лира немного успокоилась и только теперь позволила себе почувствовать боль в плече и запястье. Она могла бы и заплакать, если бы была из тех девочек, которые плачут. Но она только стиснула зубы и слегка пошевелила рукой, чтобы отпустила боль.

Раздался звон разбитого стекла и звук разлившейся жидкости.

— Черт возьми, Шутер, старый растяпа! Смотри, что ты наделал!

Лира увидела. Дядя сшиб со стола графин с током и сделал вид, что зацепил его Швейцар. Старик осторожно опустил ящик и стал извиняться.

— Простите, милорд... он, должно быть, оказался ближе, чем я думал...

— Уберите это безобразие. Скорее, пока не промок ковер!

Швейцар и его молодой помощник поспешно удалились. Лорд Азриэл подошел к гардеробу и вполголоса сказал:

— Раз уж ты здесь, пусть от тебя будет польза. Когда придет Магистр, внимательно следи за ним. Если заметишь что-то интересное и скажешь мне, постараюсь, чтобы твой проступок остался без последствий. Понятно?

— Да, дядя.

— Зашумишь тут — я тебе не помогу. Сама ответишь.

Он отошел и снова стал спиной к камину; тут же появился Швейцар со щеткой, совком для стекла и тазиком с тряпкой.

— Могу только повторить, милорд: я очень виноват, не знаю, как мне...

— Просто уберите это.

Как только Швейцар начал собирать тряпкой вино с ковра, постучался Дворецкий и вошел вместе со слугой лорда Азриэла, Торольдом. Они несли тяжелый ящик из полированного дерева с медными ручками, но, увидев, чем занят Швейцар, остановились как вкопанные.

— Да, это токай, — сказал лорд Азриэл.

— Жалко. Принесли фонарь? Поставьте, пожалуйста, ближе к шкафу, Торольд. Я повешу экран напротив.

Лира поняла, что через щелку ей будет виден экран и все, что на нем покажут. Интересно, подумала она, специально ли для этого дядя поставил так фонарь. Под шум приготовлений — слуга разворачивал жесткое полотно и натягивал на раму — она шепнула:

— Видишь? Не зря, значит, пришли?

— Может, не зря, — сухо произнес Пантелеймон тонким мотыльковым голосом.

— А может, зря.

Лорд Азриэл стоял возле камина, попивая кофе, и угрюмо наблюдал за Торольдом, который раскрыл ящик проекционного фонаря, снял крышку с объектива и проверил уровень керосина в бачке.

— Керосина достаточно, милорд, — сказал он.

— Вызвать техника для демонстрации?

— Нет. Буду показывать сам. Спасибо, Торольд. Они уже пообедали, Рен?

— Кажется, заканчивают, милорд, — ответил Дворецкий.

— Если я правильно понял мистера Коусона, Магистр и его гости не станут мешкать, услышав, что вы здесь. Унести поднос?

— Унесите.

— Хорошо, милорд.

Дворецкий с легким поклоном взял поднос и вышел, а за ним Торольд. Как только дверь за ними закрылась, лорд Азриэл повернулся к гардеробу, и Лира ощутила силу его взгляда, как что-то почти физическое, словно он был стрелой или копьем. Потом он отвернулся и что-то сказал своему деймону. Деймон подошел к нему и спокойно сел рядом, изящный, грозный, настороженный; он обвел взглядом комнату, а потом его зеленые глаза и черные глаза лорда одновременно обратились к двери, где щелкнула ручка. Лира двери не видела, но услышала удивленный вздох вошедшего.

— Магистр, — сказал лорд Азриэл.

— Да, я вернулся. Ведите ваших гостей — я покажу вам кое-что интересное.

Глава вторая

ИДЕЯ СЕВЕРА

— Лорд Азриэл, — торжественно произнес Магистр и пожал ему руку. Из своего укрытия Лира следила за глазами Магистра — и действительно, он сразу бросил взгляд на стол, туда, где раньше стоял графин с вином.

— Магистр, — сказал лорд Азриэл.

— Я приехал поздно, не хотел мешать вашему обеду, поэтому расположился здесь. Здравствуйте, Проректор. Рад видеть вас в добром здравии. Извините за неопрятный вид, я только что высадился. Да, Магистр, токая погиб. Боюсь, вы в нем стоите. Швейцар уронил его, но это моя вина. Здравствуйте, Капеллан. Прочел вашу последнюю статью с большим интересом...

Он отошел с Капелланом в сторону, так что теперь Лира хорошо видела лицо Магистра. Оно было невозмутимо, но деймон на его плече нахохлился и беспокойно переступал с ноги на ногу. Лорд Азриэл был уже в центре всеобщего внимания, и, хотя всячески проявлял любезность по отношению к Магистру, ясно было, за кем сила.

Ученые здоровались с гостем и разбредались по комнате, кто-то садился за стол, кто-то в кресла, и вскоре комнату наполнил гул голосов. Лира видела, что они заинтригованы большим ящиком, экраном и фонарем. Она хорошо знала Ученых: Библиотекаря, Проректора, Исследователя и остальных; эти люди окружали ее всю жизнь, учили ее, наказывали, утешали, сгоняли с фруктовых деревьев в Саду, дарили ей маленькие подарки; другой семьи у нее не было. Она, наверно, и считала бы их семьей, если бы знала, что такое семья, — хотя, если бы

знала, отнеслась бы так скорее к слугам Колледжа. У Ученых были дела поважнее, чем потакать прихотям диковатой девочки, попавшей сюда по случайности.

Магистр зажег спиртовку под маленькой серебряной жаровней и растопил в ней масло, после чего срезал пяток маковых коробочек и высыпал туда мак. После Трапезы всегда подавали мак: он прояснял ум, оживлял речь и способствовал содержательной беседе. По традиции его готовил сам Магистр.

В комнате стоял гомон, шипело разогретое масло, и, пользуясь этим, Лира стала устраиваться поудобнее. Она осторожно сняла с вешалки длинную меховую мантию и разложила на полу гардероба.

— Надо было взять колючую, — прошептал Пантелеймон.

— А то на мягкой уснешь.

— Усну — тогда ты меня разбудишь.

Она села и прислушалась к разговору. Ужасно скучному, кстати: все про политику, притом лондонскую политику, хоть бы что интересное про тартар. Приятные запахи табака и поджаренного мака проникали в гардероб, и Лира то и дело начинала клевать носом. Наконец кто-то постучал по столу. Голоса смолкли, и заговорил Магистр.

— Джентльмены, от лица всех присутствующих я приветствую лорда Азриэла. Визиты его к нам редки, но всякий его визит — событие, и, насколько я понимаю, сегодня он намерен рассказать нам что-то чрезвычайно интересное. Как нам всем известно, в международных делах сейчас очень большая напряженность; завтра утром лорда Азриэла ожидают в Уайтхолле, и поезд с разведенными парами уже ждет его, чтобы отвезти в Лондон, как только закончится наше собрание. Поэтому распорядимся временем разумно. Когда он закончит доклад, полагаю, будут вопросы. Пусть они будут краткими и по существу. Лорд Азриэл, вы готовы начать?

— Благодарю вас, Магистр, — сказал лорд Азриэл.

— Для начала я хочу показать вам несколько новых слайдов. Проректор, думаю, вам лучше всего будет видно отсюда. Может быть, вам, Магистр, удобнее будет занять кресло у гардероба?

Старик Проректор был почти слеп, и лорд Азриэл всего лишь проявил вежливость, предложив ему место поближе к экрану. Это означало, что Магистру придется сесть рядом с Библиотекарем, в каком-нибудь метре

от убежища Лир. И она услышала, как он проворчал, усаживаясь в кресло:

— Дьявол! Он знал о вине, не сомневаюсь. Библиотекарь ответил вполголоса:

— Он будет просить фондов. Если потребует голосования...

— Мы должны возражать, употребив все наше красноречие.

Послышалось шипение — это лорд Азриэл подкачал проекционный фонарь. Лира слегка передвинулась, чтобы увидеть экран, на котором уже появился белый круг света. Лорд Азриэл сказал:

— Нельзя ли повернуть лампу?

Кто-то из Ученых поднялся с места, и в комнате потемнело.

Лорд Азриэл начал:

— Некоторые из вас, вероятно, знают, что двенадцать месяцев назад я отправился на Север с дипломатической миссией к Королю Лапландии. По крайней мере, таков был повод для поездки. На самом деле цель моя находилась севернее, уже во льдах — я намеревался выяснить, что случилось с экспедицией Груммана. В одном из последних донесений Груммана Германской Академии говорилось о некоем природном явлении, наблюдающемся только на Крайнем Севере. Я намерен был исследовать его и одновременно выяснить все, что можно, о Груммане. Но первый снимок, который вы увидите, не связан прямо ни с тем, ни с другим.

Он вставил слайд в рамку и опустил в фонарь. На экране появилась круглая фотограмма, в резких контрастах черного и белого. Снимок был сделан при полной луне: на среднем плане черная хижина среди снегов, с толстым слоем снега на крыше. Рядом — целый строй философских приборов, похожих на те, что Лира видела в Антарном Парке по дороге в Ярнтон: покрытые толстым инеем антенны, провода, фаянсовые изоляторы поблескивали при лунном свете. На переднем плане стоял, приветственно подняв руку, человек в меховой одежде с капюшоном, почти скрывавшим лицо. Сбоку от него — фигура поменьше. И все это залито мертвенным светом луны.

— Эта фотограмма сделана на стандартной эмульсии с нитратом серебра, — сказал лорд Азриэл.

— А теперь посмотрите другую, снятую с той же точки всего через минуту, но на новой, специально изготовленной эмульсии.

Он выдвинул первый слайд и вставил другой. Этот был гораздо темнее, словно отфильтровали лунный свет. Горизонт по-прежнему был виден — и темные очертания хижины под снежной шапкой, но все приборы скрывала темнота. А человек полностью изменился: его окутывал яркий свет, и из поднятой руки бил фонтан светящихся частиц.

— Этот свет, — сказал Капеллан, — он идет сверху или снизу?

— Он идет сверху, — ответил лорд Азриэл, — но это не свет. Это Пыль.

Слово было произнесено так, что Лире оно представилось написанным с большой буквы, как будто это не простая пыль. И реакция Ученых подкрепила это впечатление: послышалось несколько удивленных «ах», и все разом умолкли.

— Но как...

— Разве...

— Не может...

— Джентльмены! — раздался голос Капеллана.

— Позвольте лорду Азриэлу объяснить.

— Это Пыль, — повторил лорд Азриэл.

— На пластинке она запечатлелась как свет, потому что частицы Пыли воздействуют на эту эмульсию так же, как фотоны на серебряную эмульсию. Отчасти для того мы и отправились на Север, чтобы ее проверить. Как видите, фигура человека хорошо различима. А теперь присмотритесь к тому, что слева от него.

Он указал на неясную фигуру поменьше.

— Я думал, это — деймон человека, — сказал Исследователь.

— Нет. В это время деймон обвивал его шею, имея вид змеи. А смутная фигура рядом — ребенок.

— Поврежденный ребенок?... — произнес кто-то и, судя по тому, как осекся, сам понял, что этого не надо было произносить.

Наступила мертвая тишина. Потом лорд Азриэл спокойно сказал:

— Ребенок не поврежденный. И это, учитывая природу Пыли, самое интересное, не так ли?

Несколько секунд все молчали. Затем послышался голос Капеллана.

— А, — выдохнул он, как истомленный жаждой человек, который залпом осушил стакан воды и, поставив его, переводит дыхание.

— А потоки Пыли...

— Идут с неба и окутывают его как бы светом. Вы сможете ознакомиться с этим снимком подробнее: я оставляю его здесь. Я показал его вам лишь для того, чтобы продемонстрировать возможности новой эмульсии. А сейчас покажу вам другую картинку.

Он сменил слайд. Этот снимок тоже был сделан ночью, но уже без лунного света. На переднем плане смутно вырисовывались на фоне низкого горизонта несколько палаток, а рядом груда деревянных ящиков и сани. Но самым интересным здесь было небо. Струи и полотнища света перекрывали его, словно занавеси, подвешенные на невидимых крюках на высоте в сотни километров и раздуваемые каким-то немыслимым ветром.

— Что это? — спросил Проректор.

— Аврора Бореалис.

— Отличная фотограмма, — заметил Пальмеровский Профессор.

— Одна из лучших на моей памяти.

— Извините мое невежество, — послышался дрожащий голос старика Регента, — но если я и знал когда-нибудь, что такое Аврора, то забыл. Не то ли, что называется Северным Сиянием?

— Да. У этого много названий. Это потоки заряженных солнечных частиц исключительной плотности и силы, сами по себе невидимые, но вызывающие свечение, когда они взаимодействуют с атмосферой. Если бы было время, мне бы окрасили снимок, чтобы вы могли увидеть цвета: бледно-зеленые и розовые по большей части, с малиновым отливом по нижней кромке этого светящегося занавеса. Снимок сделан на обычной эмульсии. Теперь посмотрите на снимок, сделанный на специальной эмульсии.

Он вынул слайд. Лира услышала тихий голос Магистра:

— Если он потребует голосования, мы можем сослаться на статью о пребывании. Из последних пятидесяти двух недель он отсутствовал в Колледже тридцать.

— Он уже привлек на свою сторону Капеллана, — вполголоса отозвался Библиотекарь.

Лорд Азриэл вставил в рамку фонаря новый слайд. На нем был тот же ландшафт. Но, как и в предыдущем случае, многие детали, видимые при обычном свете, здесь выглядели гораздо тусклее — в том числе светящаяся завеса в небе.

Но посреди Авроры, высоко над сумрачной равниной, Лира различила что-то плотное. Она припала к щелке, чтобы разглядеть получше, и увидела, что Ученые тоже вытянули шеи. Когда она присмотрелась к картине, ее охватило изумление. В небе обозначился силуэт города: в воздухе висели башни, купола, стены... дома и улицы. Она чуть не вскрикнула от удивления.

Кассингтоновский Ученый сказал:

— Это похоже на город.

— Совершенно верно, — сказал лорд Азриэл.

— Город иного мира, надо полагать? — презрительно осведомился Декан.

Лорд Азриэл оставил его слова без внимания.

Среди Ученых пробежал шумок — словно всю жизнь они писали трактаты о существовании единорогов, которых никогда не видели, а тут им привели живой, только что пойманный экземпляр.

— Теория Барнарда-Стокса? — сказал Пальмеровский Профессор.

— Это я и хочу выяснить, — ответил лорд Азриэл.

Он стоял сбоку от экрана. Лира видела, как его темные глаза перебегают по лицам Ученых, а рядом с ним светились зеленым глаза его деймона. Вся почтенная аудитория подалась вперед, вглядываясь в снимок Авроры, только Магистр и Библиотекарь сидели, откинувшись в креслах и почти соприкасаясь головами.

Первым заговорил Капеллан:

— Лорд Азриэл, вы сказали, что хотели выяснить судьбу экспедиции Груммана. Доктор Грумман тоже изучал это явление?

— Полагаю, да, и полагаю, что он успел многое узнать. Но не сможет рассказать нам об этом, потому что он погиб.

— Не может быть! — вырвалось у Капеллана.

— Боюсь, что так, и у меня есть доказательство.

Снова по Комнате Отдыха пронесся взволнованный шумок; по указанию лорда Азриэла двое или трое Ученых помоложе вынесли вперед деревянный ящик. Лорд Азриэл вынул последний слайд, но фонаря не погасил и, наклонившись в круге резкого света, стал вскрывать ящик. Магистр поднялся, чтобы видеть его, и загородил от Леры происходящее. Дядя сказал:

— Если помните, экспедиция Груммана пропала восемнадцать месяцев назад. Германская Академия отправила его на Север к магнитному полюсу, с тем чтобы он провел там астрономические наблюдения. В ходе экспедиции он наблюдал это любопытное явление, которое мы сейчас видели. Затем он исчез. Предполагалось, что произошел несчастный случай, и тело его все месяцы лежало в расселине. На самом деле несчастного случая не было.

— Что у вас там? — спросил Декан.

— Это вакуумный контейнер?

Лорд Азриэл не торопился с ответом. Лира услышала щелчки металлических зажимов и шипение воздуха, ворвавшегося в сосуд; потом все стихло. Но тишина длилась недолго. Через несколько секунд Лира услышала смущенный гомон, потом крики ужаса, негодующие и испуганные голоса.

— Но что...

— ...нечеловеческая...

— ...это было...

— ...что с ней сделали?

Все перекрыл голос Магистра:

— Лорд Азриэл, объясните же, что это у вас?

— Это голова Станислауса Груммана, — объявил лорд Азриэл.

Среди общего гомона Лира расслышала спотыкающиеся шаги человека, бросившегося к двери, и его горестное бормотание. Но ей ничего не было видно.

— Я нашел его тело, сохранившееся во льду близ Свальбарда. Голову так обработали убийцы. Но обратите внимание на характер скальпирования. Думаю, он вам знаком, Проректор.

Голос старика был тверд:

— Я видел, как это делают тартары. Такой метод распространен среди аборигенов Сибири и Тунгуски. Оттуда он распространился на земли скрелингов, но, насколько я понимаю, в Новой Дании он запрещен. Можно мне разглядеть поближе, лорд Азриэл?

После короткого молчания он снова заговорил.

— Зрение у меня неважное, а лед грязен, но кажется мне, на макушке отверстие. Верно?

— Да.

— Трепанация?

— Вот именно.

Снова взволнованный гомон. Магистр отодвинулся, и Лире стал виден ящик. В луче проекционного фонаря старик Проректор держал перед своими глазами тяжелый ледяной куб, и Лира разглядела предмет внутри: окровавленный кусок, в котором трудно было узнать человеческую голову. Пантелеймон порхал вокруг, его отчаяние передавалось Лире.

— Тихо, — шепнула она.

— Слушай.

— Доктор Грумман когда-то был Ученым нашего Колледжа, — с жаром сказал Декан.

— Попасть в руки тартар...

— Но на дальнем Севере?

— Вероятно, они проникли дальше, чем мы полагали!

— Я не ослышался — вы сказали, что нашли его близ Свальбарда? — сказал Декан.

— Совершенно верно.

— Надо ли понимать так, что тут не обошлось без панцербьёрнов?

Для Леры слово было неизвестное, но Ученые его явно знали.

— Невозможно, — возразил Кассингтоновский Ученый.

— Такого за ними не водится.

— Значит, вы не знаете Йофура Ракнисона, — сказал Пальмеровский Профессор, несколько раз участвовавший в арктических экспедициях.

— Меня нисколько не удивит, если он перенял у тартар обычай скальпировать людей.

Лера перевела взгляд на дядю, который наблюдал за учеными с насмешливым блеском в глазах и не вмешивался.

— Кто такой Йофур Ракнисон? — слышался чей-то голос.

— Король Свальбарда, — ответил Пальмеровский Профессор.

— Да, он панцербьёрн. Узурпатор в некотором роде; хитростью пробрался на трон, насколько я знаю; но личность сильная и отнюдь не дурак, несмотря на все свои нелепые выходки. Построил дворец из привозного мрамора... основал, как он считает, университет...

— Для кого? Для медведей? — спросил кто-то, и все засмеялись.

А Пальмеровский Профессор продолжал:

— И уверяю вас, Йофур Ракнисон способен поступить так с Грумманом. В то же время, если найти к нему подход, он может вести себя по-другому.

— И вы знаете, как найти, да, Трелони? — насмешливо осведомился Декан.

— Да, знаю. Известно вам, чего он хочет больше всего на свете? Даже больше, чем почетной степени? Он хочет деймона! Придумайте, как дать ему деймона, и он все для вас сделает.

Ученые от души рассмеялись.

Лера слушала с недоумением: в словах Пальмеровского Профессора не было никакого смысла. Кроме того, ей хотелось поскорее услышать о скальпировании, о Северном Сиянии и об этой таинственной Пыли. Но, к ее разочарованию, лорд Азриэл кончил показывать свои образцы и снимки, и вскоре ученая беседа перешла в препирательства: давать ему или нет деньги на новую экспедицию. Сыпались доводы за и против, и у

Лиры стали слипаться глаза. В конце концов она уснула, и Пантелеймон свернулся вокруг ее шеи — спать он предпочитал в виде горносталя.

Кто-то потряс ее за плечо, и она, вздрогнув, проснулась.

— Тихо, — сказал дядя. Дверь гардероба была открыта, и он присел над ней — темная фигура на фоне освещенной комнаты.

— Все разошлись, но кое-кто из слуг еще поблизости. Иди к себе в спальню и, смотри, никому об этом ни слова.

— Они согласились дать вам деньги? — сонно спросила она.

— Да.

— Что такое Пыль? — спросила она, с трудом вставая после сна в неудобной позе.

— Тебя это не касается.

— Касается, — сказала она.

— Раз вы велели мне следить из гардероба, значит, должны сказать, для чего я следила. А голову можно посмотреть?

Белый мех на Пантелеймоне встал дыбом, защекотал ей шею. Лорд Азриэл усмехнулся.

— Не будь противной девчонкой, — сказал он и начал упаковывать свои слайды и образцы.

— Ты наблюдала за Магистром?

— Да, и первым делом он стал искать глазами вино.

— Хорошо. На этот раз мы его обезвредили. А теперь ступай спать.

— А вы куда?

— Опять на Север. Я уезжаю через десять минут.

— А мне можно с вами?

Он прервал сборы и посмотрел на нее, словно в первый раз. Крупные зеленые глаза его деймона тоже уставились на Лиру, и под их пристальными взглядами она покраснела, но ответила им сердитым взглядом.

— Твое место здесь, — наконец сказал дядя.

— Но почему? Почему мое место здесь? Почему мне нельзя поехать на Север с вами? Я хочу увидеть Северное Сияние, и медведей, и айсберги, и остальное. Я хочу узнать про Пыль. И про город в воздухе. Это иной мир?

— Ты не поедешь. Выбрось это из головы, слишком опасное теперь время. Делай, что тебе сказано, ложись спать, и, если будешь хорошей девочкой, я привезу тебе бивень моржа с эскимосской резьбой. Довольно спорить, или я рассержусь.

Его деймон откликнулся басовитым свирепым рыком, и Лире представилось, как его зубы сомкнутся у нее на горле.

Нахмурясь и поджав губы, она смотрела на дядю. А он откачивал воздух из вакуумного контейнера и как будто уже забыл о ней. Щурясь и по-прежнему не разжимая губ, она вышла вместе со своим деймоном и отправилась спать.

Магистр и Библиотекарь были старые друзья и союзники и, когда случались затруднения, наливали себе по бокалу крепкого брантвейна и утешали друг друга. Теперь, проведив лорда Азриэла, они удалились в дом Магистра и там, в кабинете с задернутыми шторами, подбросив дров в камин, стали обсуждать произошедшее. Их деймоны заняли привычные места — на плече и на колене.

— Вы думаете, он как-то узнал о вине? — спросил Библиотекарь.

— Конечно, узнал. Не представляю, как, но он знал и нарочно опрокинул графин. Конечно, знал.

— Простите меня, Магистр, но у меня камень с души свалился. Мне с самого начала не по душе был этот план...

— Отравления?

— Да. Убийства.

— Не вам одному, Чарльз. Вопрос стоял так: что хуже — такого рода действия с нашей стороны или последствия бездействия. Что ж, вмешалось Провидение, и этого не произошло. Жалею только, что обременил вашу совесть, поделившись своим планом.

— Нет, нет, — возразил Библиотекарь.

— Но мне хотелось бы знать подробности.

Магистр помолчал.

— Да, наверное, надо было рассказать вам. Алетиометр предупреждает об ужасных последствиях в случае, если лорд Азриэл продолжит свои исследования. Помимо прочего, в это будет втянута и девочка, а я хочу оберегать ее, пока возможно.

— Предприятие лорда Азриэла имеет какое-то отношение к этому новому Дисциплинарному Суду Консistorии? Или как его там, — к Жертвенному Совету?

— Лорд Азриэл? Нет, нет. Напротив. Да и Жертвенный Совет не вполне подотчетен Суду Консistorии. Это скорее частная организация, а руководит ею лицо, не питающее любви к лорду Азриэлу. И оба органа, Чарльз, внушают мне страх.

Библиотекарь молчал. С тех пор как папа Иоанн Кальвин перенес свой престол в Женеву и учредил Дисциплинарный Суд Консistorии, власть церкви над всеми областями жизни стала безраздельной. После смерти Иоанна Кальвина само папство было отменено, но на его месте выросла целая сеть судов, коллегий и советов, в совокупности называемая Магистериумом. Органы эти действовали не всегда согласно, порою вспыхивало между ними острое соперничество. Большую часть прошлого века самым могущественным органом церкви была Коллегия Епископов, но в последнее время ее место занял деятельный и грозный Дисциплинарный Суд.

Но под сенью других частей Магистериума, случалось, вырастали независимые организации — одной из них и был Жертвенный Совет, о котором вспомнил Библиотекарь. Слышал он о Совете мало, но то, что слышал, ему не нравилось, пугало его, и он отлично понимал беспокойство Магистра.

— Профессор естественной религии упомянул какое-то имя, — помолчав минуту, сказал Библиотекарь.

— Барнард-Стокс? Что за история с Барнардом-Стоксом?

— Это не наша область, Чарльз. Насколько я понимаю, Святая церковь учит, что есть два мира: тот, который мы видим, слышим и осязаем, и другой, неземной — мир рая и ада. Барнард и Стокс были... как бы это выразиться... теологи-отступники, утверждавшие, что существует множество других миров, подобных нашему, — не ад и не рай, а материальные и грешные миры. Они рядом, но невидимы и недоступны.

Святая церковь, естественно, осудила эту мерзкую ересь. Барнарда и Стокса заставили замолчать.

Но, к сожалению для Магистериума, есть, по-видимому, серьезные математические доводы в пользу теории иных миров. Сам я с ними незнакомился. Но Кассингтоновский Ученый говорил мне, что доводы вполне убедительны.

— И теперь лорд Азриэл сфотографировал один из этих миров, — сказал Библиотекарь.

— А мы финансировали его экспедицию. Понятно.

— Да. Жертвенный Совет и его могущественные покровители сочтут, что Иордан-колледж — рассадник ереси. Я должен как-то балансировать между Советом и Судом Консистории, Чарльз, а девочка тем временем подрастает. Они не забудут о ней. Рано или поздно она все равно была бы вовлечена, но теперь это неизбежно, как бы я ее ни оберегал.

— Но скажите, ради бога, откуда это вам известно — опять алетиометр?

— Да. Лире предстоит сыграть свою роль — и очень важную. Как ни странно, она даже не будет знать об этом. Но ей можно помочь, и, если бы мой план с токаем удался, еще какое-то время она была бы в безопасности. Я хотел бы уберечь ее от экспедиции на Север. И больше всего хотел бы ей это объяснить.

— Она не станет слушать, — сказал Библиотекарь.

— Я достаточно ее изучил. Заговоришь с ней о чем-то серьезном — минут пять послушает вполуха и начинает ерзать. А после спросишь ее — совершенно все забыла.

— И если я заговорю с ней о Пыли? Вы думаете, не станет слушать?

Библиотекарь утвердительно хмыкнул.

— С какой стати ей слушать? — сказал он.

— Из-за чего здоровому легкомысленному ребенку интересоваться глубоко теологической загадкой?

— Из-за того, что ее ожидает. Среди прочего — великое предательство.

— Кто же ее предаст?

— Нет, нет, в том-то и самое горькое: предаст она, и это будет ужасным ударом. Она, конечно, не должна об этом знать, но не вижу причин, почему ей не знать о Пыли. И возможно, вы ошибаетесь, Чарльз: она может заинтересоваться Пылью, если ей доходчиво объяснить. И

это может ей помочь в дальнейшем. И наверное, мне будет не так тревожно за нее.

— Такова уж стариковская доля, — сказал Библиотекарь, — тревожиться за молодых. А удел молодых — презирать стариковские тревоги.

Они посидели еще немного и распрощались; час был поздний, и оба были стары и встревожены.

Глава третья

ЛИРА В ИОРДАНЕ

Среди всех колледжей Оксфорда Иордан-колледж был самым величественным и богатым. Возможно, и самым большим, но в точности этого никто не знал. Здания, сгруппированные в три неправильных четырехугольника, относились к самым разным эпохам, от раннего Средневековья до середины восемнадцатого века. Строился он не по плану, прирастал постепенно, прошлое повсюду переплеталось с настоящим, и в целом Колледж производил впечатление неряшливого великолепия. Что-то где-то постоянно приходило в ветхость, и вот уже пять поколений семейства Парслоу, каменщики и кровельщики, круглый год занимались ремонтом Колледжа. Нынешний мистер Парслоу обучал своему ремеслу сына. С тремя подмастерьями, как трудолюбивые термиты, они сновали по лесам, возведенным возле угла Библиотеки, или по крыше Церкви, втаскивали наверх свежие каменные блоки, рулоны блестящего листового свинца или деревянные балки.

Колледж владел фермами и поместьями по всей Британии. Говорили, что можно пройти от Оксфорда до Бристоля в одну сторону или до Лондона в другую, ни разу не покинув земли Иордан-колледжа. Во всех уголках королевства были красильни, кирпичные фабрики, лесные участки и заводы атомных машин, платившие аренду Иордан-колледжу, и каждый квартал Казначей со своими конторщиками подводил счета, представлял итог Совету и заказывал пару лебедей для праздничной Трапезы. Часть денег откладывали для новых капиталовложений — Совет недавно одобрил покупку конторского здания в Манчестере, — а из остальных выплачивали скромные стипендии Ученым, жалование слугам (а также Парслоу и еще десятку семей ремесленников и мастеровых, обслуживавших Колледж), закупали вино для богатых винных погребов, книги и антарограммы для громадной Библиотеки, занимавшей целую сторону Мелрозовского Квадрата и па несколько этажей уходившей в землю наподобие кротовой норы; и, наконец, закупали новейшую философскую аппаратуру для Церкви.

Держать Церковь на уровне новейших достижений было очень важно: как центр экспериментальной теологии Иордан-колледж не имел равных ни в Европе, ни в Новой Франции. Это, по крайней мере, Лира знала. Она гордилась славой Колледжа и любила похвастаться им перед уличными мальчишками и оборванцами, с которыми играла возле Канала и на Глинах. А на приезжих ученых и выдающихся профессоров из других мест взирала с презрительной жалостью, потому что они были не из Иордана и знали, наверное, гораздо меньше, бедняги, чем самый скромный Младший Ученый здесь.

А что до экспериментальной теологии, Лире было известно о ней не больше, чем уличным ребятам. Ей представлялось, что она как-то связана с магией, с движениями звезд и планет, с крохотными частицами вещества, но все это были, конечно, догадки. Возможно, у звезд были демоны, как у людей, и экспериментальная теология занималась общением с ними. Лира воображала, что Капеллан ведет возвышенные беседы со звездными демонами, выслушивает их, одобрительно кивая или, наоборот, с сожалением качая головой. Но что они обсуждают, Лира вообразить не могла.

Да и не очень этим интересовалась. Во многих отношениях Лира была варваром. Больше всего ей нравилось карабкаться по крышам Колледжа со своим лучшим другом Роджером, кухонным мальчиком, плевать сливовыми косточками на головы проходящих Ученых или ухачь по-совиному под окном, где шли занятия, или носиться по узким улочкам, красть яблоки на рынке. И воевать. Как ей были неведомы подспудные политические баталии, кипевшие в Колледже, так и Ученые не подозревали о соглашениях и разрывах, союзах и распрях, наполнявших жаром жизнь ребенка в Оксфорде. Дети играют — как приятно это видеть! Сколько в этом невинности и очарования!

А на самом деле, конечно, Лира и ее сверстники вели жестокие войны. Во-первых, дети одного колледжа (малолетние слуги, дети слуг и Лира) воевали с детьми другого. Но если на одного из них нападали городские, эта вражда забывалась: тогда все колледжи объединялись и вступали в битву с городскими. Распря эта была давней, тянулась уже сотни лет и приносила большое удовлетворение.

Но даже она прекращалась, когда приходила угроза со стороны. Один враг был вечный и постоянный: дети кирпичников, которые жили на Глинах и были одинаково презираемы и колледжскими, и городскими. В прошлом году Лира заключила временное перемирие кое с кем из городских и совершила набег на кирпичников: они забросали тамошних тяжелыми кусками глины, развалили их мокрый замок, а самих их валяли в липкой грязи, которая доставляла им пропитание, покуда и побежденные, и сами победители не превратились в стаю вопящих големов.

Другой враг был сезонным. Цыганские семьи, которые жили в каялах — длинных лодках — на канале и появлялись во время весенних и осенних ярмарок, — они всегда были подходящим противником. В особенности одна семья, регулярно возвращавшаяся к своему причалу в той части города, что звалась Иерихоном, — с ней Лира враждовала с тех пор, как научилась бросать камни. Когда они последний раз были в Оксфорде, она с Роджером и другие кухонные мальчишки из Иордана и Колледжа святого Михаила устроили им засаду: бросали грязью в их ярко раскрашенный каял, пока вся семья не погналась за ними, — тут засадный отряд во главе с Лирой налетел на лодку и столкнул ее в воду, где она встала на пути у проходящих судов. Лира со своей шайкой обшарила каял с носа до кормы в поисках затычки. Лира была убеждена в существовании такой затычки. Если ее вытащить, уверяла она товарищей, каял сразу утонет; но затычки они не нашли, и когда цыгане догнали их, вынуждены были покинуть лодку и мокрые, с радостным гиканьем бросились наутек по узким улочками Иерихона.

Таков был мир Лир и таковы ее радости. Она была грубой и жадной дикаркой — по большей части. Но всегда смутно ощущала, что это не весь ее мир, что какая-то ее часть принадлежит великолепию и ритуалу Иордан-колледжа, и где-то в ее жизни есть связь с миром высокой политики, олицетворяемой лордом Азриэлом. Хватало ей этого знания только на то, чтобы напускать на себя важность да командовать другими ребятами. Дальше ее интересы не шли.

Так и прожила она детство — словно полудикая кошка. Разнообразие в ее дни вносили только редкие наезды в Колледж лорда Азриэла. Хвастаться богатым и могущественным дядей было приятно, но за хвастовство приходилось платить: ее отлавливал самый проворный Ученый, доставлял к Экономке, где ее мыли и одевали в чистое платье, после чего вели (с многочисленными угрозами) в Общую Комнату Старших пить чай с лордом Азриэлом. Приглашалось обычно и несколько Старших Ученых. Возмущенная Лира сидела, развалившись в кресле, пока Магистр не приказывал ей сесть как подобает, и тогда она обводила их всех сердитым взглядом, так что даже Капеллан начинал смеяться.

Эти тягостные официальные визиты всегда проходили одинаково. После чая Магистр и Ученые оставляли Лиру с дядей вдвоем, а дядя велел ей подойти и рассказать, что она выучила со времени его последнего приезда. Она бормотала, припоминая какие-то обрывки из геометрии, арабского языка, истории или антарологии, а он сидел, закинув ногу на ногу, и смотрел на нее непроницаемым взглядом, пока не исчерпывался ее запас.

В прошлом году, перед экспедицией на Север, он спросил ее:

— А как ты проводишь время, свободное от усердной учебы?

Она пролепетала:

— Так, играю. Ну, около колледжа. Ну... играю, в общем.

Он сказал:

— Покажи мне руки.

Она протянула ему ладони, он взял их и повернул, чтобы посмотреть на ногти. Его деймон лежал рядом на ковре, как сфинкс; он изредка взмахивал хвостом и не мигая глядел на Лиру.

— Грязные, — сказал лорд Азриэл, оттолкнув ее руки.

— Тебя что тут, не заставляют мыться?

— Моюсь. Но у Капеллана тоже грязные ногти. Еще грязней, чем у меня.

— Он ученый человек. А у тебя какое оправдание?

— Наверно, запачкались после того, как помылась.

— Где ты играешь, чтобы так пачкаться?

Лира посмотрела на него подозрительно. Она чувствовала, что на крыше играть нельзя, хотя ей ни разу этого не сказали.

— В разных старых комнатах, — сказала она наконец.

— А где еще?

— На Глинах иногда.

— И?

— В Иерихоне или в Порт-Медоу.

— Больше нигде?

— Нет.

— Неправда. Только вчера видел тебя на крыше.

Она прикусила губу и ничего не ответила. Дядя смотрел на нее с насмешкой.

— Так значит, ты и на крыше играешь. А в Библиотеку когда-нибудь заходишь?

— Нет. А на крыше Библиотеки нашла грача.

— Нашла? Поймала его?

— Он был с больной ногой. Я хотела убить его и поджарить, а Роджер сказал, что надо вылечить. Мы давали ему всякие объедки и вино, а потом он выздоровел и улетел.

— Лира, кто такой Роджер?

— Мой друг. Мальчик с Кухни.

— Понятно. Значит, ты облазила все крыши...

— Не все. На крышу Здания Шелдон нельзя попасть, потому что туда надо прыгнуть с Башни Пилигрима. Там на крыше есть люк, но я до него не достаю.

— Итак, ты побывала на всех крышах, кроме Здания Шелдон. А в подземелье?

— В подземелье?

— У Колледжа под землей столько же помещений, сколько сверху. Удивляюсь, что ты до них не добралась. Ну, мне уже пора. Вид у тебя здоровый. На.

Он достал из кармана горсть монет и протянул ей пять золотых долларов.

— Тебя не учили говорить «спасибо»?

— Спасибо, — тихо сказала она.

— Ты слушаешься Магистра?

— Конечно.

— И с Учеными вежлива?

— Да.

Деймон лорда Азриэла тихонько засмеялся. Он впервые подал голос, и Лира покраснела.

— Ну, иди играй, — сказал лорд Азриэл.

Ли́ра повернулась и с облегчением устремилась к двери, но в последнюю секунду спохватилась и выпалила:

— До свидания.

Так проходила жизнь Ли́ры до того дня, когда она надумала спрятаться в Комнате Отдыха и впервые услышала о Пыли.

И конечно, Библиотекарь был не прав, когда сказал Магистру, что ей это не интересно. Теперь она жадно слушала бы любого, кто захотел бы рассказать ей о Пыли. В последующие месяцы Ли́ре предстояло услышать о ней очень много, и в конце концов она узнала о Пыли больше всех на свете; но пока что богатая жизнь Колледжа давала достаточно пищи ее любопытству.

Во всяком случае, ей было о чем подумать. Вот уже несколько недель по улицам полз слухок; у кого-то он вызывал смех, а кого-то приводил в задумчивость — так же, как одних людей смешат разговоры о призраках, а других пугают. По совершенно непонятной причине стали исчезать дети.

Происходило это так.

Если плыть на восток по великой водной магистрали — реке Айсис, забитой медлительными баржами с кирпичом, судами с асфальтом, мимо Хенли, Мейденхеда и Теддингтона, где уже дают себя знать приливы Германского океана, и дальше — мимо Мортлейка и дома великого мага доктора Ди, мимо Фоксхолла, где раскинулись сады отдыха, днем пестреющие флагами и радугами фонтанов, а вечером озаряемые фейерверками и гирляндами ламп на деревьях, мимо дворца Уайтхолл, где король еженедельно собирает Государственный Совет, мимо Дроболитейной Башни, без конца сеющей свинцовый дождь в чаны с мутной водой, — еще чуть дальше, и река плавной дугой повернет на юг.

Это Лаймхаус, и здесь ребенок, который исчезнет.

Его зовут Тони Макариос. Мать думает, что ему девять лет, но память у нее ослабела от пьянства; ему может быть и восемь, и десять. Фамилия у него греческая, но, как и возраст, это только материнская догадка, потому что он больше похож на китайца, чем на грека, а с материнской стороны в роду у него были ирландцы, скрелинги и ласкары. Тони не очень умный, но есть в нем какая-то неуклюжая нежность — случается, он грубо обнимет мать или вlepит ей липкий поцелуй в щеку.

Бедная женщина обычно слишком пьяна, чтобы нежничать, но если поймет, что происходит, то на ласку его откликается с благодарностью.

Сейчас Тони слоняется по рынку на Пирожной улице. Он проголодался. Ранний вечер, и дома его не накормят. В кармане у Тони шиллинг — солдат ему дал за то, что он отнес записку его возлюбленной, — но зачем тратить деньги на еду, если можно добыть ее даром?

И вот он бродит по рынку, между киосками со старой одеждой и киосками гадалок, среди торговцев овощами и жареной рыбой, а на плече у него маленький деймон, воробей, — крутит головкой туда и сюда и, увидев, что хозяйка киоска и ее деймон, кошка, отвернулись, коротко чирикает. Рука Тони цапает яблоко, или два-три ореха, или даже горячий пирожок и мгновенно прячет под свободную рубашку.

Хозяйка киоска увидела это и кричит, ее деймон-кошка прыгает, но воробей Тони уже в воздухе, а сам Тони убегает по улице. Вдогонку ему летят проклятия, но недалеко. Он останавливается перед церковью Святой Екатерины, садится на ступеньку и вынимает из-за пазухи свой горячий помятый трофей, оставив на рубашке след от подливки. Пятью ступеньками выше, в дверях церкви стоит дама в длинной рыжей лисьей шубе, красивая молодая дама с темными волосами, блестящими в тени мехового капюшона. Возможно, служба только что кончилась: дверь позади нее освещена, внутри играет орган, в руках у дамы требник, инкрустированный драгоценными камнями.

Ничего этого Тони не знает. Он поглощен пирогом, босые ноги его с подогнутыми пальцами сдвинуты, он жует и глотает, а его деймон, превратившись в мышь, разглаживает усики.

Из-за лисьей шубы появляется деймон молодой дамы. У него вид обезьяны, но не обыкновенной обезьяны: у него длинный шелковистый мех яркого золотого цвета. Изгибаясь всем телом, он спускается по ступенькам и садится прямо над мальчиком.

Тут мышь, почувствовав что-то, снова превращается в воробья и, наклонив голову набок, отпрыгивает в сторону.

Обезьяна наблюдает за воробьем; воробей смотрит на обезьяну.

Обезьяна медленно протягивает руку. Ладонка у нее черная с аккуратными коготками, движения мягкие и располагающие. Воробей не в силах противиться. Он подпрыгивает ближе, ближе и, наконец, взмахнув крылышками, садится на ладонь обезьяны.

Обезьяна поднимает ладонь, смотрит на него пристально, а потом встает и возвращается к даме, вместе с деймоном-воробьем. Дама наклоняет надушенную голову и что-то шепчет.

И тогда Тони поворачивается. Что-то заставляет его повернуться.

— Крысолов! — несколько встревожившись, произносит он с полным ртом. Воробей чирикает. Ничего страшного. Тони проглатывает кусок и смотрит.

— Здравствуй, — говорит красивая дама.

— Как тебя зовут?

— Тони.

— Где ты живешь, Тони?

— В переулке Кларисы.

— С чем пирог?

— С бифштексом.

— Ты любишь шоколатл?

— Ага!

— Знаешь, у меня столько шоколатла, что я одна не могу выпить. Не хочешь ли пойти со мной и помочь?

Он уже пропал. Он пропал в тот миг, когда его недалекий деймон вскочил на руку к обезьяне. Он идет за красивой молодой дамой и золотой обезьяной по Датской улице, к Пристани Палача, и вниз по Лестнице короля Георга к зеленой дверце в стене высокого склада. Дама постучалась, дверь открылась, они входят, дверь закрывается. Тони отсюда не выйдет — по крайней мере, через эту дверь — и никогда больше не увидит мать. Несчастная пьяница, она будет думать, что он сбежал, и, когда вспомнит его, будет думать, что это ее вина, и будет плакать горькими слезами.

Маленький Тони Макариос был не единственным ребенком, попавшим в плен к даме с золотой обезьяной. В подвале склада он увидел еще десяток ребят, мальчиков и девочек, не старше лет двенадцати — хотя происхождения они были примерно такого же, и своего возраста никто из них точно не знал. Тони, конечно, было невдомек, что у всех у них есть одно общее. Никто из детей в этом теплом сыром подвале еще не достиг возраста половой зрелости.

Добрая дама усадила его на скамью возле стены, и молчаливая служанка налила ему из кастрюли, стоявшей на плите, кружку шоколатла. Тони доел свой пирог и выпил горячий сладкий напиток, не обращая внимания на окружающих. Окружающие тоже не особенно им заинтересовались: он был слишком мал и не представлял опасности и слишком вял, чтобы стать интересной добычей для забияк.

Напрашивался один вопрос, и его задал какой-то мальчик.

— Леди, зачем вы нас сюда привели?

Это был хулиганистого вида оборвыш с деймоном — черной крысой и следом от шоколатла на верхней губе. Дама стояла в дверях, разговаривая с толстым человеком, похожим на морского капитана. Когда она повернулась, чтобы ответить, лицо ее при свете шипящей гарной лампы показалось таким ангельским, что они смолкли.

— Нам нужна ваша помощь, — сказала она.

— Вы ведь не откажетесь нам помочь?

Ребята не проронили ни звука, только смотрели на нее, вдруг оробев. Они никогда не видели такой женщины — такой благородной и милой, что даже находиться рядом с ней казалось невероятным везением, и они согласны были на все, о чем бы она ни попросила.

Она сказала им, что они отправляются в путешествие. Их тепло оденут и будут хорошо кормить, а кто хочет, может написать своим родителям и сообщить, что они в безопасном месте. Капитан Магнуссон очень скоро возьмет их на свое судно, и, когда будет прилив, они выйдут в море и возьмут курс на Север.

Потом те, кто хотел написать домой, сели вокруг красивой дамы, а она написала несколько строк под их диктовку, дала им поставить корявый крестик вместо подписи, положила письма в надушенные конверты и написала адреса, которые они продиктовали. Тони тоже не отказался бы написать матери, но насчет ее умения читать у него не было иллюзий. Он дернул даму за лисий рукав и шепотом попросил передать маме, куда он отправляется и вообще, а она наклонила доброе лицо к его дурно пахнущему маленькому телу, чтобы лучше слышать, погладила его по голове и обещала передать его слова.

Потом дети сбились в кучку и стали прощаться с ней. Золотая обезьяна погладила всех их деймонов, а сами они потрогали лисий мех — для удачи или, может быть, надеясь позаимствовать доброты и силы у красивой дамы. Она пожелала им счастливого пути и на пирсе, где их ждал паровой катер, передала бравому капитану. Небо уже стало

темным, и в реке отражалась масса зыбких огней. Дама стояла на пирсе и махала рукой, пока их лица не растаяли в темноте.

Потом она вернулась на склад, неся у груди золотую обезьяну, бросила связочку писем в топку и вышла тем же путем, которым пришла.

Трущобных детей заманить было нетрудно, но люди стали замечать их исчезновение, и в конце концов к делу неохотно подключилась полиция. На время таинственные исчезновения прекратились. Но слух уже родился, он ширился и обрастал деталями, а чуть позже, когда исчезло несколько детей в Норидже, потом в Шеффилде, потом в Манчестере, люди там, слышавшие об исчезновениях в других местах, добавили свои подробности, сообщили истории новые краски.

Так родилась легенда о таинственной шайке чародеев, которая похищает детей. Одни говорили, что во главе ее красивая дама, другие — что высокий мужчина с красными глазами, а третьи рассказывали о юноше, который смеется и поет своим жертвам, и они идут за ним, как овцы.

О том, куда забирают детей, все говорили разное. Одни утверждали, что в ад, под землю, в Волшебную страну. Другие — что их держат на ферме и откармливают на мясо. Третьи, будто детей продают в рабство богатым тартарам... И так далее.

Единственное, на чем сходились все, — на имени этих невидимых похитителей. Куда же без имени? Иначе как о них вообще говорить, — а говорить о них, особенно если ты сидишь себе спокойно дома или в Иордан-колледже, — было наслаждением. А имя, само к ним приклеившееся, непонятно даже почему, было «Жрецы».

— Поздно не гуляй, а то Жрецы тебя заберут!

— У моей родственницы в Нортгемптоне есть знакомая, у которой мальчика увели Жрецы...

Жрецы были в Стратфорде. Говорят, они двигаются на юг! И конечно:

— Давай играть в детей и Жрецов!

Так сказала Лира Роджеру, кухонному мальчику из Иордан-колледжа. Он пошел бы за ней на край света.

— А как в них играть?

— Ты прячешься, а я тебя нахожу и разрезаю сверху донизу, как Жрецы.

— Почем ты знаешь, что они делают? Может, и не режут.

— Ты их боишься, — сказала она.

— Я вижу.

— Не боюсь. Я вообще в них не верю.

— А я верю, — решительно сказала она.

— Но тоже не боюсь. Я сделаю, как мой дядя сделал последний раз, когда приезжал в Иордан. Сама видела. Он сидел в Комнате Отдыха, а там был один гость невежливый, а мой дядя только посмотрел на него в упор, и тот свалился замертво, только пена изо рта пошла.

— Выдумываешь, — с сомнением сказал Роджер.

— На кухне ничего про это не говорили. И вообще тебе в эту комнату нельзя.

— Ясное дело. Слугам они про такое не говорят. А я была в Комнате Отдыха, вот. В общем, дядя всегда так делает. С тартарами так сделал один раз, когда они его поймали. Они его связали и хотели вырезать кишки, но, когда первый подошел с ножом, дядя только посмотрел на него и он упал замертво, тогда второй подошел, и он с ним так же. Потом только один остался. Дядя сказал, что оставит его в живых, если он его развяжет, — он развязал, а дядя все равно его убил, чтобы знал в другой раз.

Роджеру верилось в это еще меньше, чем в Жрецов, но уж больно хороша была история, и они по очереди стали изображать лорда Азриэла и издыхающих тартар, в качестве пены используя шербет.

Но это было так, развлечение; Лира все же настояла на игре в Жрецов и увлекла Роджера в винные погреба Колледжа, куда они проникли с помощью запасных ключей Дворецкого. Они брели по громадным подвалам, где, затянутое вековой паутиной, хранилось токайское, канарское, бургундское и брантвейн Колледжа. Ввысь уходили древние каменные арки, подпираемые столбами толщиной в десять деревьев, пол был вымощен неровными каменными плитами, а по сторонам, полка за полкой, ряд за рядом, лежали бутылки и бочки. Это было увлекательно. На время забыв про Жрецов, они прошли на цыпочках из конца в конец, держа свечи в дрожащих пальцах, заглядывая в каждый темный уголок, и Лиру все сильнее разбирало любопытство: каково вино на вкус?

Выяснить это было несложно. Несмотря на горячие протесты Роджера, Лира выбрала самую старую, самую неровную, самую зеленую бутылку вина и, поскольку вытащить пробку было нечем, отбила горлышко. Они присели в дальнем углу и принялись пить густую багровую жидкость — только непонятно было, когда они опьянеют и как поймут, что опьянели. Вкус Лире не особенно понравился, но она вынуждена была признать, что он замечательный и сложный. Смешнее всего было смотреть на обоих деймонов, постепенно балдевших: они падали, бессмысленно хихикали, принимали разный вид, все больше уподобляясь горгульям и стараясь перещеголять друг друга в уродстве.

Наконец, и почти одновременно, дети поняли, что такое опьянение.

— Неужели им это нравится? — просипел Роджер после того, как его обильно вырвало.

— Да, — сказала Лира, последовав его примеру. И упрямо добавила:

— И мне нравится.

Из этого приключения Лира не вынесла ничего, кроме мысли, что, если играть в Жрецов, попадаешь в интересные места. Она вспомнила последний разговор с дядей и стала обследовать подземелье — потому что над землей располагалась лишь небольшая часть Колледжа. Словно огромный гриб, чья грибница пронизывает гектары и гектары земли, Иордан (теснимый на поверхности Колледжем Святого Михаила с одной стороны, Гавриила с другой и Университетской Библиотекой сзади) начал еще в Средние века расти под землю. Туннели и шахты, подвалы, погреба, лестницы настолько издырявили землю под самим Иорданом и на несколько сот метров вокруг, что воздуху там было чуть ли не больше, чем на поверхности; Иордан-колледж стоял на чем-то вроде каменной губки.

Лира вошла во вкус этих исследований, забросила свои горные уголья на крышах Колледжа и погрузилась с Роджером в подземный мир. Вместо игры в Жрецов началась охота за ними — где им еще прятаться от глаз людских, как не в преисподней?

И вот однажды они с Роджером добрались до крипты под Капеллой. Тут во все века хоронили Магистров, каждый в своем свинцовом гробу занимал отдельную нишу в каменных стенах. Снизу на каменных дощечках высечены были их имена:

Саймон Леклер, Магистр 1765–1789 Церебатон

Requiescat in pace

— Что это значит? — спросил Роджер.

— Первая часть — это его имя, а в конце — по-римски. Посередине — годы, когда он был Магистром. А еще одно имя — наверное, его деймон.

Они шли дальше под безмолвными сводами и читали надписи:

Фрэнсис Лайелл, Магистр 1748–1765 Зохариэль

Requiescat in pace

Игнатиус Коул, Магистр 1745–1748 Муска

Requiescat in pace

На каждом гробу, заметила Лира, была медная табличка с изображением какого-нибудь существа: где — василиска, где — красивой женщины, где — змеи, где — обезьяны. Она догадалась, что это изображение деймона покойного. Когда люди становятся взрослыми, их деймоны теряют способность меняться и принимают один, постоянный, вид.

— А в гробах-то скелеты! — прошептал Роджер.

— Истлевшая плоть, — шепотом отозвалась Лира.

— А в глазницах копошатся черви и личинки.

— Тут и призраки, наверно, водятся, — сказал Роджер, поеживаясь от удовольствия.

За первой усыпальницей они нашли проход, вдоль которого тянулись каменные полки. Каждая полка была разделена на квадратные отсеки, и в каждом лежал череп.

Деймон Роджера поджал хвост, прижался к нему, дрожа, и тихо завыл.

— Тсс, — сказал Роджер.

Пантелеймона Лира не видела, но знала, что мотылек сидит у нее на плече и, наверное, тоже дрожит.

Она протянула руку и осторожно сняла с полки ближайший череп.

— Что ты делаешь? — сказал Роджер.

— Их не положено трогать!

Не обратив внимания на его слова, Лира вертела череп в руках. Вдруг что-то выпало из дыры в основании черепа — выпало у нее между пальцев и упало на пол, и Лира от неожиданности чуть не уронила череп.

— Монета! — шаря по полу, сказал Роджер.

— Может быть, клад!

Он поднес монету к свече, и оба уставились на нее изумленным взглядом. Это была не монета, а маленький бронзовый диск с грубо вырезанным изображением кошки.

— На гробах похожие, — сказала Лира.

— Это его деймон. Наверняка.

— Положи лучше обратно, — с опаской сказал Роджер, и Лира перевернула череп, бросила диск в его вечное хранилище, после чего поставила череп на полку. В остальных черепах тоже оказались монеты с деймонами: прижизненный спутник покойного не расставался с ним и здесь.

— Как думаешь, кто они были, когда были живыми? — сказала Лира.

— Ученые, наверно. Гробы только у Магистров. Ученых, наверно, было так много за столько веков, что места не хватит хоронить их целиком. Видно, отрезают головы и только их хранят. Все-таки это у них главная часть.

Жрецов они не нашли, но дел в катакомбах под Капеллой хватило им на несколько дней. Однажды Лира решила сыграть шутку с мертвыми Учеными, поменяв монеты в их черепах, так что они остались не со своими деймонами. Пантелеймон так разволновался при этом, что превратился в летучую мышь и стал носиться вверх и вниз с пронзительными криками, хлопая крыльями ее по лицу; но она не обращала внимания — уж очень удачная была шутка. Правда, позже за это пришлось поплатиться. Когда она спала в своей узкой комнатке наверху Двенадцатой Лестницы, к ней явилась ночная жуть, и, проснувшись с криком, она увидела возле кровати три фигуры в балахонах. Они показывали на нее костлявыми пальцами, а потом откинули капюшоны, обнажив кровавые пеньки на месте голов. И только когда Пантелеймон превратился в льва, они отступили и стали сливаться со стеной, так что вначале снаружи оставались только их руки целиком, потом ороговелые желто-серые кисти, потом дрожащие пальцы, и наконец ничего. С утра она первым делом бросилась в катакомбы, чтобы вернуть монеты с деймонами на свои места, и прошептала черепахам: «Извините!»

Катакомбы были намного больше винных подвалов, но тоже не бесконечны. Когда Лира и Роджер исследовали каждый их уголок и выяснили, что Жрецов здесь не найти, они решили заняться другими местами — но при выходе из крипты замечены были Предстоятелем и приглашены в Капеллу.

Предстоятель был пухлый пожилой человек, и звали его отец Хейст. Он совершал в Колледже все службы, читал проповеди и молитвы и исповедовал. Когда Лира была моложе, он хотел позаботиться о ее духовном развитии, но был сбит с толку ее уклончивостью, равнодушием и неискренними покаяниями. В духовном отношении она глуха, решил он.

Услышав его оклик, Лира и Роджер неохотно повернули и поплелись в большую, затхлую, сумрачную Капеллу. Там и сям перед изображениями святых колебались огоньки свечей, с хоров доносился слабый стук — там что-то чинили; служба надраивал медный аналой. Отец Хейст поманил их из дверей лестницы.

— Где вы были? — спросил он.

— Я уже не в первый раз вас тут вижу. Что вы придумали?

В голосе его не было суровости. Казалось, что ему это в самом деле интересно. Его деймон-ящерица сидел у него на плече и выбрасывал в их сторону длинный язычок. Лира сказала:

— Мы хотели посмотреть в крипте.

— Что посмотреть?

— Ну... гробы. Мы хотели посмотреть все гробы.

— Зачем?

Она пожала плечами. Таков был ее обычный ответ, когда на нее нажимали.

— А ты, — продолжал он, обратившись к Роджеру. Деймон Роджера, терьер, подобострастно завилял хвостиком.

— Как тебя зовут?

— Роджером, отец.

— Если ты слуга, то где работаешь?

— В Кухне, отец.

— Так сейчас тебе и надо там быть, наверное?

— Да, отец.

— Тогда ступай.

Роджер повернулся и убежал. Лира возила ногой по полу.

— Что до тебя, Лира, — сказал отец Хейст, — я рад, что ты интересуешься Капеллой. Тебе повезло, дитя, что ты живешь в таком историческом месте.

— Угу, — отозвалась Лира.

— Но меня удивляет твой выбор товарищей. Ты чувствуешь себя одинокой?

— Нет.

— Тебе... Тебе не хватает общества других детей?

— Нет.

— Я не имею в виду кухонного мальчика Роджера. Я имею в виду таких детей, как ты. Благородно рожденных. Ты хотела бы такую компанию?

— Нет.

— Или, скажем, других девочек...

— Нет.

— Понимаешь, никто из нас не хочет лишить тебя обычных детских радостей и развлечений. Иногда мне кажется, что тебе должно быть одиноко среди пожилых Ученых. Ты это ощущаешь?

— Нет.

Он сплел пальцы рук и постукивал сверху большими пальцами, не зная, о чем еще спросить этого упрямого ребенка.

— Если тебя что-то огорчит, — проговорил он наконец, — знай, что ты всегда можешь прийти ко мне и рассказать. Надеюсь, ты знаешь, что всегда можешь прийти.

— Да, — сказала она.

— Ты молишься?

— Да.

— Хорошая девочка. Ну, беги.

Едва сдержав вздох облегчения, она повернулась и ушла. Жрецов под землей не оказалось, и Лира снова вышла на улицы. Тут она чувствовала себя как дома.

А потом, когда она почти потеряла к Жрецам интерес, они появились в Оксфорде.

Впервые Лира услышала об этом, когда пропал мальчик из знакомой цыганской семьи.

Случилось это во время Конской ярмарки, и гавань на канале была заполнена длинными лодками с торговцами и путешественниками, а набережные Иерихона пестрели яркими сбруями, оглашались стуком копыт и гомоном торжища. Лира всегда радовалась Конской ярмарке: иногда удавалось прокатиться на лошади, за которой плохо присматривали, и было сколько угодно возможностей затеять войну.

А в этом году у нее был грандиозный план. Вдохновленная прошлогодним захватом каяла, на этот раз она намеревалась вволю наплаваться со своими друзьями из кухни. Она может доплыть до самого Абингтона и устроить хороший тарарам на...

Но в этом году войны не получилось. Когда она и еще двое мальчишек прогуливались под утренним солнцем вдоль верфи в Порт-Медоу, передавая друг другу украденную сигарету и важно пуская дым, раздался знакомый оглушительный крик:

— Ты что с ним сделал, дубина стоеросовая?

Это был могучий голос, голос женщины, но женщины с луженой глоткой и медными легкими. Лира сразу стала искать ее взглядом, потому что это была Ма Коста, которая два раза огрела Лиру по голове так, что зазвенело в ушах, зато три раза угощала ее печеньем. Семья ее была знаменита роскошью и великолепием своего каяла. Они были князьями среди цыган, и Лира восхищалась Ма Костой, но пока решила держаться подальше, потому что это ее лодку угнала в прошлом году.

Дружок Леры, услышав крик, без долгих раздумий схватил камень, но Лира сказала:

— Не вздумай. Она рассержена. Переломит тебе хребет, как прут.

На самом деле Ма Коста была не столько сердита, сколько встревожена. Человек, к которому она обращалась, лошадиник, пожимал плечами и разводил руками.

— Да не знаю, — говорил он.

— Только что был здесь — и уже нет. Я и не видел, куда он делся...

— Он тебе помогал! Лошадей твоих чертовых держал!

— Так и должен был тут стоять. Сбежал, бросил работу...

Договорить он не успел, потому что Ма Коста нанесла ему мощный удар по скуле, за которым последовал такой залп ругательств и оплеух, что он завопил и бросился наутек. Лошадиники по соседству засмеялись, а пугливый жеребенок вскинулся на дыбы.

— Что происходит? — спросила Лира цыганенка, который наблюдал за этим разинув рот.

— Чего она разозлилась?

— Из-за сына, — ответил ребенок.

— Из-за Билли. Думает, наверно, что его Жрецы забрали. Они могли. Я его не видел с...

— Жрецы? Так они и в Оксфорд пришли? Цыганенок окликнул друзей, тоже наблюдавших за Ма Костой.

— Она не знает, что тут делается! Она не знает, что Жрецы пришли!

Пяток сопляков воззрился на нее насмешливо, и Лира бросила сигарету, восприняв это как сигнал к драке. Все деймоны мгновенно приобрели воинственный вид — обзавелись кто клыками, кто когтями, кто вздыбленной шерстью, а Пантелеймон, презирая скудное воображение этих цыганских деймонов, принял вид дракона величиной с борзую.

Но бой не успел начаться: в гущу ворвалась Ма Коста, отшвырнув с пути двух цыганят, и встала перед Лирой, как боксер.

— Ты его видела? Ты видела Билли?

— Нет, — сказала Лира.

— Мы только пришли. Я его сколько месяцев не видела.

Деймон Ма Косты, ястреб, кружил в ясном небе над ее головой и немигающими желтыми глазами яростно озираал окрестность. Лира испугалась. Никто не волнуется, если ребенка несколько часов нет, тем более цыганского ребенка: в сплоченном плавучем мире цыган все дети драгоценны и бесконечно любимы, и мать знает, что, если ребенок пропал из виду, поблизости от него будет кто-то другой и защитит его не раздумывая.

Но вот Ма Коста, королева среди цыган, в ужасе от того, что исчез ее ребенок. Что же это делается?

Ма Коста окинула невидящим взглядом кучку ребят и пошла прочь сквозь толпу на набережной, громогласно призывая сына. Ребята повернулись друг к другу, позабыв вражду перед лицом материнского горя.

— Кто такие эти Жрецы? — спросил приятель Леры Саймон Парслоу.

Первый цыганенок ответил:

— Не знаешь, что ли? Они по всей стране воруют детей. Они пираты...

— Не пираты, — поправил другой, — они Ганнибалы. Поэтому их и зовут Жрецами.

— Они едят детей? — спросил другой ее приятель Хью Ловат, кухонный мальчик из Колледжа Святого Михаила.

— Никто не знает, — сказал первый цыганенок.

— Они их забирают, и больше их никто не видит.

— Все это мы знаем, — сказала Лира.

— Мы уже сколько месяцев играем в детей и Жрецов, еще до вас. Спорить могу, их никто не видел.

— Видели, — сказал один мальчик.

— Кто же? — прицепилась Лира.

— Ты их видел? Почему ты знаешь, что там не один человек?

— Чарли видел их в Банбери, — сказала цыганская девочка.

— Они подошли и заговорили с женщиной, а другой человек утащил ее маленького сына из сада.

— Ага, — пропищал цыганенок Чарли.

— Я сам видел!

— Как они выглядят? — спросила Лира.

— Ну... я их не совсем видел, — сказал Чарли.

— Зато видел их грузовик. Они приехали на белом грузовике. Засунули мальчика в грузовик и быстро уехали.

— Почему их зовут Жрецами? — спросила Лира.

— Потому что они их жрут, — сказал первый цыганенок.

— Нам говорили в Нортгемптоне. Они там тоже были. Девчонка в Нортгемптоне, у ней увели брата, и она говорит, человек, который забрал его, сказал, что его съедят. Это все знают. Они их жрут.

Цыганская девочка, стоявшая рядом, громко заплакала.

— Двоюродная сестра Билли, — сказал Чарли. Лира спросила:

— Кто последний видел Билли?

— Я, — откликнулось полдюжины голосов.

— Я видел, когда он держал старую лошадь Джонни Фьорелли... Я видел его возле продавца пастилы... Я видел, когда он качался на кране...

Сопоставив свидетельства, Лира решила, что в последний раз Билли видели не больше чем два часа назад.

— Значит, за эти два часа тут побывали Жрецы... — сказала она.

Они оглядывались вокруг и ежились, несмотря на то, что грело солнце, и набережная была запружена народом, и запахи стояли привычные — смолы, лошадей, курительного листа. Беда в том, что никто не знал, как эти Жрецы выглядят, и, по словам Лире, которая определенно главенствовала теперь над всей перепуганной компанией — и колледжских, и цыганских, — Жрецом мог оказаться каждый, любой.

— Они должны выглядеть как обыкновенные люди, иначе бы их сразу увидели, — объяснила она.

— Если бы они только ночью приходили, тогда могли выглядеть как угодно. Но раз приходят днем, должны выглядеть обыкновенно. Так что кто угодно из этих людей может оказаться Жрецом...

— Нет, — неуверенно возразил цыганенок.

— Я их всех знаю.

— Ну, не эти, значит, кто-нибудь еще, — сказала Лира.

— Пошли их искать! И белый грузовик!

Стала собираться стая. К первым следопытам присоединялись новые, и в скором времени тридцать с лишним цыганских детей носились взад и вперед по набережной, забегали в конюшни, карабкались на краны у причалов, прыгали за изгородь широкого луга, взбегали по пятнадцать человек разом на старый разводной мост над зеленой водой и опрометью неслись по узким улочкам Иерихона, между маленьких кирпичных домов с террасами к огромной квадратной башне — Часовне Святого Варнавы Фармацевта. Половина из них не знала, чего ищет, и думала, что это просто игра, но Лира и ее приятели испытывали настоящий страх всякий раз, когда замечали одинокую фигуру в переулке или полутемной Часовне — Жрец?

Но Жрецов, конечно, не было. В конце концов безуспешность поисков и настоящая тревога за пропавшего Билли погасили всякое веселье. Близилось время ужина, и, когда Лира и двое колледжских мальчиков уходили из Иерихона, они увидели, что на пристани, там, где стояла лодка семьи Коста, собираются цыгане. Некоторые женщины громко плакали, а рассерженные мужчины стояли кучками, и деймоны их взволнованно летали над головами или рычали на каждую тень.

— Сюда Жрецы не посмеют прийти, спору, — сказала Лира Саймону Парслоу, переступив порог величественной Ложи Иордан-колледжа.

— Да, — неуверенно согласился он.

— Но я знаю, что и с рынка исчез ребенок.

— Кто?

— Лира знала почти всех ребят с рынка, но об этом не слышала.

— Джесси Рейнольдс, из шорной. Вчера, когда закрывались, ее не было, а вышла только за рыбой для отца. И не вернулась, и никто ее не видел. Весь рынок обыскали и все вокруг.

— Даже не слыхала об этом! — с негодованием сказала Лира. Она считала досадным упущением со стороны своих подданных, если они не рассказывали ей обо всем и сразу.

— Ну, это вчера было. Может, она уже нашлась.

— Пойду узнаю, — сказала Лира и повернулась к выходу.

Но не успела дойти до ворот, как ее окликнул Швейцар.

— Слушай, Лира! Сегодня вечером тебе нельзя уходить. Распоряжение Магистра.

— Почему нельзя?

— Говорю тебе, распоряжение Магистра. Он сказал: когда придешь, больше не уходи.

— Догоняй, — сказала она и выскочила вон раньше, чем старик успел шагнуть за дверь.

Она перебежала узкую улочку и углубилась в проулок, где фургоны разгружали товар для Крытого рынка. Торговля уже кончалась, и фургонов было мало, но у центральных ворот напротив высокой каменной стены Колледжа святого Михаила курили и разговаривали несколько молодых людей. Одного из них, шестнадцатилетнего парня, Лира знала и восхищалась им, потому что он мог плюнуть дальше любого человека — неслыханно далеко. Она подошла и смиренно дожидалась, когда он ее заметит.

— Ну? Что тебе надо? — сказал он наконец.

— Джесси Рейнольдс пропала?

— Да. А что?

— Потому что цыганенок сегодня пропал.

— Они всегда пропадают, цыгане. После каждой Конской ярмарки пропадают.

— И лошади тоже, — добавил один из его друзей.

— Тут другое, — сказала Лира.

— Это ребенок. Мы до вечера его искали, а другие ребята говорят, что его забрали Жрецы.

— Кто?

— Жрецы, — сказала она.

— Ты про Жрецов не слышал?

Для остальных парней это тоже было новостью, и после нескольких грубых высказываний они внимательно выслушали ее рассказ.

— Жрецы, — сказал знакомый Лира, которого звали Диком.

— Глупости. У этих цыган полно всяких дурацких идей.

— Они говорят, две недели назад Жрецы были в Банбери, — настаивала Лира, — и забрали пять ребят. А теперь, наверное, пришли в Оксфорд и наших забирают. Наверное, это они похитили Джесси.

— В Каули пропал ребенок, — сказал один из парней.

— Я вспомнил. Моя тетка была там вчера, она продает рыбу и чипсы из фургона, она слышала об этом... Какой-то маленький мальчик... Но насчет Жрецов не знаю. Выдумка это. Нет никаких Жрецов.

— Есть! — сказала Лира.

— Цыгане их видели. Они думают, что они ловят детей и едят... и...

Она осеклась, потому что в голову ей внезапно пришла другая мысль. В тот странный вечер, когда она пряталась в Комнате Отдыха, лорд Азриэл показал снимок человека, поднявшего волшебную палочку, к которой устремлялись потоки света; а рядом с ним была фигурка поменьше, не притягивавшая света; он сказал, что это ребенок, и кто-то спросил, поврежденный ли это ребенок, а дядя ответил: нет, в том-то все и дело. Лира сообразила, что «поврежденный» означало «разрезанный».

И тут ее кольнуло в сердце: где Роджер?

Она не видела его с утра...

Ей вдруг стало страшно. Пантелеймон, миниатюрный лев, вспрыгнул ей на руки и зарычал. Она попрощалась с ребятами у ворот, тихо вышла на Тёрл-стрит, а потом со всех ног бросилась к Ложе Иордана и влетела в дверь на секунду раньше Пантелеймона, принявшего вид гепарда.

— Я вынужден был позвонить Магистру и доложить о тебе, — сказал ей Швейцар с видом святоши.

— Он очень недоволен. Ни за какие деньги не захотел бы я оказаться на твоём месте.

— Где Роджер? — спросила она.

— Я его не видел. Ему тоже достанется. О-о, когда мистер Коусон его поймаёт...

Ли́ра кину́лась на Ку́хню, где в жаре и пару, гре́мя посу́дой, суе́тились лю́ди.

— Где Роджер? — крикнула она.

— Уйди отсюда, Ли́ра! Не до тебя!

— Где он? Он появился или нет? Никого это, оказалось, не интересовало.

— Да где он? Вы ведь должны знать! — крикнула Ли́ра ше́ф-повару и, получи́в оплеуху, бро́силась к д́вери. Конди́тер Берни пы́тался ее утихоми́рить, но она была́ безутешна́.

— Они украли его! Проклятые Жрецы, их надо поймать и всех поубивать! Ненавижу их! Вам плевать на Роджера...

— Ли́ра, мы все заботимся о Роджере...

— Неправда, вы бы сразу бросили работу и пошли его искать! Ненавижу вас!

— Мало ли почему он не появился. Будь же разумной. Нам надо приготовить ужин и подать меньше чем через час: Магистр принимает в своем доме гостей, ужин будет там, а это значит, что ше́ф обяза́н достави́ть туда́ ужин бы́стро, чтобы́ не остыл. И как бы там ни было, Ли́ра, жизнь должна продолжаться. Я уверен, что Роджер объявится...

Ли́ра вы́бежала из ку́хни, опрокину́в стопку сере́бряных кры́шек для блю́д и не обра́щая внима́ния на гневные крики. Она промчалась вниз по ступенькам, через Квадратный Двор, между Церковью и Башней Пилигрима и во двор Яксли, окруженный самыми старыми зданиями Колледжа.

Пантелеймон бежал перед ней в виде маленького гепарда, и они взлетели по лестнице на самый верх, где была спальня Лиры. Ли́ра распахнула дверь, подтащи́ла к окну́ свое́ дряхлое кресло́, откры́ла окно́ и выбра́лась нару́жу. Под окном проходил выложенный свинцом каменный сток шириной сантиметров в тридцать, она встала на него, поверну́лась и вскарабка́лась по шершавой черепице на самый гребень крыши. Там она раскры́ла рот и закричала́ что е́сть си́лы. Пантелеймон, на крыше всегда превращавшийся в птицу, летал вокруг и кричал вместе с ней, как грач.

Вечернее небо окрасилось персиковыми, абрикосовыми, кремовыми тонами; на их фоне кучками мороженого белели облака. Вокруг, вровень с крышей, поднимались шпили и башни Оксфорда, слева и справа — с востока и с запада — зеленели леса Шато-Вер и Белого Села. Где-то

кричали грачи, звонили колокола, и ровный рокот двигателя со стороны Окспенса возвещал об отбытии в Лондон дирижабля с вечерней Королевской Почтой. Он поднялся за Церковью Святого Михаила — сначала величиной с сустав мизинца, если держать его на расстоянии вытянутой руки, а потом становился все меньше, меньше, пока не сделался точкой в перламутровом небе. Лира посмотрела вниз на сумеречный двор, где по двое и поодиночке двигались фигуры в черных мантиях — то Ученые стекались к Столовой, а их деймоны шагали или порхали рядом или сидели на плечах. Постепенно освещался Зал, загорались его цветные стекла — это слуга ходил вдоль столов и зажигал гарные лампы. Зазвонил колокол Стюарда — полчаса до ужина. Это был ее мир. Она хотела, чтобы он остался таким на веки вечные, но он менялся: кто-то там похищал детей. Она сидела на гребне крыши, подперев подбородок руками.

— Надо выручать его, Пантелеймон, — сказала она. Он ответил ей грачиным голосом с дымохода:

— Это будет опасно.

— Конечно! Я знаю.

— Вспомни, что они говорили в Комнате Отдыха.

— Что?

— Что-то насчет ребенка в Арктике. Который не притягивал Пыли.

— Они сказали, это был целый ребенок... Как понять?

— Может быть, что-то такое сделают с Роджером, цыганятами и другими детьми.

— Что?

— Ну, а что значит целый?

— Не знаю. Может, их режут напополам. Думаю, они превращают их в рабов. В этом больше смысла. Может, у них там шахты. Урановые шахты для атомных машин. Скорее всего, так. А если спускать в шахту взрослых, они умирают, вот и отправляют детей, потому что они стоят дешевле. Наверно, и с ним так сделают.

— Я думаю...

Но что думает Пантелеймон, услышать не удалось, потому что снизу кто-то закричал:

— Лира! Лира! Немедленно спускайся! Застучали по раме окна. Лира узнала и голос, и эту нетерпеливость: миссис Лонсдейл, Экономка. От нее не укроешься.

Лира с недовольным лицом съехала по крыше в водосток и оттуда влезла в открытое окно. Под стоны и хрипение труб миссис Лонсдейл налиwała воду в обколотую раковину.

— Сколько раз тебе говорили не лазить туда... Посмотри на себя! Посмотри на юбку — грязная! Снимай сейчас же и мойся, пока я ищу что-нибудь приличное и не рваное. Почему ты не можешь ходить чистой и опрятной?..

Лира была так сердита, что даже не спросила, зачем ей мыться и переодеваться, — а сами взрослые своих приказов не объясняют. Она стянула через голову платье, бросила его на узкую кровать и начала кое-как умываться, а Пантелеймон, принявший вид канарейки, подпрыгивал все ближе к деймону миссис Лонсдейл, флегматичной легавой, тщетно пытаясь ее раздражить.

— Посмотри, в каком состоянии твоя одежда! Ты неделями ничего не вешаешь! Посмотри, как замялось твое...

Посмотри на то, посмотри на это... Лира не хотела смотреть. Она зажмурила глаза и терла лицо тонким полотенцем.

— Придется надеть как есть. Гладить уже некогда. Господи, девочка, а колени — посмотри, в каком виде у тебя колени.

— Не хочу я ни на что смотреть, — пробормотала Лира.

Миссис Лонсдейл шлепнула ее по ноге.

— Мой, — свирепо сказала она.

— Сейчас же смыть всю эту грязь.

— Зачем? — наконец сказала Лира.

— Я никогда колени не мою. Кому надо смотреть на мои колени? Зачем вообще все это? И вам до Роджера дела нет, как шефу. Я одна о нем...

Еще шлепок, по другой ноге.

— Довольно вздора. Я тоже Парслоу, как и отец Роджера. Он мой троюродный брат. Ты, конечно, этого не знала, потому что никогда не спрашивала, мисс Лира. Тебе и в голову не приходило. И не упрекай

меня за безразличие к мальчику. Видит бог, я даже о тебе забочусь, хотя ни причин особых для этого нет, ни благодарности я не вижу.

Она схватила кусок фланели и с такой силой растерла колени, что стало больно и покраснела кожа, но грязь сошла.

— А надо это затем, что сегодня ты ужинаешь с Магистром и его гостями. Надеюсь, ты будешь вести себя как следует. Говори, только когда к тебе обращаются, будь спокойной и вежливой, мило улыбайся и не вздумай отвечать «не знаю», когда тебе задают вопрос.

Она натянула на тощее тельце Лире лучшее платье, одернула его, вытянула из клубка одежды в ящике красную ленту и грубой щеткой расчесала девочке волосы.

— Если бы предупредили заранее, вымыла бы тебе голову. Ладно, ничего не поделаешь. Лишь бы не очень приглядывались... Так. Ну-ка, встань прямо. Где наши лучшие лакированные туфельки?

Пятью минутами позже Лира стучалась в дверь магистерского дома — величественного, несколько сумрачного дома с выходом на двор Якли и задним фасадом, обращенным к Библиотечному Саду. Пантелеймон, для вежливости принявший вид горноста, терся у ее ног. Дверь открыл слуга Магистра, Казинс, старый враг Лире; но оба знали, что сейчас у них перемирие.

— Миссис Лонсдейл велела мне прийти, — сказала Лира.

— Да, — сказал Казинс и отступил в сторону.

— Магистр в Гостиной.

Он провел ее в большую комнату с окнами на Библиотечный Сад. Солнце, садившееся между Библиотекой и Башней Пилигрима, било в окна и освещало тяжелые картины и пасмурное серебро, которое коллекционировал Магистр. Освещало оно и гостей, и Лира поняла, почему они не ужинают в Зале: трое из них были женщины.

— А, Лира, — сказал Магистр.

— Очень рад тебя видеть. Казинс, пожалуйста, найдите ей чего-нибудь прохладительного. Леди Ханна, по-моему, вы не знакомы с Лирой... племянница лорда Азриэла.

Леди Ханна Релф, пожилая, седая дама, возглавляла один из женских колледжей, а деймон ее был мартышкой. Лира пожала ей руку со всей возможной почтительностью, а потом была представлена остальным гостям, ученым из других колледжей, как и леди Ханна, и потому

совершенно неинтересным. Наконец Магистр подошел к последней гостье.

— Миссис Колтер, — сказал он, — это наша Лира. Лира, подойди и поздоровайся с миссис Колтер.

— Здравствуй, Лира, — сказала миссис Колтер. Она была молодая и красивая. Гладкие черные волосы обрамляли ее лицо, и деймоном ее была золотая обезьяна.

Глава четвертая

АЛЕТИОМЕТР

— Надеюсь, ты сядешь рядом со мной за ужином, — сказала миссис Колтер, освобождая Лире место на диване.

— Меня несколько смущает великолепие этого дома. Ты покажешь мне, какими вилками и ножами пользоваться.

— Вы тоже — женщина-ученый? — спросила Лира. На женщин-ученых она смотрела с обычным для Иордана пренебрежением: такие люди есть, но их, бедняг, нельзя воспринимать всерьез, как животных, наряженных для спектакля в человеческую одежду. Но миссис Колтер не была похожа на известных Лире женщин-ученых и уж точно — на этих двух пожилых дам, других гостей. Лира спросила ее, на самом деле ожидая отрицательного ответа, потому что миссис Колтер выглядела роскошно и сразу очаровала Лиру. Лира не могла отвести от нее глаз.

— В общем-то, нет, — сказала миссис Колтер.

— Я член колледжа леди Ханны, но по большей части моя работа проходит вне Оксфорда... Расскажи мне о себе, Лира. Ты всегда жила в Иордан-колледже?

За пять минут Лира поведала ей все о своей полудикой жизни: о своих любимых маршрутах по крышам, о битве на Глинах, о том, как они с Роджером поймали и поджарили грача, о своем плане захватить каял у цыган и уплыть в Абингтон... Рассказала даже (оглянувшись и понизив голос), какую шутку они сыграли с черепами в крипте.

— И явились их привидения, прямо ко мне в спальню — без голов! Говорить они не могли, булькали только, но я сразу поняла, чего они хотят. Поэтому утром спустилась и переложила монетки на место. А то бы могли меня убить.

— Значит, ты не боишься опасностей? — с восхищением сказала миссис Колтер. Они уже сидели за столом, рядом, как и надеялась миссис Колтер. Лира совершенно не обращала внимания на Библиотекаря, сидевшего по другую руку, и весь вечер проговорила с миссис Колтер.

Когда дамы перешли в соседнюю комнату пить кофе, леди Ханна спросила:

— Скажи мне, Лира, тебя собираются отправить в школу?

Лира посмотрела на нее с недоумением.

— Я не... не знаю... Наверное, нет, — добавила она на всякий случай.

— Я не хотела бы их затруднять, — лицемерно пояснила она.

— И чтобы на меня тратились. Лучше, наверное, жить в Иордане и чтобы меня обучали Ученые, когда у них найдется время. Раз уж они здесь, это, наверное, будет бесплатно.

— А твой дядя, лорд Азриэл, имеет на твой счет какие-то планы? — спросила другая дама, ученая из другого женского колледжа.

— Да, — сказала Лира, — думаю, что имеет. Но не насчет школы. В следующий раз он собирается взять меня на Север.

— Да, помню, он мне говорил, — сказала миссис Колтер.

Лира моргнула. Две ученые дамы чуть выпрямились в креслах, а их деймоны, либо хорошо воспитанные, либо апатичные, только переглянулись.

— Я встретила его в Королевском Арктическом Институте, — продолжала миссис Колтер.

— Отчасти из-за этой встречи я и приехала сегодня сюда.

— Вы тоже путешественница? — спросила Лира.

— В некотором роде. Я была несколько раз на Севере. В прошлом году я провела три месяца в Гренландии, вела наблюдения за Авророй.

Вот оно! Теперь для Лире ничего больше на свете не существовало. Она смотрела на миссис Колтер с благоговением и, затаив дух, слушала ее рассказы о постройке иглу, охоте на тюленей, о переговорах с лапландскими ведьмами. Обе ученые женщины ничего такого волнующего рассказать не могли и сидели молча, пока не пришли мужчины.

Позже, когда гости стали расходиться, Магистр сказал:

— Лира, останься. Мне надо поговорить с тобой минуты две. Иди в мой кабинет, дитя; сядь и подожди меня.

Озадаченная, усталая, взволнованная Лира подчинилась. Слуга Казинс отвел ее в кабинет и нарочно оставил дверь открытой, чтобы наблюдать за ней из прихожей, пока он подает гостям пальто. Лира поискала глазами миссис Колтер, но ее не было видно, а потом вошел Магистр и закрыл дверь.

Он тяжело опустился в кресло у камина. Его деймон вспорхнул на спинку и сел возле его головы, уставив старые глаза на Лиру. Тихо шипела лампа.

— Итак, Лира, — сказал Магистр.

— Ты беседовала с миссис Колтер. Тебе понравилось то, что ты слышала?

— Да!

— Она замечательная женщина.

— Она чудесная. Никого прекраснее я не встречала.

Магистр вздохнул. В черном костюме и черном галстуке он был больше всего похож на своего деймона, и Лира вдруг подумала, что однажды, очень скоро, его похоронят в крипте под Капеллой, и художник вырежет изображение его деймона на медной табличке и имена обоих на одной строке.

— Мне надо было поговорить с тобой раньше, Лира, — сказал он, помолчав.

— Я и собирался, но время, кажется, идет быстрее, чем я думал. Здесь, в Иордане, ты жила в безопасности, милая. И, надеюсь, счастливо. Тебе нелегко было слушаться нас, но мы тебя очень любим, и ты всегда была хорошей девочкой. В твоём сердце много доброты и нежности и большая решительность. Все это тебе понадобится. В мире происходит много такого, от чего я хотел бы тебя оградить — оставив здесь, в Иордане, — но это уже невозможно.

Она только смотрела на него. Куда ее хотят отправить?

— Ты же понимала, что когда-нибудь тебе придется пойти в школу, — продолжал Магистр.

— Кое-чему мы тебя здесь учили, но не основательно и не систематически. Наши знания — другого рода. Ты должна узнать то, чему не могут научить старые люди — особенно в твоём нынешнем возрасте. Ты, наверное, понимала это. Ты — не ребенок слуги; мы не можем отдать тебя каким-нибудь приемным родителям в городе. Даже если они и будут по-своему заботиться о тебе, ты нуждаешься в другом. Все это я к тому говорю, Лира, что та часть твоей жизни, которая связана с Иордан-колледжем, подходит к концу.

— Нет, — сказала она, — нет, я не хочу уходить из Иордана. Мне здесь нравится. Я хочу остаться здесь навсегда.

— Когда ты молод, кажется, что все будет длиться вечно. К сожалению, это не так, Лира. Скоро — самое большее года через два — детство кончится, и ты станешь молодой женщиной. Молодой дамой. И поверь мне, жить в Колледже станет совсем нелегко.

— Но это мой дом!

— Он был твоим домом. Теперь тебе нужно что-то другое.

— Не школа. Я не пойду в школу.

— Ты нуждаешься в женском обществе. В женском руководстве.

Слово женское для Лир связывалось только с женщинами-учеными, и она невольно скорчила гримасу. Расстаться с великолепиям Иордана, с этой знаменитой обителью знаний, ради унылого кирпичного пансиона при Колледже в северной части Оксфорда, с неряшливыми учеными женщинами, от которых пахнет капустой и нафталином, как от этих двух за ужином!

Магистр заметил выражение ее лица, заметил, как загорелись красным глаза хоряка — Пантелеймона. Он сказал:

— А если это будет миссис Колтер?

Мех на Пантелеймоне вмиг из коричневого превратился в нежно-белый. Лира широко раскрыла глаза.

— Правда?

— Она, между прочим, знакома с лордом Азриэлом. Твой дядя, конечно, очень беспокоится о твоём благополучии, и, когда миссис Колтер услышала о тебе, она сразу предложила свою помощь. Кстати, мистера Колтера нет; она вдова. Увы, ее муж погиб несколько лет назад в результате несчастного случая. Так что имей это в виду, если захочешь о нем спросить.

Ли́ра с готовностью кивнула.

— И она правда будет... опекать меня?

— А ты бы хотела?

— Да!

Ли́ра едва не вскочила. Магистр улыбнулся. С ним это случалось так редко, что он совсем разучился, и всякий, увидевший его улыбку (хотя Ли́ре сейчас было не до того), принял бы ее за печальную гримасу.

— Что ж, давай лучше спросим ее саму.

Он вышел из комнаты, и, когда вернулся через минуту с миссис Колтер, Ли́ра была уже на ногах — она не могла усидеть на месте. Миссис Колтер улыбнулась, а ее деймон проказливо ухмыльнулся, показав белые зубы. По дороге к креслу миссис Колтер коснулась волос Ли́ры; от этого прикосновения девочку обдало теплой волной, и она покраснела.

Магистр налил миссис Колтер бра́нтвейна, и она сказала:

— Ну что, Ли́ра, у меня будет помощница?

— Да, — коротко ответила Ли́ра. Она сказала бы да в ответ на что угодно.

— Мне нужна помощь в самой разной работе.

— Я умею работать!

— Возможно, нам придется путешествовать.

— Я не против. Я куда угодно поеду.

— Но это может быть опасно. Возможно, нам придется поехать на Север.

У Ли́ры отнялся язык. Потом она справилась с собой:

— Скоро?

Миссис Колтер засмеялась и сказала:

— Возможно. Но знаешь, тебе придется много работать. Тебе придется изучить математику, штурманское дело и небесную географию.

— Вы меня будете учить?

— Да. А ты поможешь мне делать записи, приводить в порядок мои бумаги, делать важные расчеты и так далее. И, поскольку мы будем встречаться с важными людьми, тебе понадобится красивая одежда. Надо многому научиться, Лира.

— Я не против. Я всему хочу научиться.

— Не сомневаюсь. И в Иордан-колледж ты вернешься уже знаменитой путешественницей. Мы отправляемся рано утром, первым дирижаблем, так что беги и сразу в постель. Увидимся за завтраком. Спокойной ночи!

— Спокойной ночи, — сказала Лира и, вспомнив то небольшое, что усвоила из этикета, обернулась у самой двери и сказала:

— Спокойной ночи, Магистр.

Он кивнул.

— Приятных снов.

— И спасибо, — прибавила Лира, обращаясь к миссис Колтер.

В конце концов она заснула, хотя Пантелеймон долго не мог уговорить себя и даже назло ей обернулся ежом, так что пришлось на него прикрикнуть. Было еще темно, когда кто-то потряс ее за плечо.

— Лира... тихо... просыпайся, девочка.

Это была миссис Лонсдейл, она говорила вполголоса и в одной руке держала свечу, а другой, наклонившись, трогала Лиру.

— Слушай. Магистр хочет увидеться с тобой до того, как ты пойдешь завтракать с миссис Колтер. Быстро вставай и беги к его дому. Зайди в Сад и постучись в стеклянную дверь кабинета. Ты поняла?

Окончательно проснувшись и недоумевающая Лира кивнула и вставила босые ноги в туфли, которые принесла миссис Лонсдейл.

— Умываться не надо — это потом. Сразу туда и сразу возвращайся. Я начну собирать твои вещи и приготовлю тебе одежду. Торопись.

В темном прямоугольнике двора еще стоял холодный ночной воздух. Еще виднелись последние звезды, но на востоке, над Залом, небо уже наливалось светом. Лира вбежала в Библиотечный Сад и замерла на минутку среди глухой тишины, глядя на каменные утесы Капеллы, на жемчужно-зеленый купол Здания Шелдон, на белую ланternу Библиотеки. Она прощалась с этим пейзажем и пока не знала, сильно ли будет по нему скучать.

За окном кабинета что-то шевельнулось, мелькнул свет. Она помнила, что ей надо сделать, и постучалась в стеклянную дверь. Дверь почти сразу открылась.

— Хорошая девочка. Заходи быстро. У нас мало времени, — сказал Магистр и сразу же задвинул за ней штору. Он был полностью одет и, как всегда, в черное.

— Разве я не еду? — спросила Лира.

— Едешь; я не могу этому помешать, — сказал Магистр, и в тот момент Лире не пришло в голову, что это звучит странно.

— Лира, я дам тебе одну вещь, но ты должна обещать, что будешь держать это в тайне. Ты обещаешь?

— Да, — сказала Лира.

Он подошел к письменному столу и вынул из ящика какую-то вещь, завернутую в черный бархат. Когда он развернул ткань, Лира увидела что-то похожее на карманные часы: толстый диск из меди и хрустального стекла. Это мог быть компас или что-то в таком роде.

— Что это? — спросила она.

— Это алетиометр. Их изготовлено всего шесть штук. Лира, еще раз прошу тебя: держи это в секрете. Лучше, чтобы миссис Колтер о нем не узнала. Твой дядя...

— А что он делает?

— Он показывает тебе правду. А как читать его показания — этому ты должна научиться сама. Теперь иди — уже светло. Быстро к себе в комнату, пока тебя никто не видел.

Он завернул прибор в бархат и сунул ей в руки. Вещь оказалась на удивление тяжелой. Потом он ласково взял ее обеими руками за голову и секунду подержал. Она попыталась поднять к нему лицо и спросила:

— Что вы хотели сказать о дяде Азриэле?

— Твой дядя подарил его Иордан-колледжу несколько лет назад. Возможно, он...

Но Магистр не успел закончить: раздался настойчивый стук в дверь. Она почувствовала, как вздрогнули его руки.

— Быстрее, девочка, — сказал он тихо.

— Силы этого мира очень велики. Мужчины и женщины во власти приливов, мощи которых ты себе даже не представляешь, и они бросают нас в поток. Счастливого пути, Лира; будь счастлива, девочка. И храни это в тайне.

— Спасибо, Магистр, — почтительно произнесла она.

Прижимая сверток к груди, она вышла из кабинета через садовую дверь и, оглянувшись, увидела, что деймон Магистра наблюдает за ней с подоконника. Небо уже посветлело, подул легкий ветерок.

— Что это у тебя? — спросила миссис Лонсдейл, захлопнув потрепанный чемоданчик.

— Это Магистр мне дал. Нельзя положить в чемодан?

— Поздно. Не буду его открывать. Положишь в карман пальто, не знаю уж, что там. Беги в Столовую, не заставляй их ждать...

Лишь попрощавшись с несколькими слугами, которые уже поднялись, и с миссис Лонсдейл, она вспомнила Роджера, и ей стало стыдно, что она ни разу не подумала о нем после встречи с миссис Колтер. Как же быстро все произошло!

А теперь она летела в Лондон — на настоящем дирижабле. Она сидела у окна, а Пантелеймон, цепкими лапками горноста упершись в ее бедро, прислонил передние лапки к стеклу и наблюдал за тем, что творится снаружи. Рядом с Лирой сидела миссис Колтер и разбиралась в каких-то бумагах; но вскоре отложила их и завела разговор с Лирой. И какой же увлекательный разговор! Лира была в упоении: на этот раз не о Севере, а о Лондоне, о ресторанах и бальных залах, о приемах в посольствах и министерствах, об интригах между Уайтхоллом и Вестминстером. Лире это завораживало еще сильнее, чем пейзаж, проплывавший внизу. Все, что говорила миссис Колтер, было окутано ароматом взрослого мира, беспокоящим и в то же время заманчивым, — блестящего и волшебного мира.

Приземление в Садах Фоксхолл, переправа через широкую бурую реку, внушительный дом на набережной, где толстый швейцар с медалями отдал честь миссис Колтер и подмигнул Лире, а Лира измерила его невозмутимым взглядом... А потом квартира... Лира только ахнула.

За свою короткую жизнь она повидала много красивого, но это была красота Иордан-колледжа, красота Оксфорда — величавая, каменная, мужественная. В Иордан-колледже было много великолепного, но ничего изящного. В квартире миссис Колтер изящным было все. Она была полна света, потому что широкие окна выходили на юг, а стены были

оклеены элегантными белыми в золотую По-лоску обоями. Очаровательные картины в золотых рамах, старинного вида хрусталь, вычурные канделябры с безвоздушными лампами под сборчатыми абажурами, оборки на подушках, цветастые оборки на карнизах для занавесок, мягкий, зеленый, с лиственным узором ковер под ногами, и на всех поверхностях множество таких непривычных для Лир фарфоровых шкатулочек, пастушек и арлекинов.

Миссис Колтер, поймав ее восхищенный взгляд, улыбнулась.

— Да, Лира, — сказала она, — тебе еще столько надо показать! Снимай пальто, и я отведу тебя в ванную. Ты помоешься, потом мы пообедаем и пойдем по магазинам...

Ванная комната была еще одним чудом. Лира привыкла мыться грубым желтым мылом в облупленной ванне, куда вода набиралась из кранов в лучшем случае теплая и чаще всего ржавая. А здесь она была горячей, мыло розовым и душистым, полотенца толстыми и мягкими, как облака. А по краю тонированного зеркала горели маленькие розовые лампочки, так что, взглянув в него, она увидела мягко освещенную фигуру, совсем не похожую на ту Лир, которую видела прежде.

Пантелеймон, принявший вид обезьяны — в подражание деймону миссис Колтер, присел на край ванны и строил ей гримасы. Она столкнула его в мыльную воду и вдруг вспомнила об алетиометре, который остался в кармане пальто. Пальто она бросила на кресло в другой комнате. Она обещала Магистру держать алетиометр в секрете от миссис Колтер.

Все так непонятно... Миссис Колтер добрая и умная, а Магистр — Лира сама видела — пытался отравить дядю Азриэла. Кого же из них слушать?

Лира наспех вытерлась и побежала в комнату: пальто, конечно, на прежнем месте, его никто не трогал.

— Готова? — спросила миссис Колтер.

— Я думаю, мы пойдем обедать в Королевский Арктический Институт. Женщин среди его членов очень мало, я одна из них — почему бы не воспользоваться своей привилегией?

Величественное каменное здание Института было в двадцати минутах ходьбы; они уселись в просторной столовой со снежно-белыми скатертями и начищенным серебром и заказали телячью печенку с беконом.

— Телячья печень безопасна, — сказала Лире миссис Колтер, — и тюленья тоже, но, если в Арктике у тебя будет туго с едой, медвежьей печень не ешь. Она полна яду, и он убьет тебя за несколько минут.

Пока они ели, миссис Колтер называла ей кое-кого из членов, сидевших за другими столами.

— Видишь пожилого джентльмена в красном галстуке? Это полковник Карборн. Он первым пролетел на воздушном шаре над Северным Полюсом. А высокий человек у окна — он только что встал — доктор Сломанная Стрела.

— Он скрелинг?

— Да. И это он нанес на карту течения в Великом Северном Океане...

Лира глядела на великих людей с любопытством и благоговением. Они были учеными, это не вызывало сомнений, но вдобавок и путешественниками. Доктор Сломанная Стрела наверняка знает про медвежью печенку, а Библиотекарь Иордан-колледжа — вряд ли.

После обеда миссис Колтер показала ей драгоценные арктические реликвии в Библиотеке Института — гарпун, которым был убит огромный кит Гримссдур, камень с вырезанной на нем надписью на неизвестном языке — его нашли в руке путешественника лорда Рукха, замерзшего в своей палатке; огнебой, которым пользовался капитан Хадсон в своем знаменитом путешествии к Земле Ван Тирена. Она рассказывала о каждом, и Лира чувствовала, как колотится ее сердце от восхищения этими великими, далекими героями.

А потом они пошли за покупками. Все в этот замечательный день было ново для Лир, но от магазина у нее просто закружилась голова. Войти в огромное здание, где полно красивой одежды и тебе позволяют ее примерять, где ты смотришь на себя в зеркала... И одежда такая чудесная... Вещи к Лире приходили через миссис Лонсдейл и в большинстве были ношенные, чиненные. Ей редко доставалось что-нибудь новое, а когда доставалось, то выбрано оно было из соображений прочности, а не красоты. Самой же ей выбирать никогда не приходилось. А тут миссис Колтер то предлагала одно, то хвалила другое и платила за все, снова и снова...

К концу Лира совсем покраснелась, и глаза у нее блеснули от усталости. Большую часть покупок миссис Колтер велела упаковать и доставить на дом, но несколько вещей они взяли с собой.

Потом ванна с пышной душистой пеной. Миссис Колтер зашла, чтобы вымыть Лире голову, и при этом не скребла и не терла, как миссис

Лонсдейл. Она действовала мягко. Пантелеймон наблюдал с громадным любопытством, пока миссис Колтер не взглянула на него, и, поняв, что она хотела сказать, он скромно отвернулся, отвел взгляд от этих женских таинств, так же, как золотая обезьяна. До сих пор он никогда не отворачивался от Лиры.

Потом, после ванны, теплый напиток с молоком и травами, новая фланелевая ночная рубашка с цветочным узором и оборками на подоле, голубые овчинные шлепанцы, потом постель.

И какая мягкая постель! Какая нежная, с антарной лампой на тумбочке! И какая уютная спальня с шкафчиками, туалетом и комодом, где разместится ее новая одежда, и ковер от стены до стены, и миленькие занавески, все в звездах, полумесяцах и планетах! Лира лежала не шевелясь, не могла заснуть от усталости; радостные впечатления переполняли ее, не оставляя места ни для каких вопросов.

Когда миссис Колтер ласково пожелала ей спокойной ночи и вышла, Пантелеймон дернул ее за волосы. Она отмахнулась, а он шепнул:

— Где вещь?

Она сразу поняла, о чем он. Ее старое поношенное пальто висело в гардеробе; через несколько секунд она снова была в постели и, сидя по-турецки под лампой, разворачивала черный бархат, чтобы рассмотреть подарок Магистра. Пантелеймон внимательно следил за ней.

— Как он его назвал? — прошептала она.

— Алетиометр.

Спрашивать, что это значит, не имело смысла. Тяжелый прибор лежал у нее в руках, блестя хрусталем и тонко отшлифованной медью. Он был очень похож на часы или на компас — со стрелками и циферблатом, только вместо часов или румбов на циферблате были маленькие красочные изображения, сделанные как будто тончайшей собольей кисточкой. Она поворачивала циферблат в руках и рассматривала их все по очереди. Там был якорь, песочные часы с черепом наверху, бык, улей... Всего тридцать шесть, и она представить себе не могла, что они означают.

— Смотри, колесико, — сказал Пантелеймон.

— Попробуй их завести.

На самом деле там было три заводные головки с насечкой, и каждая из них вращала одну из трех маленьких стрелок, двигавшихся по

циферблату с приятными мягкими щелчками. Их можно было навести на любую картинку, и, установившись точно на центр ее, стрелка слегка застревала.

Четвертая стрелка была длиннее и тоньше и сделана из более тусклого металла, чем короткие. Ее движениями Лира вообще не могла управлять: она поворачивалась, куда хотела, как стрелка компаса, только никогда не успокаивалась.

— «Метр» — это значит, он меряет, — сказал Пантелеймон.

— Как термометр. Помнишь, Капеллан объяснял.

— Это-то понятно, — прошептала она в ответ.

— Но только для чего он?

Понять было невозможно. Лира долго наводила стрелки на разные символы (ангел, шлем, дельфин; глобус, лютня, циркуль; свеча, молния, лошадь) и наблюдала за беспорядочным и безостановочным блужданием длинной стрелки. Понять ничего не могла, но сложность прибора и разнообразие картинок только подогревали ее любопытство. Чтобы быть поближе, Пантелеймон сделался мышью и, положив крохотные лапки на край стекла, черными глазами-бусинками наблюдал за блужданием стрелки.

— Что, по-твоему, Магистр хотел сказать про дядю Азриэла? — спросила она.

— Может, мы должны сохранить его и отдать дяде?

— Да ведь Магистр собирался его отравить! Может, наоборот — может, он хотел сказать: не давай ему.

— Нет, — возразил Пантелеймон, — это ей он велел не показывать...

Осторожно постучали в дверь. Раздался голос миссис Колтер:

— Лира, на твоём месте я погасила бы свет. Ты устала, а завтра у нас много дел.

Лира живо сунула алетиометр под одеяло.

— Хорошо, миссис Колтер.

— Тогда спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Она улеглась и выключила лампу. Но прежде чем уснуть, записнула алетиметр под подушку, на всякий случай.

Глава пятая

ВЕЧЕРИНКА С КОКТЕЙЛЯМИ

Следующие несколько дней Лира ходила с миссис Колтер повсюду, словно сама была ее деймоном. Миссис Колтер знала множество людей и встречалась с ними в самых разных местах. Утром это могло быть собрание географов в Королевском Арктическом Институте, и Лира сидела и слушала; потом миссис Колтер могла встретиться с политиком и церковнослужителем в дорогом ресторане за обедом, и они проявляли к Лире большой интерес, заказывали для нее особые блюда, а она училась есть спаржу и узнавала, каково на вкус сладкое мясо. А во второй половине дня опять могли пойти за покупками, потому что миссис Колтер готовилась к экспедиции, и надо было покупать меха, непромокаемую одежду и ботинки, спальные мешки, ножи и чертежные инструменты, восхищавшие Лиру. После этого они иногда встречались за чаем с дамами, так же хорошо одетыми, как миссис Колтер, но не обладавшими ее красотой и совершенствами, — дамами, совсем не похожими на женщин-ученых, или цыганских матерей с лодок, или служанок в Колледже, словно они принадлежали совсем к другому полу, наделенному такими восхитительными качествами, как элегантность, обаяние, изысканные манеры. Для этих встреч Лиру одевали в самое лучшее, а дамы баловали ее и вовлекали в свои утонченные беседы, всегда касавшиеся людей: то художника, то политика, то какой-то влюбленной пары.

А вечером миссис Колтер иногда брала Лиру в театр, и снова тут были во множестве светские люди, которые беседовали с ней и восхищались ею, потому что миссис Колтер знала как будто бы каждого важного человека в Лондоне.

В промежутках между этими выходами миссис Колтер преподавала ей начатки географии и математики. В учености Лире были большие пробелы — она напоминала карту мира, сильно изъеденную мышами; в Иордане ее учили отрывочно и бессистемно: Младшему Ученому поручалось поймать ее и чему-то там научить, скучные уроки продолжались неделю, а потом, к облегчению наставника, она «забывала» явиться. А то сам Ученый забывал, что ей надо преподать, и подолгу растолковывал ей тему своих нынешних исследований, все равно каких. Неудивительно, что познания ее были клочковатыми. Она знала об атомах и элементарных частицах, об антаромагнитных зарядах, о четырех основных взаимодействиях и кое-что из других разделов экспериментальной теологии, но ничего — о Солнечной системе. А когда миссис Колтер поняла это и объяснила ей, что Земля и остальные пять

планет вращаются вокруг Солнца, Лира даже захохотала, словно это была шутка.

Однако ей очень хотелось показать, что и она кое о чем осведомлена, и когда миссис Колтер стала рассказывать об электронах, она с важным видом объявила:

— Да это отрицательно заряженные частицы. Вроде Пыли, только Пыль не обладает зарядом.

Как только она это произнесла, деймон миссис Колтер резко поднял голову, поглядел на нее, и весь золотой мех на его маленьком теле встал дыбом, будто заряженный. Миссис Колтер положила руку ему на спину.

— Пыль? — повторила она.

— Да ну, знаете, из космоса — Пыль.

— Что ты знаешь о Пыли, Лира?

— Ну, она прилетает из космоса и освещает людей, если снимать ее специальной камерой. Только не детей. На детей она не действует.

— Откуда ты это узнала?

Теперь Лира почувствовала какое-то сильное напряжение в комнате, потому что горноста-Пантелеймон взобрался к ней на колени и ужасно дрожал.

— От кого-то в Иордане, — неопределенно ответила Лира.

— Забыла от кого. Наверное, от какого-нибудь Ученого.

— Это было на уроке?

— Да, может быть. А может, так, мимоходом. Да. Кажется, так. Этот Ученый, по-моему, он был из Новой Дании, и он говорил с Капелланом о Пыли, а я шла мимо, и мне стало интересно, я остановилась послушать. Вот как это было.

— Понятно, — сказала миссис Колтер.

— Он правильно мне сказал? Или я не так поняла?

— Ну, не знаю. Уверена, что ты знаешь гораздо больше меня. Так вернемся к электронам...

Позже Пантелеймон сказал:

— Знаешь, когда мех поднялся на ее деймоне? Я был позади него, и она так вцепилась в мех, что костяшки побелели. Это видно было. И мех еще не скоро улегся. Я думал, он на тебя бросится.

Да, они вели себя странно, но Лира не понимала почему.

И наконец, были уроки другого рода, преподанные так ненавязчиво и тонко, что и не казались уроками. Как мыть голову; как понять, какие цвета тебе к лицу; как ответить с милым выражением, чтобы на тебя не обиделись; как красить губы, как пудриться, душиться. Конечно, миссис Колтер не обучала Лиру этим искусствам прямо, но она знала, что Лира наблюдает за ней во время туалета, и нарочно не прятала от нее косметику: пусть девочка как-нибудь попробует ее сама.

Шло время, осень уже сменялась зимой. Иногда Лира вспоминала Иордан-колледж, но теперь он казался маленьким и тихим по сравнению с ее нынешней насыщенной жизнью. Часто думала и о Роджере, но с ощущением неловкости — то ей сейчас надо было в оперу, то новое платье примерить, то предстояло посещение Королевского Арктического Института, — и она снова о нем забывала. Месяца через полтора миссис Колтер решила устроить у себя вечеринку с коктейлями. У Леры сложилось впечатление, что вечер устраивается по случаю какого-то события, но миссис Колтер ничего об этом не говорила. Она заказала цветы, вместе с поставщиком выбирала закуски и напитки и целый вечер обсуждала с Лирой, кого пригласить.

— Мы должны позвать Архиепископа. Без него никак нельзя, хотя он отвратительный старый сноб. Лорд Бореал в городе — он занятный человек. И княгиня Постникова. Как ты считаешь, надо пригласить Эрика Андерсона? Я думаю, пора уже ввести его в круг...

Эрик Андерсон был новым модным танцовщиком. Лира понятия не имела, что значит «ввести в круг», но с удовольствием высказывала свое мнение. Она старательно и с чудовищными ошибками записывала имена, которые диктовала ей миссис Колтер, а потом вычеркивала, если миссис Колтер все-таки решала этих людей не звать.

Когда Лира легла в постель, Пантелеймон шепнул ей с подушки:

— Не поедет она ни на какой Север! Она будет держать нас тут вечно. Когда мы убежим?

— Поедет, — шепнула в ответ Лира.

— Ты ее просто не любишь. Это жаль. Она мне нравится. И зачем ей учить нас штурманскому делу и прочему, если она не собирается на Север?

— А чтобы ты не сделалась беспокойной, вот зачем. Тебе же неохота выстаивать на вечеринках и мило беседовать. Она просто делает из тебя домашнее животное.

Лира повернулась к нему спиной и закрыла глаза. Но Пантелеймон все правильно сказал. Ее стесняла и связывала эта светская жизнь, пусть и роскошная. Она отдала бы все на свете за один день с оксфордскими оборванцами, с битвой на Глинах и беготней вдоль Канала. Единственное, что заставляло ее быть послушной и вежливой, — это дразнящая надежда отправиться на Север. Может быть, они встретятся с лордом Азриэлом. Может быть, он и миссис Колтер полюбят друг друга, поженятся и удочерят Лиру, и вместе отправятся спасать Роджера из рук Жрецов.

Перед вечеринкой миссис Колтер отвела Лиру в модную парикмахерскую, где ей смягчили и уложили волнами жесткие русые волосы, подпилили и отполировали ногти, и даже подкрасили глаза и губы, чтобы показать, как это делается. Потом они пошли за новым платьем, которое заказала миссис Колтер, купили лакированные туфли, а потом пора было возвращаться домой — расставлять цветы и переодеваться.

— Сумку через плечо нельзя, милая, — сказала миссис Колтер, когда Лира вышла из спальни, в восторге от собственной красоты.

Лира повсюду теперь ходила с белой кожаной сумочкой на ремне, чтобы всегда иметь под рукой алетомер. Миссис Колтер, расправляя розы, слишком тесно стоявшие в вазе, увидела, что Лира не двигается с места, и со значением посмотрела на дверь.

— Ну, прошу вас, миссис Колтер, я люблю эту сумку!

— Не в доме, Лира. Ходить с сумками через плечо в собственном доме — нелепость. Сними сейчас же и помоги мне проверить бокалы...

Лира заупрямилась, и причиной тому был не столько приказной тон, сколько слова «в собственном доме». Пантелеймон спрыгнул на пол и, мгновенно превратившись в хорька, выгнул спину возле ее белого носка. Ободренная этим Лира сказала:

— Но она же никому не мешает. Из всех моих вещей я только ее люблю. По-моему, она очень идет...

Фразу она не закончила, потому что деймон миссис Колтер спрыгнул с дивана, желтой молнией метнулся к Пантелеймону и прижал его к ковру. Лира вскрикнула, сначала от неожиданности, а потом от испуга и боли: Пантелеймон извивался под лапой золотой обезьяны, пищал и рычал, но не мог освободиться. Обезьяна одолела его за несколько секунд: одной черной лапой свирепо сжала ему горло, задними захватила хорька за задние ноги, а свободной лапой тянула за ухо, словно намереваясь его оторвать. Притом без злости, но с холодным упорством, наблюдать которое было страшно, а еще хуже — ощущать.

Лира всхлипывала от ужаса.

— Не надо! Пожалуйста! Перестаньте нас мучить!

Миссис Колтер перевела взгляд с цветов на нее.

— Тогда делай, что я тебе сказала.

— Обещаю!

Золотая обезьяна отошла от Пантелеймона, словно он ей вдруг надоел. Пантелеймон сразу кинулся к Лире, а она подхватила его и стала целовать и гладить.

— Ну, Лира? — сказала миссис Колтер.

Лира вдруг повернулась и бросилась в свою спальню, но не успела захлопнуть за собой дверь, как она распахнулась снова. В шаге от нее стояла миссис Колтер.

— Лира, если ты будешь вести себя так вульгарно и грубо, у нас будет конфликт, и верх в нем возьму я. Немедленно сними сумку. Перестань некрасиво хмуриться. Никогда не хлопай дверью, ни в моем присутствии, ни без меня. Через несколько минут появятся первые гости, и ты будешь вести себя безупречно, ты будешь милой, очаровательной, послушной, внимательной и прелестной во всех отношениях. Я чрезвычайно этого хочу, Лира. Ты меня поняла?

— Да, миссис Колтер.

— Тогда поцелуй меня.

Она наклонилась и подставила щеку. Чтобы поцеловать ее, Лире пришлось подняться на цыпочки. Ее удивила гладкость щеки и легкий, непонятный запах кожи миссис Колтер: душистой, но отдававшей металлом. Она отошла, положила сумку на туалетный столик и вернулась с миссис Колтер в гостиную.

— Как тебе нравятся эти цветы, милая? — спросила миссис Колтер как ни в чем не бывало.

— С розами, конечно, нельзя ошибиться, но и хорошего должно быть в меру... Посыльные принесли достаточно льда? Будь ангелом, пойд и спроси. Теплые напитки отвратительны...

Притворяться веселой и милой оказалось очень легко, хотя всякую секунду Лира чувствовала отвращение Пантелеймона и его ненависть к золотой обезьяне. Но вот звякнул звонок, и вскоре комната стала наполняться модно одетыми дамами и импозантными мужчинами. Лира ходила между ними, предлагая бутербродики с закусками, мило улыбаясь и любезно отвечая, когда с ней заговаривали. Она ощущала себя всеобщей любимицей, и стоило ей произнести это про себя, как щегол Пантелеймон расправил крылья и громко чирикнул.

Почувствовав в его радости подтверждение своей мысли, она стала вести себя чуть сдержаннее.

— И в какую ты ходишь школу, моя дорогая? — спросила пожилая дама, рассматривая Лиру в лорнет.

— Я не хожу в школу.

— В самом деле? Я думала, мама отдала тебя в свою старую школу. Прекрасное заведение...

Лира растерялась, но быстро поняла ошибку старой дамы.

— А! Она мне не мать! Я ей просто помогаю. Я ее личный помощник, — важно сказала она.

— Понимаю. А кто твои родители? И этот вопрос Лира поняла не сразу.

— Граф и графиня, — сказала она.

— Они оба погибли при аварии воздушного шара на Севере.

— Какой граф?

— Граф Белаква. Он был братом лорда Азриэла.

Деймон старухи, красноперый ара, раздраженно переступил с ноги на ногу. Старуха с сомнением нахмурилась, и Лира, приятно улыбнувшись, двинулась дальше.

Когда она проходила мимо молодой женщины и группы мужчин возле большого дивана, до нее донеслось слово Пыль. Она уже достаточно

повидала в обществе, чтобы понять, когда мужчины и женщины флиртуют, и с любопытством наблюдала за этим процессом, но заворожило ее слово «Пыль», и она остановилась послушать. Мужчины, похоже, были учеными; судя по тому, как их расспрашивала молодая женщина, Лира сочла ее чем-то вроде студентки.

— Ее открыл один москвит — остановите меня, если вам это уже известно, — говорил мужчина средних лет восторженно внимавшей ему женщине, — человек по фамилии Русаков, и обычно их называют Частицами Русакова. Эти элементарные частицы не взаимодействуют ни с какими другими — их очень трудно обнаружить, но удивительно то, что их, по всей видимости, притягивают люди.

— Не может быть! — сказала молодая женщина, широко раскрыв глаза.

— И что еще удивительнее, — продолжал он, — некоторые люди притягивают их сильнее, чем другие. Взрослые притягивают, а дети — нет. По крайней мере, слабо до подросткового возраста. В сущности, именно поэтому... — он понизил голос и придвинулся к молодой женщине, доверительно положив руку ей на плечо, — именно по этой причине был учрежден Жертвенный Совет. О чем могла бы поведать вам наша любезная хозяйка.

— В самом деле? Она связана с Жертвенным Советом?

— Дорогая моя, она и есть Жертвенный Совет. Это исключительно ее создание...

Он хотел было продолжать, но тут заметил Лиру. Она смотрела на него не мигая, и он, то ли от того, что выпил лишнего, то ли желая произвести впечатление на молодую женщину, сказал:

— Эта юная леди знает все, могу поклясться. Для тебя Жертвенный Совет не представляет опасности, правда, моя милая?

— Да, — сказала Лира.

— Здесь мне никто не страшен. Где я раньше жила, в Оксфорде, там было много всяких опасностей. Там были цыгане — они крадут детей и продают их туркам в рабство. А в Порт-Медоу в полнолуние из старого женского монастыря в Годстоу приходит оборотень. Один раз я слышала его вой. И есть еще Жрецы...

— О чем я и говорю, — подхватил мужчина.

— Ведь так прозвали Жертвенный Совет, верно?

Ли́ра почувствовала, как вздрогнул Пантелеймон, — но продолжал вести себя примерно. А деймоны взрослых, кот и бабочка, как будто ничего не заметили.

— Жрецы? — повторила молодая женщина.

— Какое странное название! Почему их называют Жрецами?

Ли́ра готова была рассказать ей одну из душераздирающих историй, которыми пугала оксфордских ребят, но ее опередил мужчина.

— Ну как же, по начальным буквам! Жертвенный Рекрутационный Центр. Идея, в сущности, далеко не новая. В Средние века родители отдавали своих детей церкви, чтобы те стали монахами и монахинями. И назывались несчастные малыши облатами, что означает — жертва или приношение, что-то в этом роде. Так что, когда стали заниматься Пылью, об этой системе вспомнили... Нашей юной собеседнице это, полагаю, известно. Не поговорить ли тебе с лордом Бореалом? — обратился он прямо к Ли́ре.

— Лорд Бореал будет рад познакомиться с протеже миссис Колтер... Вон он, седой человек с деймоном-змеей.

Он хотел отделаться от Ли́ры и побыть с молодой женщиной наедине — Ли́ра это сразу поняла. Но молодая женщина как будто не утратила к ней интереса и отошла от мужчины, чтобы продолжить с ней разговор.

— Подожди минуту... Как тебя зовут?

— Ли́ра.

— Я — Адель Старминстер. Я журналистка. Можно тебя на два слова?

Ли́ра уже привыкла к тому, что люди хотят с ней разговаривать, и ответила просто:

— Да.

Деймон женщины, бабочка, поднялся в воздух, метнулся влево, вправо, потом спорхнул вниз, шепнул ей что-то на ухо, и Адель Старминстер сказала:

— Пойдем на диван у окна.

Это было любимое место Ли́ры; оттуда открывался вид на реку, и ночью, во время высокого прилива, огни на южном берегу весело отражались в черной воде. Вверх по течению тащи́лась за буксиром цепочка барж.

Адель Старминстер села и отодвинулась в сторону, освобождая место для Лир.

— Профессор Докер сказал, что вы как-то связаны с миссис Колтер.

— Да.

— Как? Вы ей не дочь, не родственница? Я бы, наверное, знала...

— Нет! — сказала Лира.

— Конечно, нет. Я ее личная помощница.

— Личная помощница? Вы еще так молоды. Я думала, вы в родстве. Какая она?

— Она очень умная, — сказала Лира. До этого вечера она могла бы сказать больше, но все менялось.

— Да, но как человек? — настаивала Адель Старминстер.

— В смысле дружелюбна, раздражительна или что? Вы с ней живете? Какая она в частной жизни?

— Она очень милая, — вяло сказала Лира.

— А ты чем занимаешься? Как ты ей помогаешь?

— Делаю расчеты и всякое такое. Как будто я штурман.

— А, понятно... Откуда ты? Прости, как тебя зовут?

— Лира. Я приехала из Оксфорда.

— А почему миссис Колтер выбрала тебя в...

Она вдруг смолкла — возле них возникла сама миссис Колтер. По тому, как посмотрела на нее снизу Адель Старминстер, и по тому, как взволнованно порхал деймон вокруг ее головы, Лира поняла, что молодой женщине вообще не полагалось быть на вечеринке.

— Вашего имени я не знаю, — тихо произнесла миссис Колтер, — но выясню его за пять минут, и вы больше никогда не будете работать в журналистике. А теперь очень тихо встаньте и как можно незаметнее удалитесь. Добавлю, что тот, кто привел вас сюда, тоже пострадает.

Казалось, что от миссис Колтер исходит какая-то магнетическая сила. От нее даже пахло по-другому: тело ее испускало горячий запах, похожий на

запах нагретого металла. Нечто подобное Лира сегодня уже почувствовала, но сейчас эта сила была направлена на другого человека, и бедная Адель Старминстер не могла ей сопротивляться. Ее деймон безвольно упал ей на плечо, раз или два взмахнул роскошными крылышками и лишился чувств, а сама женщина как будто не смела даже выпрямиться. Согнувшись, она неуклюже пробиралась сквозь толпу гомонящих гостей к двери. Одной рукой она придерживала на плече обморочного деймона.

— Ну? — сказала Лире миссис Колтер.

— Ничего важного я ей не сказала.

— О чем она спрашивала?

— Только чем я занимаюсь, кто я — и все такое.

Сказав это, Лира заметила, что миссис Колтер одна, без деймона. Как это? Но секунду спустя золотая обезьяна появилась рядом, и миссис Колтер, слегка нагнувшись, взяла ее за лапу и легко вскинула себе на плечо. И сразу успокоилась.

— Если столкнешься с человеком, явно не из приглашенных, подойди ко мне, хорошо, милая?

Горячий металлический запах улетучивался. Может быть, он только померещился Лире. Снова пахло духами миссис Колтер и розами, дымом тонких сигар, духами других женщин.

Миссис Колтер улыбнулась Лире, как бы говоря: «Ведь мы с тобой прекрасно все понимаем, правда?» — и отошла поздороваться с новыми гостями.

Пантелеймон зашептал Лире на ухо:

— Пока она стояла здесь, ее деймон вышел из нашей спальни. Он шпионил. Он знает про алетиометр!

Лира подумала, что он, скорее всего, прав, но делать было нечего. Что этот профессор сказал о Жрецах? Она поискала его взглядом, но в ту секунду, когда увидела его, к нему подошел швейцар (одетый слугой по случаю приема) и еще какой-то человек: один из них тронул профессора за плечо, что-то тихо сказал, и профессор, побледнев, последовал за ними к выходу. Заняло это не больше трех секунд, и сделано было так аккуратно, что никто ничего не заметил. А Лира встревожилась и почувствовала себя незащищенной.

Она слонялась по двум большим комнатам, занятым гостями, почти не прислушиваясь к разговорам вокруг, почти не интересуясь вкусом коктейлей, которые ей запрещалось пробовать, и все сильнее нервничала. Ей не приходило в голову, что за ней кто-то может наблюдать, пока над ней не наклонился швейцар:

— Мисс Лира, джентльмен у камина хотел бы с вами поговорить. Это лорд Бореал, если вы не знакомы.

Лира взглянула в ту сторону. Прямо на нее смотрел могучий седой мужчина, и, когда их глаза встретились, он кивнул и поманил ее.

Нехотя, но, уже слегка заинтересовавшись, она подошла.

— Добрый вечер, дитя, — сказал он. Голос у него был спокойный и властный. Кольчужная голова и изумрудные глаза его деймона-змеи блестели под светом хрустальной лампы на стене.

— Добрый вечер, — сказала Лира.

— Как поживает мой старый друг Магистр Иордана?

— Благодарю вас, очень хорошо.

— Я полагаю, им было грустно прощаться с тобой.

— Да, грустно.

— А миссис Колтер задает тебе много работы? Чему она тебя учит?

Лира чувствовала себя неловко, в ней проснулся дух противоречия, и в ответ на свой покровительственный вопрос лорд не услышал ни правды, ни обычной для Лир выдумки. Она сказала:

— Мне рассказывают о Частицах Русакова и о Жертвенном Совете.

Его взгляд мгновенно сфокусировался на девочке, как фокусируется луч фонаря. Он просто ел ее глазами.

— А не расскажешь ли, что ты уже узнала? — спросил он.

— Они проводят эксперименты на Севере, — сказала Лира, дерзко отбросив всякую осмотрительность.

— Как доктор Грумман.

— Продолжай.

— У них есть особые фотограммы, на которых видна Пыль, и взрослый человек на них притягивает свет, а ребенок не притягивает. По крайней мере, слабее.

— Это миссис Колтер показала тебе такой снимок?

Лира замешкалась, потому что тут была уже не ложь, а что-то другое, в чем она еще не натренировалась.

— Нет, — сказала она после минутного замешательства.

— Я видела его в Иордан-колледже.

— Кто тебе его показал?

— Вообще-то он показывал не мне, — призналась Лира.

— Я просто шла мимо и увидела. А потом моего друга Роджера похитил Жертвенный Совет. Но...

— Кто показал тебе снимок?

— Мой дядя Азриэл.

— Когда?

— Когда в последний раз был в Иордан-колледже.

— Понимаю. А что еще тебе удалось узнать? Ты, кажется, упомянула Жертвенный Совет?

— Да. Но об этом я не от него услышала, я услышала здесь. «Это чистая правда», — подумала она.

Он пристально смотрел на нее. Она отвечала ему самым простодушным взглядом. Наконец он кивнул.

— Видимо, миссис Колтер решила, что ты уже годишься ей в помощницы. Интересно. Ты уже участвуешь в работе?

— Нет, — сказала Лира. О чем он говорит? Пантелеймон расчетливо принял самый невыразительный облик, мотылька, и не мог выдать ее чувства; сама же она была уверена, что сумеет сохранить невинный вид.

— А она сказала тебе, что происходит с детьми?

— Нет, этого она не сказала. Я только знаю, что это касается Пыли, и они — вроде как жертва.

И это опять-таки не совсем вранье, подумала она; ведь она не сказала, что об этом ей говорила миссис Колтер.

— Жертва — пожалуй, слишком громкое слово. То, что делается, делается и для их блага, и для нашего. И, разумеется, все они приходят к миссис Колтер добровольно. Вот почему так важна ее роль. Надо, чтобы они хотели в этом участвовать, а перед ней какой ребенок устоит? И если она хочет привлекать их с твоей помощью, тем лучше. Меня это радует.

Он улыбнулся ей, как миссис Колтер: как если бы у них была своя тайна. Она вежливо улыбнулась в ответ, и он отвернулся, заговорил с кем-то другим.

Она чувствовала, в каком ужасе Пантелеймон, и он чувствовал, насколько она испугана. Ей хотелось уйти и поговорить с ним наедине; ей хотелось убежать из этой квартиры; ей хотелось обратно в Иордан-колледж, в обшарпанную спальню на Лестнице 12; ей хотелось найти лорда Азриэла...

И, словно в ответ на это последнее желание, она услышала его имя и подошла поближе к беседующим — под предлогом того, что ей надо взять с подноса на столике бутерброд. Человек в лиловой одежде епископа говорил:

— Нет, я думаю, теперь довольно долго лорд Азриэл не будет доставлять нам хлопот.

— И где, вы сказали, его держат?

— В крепости Свальбарда, насколько я знаю, под охраной панцербьёрнов, знаете, — бронированных медведей. Страшные существа! Ему не сбежать от них, проживи он хоть тысячу лет. В общем, я думаю, путь свободен, почти свободен...

— Последние эксперименты подтвердили мою всегдашнюю мысль, что Пыль — это эманация темного начала, и...

— Мне слышатся отзвуки Заратустровой ереси?

— Некогда считавшейся ересью...

— И если мы сможем выделить темное начало...

— Свальбард, вы сказали?

— Бронированные медведи...

— Жертвенный Совет...

— Дети не страдают, я уверен в этом...

— Лорд Азриэл в заключении...

С Лиры хватило. Она повернулась и, двигаясь тихо, как мотылек-Пантелеймон, ушла в свою спальню и закрыла дверь. Шум вечеринки стал приглушенным.

— Ну? — шепнула она, и он снова превратился в щегла.

— Ну что, бежим? — шепнул он.

— Конечно. Пока тут столько людей, нас не сразу хватятся.

— Он заметит.

Пантелеймон имел в виду деймона миссис Колтер. При мысли о золотом зверьке Лира похолодела от страха.

— В этот раз я с ним сражусь, — храбро сказал Пантелеймон.

— Я могу меняться, а он не может. Буду меняться так быстро, что он меня не удержит. Увидишь, я его одолею.

Лира рассеянно кивнула. Что ей надеть? Как выбраться незамеченной?

— Ты полетишь на разведку, — прошептала она.

— Увидишь, что путь свободен — сразу бежим. Будь мотыльком, — добавила она.

— Помни, как только отвернутся...

Лира приоткрыла дверь, и он выскользнул наружу, темной тенью на фоне освещенного розовой лампой коридора.

Она поспешно надела на себя все самое теплое и еще кое-что запихнула в одну из черных шелковых сумок, которые только сегодня были куплены в модном магазине. Миссис Колтер давала ей деньги, как конфеты, и, хотя Лира тратила их, не скупясь, несколько соверенов у нее еще осталось, и она сунула их в карман темной волчьей шубы.

Последним она завернула в черный бархат алетиометр. Неужели эта жуткая обезьяна добралась до него? Наверно; и наверно, ей сказала. Нет чтобы спрятать его получше!

На цыпочках она подошла к двери. К счастью, ее комната выходила в тот конец коридора, который был ближе всего к прихожей, а большинство гостей собрались в двух больших комнатах подальше. Оттуда доносились громкие голоса, смех, звон бокалов; слышался тихий шум воды, спускаемой в туалете, а потом тоненький мотыльковый голос сказал ей на ухо:

— Давай! Быстро!

Она выскользнула в коридор, оттуда в прихожую и меньше чем через три секунды уже открывала дверь квартиры. Еще мгновение, и дверь тихо закрыта, и вместе с Пантелеймоном, снова щеглом, она сбежала по лестнице на улицу.

Глава шестая

МЕТАТЕЛЬНЫЕ СЕТИ

Она быстро уходила от реки, потому что широкая набережная хорошо освещалась. Между ней и Королевским Арктическим Институтом, единственным местом, которое Лира уверенно могла найти, располагалась целая сеть узких запутанных улочек — в этот темный лабиринт она и устремилась.

Если бы она так знала Лондон, как Оксфорд! Она бы знала тогда, каких улиц избегать, и где своровать еду, и, самое главное, за какой дверью найти убежище. В эту холодную ночь темные переулки полны были непонятной жизни.

Пантелеймон превратился в дикого кота и зоркими глазами прощупывал окружающую тьму. Порой он замирал, ошестинившись, и тогда Лира понимала, что в этот переулок входить нельзя. Ночь была полна звуков: где-то раздавался пьяный смех, два хриплых голоса заводили песню, стучала и гудела в цокольном этаже какая-то несмазанная машина. Чувства Леры были обострены, она улавливала ощущения Пантелеймона и старалась двигаться в тени, проулками, избегая людных мест.

Иногда приходилось пересечь широкую, хорошо освещенную улицу, где гудели трамваи и осыпались искры с проводов. В Лондоне переходить улицы надо было по правилам, но Лира переходила как вздумается и, когда прохожий кричал ей, убегала.

Радостно было вырваться на свободу. Она знала, что Пантелеймон, семенивший рядом на мягких кошачьих лапах, также радуется вольному воздуху — и что с того, если это тяжелый, дымный, закопченный воздух шумного Лондона. Скоро им надо будет обдумать все, что они слышали

в квартире миссис Колтер, но это подождет. И рано или поздно надо подыскать ночлег.

На перекрестке возле большого универсального магазина, чьи окна ярко освещали мокрый тротуар, стоял кофейный киоск: маленький домик на колесах с прилавком под деревянным навесом. Оттуда шел желтый свет и пахло кофе. Хозяин в белом халате, облокотясь на прилавок, разговаривал с двумя или тремя покупателями.

Лиру потянуло туда. Они бродили уже час, было холодно и промозгло. С Пантелеймоном-воробьем она подошла к прилавку и взялась за него рукой, чтобы привлечь внимание хозяина.

— Мне, пожалуйста, чашку кофе и сэндвич с ветчиной.

— Поздно гуляешь, детка, — сказал господин в цилиндре и белом шелковом кашне.

— Да, — ответила она и, обернувшись, окинула взглядом людный перекресток. В театре только что кончилось представление, и зрители толпились в освещенном фойе, подзывали такси, надевали пальто.

С другой стороны был вход на станцию Хтонической железной дороги, вниз и вверх по лестнице двигалась масса людей.

— На тебе, золотко, — сказал хозяин киоска.

— Два шиллинга.

— Позволь мне заплатить, — сказал мужчина в цилиндре.

Лира подумала: почему бы и нет? Бегаю я быстрее его, а деньги мне еще пригодятся. Мужчина в цилиндре кинул монету на прилавок и улыбнулся ей. Деймон его, лемур, сидел у него на груди, держась за лацкан, и круглыми глазами смотрел на Лиру.

Она откусила от сэндвича и продолжала следить за людной улицей. Она не представляла себе, где находится, потому что никогда не видела карты Лондона, и даже не знала, насколько он велик и сколько надо идти, чтобы очутиться за городом.

— Как тебя зовут? — спросил мужчина.

— Алиса.

— Красивое имя. Позволь добавить тебе глоток вот этого в кофе — согреешься...

Он уже отвинчивал колпачок серебряной фляжки.

— Я этого не люблю, — сказала Лира.

— Просто хочу кофе.

— Уверен, ты еще не пробовала такого бренди.

— Пробовала. Меня рвало потом без конца. Выпила целую бутылку, почти целую.

— Ну, как хочешь, — сказал мужчина и подлил из фляжки в свой кофе.

— Куда же это ты идешь, одна?

— Мне надо встретиться с отцом.

— А кто он?

— Он убийца.

— Кто?

— Я же сказала: убийца. Это его профессия. Сегодня у него заказ. Тут у меня чистая одежда, потому что после работы он обычно весь в крови.

— А! Ты шутишь.

— Нет.

Лемур пискнул и, спрятавшись за голову мужчины, выглянул оттуда. Лира невозмутимо допила кофе и доела сэндвич.

— Спокойной ночи, — сказала она.

— Я вижу, отец выходит. Вид у него немного сердитый.

Мужчина в цилиндре обернулся, а Лира направилась к толпе у театра. Как ни хотелось ей увидеть Хтоническую железную дорогу (миссис Колтер сказала, что она не предназначена для людей их класса), подземелье могло оказаться ловушкой — на открытом месте, по крайней мере, можно убежать.

Она шла и шла, и улицы становились все темнее и безлюднее. Моросил дождь, но если бы и не было туч, зарево в городском небе все равно не позволило бы увидеть звезды. Пантелеймон считал, что они идут на север, но как это можно было узнать?

Бесконечные улицы с одинаковыми кирпичными домиками и палисадниками, способными вместить разве что бак для мусора; большие угрюмые фабрики за проволочными оградами, с единственной тусклой лампочкой на стене и ночным сторожем, посапывающим возле своей жаровни; изредка — унылая часовня, отличающаяся от склада только распятием снаружи. Один раз она толкнулась в какую-то дверь, и тут же из темноты, со скамьи в шаге от нее донесся стон. Крыльцо было устлано спящими фигурами, и она убежала.

— Где же нам ночевать, Пан? — сказала она, когда они брели по улочке, сплошь занятой лавками с запертыми дверьми и ставнями.

— Где-нибудь под дверью.

— Они все на виду. Нас заметят.

— Там дальше канал...

Он смотрел на поперечную улицу слева. Действительно, в конце ее поблескивала черная вода, и, когда они осторожно приблизились, перед ними открылась бухточка и десяток причаленных барж, пустых и груженных, сидевших низко под кранами, похожими на виселицы. Окно деревянной сторожки тускло светилось, и над железной трубой поднималась струйка дыма; остальные огни были высоко — на крыше склада и на порталном кране — свет их не достигал земли. Пристань была загромождена бочками с угольным спиртом, штабелями толстых бревен, мотками кабеля в каучуковой изоляции.

Лира на цыпочках подошла к двери и заглянула в окно. Старик с трубкой во рту старательно читал газету с картинками, а его деймон-спаниель, свернувшись калачиком, спал на столе. Старик встал, взял с железной печки закопченный чайник, налил горячей воды в треснутую кружку и снова взялся за газету.

— Попросимся к нему, Пан? — шепнула она, но Пантелеймон был в смятении: он делался совой, летучей мышью, снова диким котом. Его паника передалась Лире, она оглянулась и увидела их одновременно с Пантелеймоном: два человека бежали к ней, слева и справа, и у ближнего в руках была метательная сеть.

Пантелеймон издал хриплый крик и леопардом бросился к деймону ближайшего человека — свирепой лисе, опрокинул ее на спину, так что она свалилась под ноги человеку. Тот выругался, вильнул в сторону, и Лира кинулась мимо него на открытое место, к пристани. Самое страшное — если зажмут в углу.

Пантелеймон — уже орел — снизился над ней и крикнул:

— Налево! Налево!

Она круто свернула налево, увидела просвет между бочками с угольным спиртом и боковой стеной сарая из гофрированного железа и пулей устремилась туда.

Если б не метательная сеть! Она услышала тихий свист, что-то хлестнуло ее по щеке, отвратительные смоленные веревки опутали ее лицо и руки, и она упала, рыча и тщетно стараясь их сорвать.

— Пан! Пан!

— Но деймон-лиса вцепился в кота-Пантелеймона. Лира почувствовала боль в собственном теле и громко закричала, когда он упал. Один человек быстро обматывал ее веревкой, обматывал руки, ноги, шею, торс, голову, ворочая с боку на бок на мокрой земле. Она была беспомощна, как муха в лапах паука. Несчастный Пантелеймон полз к ней, а лиса терзала ему спину, и у него даже не было сил перевоплотиться. А второй человек лежал в луже — у него из шеи торчала стрела...

Связывавший ее это тоже увидел, и все в мире вдруг замерло.

Пантелеймон сел и моргнул, потом раздался глухой стук, и человек с сетью, давясь и задыхаясь, упал прямо на Лиру. Она закричала от ужаса: из него хлестала кровь!

Бегущие ноги, кто-то оттаскивает лежащего в сторону и наклоняется над ним; потом чьи-то руки поднимают Лиру, под веревки просовывается нож, они распадаются одна за другой, Лира, плюясь, сбрасывает их и кидается на землю, чтобы обнять Пантелеймона.

Стоя на коленях, она обернулась и посмотрела на освободителей. Трое смуглых мужчин, один вооруженный луком, двое с ножами; когда она повернулась, стрелок перевел дух.

— Ты, Лира?

Знакомый голос, но она не могла вспомнить его, пока он не шагнул вперед и ближайшая лампа не осветила его лицо и деймона-ястреба на его плече. Тогда она увидела. Цыган! Живой оксфордский цыган!

— Тони Коста, — сказал он.

— Вспоминаешь? Ты играла с моим братишкой Билли возле лодок в Иерихоне — пока его не украли Жрецы.

— Господи, Пан, мы спасены! — со слезами выдавила она, и тут же вспыхнуло в голове: ведь это их лодку она тогда угнала. А если он вспомнит?

— Пойдем-ка с нами, — сказал он.

— Ты одна?

— Да. Я сбежала...

— Ладно, помолчи пока. Тише. Джаксер, оттащи тело в тень. Керим, погляди, нет ли кого.

Лира с трудом поднялась, прижимая кота Пантелеймона к груди. Он извернулся, чтобы посмотреть в сторону, Лира поглядела туда же, поняла, и ей тоже стало любопытно: что происходит с деймонами убитых? Они растворялись — вот что; таяли и уплывали, как частицы дыма, тщетно стараясь удержаться за своих людей. Пантелеймон зажмурил глаза, а Лира опрометью бросилась за Тони Костой.

— Что вы здесь делаете? — спросила она.

— Тихо, девочка. Не буди лиха, оно и так не спит. Поговорим в лодке.

Он провел ее по деревянному мостику к середине бухты. Другие двое бесшумно шли за ними. Тони свернул на деревянный пирс, а оттуда спустился в каял и открыл дверь каюты.

— Заходи. Быстро.

Лира вошла, похлопав по сумке (она не выпустила ее из рук даже под сетью), чтобы убедиться, на месте ли алетиометр. В длинной узкой каюте, при свете фонаря, висевшего на крюке, она увидела могучую толстую женщину с седыми волосами. Женщина сидела за столом с газетой, и Лира узнала в ней мать Билли.

— Кто это? — спросила женщина.

— Неужто Лира?

— Она. Ма, надо двигаться. Мы убили двоих на пристани. Думали, они Жрецы, но, наверное, — турецкие торговцы. Они схватили Лиру. Не спрашивай — расскажу, когда отчалим.

— Поди сюда, детка, — сказала Ма Коста. Лира подошла с радостью, но и с опаской, потому что руки у Ма Косты били, как молот, а она теперь точно вспомнила: именно эту лодку они захватили с Роджером и другими ребятами из Колледжа. Но хозяйка лодки взяла Лиру обеими ладонями

за щеки, а ее деймон, большая серая собака, похожая на волка, наклонился и лизнул Пантелеймона — кота в темя. Потом Ма Коста обняла Лиру своими толстыми руками и прижала к груди.

— Не знаю, что ты тут делала, но вид у тебя усталый. Сейчас волью в тебя чего-нибудь горячего, а потом ложись на кровать Билли. Присаживайся, детка.

Похоже было, что пиратство прощено или, по крайней мере, забыто. Лира села на обитую скамью перед чисто вымытым сосновым столом, и в это время лодку затряс басовитый рокот газолинового мотора.

— Куда мы плывем? — спросила Лира.

Ма Коста поставила кастрюлю с молоком на железную печку и скребла по колоснику, чтобы посильнее развести огонь.

— Плыдем отсюда. Не разговаривай. Поговорим утром.

И не сказала больше ни слова: дала Лире чашку горячего молока, поднялась на палубу, когда лодка пришла в движение, пошептала с мужчинами. Лира пила молоко, и, приподняв шторку, смотрела, как проплывают мимо темные пирсы. Через две минуты она уже крепко спала.

Лира проснулась на узкой койке под уютный шум мотора, ворчавшего где-то внизу. Села, ударила головой, выругалась, пощупала вокруг себя и выпрямилась, на этот раз осторожнее. В жидком сером свете разглядела три койки, пустые и аккуратно заправленные — одну под своей, две другие напротив. Обнаружила, что на ней только рубашка, а платье и волчья шуба сложены в ногах койки вместе с сумкой. Алетиометр был на месте. Она быстро оделась, вышла за дверь и очутилась в теплой части каюты, где стояла печка. За окнами по обоим бортам клубился туман, иногда в нем возникали темные очертания — то ли домов, то ли деревьев.

Она не успела выйти на палубу: наружная дверь открылась, и в каюту спустилась Ма Коста в старом твидовом пальто, покрытом изморосью, словно тысячами крохотных жемчужин.

— Выспалась? — сказала она, потянувшись за сковородкой.

— Теперь сядь в стороне, а я приготовлю тебе завтрак. Не стой тут, места мало.

— Где мы? — спросила Лира.

— В Большом Узловом канале. Не высовывайся отсюда. Чтобы я тебя не видела на палубе. Дела нехорошие.

Она кинула в сковородку два ломтика бекона и разбила над ними яйцо.

— А что нехорошего?

— Ничего, как-нибудь справимся, если не будешь высовываться.

Она молчала, пока Лира не кончила есть. Один раз лодка замедлила ход, что-то стукнуло ее в борт, послышались сердитые и громкие мужские голоса; но потом кто-то пошутил, в ответ раздался смех, голоса отдалились, и лодка двинулась дальше.

Наконец в каюту спустился Тони Коста, весь покрытый изморосью, как и мать. Он встряхнул свою шерстяную шапку над плитой, капли зашипели и забегали по ней.

— Что мы ей расскажем, Ма?

— Сперва спросим — расскажем потом.

Тони налил кофе в металлическую кружку и сел. Это был крепкий, смуглый человек, и теперь, разглядев его при дневном свете, Лира увидела, какое печальное и хмурое у него лицо.

— Правильно, — сказал он.

— Ну-ка, расскажи нам, что ты делала в Лондоне, Лира. Мы уж думали, что тебя забрали Жрецы.

— Я жила у этой дамы...

Лира кое-как собрала в голове обрывки происшедшего, а потом сложила их по порядку, как карты в колоде. Она рассказала им обо всем, кроме алетииометра.

— А потом, вчера у ней на вечеринке, я узнала, чем они на самом деле занимаются. Миссис Колтер — сама из Жрецов и собиралась использовать меня, чтобы ловить других детей. А что они с ними делают...

Ма Коста вылезла из каюты и отправилась в кокпит. Тони дождался, когда за ней закроется дверь, и договорил за Лиру:

— Мы знаем, что они делают. По крайней мере, знаем часть. Мы знаем, что они не возвращаются. Ребят увозят на Север, далеко, и там устраивают над ними эксперименты. Вначале мы думали, что на них

пробуют разные болезни и лекарства, — но зачем это было начинать ни с того ни с сего года два или три назад? Потом мы подумали про тартар, может, у них там с ними какая-то тайная сделка в Сибири. Потому что тартары тоже ездят на Север, как все остальные — из-за угольного спирта и огненных шахт, а о войне ходили слухи еще до Жрецов. И мы решили, что Жрецы подкупают тартарских вождей детьми — ведь тартары их едят, верно? Жарят детей и едят.

— Не может быть! — сказала Лира.

— Едят. Тут много чего можно рассказать. Ты когда-нибудь слышала про Налькайненов?

— Нет. Даже у миссис Колтер. А кто они?

— Это такие призраки, которые водятся в тамошних лесах. Ростом с ребенка и без голов. Ходят ощупью по ночам, и если ты уснул в лесу, они тебя хватают и не отпустят ни за что на свете. Налькайнены — это северное слово. И Духососы тоже опасные. Плавают по воздуху. Иногда встречаешь их кучами, когда слетаются вместе или застревают в куманике. Стоит им тронуть тебя, из тебя выходит вся сила. Их не видно, только как бы марево в воздухе. И Бездыханные...

— А это кто?

— Наполовину убитые воины. Живой — это одно дело, а мертвый — другое, а быть полуубитым хуже и того, и другого. Они просто не могут умереть, а жить им совсем невозможно. И вечно бродят. Бездыханными их зовут из-за того, что с ними сделали.

— Что сделали? — сказала Лира, выпучив глаза.

— Северные тартары разрезают им ребра и вытаскивают наружу легкие. Это особое искусство. Это делают, не убивая их, но их легкие сами уже не могут работать, их должны руками накачивать деймоны, так что люди эти и дышат, и не дышат, они и живые, и мертвые, понимаешь? Полуубитые. А деймоны их должны качать и качать, днем и ночью, иначе погибнут вместе с ними. В лесу можно набрести на целый взвод Бездыханных, так я слышал. А еще есть панцербьёрны — слышала? Это значит, бронированные медведи. Они вроде белых медведей, только...

— Да! Я слышала про них! Один там вчера вечером сказал, что моего дядю Азриэла посадили в крепость и его сторожат бронированные медведи.

— Ну? А что он там делал?

— Исследовал. Но как этот человек говорил, получается, что дядя не на стороне Жрецов. По-моему, они были рады, что он в тюрьме.

— Ну, ему оттуда не выйти, если сторожат бронированные медведи. Они вроде наемников, понимаешь? Продают свою силу любому, кто заплатит. У них руки, как у людей, и они давно научились обрабатывать железо, по большей части, метеоритное железо — делают из него большие листы для своих лат. Они веками совершали набеги на скрелингов. Они страшные убийцы, не знают жалости. Но слово свое держат. Если ты заключил сделку с панцербьёрном, он не обманет.

Лира глубоко задумалась об этих ужасах.

— Ма не любит разговоров о Севере, — помолчав, сказал Тони, — неизвестно ведь, что там стало с Билли. Понимаешь, мы знаем, что они увезли его на Север.

— Откуда вы знаете?

— Мы поймали одного Жреца и заставили говорить. Поэтому кое-что знаем об их делах. Те двое прошлой ночью были не Жрецы, чересчур неуклюжие. Если бы Жрецы, мы бы взяли их живьем. Понимаешь, нам, цыганскому народу, хуже всех досталось от Жрецов. Теперь мы все соберемся и будем решать, что с этим делать. Вот почему мы вчера ночью были в бухте — делали запасы, потому что у нас будет большое собрание на Болотах, называется у нас Сходка. И я так думаю, мы пошлем спасательную партию, когда услышим, что известно всем остальным цыганам, и сложим наши знания вместе. Я бы так сделал на месте Джона Фаа.

— Кто такой Джон Фаа?

— Король цыган.

— И вы правда собираетесь спасти детей? А Роджера?

— Кто такой Роджер?

— Кухонный мальчик из Иордан-колледжа. Его украли, как Билли, за день до того, как я уехала с миссис Колтер. Если бы меня украли, он наверняка поехал бы меня выручать. Если вы поедете спасти Билли, я тоже поеду спасти Роджера.

И дядю Азриэла, подумала она, но вслух не сказала.

Глава седьмая

Теперь, когда у Лире появилась цель, она почувствовала себя гораздо лучше. «Помощница миссис Колтер» звучит, конечно, красиво, но Пантелеймон был прав: никакой работы она там не делала, а была просто хорошеньким домашним животным. На цыганской лодке работа была настоящая, Ма Коста об этом позаботилась. Лира мыла и подметала, чистила картошку и заваривала чай, смазывала подшипники гребного вала, очищала от водорослей защитную решетку винта, мыла посуду, открывала шлюзные ворота, чалила лодку, и дня за два так обвыклась с новой жизнью, как будто родилась цыганкой.

Но не замечала, что семья Коста все время настороже — постоянно следившая, не проявят ли необычного интереса к Лире прибрежные жители. Она не понимала, что сейчас она — важная персона, что миссис Колтер и Жертвенный Совет будут искать ее повсюду. И в самом деле, Тони слышал разговоры в пивных о том, что полиция рыщет по домам и фермам, по строительным площадкам и фабрикам, ничего не объясняя, хотя ходили слухи, что ищут пропавшую девочку. Что само по себе было странно, учитывая, сколько детей уже пропало, но их не искали. И цыганам, и сухопутным это уже действовало на нервы.

Лира интересовала семью Коста еще и по другой причине; но об этом ей предстояло узнать лишь через несколько дней.

А пока что они отправляли ее под палубу всякий раз, когда проплывали мимо смотрителя шлюза, мимо пристани или другого места, где могли толпиться зеваки. Один раз они попали в город, где полиция обыскивала все суда и сильно задерживала движение в обе стороны. Но Коста и тут не сплеховали. За койкой Ма был тайник, где Лира два часа пролежала скорчившись, пока полиция без толку топала взад и вперед по всей лодке.

— А почему их деймоны меня не нашли? — спросила она после, и Ма объяснила ей, что внутренняя обшивка тайника, кедровый тес, оказывает снотворное действие на деймонов. Действительно, все это время Пантелеймон благополучно проспал возле ее головы.

Медленно, со множеством задержек и обходов, лодка Коста приближалась к Болотам Восточной Англии — этой обширной и не вполне нанесенной на карты пустоши с безбрежным небом и бесконечными отмелями. Дальний край ее с ручьями и приливными бухточками незаметно сливался с мелким морем, а другой край моря незаметно сливался с Голландией; часть Болот голландцы осушили и отгородили дамбами, и кое-кто из них там осел; так что на языке Болот сильно сказалось голландское влияние. Но часть их так и не была осушена, не возделывалась и не заселялась, и в самых необжитых

центральных районах, где скользили угри и собирались тучи птиц, где мерцали жуткие болотные огни и кикиморы заманивали беспечного путника в топь, — там, в безопасности, собирались на свои сходки цыгане.

И теперь по сотням извилистых протоков и речек их лодки двигались к Байнплатсу, единственному возвышенному клочку земли среди сотен квадратных километров трясины. Там стоял старинный деревянный дом собраний, окруженный лачугами постоянных жителей, пристанями и пирсами, и рядом Рыбный рынок. Говорили, что, когда цыгане собирались на общую сходку или на суд на Байнплатсе, лодки в воде стояли так тесно, что можно было пройти километр по их палубам. Цыгане владычествовали в Болотах. Прочие не осмеливались туда входить, и, пока цыгане хранили мир и честно торговали, земледеры закрывали глаза на нескончаемую контрабанду и редкие вспышки вражды. Если труп цыгана прибывало к берегу или он запутался в сетях — ну что ж, это был всего-навсего цыган.

Лира зачарованно слушала рассказы о жителях Болот, об огромной собаке-призраке Черная Лузга, о болотных огнях, вырывающихся из пузырей ведьмина масла, и стала чувствовать себя цыганкой еще до того, как они подошли к Болотам. Сначала она вернулась к оксфордской речи, а теперь переходила на цыганскую, полностью, с болотно-голландскими словами. Ма Коста вынуждена была кое-что ей напомнить.

— Ты не цыганка, Лира. Поупражнявшись, ты можешь сойти за цыганку, но цыганский у нас не только язык. В нас есть омуты и стремнины. Мы насквозь водяной народ, а ты нет, ты — человек огня. Больше всего ты любишь болотные огни, вот каково твое место в цыганском мире; у тебя ведьмино масло в душе. Ты обманчива, девочка.

Лира обиделась.

— Я никогда никого не обманывала! Спросите...

Спросить, конечно, было не у кого, и Ма Коста добродушно рассмеялась.

— Не поняла, что тебе сделали комплимент, глупышка? — сказала она, и Лира успокоилась, хотя все равно не поняла.

К Байнплатсу они подошли вечером, солнце уже садилось в кровавом небе. На фоне его черным силуэтом обозначился низменный остров и громада Зааля, окруженная домишками; в неподвижном воздухе стояли столбики дыма, а со сгрудившихся лодок доносились запахи жареной рыбы, курительного листа, можжевелевого спирта.

Они пришвартовались недалеко от самого Зааля, у причала, которым, по словам Тони, семья пользовалась из поколения в поколение. Вскоре у Ма Косты на сковородке скворчала пара жирных угрей, и рядом грелся чайник для картофельного порошка. Тони и Керим намастили волосы, надели лучшие кожаные куртки с синими в крапинку шейными платками, унизали пальцы серебряными кольцами и пошли поздороваться со старыми друзьями на соседних лодках и выпить стакан-другой в ближайшем баре. Они вернулись с важной новостью.

— Мы вовремя приплыли. Сходка сегодня вечером. А в городе говорят — как тебе это нравится? — говорят, что пропавшая девочка приплыла с кем-то из цыган и сегодня появится на Сходке!

Он громко засмеялся и взъерошил Лире волосы. С тех пор как они вошли в Болота, Тони становился все добродушнее, и угрюмая свирепость его лица была лишь маской. Лира, чувствуя, как набухает в груди волнение, быстро поела, помыла посуду, расчесала волосы и, засунув алетиметр в карман волчьей шубы, выпрыгнула на берег и вместе с другими цыганами пошла вверх по склону к Заалю.

Она думала, что Тони пошутил. Вскоре выяснилось, что нет — или же она была меньше похожа на цыганку, чем думала: люди глазели на нее, дети показывали пальцами, и, когда Лира с семьей подходила к высоким дверям Зааля, толпа расступалась перед ними и провожала их глазами.

Тут Лира оробела по-настоящему. Она держалась поближе к Ма Косте, а Пантелеймон, чтобы подбодрить ее, сделался настолько большим, насколько мог, и принял вид пантеры. Ма Коста взошла по ступеням так, будто ничто на свете не могло остановить ее или заставить торопиться, а Тони и Керим шли по бокам, как принцы.

В зале горели гарные лампы, бросавшие резкий свет на лица и тела людей, но высокие стропила Зааля терялись во мраке. Вошедшие с трудом находили себе место, все скамьи уже были заняты, но семьи старались потесниться — детей брали на колени, а деймоны, чтобы не мешать, сидели в ногах или на корявых деревянных стенах.

В конце зала был помост с восемью резными креслами. Пока Лира и Коста пристраивались где-то сбоку (сесть уже было негде), из тени на помост вышли восемь человек и встали перед креслами. По публике пронесся шепоток «тсс», некоторые попытались присесть на ближайшие скамьи. Наконец все смолкло, и семеро на помосте сели. Стоять продолжал человек лет семидесяти с лишним, но высокий и крепкий, с бычьей шеей. На нем была простая брезентовая куртка и клетчатая рубашка, как и на многих других; выделялся он только тем, что весь вид его выражал силу и властность. Лире это было знакомо: этим же

отличался дядя Азриэл и Магистр Иордана. Деймон его был вороной, очень похожий на ворона Магистра.

— Это Джон Фаа, повелитель западных цыган, — шепнул Тони.

Джон Фаа заговорил медленно, низким голосом.

— Цыгане! Добро пожаловать на Сходку. Мы собрались, чтобы выслушать друг друга и принять решение. Вы знаете почему. Многие семьи здесь потеряли ребенка. Иные — двух. Кто-то их похищает. Правда, и земледеры теряют детей. В этом мы товарищи по несчастью.

Ходят разговоры о ребенке и вознаграждении. Чтобы прекратить сплетни, вот вам правда. Ребенка зовут Лира Белаква, ее ищет полиция земледеров. Тому, кто сдаст ее, назначена награда в тысячу соверенов. Она ребенок земледеров, мы опекаем ее и будем опекать. Тот, кто соблазнится тысячей соверенов, пусть поищет себе место не на земле и не на воде. Мы ее не отдадим.

Лира почувствовала, что заливаётся краской от пяток до корней волос; Пантелеймон превратился в коричневого мотылька, чтобы быть незаметнее. Все взгляды обратились на них, а она могла смотреть только на Ма Косту, ища поддержки. Джон Фаа продолжал:

— От долгих разговоров не будет толку. Если хотим изменить положение, надо действовать. И вот вам еще один факт: Жрецы, эти похитители детей, отвозят своих пленников в город на дальнем Севере, в страну тьмы. Я не знаю, что они там с ними делают. Одни говорят, что их убивают, другие говорят другое. Мы не знаем.

Но знаем, что делается это с благословения земледерской полиции и церкви. Им помогают все сухопутные власти. Помните это. Они знают, что происходит, и всем, чем могут, помогают.

Поэтому предложение у меня простое. И мне нужно ваше согласие. Я предлагаю послать на Север отряд бойцов, чтобы спасти детей и вернуть домой живыми. Я предлагаю вложить в это дело наше золото, проявить всю храбрость, на какую мы способны, и все умение. Мы слушаем вас, Раймонд ван Геррит.

Человек в зале поднял руку, и, предоставив ему слово, Джон Фаа сел.

— Прошу прощения, лорд Фаа. Сухопутных детей похищают так же, как цыганских. Вы говорите, что их мы тоже должны спасти?

Джон Фаа встал, чтобы ответить.

— Раймонд, по-вашему, мы должны преодолеть всевозможные опасности, пробиться к кучке испуганных детей и сказать, что некоторых мы забираем домой, а остальных бросаем? Нет, вы не могли так подумать. Ну что, друзья, вы одобряете план?

Вопрос застал Цыган врасплох: возникло минутное замешательство. Но потом зал наполнился дружным ревом, поднялись кулаки, раздались аплодисменты, возбужденные выкрики. Стропила и балки зала задрожали, на своих невидимых насестах проснулись десятки спавших птиц, в страхе захлопали крыльями, и на головы посыпалась пыль.

Джон Фаа выждал минуту, а потом поднял руку, прося тишины.

— Для организации дела потребуется время. Я хочу, чтобы главы семей установили налог и набрали людей. Мы снова встретимся здесь через три дня. За это время я поговорю с ребенком, о котором идет речь, с Фардером Корамом и представлю план на ваше рассмотрение. Спокойной вам ночи.

Его веская, откровенная речь и простые манеры успокоили народ. Когда люди устремились к большим дверям, чтобы разойтись по своим лодкам или шумным барам городка, Лира спросила Ма Косту:

— Кто были остальные люди на помосте?

— Главы шести семей, а еще один — Фардер Корам.

Кто был этот один, догадаться не составляло труда: он там был самым старым. Он шел, опираясь на палку, а пока сидел позади Джона Фаа, все время дрожал, словно в лихорадке.

— Пойдем, — сказал Тони.

— Засвидетельствуешь свое почтение Джону Фаа. Обращайся к нему «лорд Фаа». Не знаю, о чем тебя спросят, но смотри говори правду.

Лира пошла за Тони сквозь толпу к помосту, а Пантелеймон теперь сделался любопытным воробьем и сидел на плече у Леры, вцепившись коготками в волчью шубу.

Тони поднял ее наверх. Чувствуя, что все оставшиеся в зале смотрят на нее, и вспомнив, что теперь она стоит тысячу соверенов, Лира покраснела и застыла на месте. Пантелеймон прыгнул ей на грудь, превратился в дикого кота и сидел у нее на руках, тихонько шипя и озираясь. Лиру подтолкнули в спину, и она подошла к Джону Фаа. Он был суров, массивен и непроницаем — каменный столб, а не человек, — однако наклонился к ней и подал руку. Ее рука утонула в его ладони.

— Добро пожаловать, Лира, — сказал он. Вблизи его голос рокотал, как сама земля. Лира испугалась бы, если бы не Пантелеймон и не потеплевшее вдруг лицо Джона Фаа. Он обратился к ней очень ласково.

— Спасибо, лорд Фаа, — сказала она.

— Пойдем теперь в совещательную комнату и поговорим, — сказал Джон Фаа.

— Коста тебя как следует кормят?

— Да-а. На ужин мы ели угрей.

— Хороших местных угрей, я надеюсь? Совещательная комната была уютным местом — с большим камином, буфетами, уставленными серебряной и фаянсовой посудой, и тяжелым темным столом, отполированным за много лет; вокруг него стояло двенадцать кресел.

Остальные люди с помоста ушли, а трясущийся старик остался. Джон Фаа помог ему сесть за стол.

— Ну-ка, сядь справа от меня, — сказал он Лире, а сам занял место во главе стола. Лира оказалась лицом к лицу с Фардером Корамом. Похожее на череп лицо старика и постоянная дрожь немного пугали Лиру. Его деймон, красивый крупный кот цвета осенней листвы, прошелся по столу, подняв хвост, любезно осмотрел Пантелеймона, коснулся носом его носа и уселся на коленях у Фардера Корамы, после чего прикрыл глаза и тихо замурлыкал.

Женщина, которую Лира прежде не заметила, вышла из сумрака со стаканами на подносе, поставила его перед Джоном Фаа, сделала реверанс и исчезла. Джон Фаа налил себе и Фардеру Кораму можжевельной из глиняного кувшина, а Лире — вина.

— Итак, ты убежала, Лира.

— Да.

— А кто была дама, от которой ты убежала?

— Ее звали миссис Колтер. Я думала, она хорошая, но оказалось, что она из Жрецов. Там кто-то говорил, что такие Жрецы — они называются Жертвенный Центр, и она там главная, она его придумала. У них какой-то план, не знаю какой, они хотели, чтобы я помогала им добывать детей, только они не знали...

— Чего они не знали?

— Ну, во-первых, не знали, что я знала украденных ребят. Роджера, кухонного мальчика из Иордана, он мой друг, Билли Косту и девочку с Крытого рынка в Оксфорде. И еще... Мой дядя — лорд Азриэл. Я слышала, как они разговаривали о его путешествиях на Север, и думаю, со Жрецами он ничего общего не имеет. Потому что я подглядывала за Магистром и Учеными Иордана, так? Спряталась в Комнате Отдыха — а туда никому, кроме них, входить нельзя — и слышала, как лорд Азриэл рассказывал им про свою экспедицию на Север, и он видел Пыль, и привез голову Станислауса Груммана, в ней тартары сделали дырку. А теперь Жрецы где-то заперли его. Его сторожат бронированные медведи. И я хочу его освободить.

Маленькая на фоне высокой резной спинки кресла, она смотрела на них упрямо и гневно. Старики не могли удержаться от улыбки, но, если улыбка Фардера Корама была неопределенной, задумчивой, трепетной, словно солнечный свет, пробивающийся сквозь листву в ветреный день, то у Джона Фаа — спокойной, открытой и теплой.

— Ты все-таки припомни подробнее, о чем говорил тогда твой дядя, — попросил Джон Фаа.

— Ничего не упусти. Расскажи нам все.

Лира стала рассказывать — и подробнее, чем семье Коста, и честнее. Ее пугал Джон Фаа, и больше всего пугала его доброта. Когда она кончила, в первый раз заговорил Фардер Корам. Голос его, глубокий и музыкальный, был богат интонациями так же, как богат тонами был мех его деймона.

— Эту Пыль, — сказал он, — они называли ее еще как-нибудь, по-другому?

— Нет. Просто Пыль. Миссис Колтер сказала мне, что это такое, — элементарные частицы, но по-другому никак не называла.

— И они думают, что, делая какие-то опыты с детьми, могут больше узнать о ней?

— Да. Только не знаю что. Правда, дядя... Вот что я забыла сказать. Когда он показывал им снимки через фонарь, у него там был еще один. Там была Врора...

— Что? — сказал Джон Фаа.

— Аврора, — сказал Фардер Корам.

— Верно, Лира?

— Да, она. И в огнях Авроры был вроде город. Башни, церкви, купола и всякое такое. Немного похоже на Оксфорд, так мне показалось. И дяде Азриэлу, по-моему, это было интересней, а Магистру и другим Ученым интересней была Пыль — и миссис Колтер тоже, и лорду Бореалу, и другим.

— Понимаю, — сказал Фардер Корам.

— Это очень интересно.

— Слушай, Лира, — сказал Джон Фаа, — я тебе кое-что скажу. Фардер Корам — мудрый человек. Видящий. Он следил за всем, что происходило вокруг Пыли, за Жрецами, за лордом Азриэлом и всем остальным, и он следил за тобой. Всякий раз, когда Коста и несколько других семей бывали в Оксфорде, они возвращались с кое-какими новостями. И о тебе, дитя. Тебе это известно?

Лира помотала головой. Ей становилось страшно. Пантелеймон издавал глухое рычание, которого не было слышно, но она ощущала его кончиками пальцев, зарывшихся в мех.

— Да-да, — сказал Джон Фаа.

— Обо всех твоих проделках Фардер Корам здесь знал.

Лира не удержалась:

— Мы ее не испортили! Честно! Только чуть-чуть запачкали грязью! И уплыли недалеко...

— О чем ты, дитя? — сказал Джон Фаа.

Фардер Корам рассмеялся. В эту минуту он перестал дрожать, лицо его сделалось молодым и веселым.

А Лира не смеялась. У нее дрожали губы:

— И если бы мы нашли затычку, мы бы ее не выдернули! Это была шутка. Мы не собирались ее топить!

Тут рассмеялся и Джон Фаа. Он так хлопнул широкой ладонью по столу, что зазвенели стаканы; его могучие плечи затряслись, и он стал вытирать слезы. Лира никогда не видала такого зрелища, никогда не слыхала такого оглушительного хохота — казалось, что хохотала гора.

— Ох, — сказал он, совладав наконец со смехом, — об этом мы тоже слышали, девочка! Думаю, с тех пор семье Коста напоминают об этом

всякий раз при швартовке. «Ты бы оставил часового на лодке, Тони, — говорят люди.

— Тут полно озорниц!» Да, эта история и до Болот дошла. Но мы не собираемся тебя наказывать. Нет, нет! Не беспокойся, девочка.

Он взглянул на Фардера Корама, и оба опять рассмеялись, но уже тише. Лира поняла, что ей ничего не грозит. Джон Фаа покачал головой и сделался серьезен.

— Видишь ли, мы знаем о тебе с самых ранних лет. С твоего рождения. И то, что мы знаем, тебе тоже надо знать. В Иордан-колледже тебе, наверное, что-то говорили о твоём происхождении, но там не знают всей правды. Они тебе говорили, кто твои родители?

Лира была изумлена.

— Да, — сказала она.

— Они говорили, что я... говорили, что они... говорили, что лорд Азриэл отдал меня туда, потому что мама и папа погибли при аварии дирижабля. Так мне говорили.

— Да ну? Так вот, девочка, я расскажу тебе подлинную историю. Я знаю, что она подлинная, потому что мне рассказала ее цыганская женщина, а они всегда говорят правду Джону Фаа и Фардеру Корама. Так вот правда о тебе, Лира. Твой отец не погиб ни на каком дирижабле, потому что твой отец — лорд Азриэл.

Лира оцепенела.

— Вот как это было, — продолжал Джон Фаа.

— Когда лорд Азриэл был молодым человеком, он отправился в путешествие по Северу и вернулся с большим богатством. Он был горячим человеком, вспыльчивым, страстным.

И мать твоя была страстной женщиной. Не такого благородного происхождения, как он, но умной женщиной. Даже ученой, и те, кто видел ее, говорят, что она очень красива. Они с твоим отцом влюбились друг в друга с первого взгляда.

Но в том беда, что твоя мать была замужем. Она была замужем за политиком. Он был членом Королевской партии, одним из ближайших советников короля. Его ожидало большое будущее.

И вот, когда оказалось, что твоя мать беременна, она побоялась сказать мужу, что ребенок не его. И когда ребенок родился — то есть ты,

девочка, — сразу было видно, что ты не похожа на ее мужа, а похожа на настоящего отца, и она решила, что тебя лучше спрятать и сказать, что ты умерла.

Поэтому тебя отвезли в Оксфордшир, где у твоего отца были поместья, и оставили на попечении цыганки. Но кто-то нашептал об этом мужу твоей матери, и он примчался с обыском в жилище цыганки. Только она успела убежать в большой дом, и муж в зверской ярости понесся за ней.

Твой отец в это время охотился, но ему сообщили, он прискакал домой и как раз застал мужа твоей матери у подножия большой лестницы. Еще минута, и муж взломал бы чулан, где пряталась с тобой цыганка, но лорд Азриэл встал против него, и они сразились тут же, и лорд Азриэл его убил.

Цыганская женщина это слышала и видела, Лира, — вот откуда мы это знаем.

А потом был большой судебный процесс. Твой отец не такой человек, который станет отрицать или скрывать правду, и судьи оказались в затруднении. Да, он убил, он пролил кровь, но он защищал свой дом и своего ребенка от насильника. С другой стороны, закон позволяет человеку мстить за оскорбление жены, и адвокаты убитого доказывали, что он действовал именно так.

Процесс тянулся неделями, доказательств с обеих сторон накопились целые тома. В конце концов судьи наказали лорда Азриэла, конфисковав все его имущество и все его земли, оставив его бедняком, а был он богат, как король.

Что до твоей матери, она вообще не желала об этом знать, и о тебе тоже. Она отвернулась от тебя. Цыганка сказала мне, что боялась, не будет ли мать обижать тебя, — женщина она гордая и надменная. Ну, и довольно о ней.

Оставалась ты. Если бы сложилось иначе, Лира, тебя могла бы растить кормилица-цыганка — она умоляла суд оставить тебя ей; но у цыган в глазах закона мало веса. Суд решил, что тебя надо поместить в женский монастырь, там ты и оказалась, с Сестрами-Послушницами в Уотлингтоне. Ты этого не помнишь.

Но лорд Азриэл не потерпел этого. Он ненавидел приоров, монахов и монахинь и, будучи человеком своевольным, просто приехал туда и увез тебя. Не для того, чтобы самому тебя растить или отдать цыганам; он отвез тебя в Иордан-колледж, а законникам сказал: попробуйте отобрать.

Ну, и те смирились. Лорд Азриэл продолжал свои исследования, а ты росла в Иордан-колледже. Одного потребовал твой отец, одно поставил условие — чтобы твоей матери не позволяли тебя видеть. А если она попытается, ее не должны допустить и должны сказать ему, потому что весь гнев, какой жил в нем, обратился теперь против нее. Магистр клятвенно пообещал. Так шло время.

А потом начались эти волнения из-за Пыли. По всей стране, по всему миру поднялась тревога. Нас, цыган, это не трогало, пока не стали красть наших детей. Тут и мы заинтересовались. Но у нас повсюду есть связи — даже в таких местах, каких ты и вообразить не можешь, например в Иордан-колледже. Ты об этом не догадывалась, но за тобой там наблюдали и сообщали нам с тех самых пор, как ты там появилась. Потому что мы тобой интересуемся, а та цыганка, которая тебя выкормила, она не переставала беспокоиться о тебе.

— Кто за мной наблюдал? — спросила Лира. Она ощутила себя важным человеком, ей было странно, что ее дела заботят таких далеких людей.

— Человек из Кухни. Берни Юхансен, кондитер. Он наполовину цыган; тебе это, конечно, и в голову не приходило.

Берни был добрый, бессемейный человек, один из тех редких людей, у которых деймоны одного с ними пола. Это на Берни она кричала от безысходности, когда увели Роджера. А Берни все рассказывал цыганам! Она не могла опомниться от удивления.

— Словом, — продолжал Джон Фаа, — мы слышали, что ты уехала из Иордан-колледжа, и произошло это тогда, когда лорд Азриэл очутился в неволе и не мог этому помешать. И мы помнили его наказ Магистру, и помнили, что человека, который был женат на твоей матери, политика, которого убил лорд Азриэл, звали Эдуардом Колтером.

— Миссис Колтер? — сказала ошеломленная Лира.

— Она моя мать?

— Мать. Если бы твой отец был на свободе, она не посмела бы пойти против него, ты и сейчас жила бы в Иордане, ни о чем не ведая. Но почему Магистр тебя отпустил — это загадка, и я не могу ее объяснить. Ему доверили заботиться о тебе. Могу предположить только, что она имеет над ним власть.

Теперь Лира поняла, почему Магистр вел себя так странно в утро ее отъезда.

— Да, он не хотел... — сказала она, пытаясь вспомнить все в точности.

— Он... Утром я должна была сразу пойти к нему, и он не велел говорить миссис Колтер... Он как будто хотел меня защитить от миссис Колтер...

— Она запнулась, пристально посмотрела на обоих и решила рассказать всю правду о Комнате Отдыха.

— Там вот что еще было. В тот вечер, когда я спряталась в Комнате Отдыха, я увидела, что Магистр хочет отравить лорда Азриэла. Он насыпал какой-то порошок в вино, а я сказала дяде, и дядя сшиб графин со стола. Так что я спасла ему жизнь. Никак не могла понять, зачем Магистр хотел отравить его, — он всегда был добрым. А когда я уезжала, он позвал меня рано утром к себе в кабинет, и надо было идти тайком, чтобы никто не узнал, и там он сказал...

— Лира изо всех сил пыталась вспомнить, что в точности сказал Магистр. Не смогла; потрясла головой.

— Я только одно поняла: он дал мне одну вещь и велел хранить в секрете от нее, от миссис Колтер. Думаю, вам можно сказать...

Лира сунула руку в карман волчьей шубы, достала бархатный сверток и положила на стол. Простодушный твердый взгляд Джона Фаа и пронзительный быстрый Фардера Корама с любопытством уперлись в него, как лучи прожекторов. Когда она развернула алетиометр, первым заговорил Фардер Корам.

— Не думал, что когда-нибудь увижу его еще раз. Это — символическое устройство. Тебе ничего о нем не говорили, детка?

— Нет. Только, чтобы я сама научилась читать его показания. И он назвал его алетиометром.

— Что это значит? — спросил Джон Фаа, повернувшись к соседу.

— Это — греческое слово. Думаю, производное от алетейя, что значит истина. Истиномер. Ты научилась им пользоваться? — спросил он Лиру.

— Нет. Я могу наставить короткие стрелки на разные картинки, но с длинной ничего не могу. Она бежит как хочет. Иногда только, правда, если сосредоточусь, то могу ее куда-нибудь повернуть — или если просто думаю о ней.

— Что он показывает, Фардер Корам? — спросил Джон Фаа.

— И как понимать его показания?

— По ободу идут картинки, — сказал Фардер Корам, бережно повернув прибор лицом к Джону Фаа, который смотрел на него твердым

простодушным взглядом, — это символы, и каждый имеет целый ряд значений. Возьмем, например, якорь. Первое значение его — надежда, потому что поддерживает тебя, ты не отступаешь. Второе значение — стойкость. Третье — тормоз или предотвращение. Четвертое значение — море. И так далее, до десяти, двенадцати и, может быть, до бесконечного количества значений.

— И ты все их знаешь?

— Я знаю некоторые, но чтобы истолковать все, понадобилась бы книга. Я видел книгу и знаю, где она, но у меня ее нет.

— К этому мы вернемся, — сказал Джон Фаа.

— Рассказывай дальше, как он работает.

— Тут три стрелки, — продолжал Фардер Корам, — с их помощью ты задаешь вопрос. Наставив их на три символа, ты можешь задать любой вопрос, какой придет в голову, потому что у каждого символа много уровней. Когда вопрос у тебя сложился, длинная стрелка поворачивается и указывает на другие символы, и они дают тебе ответ.

— Но откуда он знает, какой уровень ты имеешь в виду, когда задаешь вопрос? — спросил Джон Фаа.

— Нет, сам он не знает. Он работает только тогда, когда спрашивающий держит эти уровни в голове. Прежде всего ты должен помнить все значения, а их может быть тысяча или больше. Затем, ты должен держать их в уме, не раздражаясь и не подталкивая его к ответу, просто следить за движением стрелки. Когда она пройдет весь свой путь, ты получишь ответ. Я знаю, как он действует, потому что видел однажды, как это делал ведун в Упсале, — это единственный раз, когда я его видел. Ты знаешь, какая это редкость?

— Магистр сказал, что их сделано всего шесть, — ответила Лира.

— Во всяком случае, их немного.

— И ты держала его в секрете от миссис Колтер, как велел Магистр? — сказал Джон Фаа.

— Да. Но ее деймон заходил в мою комнату. И наверняка нашел его.

— Понятно. Ну что ж, Лира, не знаю, пойдем ли мы когда-нибудь всю правду. Могу высказать, самое большее, только свои догадки. Лорд Азриэл поручил Магистру заботиться о тебе и оберегать тебя от матери. Что он и делал, десять лет или больше. Затем друзья миссис Колтер в церкви помогли ей учредить Жертвенный Совет, для какой цели, мы не

знаем, но теперь она стала по-своему такой же могущественной, как лорд Азриэл. Твои родители, оба сильные люди этого мира, оба честолюбивые, и Магистр Иордана должен балансировать между ними.

А у Магистра сотня забот. Первая его забота — Колледж и ученая жизнь Колледжа. И когда им что-то угрожает, он должен принимать меры. А церковь в последнее время становится все влиятельнее, Лира. У нее есть Советы и по таким вопросам, и по таким; поговаривают о возрождении Инквизиции, не приведи бог. И Магистр должен лавировать между этими силами. Иордан-колледж должен быть угоден церкви, иначе он не выживет.

А другая забота Магистра — ты, девочка. Берни Юхансен всегда это видел. Магистр Иордана и другие Ученые любили тебя, как родную дочь. Они сделали бы все, чтобы уберечь тебя — и не потому только, что обещали лорду Азриэлу, а из любви к тебе. Так что если Магистр отдал тебя миссис Колтер, хотя обещал лорду Азриэлу не отдавать, то, наверное, решил, что с ней ты будешь в большей безопасности, чем у них в Колледже. А когда решил отравить лорда Азриэла, думал, верно, что лорд Азриэл занялся чем-то таким, что опасно для них и, может быть, для всех нас тоже; может быть, для всего мира. Мне кажется, что Магистр стоит перед ужасным выбором: что бы он ни выбрал, вреда не избежать; но, может быть, если он сделает правильный выбор, вреда будет чуть меньше, чем от неправильного. Не дай мне Бог оказаться перед таким выбором.

И когда ему пришлось отпустить тебя, он дал тебе алетиметр и велел хранить в секрете. Не понимаю, для чего он тебе его дал, если ты не умела им пользоваться — ума не приложу, с каким намерением.

Лира стала припоминать:

— Он сказал, что дядя Азриэл подарил алетиметр Иордан-колледжу много лет назад. Он хотел что-то еще сказать, но тут постучали в дверь, и он замолчал. Может, он хотел, чтобы я прятала его и от лорда Азриэла.

— Или наоборот, — заметил Джон Фаа.

— Что ты хочешь сказать, Джон?

— Может быть, он хотел, чтобы Лира вернула его лорду Азриэлу в виде компенсации за то, что пытался его отравить. Может быть, решил, что лорд Азриэл больше не представляет опасности. Или что этот прибор подскажет лорду Азриэлу мудрое решение, и он откажется от своей цели. Если лорда Азриэла держат в заточении, алетиметр помог бы ему выйти на свободу. В общем, Лира, бери свой алетиметр и береги. Если смогла уберечь до сих пор, за его судьбу можно не волноваться. Но

может случиться так, что нам понадобится его совет, и тогда мы у тебя его попросим.

Он завернул алетиметр в бархат и придвинул к Лире. У Лире вертелось на языке множество вопросов, но она вдруг застеснялась этого грузного человека с маленькими глазками, глядевшими так остро и ласково из складок и морщин.

Но об одном она не могла не спросить.

— А кто была та цыганка, которая меня нянчила?

— Ну кто же еще — мать Билли Коста. Она не сказала тебе, потому что я не велел, но она знает, о чем мы тут разговариваем, от нее секретов нет.

А теперь иди к ней. Тебе будет о чем подумать, детка. Пройдет три дня, мы снова соберемся и обсудим, что нам делать. Веди себя хорошо. Спокойной ночи, Лира.

— Спокойной ночи, лорд Фаа. Спокойной ночи, Фардер Корам, — вежливо сказала она, прижав алетиметр к груди, а другой рукой подхватив Пантелеймона. Старики улыбнулись ей. За дверью совещательной комнаты ждала Ма Коста и, словно ничего не изменилось с тех пор, как Лиру отдали ей младенцем, сгребла ее своими огромными руками, поцеловала и понесла спать.

Глава восьмая

ОТКАЗ

Лире надо было привыкать к своей новой биографии, а дело это — не одного дня. Узнать, что лорд Азриэл твой отец — одно, признать же миссис Колтер своей матерью было отнюдь не так легко. Месяца два назад она, понятно, радовалась бы, но теперь ее это смущало. Но таков уж был ее характер, что долго расстраиваться из-за этого она не могла, — кругом не обследованный Болотный город и множество цыганят, которых надо удивлять. Не прошло и трех дней, как она уже мастерски (ей казалось) плавала на лодке с шестом и собирала вокруг себя шайки ребят рассказами о своем могучем отце, несправедливо заключенном в тюрьму.

— И вот однажды вечером на ужин в Иордане был приглашен турецкий посол. А у него был приказ самого Султана убить моего отца — так? И у него был перстень с пустым камнем, в котором был яд. И вот подали вино, и он как бы протянул руку над бокалом моего отца, а сам высыпал туда яд. Так быстро, что никто больше не заметил, только...

— А какой яд? — спросила девочка с худым лицом.

— Яд особенной турецкой змеи, — выдумывала Лира, — ее подманивают игрой на дудке, а потом бросают ей губку, пропитанную медом, змея кусает ее и не может вытащить зуб, тогда ее ловят и выдаивают из нее яд. В общем, отец увидел, что сделал турок, и говорит: «Джентльмены, я предлагаю выпить за дружбу между Иордан-колледжем и Колледжем Измира», — потому что посол был сам из этого колледжа. «И чтобы закрепить нашу дружбу, — говорит он, — мы обменяемся бокалами». И посол теперь в безвыходном положении: отказаться нельзя, потому что это будет смертельное оскорбление, и выпить нельзя, потому что вино отравлено. Он весь побледнел и упал в обморок прямо за столом. Очнулся — все сидят вокруг, смотрят на него и ждут. Значит, либо ему пить, либо признаваться.

— И что он сделал?

— Он выпил. Целых пять минут умирал и все время мучился.

— Ты сама видела?

— Нет, девочек не допускают за Главный Стол. Но потом видела его труп, когда его положили. Кожа у него сморщилась, как старое яблоко, а глаза вылезли из головы. Их пришлось заталкивать обратно...

И так далее.

Тем временем на окраинах Болот полиция стучала в двери, обыскивала чердаки и сараи, рылась в бумагах и допрашивала всякого, кто мог видеть светловолосую девочку; а в Оксфорде обыски шли еще более яростные. Иордан-колледж прочесали сверху донизу, от самой пыльной кладовой до самого темного подвала; такая же участь постигла колледжи Гавриила и Святого Михаила, и главы колледжей написали совместный протест, настаивая на своих древних правах. О розыске Лира могла догадаться только по нескончаемому гудению газолиновых моторов в небе, где сновали дирижабли. Самих их не было видно, потому что тучи висели низко, а по уставу воздушные корабли должны были держаться на определенной высоте над Болотным краем, — но кто знает, какие хитрые шпионские приборы могли быть у них на борту? Заслышав их, она старалась спрятаться или прятала свои заметные светлые волосы под клеенчатым капюшоном зюйдвестки.

И расспрашивала Ма Косту обо всех подробностях своего рождения. Детали складывались в мысленную картину, еще более яркую и отчетливую, чем ее выдуманные истории; она снова и снова переживала бегство из цыганского домика, сидение в чулане, снова и снова слышала хриплые голоса соперников, лязг сабель...

— Сабель? Господи, девочка, тебе приснилось? — сказала Ма Коста.

— У мистера Колтера был пистолет, а лорд Азриэл выбил его из руки и свалил мистера Колтера одним ударом. Потом было два выстрела. Как же ты не запомнила — должна была бы, хоть и маленькая. Первым выстрелил Эдуард Колтер, он дотянулся до пистолета и выстрелил, а потом выстрелил лорд Азриэл — он снова вырвал у него из руки пистолет. Попал ему прямо между глаз и вышиб мозги. А потом говорит, спокойно, как ни в чем не бывало: «Выходите, миссис Коста, и несите ребенка», потому что ты подняла такой крик — и ты и этот твой деймон, хором. Он взял тебя, посадил на плечи и стал прохаживаться мимо мертвеца, спокойный и веселый, потребовал вина, а мне велел замыть пол.

Прослушав эту историю четыре раза, Лира уверилась, что помнит все сама, и даже стала добавлять кое-какие подробности — о цвете костюма мистера Колтера, о плащах и мехах, висевших в чулане. Ма Коста смеялась.

А оставшись одна, Лира вынимала алетиметр и вглядывалась в него, как в портрет возлюбленного. Значит, у каждой картинке несколько смыслов? Неужели она в них не разберется? Но разве она не дочь лорда Азриэла?

Вспомнив, что говорил Фардер Корам, она старалась сосредоточиться на трех символах, взятых наугад, и наставляла на них три стрелки. Оказалось, что, если просто держать алетиметр на ладони и глядеть на него как-то особенно лениво, при этом думая о нем, длинная стрелка начинает двигаться упорядоченнее. Она не блуждала как придется по кругу, а плавно переходила с одной картинки на другую. Иногда она задерживалась на трех, иногда на двух, иногда на пяти, и, хотя Лира ничего не понимала, это занятие доставляло ей глубокую, тихую радость, прежде ей не знакомую. Пантелеймон наклонялся над круглой шкалой, иногда в виде кота, иногда в виде мыши, и поворачивал голову вслед за стрелкой; раз или два оба они улавливали какой-то проблеск смысла (будто солнечный луч пробился сквозь облака и озарил величественную панораму холмов), далекого и проглянувшего неожиданно. И каждый раз при этом Лира испытывала трепет, такой же, какой вызывало у нее всю жизнь слово «Север».

Так миновали три дня в непрерывной беготне между скоплением лодок и Заалем. Наступил вечер второй Сходки. Зааль был набит еще плотнее, чем в прошлый раз, если это вообще возможно. Лира и Коста успели занять места в передних рядах, и, когда мерцание огней в лампах показало, что зал заполнен, на помост вышли Джон Фаа и Фардер Корам и сели за стол. Джону Фаа не пришлось призывать к тишине; он просто

положил свои огромные ладони на стол, посмотрел на людей внизу, и гул стих.

— Хорошо, — сказал он, — вы сделали, как я просил. И даже лучше, чем я надеялся. Пусть главы шести семей поднимутся сюда, передадут свое золото и подтвердят свои обещания. Николас Рокби, ты первый.

На помост поднялся коренастый чернобородый человек и поставил на стол тяжелую кожаную сумку.

— Это наше золото, — сказал он.

— И мы выделяем тридцать восемь человек.

— Спасибо, Николас, — сказал Джон Фаа. Фардер Корам что-то записал. Первый человек отошел назад, и Джон Фаа вызвал следующего, потом еще одного; они выходили, ставили сумку на стол и объявляли число людей, выделенных для спасательной партии. Коста принадлежали к семье Стефански, и, конечно, Тони был одним из первых добровольцев. Лира заметила, как его деймон-ястреб переступал с ноги на ногу и расправлял крылья, пока Стефански клал на стол деньги и объявлял о наборе двадцати трех человек.

Когда все шестеро глав семей прошли перед столом, Фардер Корам показал свой листок Джону Фаа, и тот, поднявшись, снова обратился к людям:

— Друзья, мы набрали сто семьдесят человек. Я горд, и благодарю вас. Что касается золота, то, судя по весу, вы сильно опорожнили свои сундуки, и за это я тоже душевно благодарю вас.

Теперь мы сделаем следующее. Мы зафрахтуем корабль, отправимся на Север, найдем детей и освободим их. Насколько мы понимаем, нас ждет бой. Для нас он не первый и не последний, но мы никогда еще не сражались с людьми, которые похищают детей, и мы должны проявить незаурядную хитрость. Но без наших детей мы не вернемся. Мы слушаем, Дирк Врис.

Внизу поднялся человек и сказал:

— Лорд Фаа, вы знаете, зачем они захватили детей?

— Мы слышали, что это имеет отношение к теологии. Они ставят опыт, но какой именно, мы не знаем. Говоря откровенно, мы не знаем даже, вредит ли это детям. Но так или иначе, добрые у них намерения или худые, они не имеют права рыскать по ночам и вырывать ребенка из сердца его семьи. Слушаем, Раймонд ван Геррит.

Встал тот, кто говорил на первом собрании:

— Лорд Фаа, этот ребенок, которого разыскивают, сейчас он сидит в переднем ряду. Я слышал, что в домах у людей, живущих в окрестностях Болот, переворачивают все вверх дном. Я слышал, что из-за этого ребенка как раз сегодня в Парламент поступило предложение отменить наши древние привилегии. Да, друзья, — сказал он в ответ на возмущенный ропот, — они хотят провести закон, который лишит нас права свободно приезжать в Болота. И вот что мы хотим знать, лорд Фаа: кто этот ребенок, из-за которого нам грозит такая неприятность? Это нецыганский ребенок, насколько я слышал. Почему ребенок земледеров подвергает нас такой опасности?

Лира перевела взгляд на массивную фигуру Джона Фаа. Сердце у нее стучало так, что она едва расслышала его первые слова.

— Говори все до конца, Раймонд, не стесняйся, — сказал он.

— Ты хочешь, чтобы мы отдали ребенка тем, от кого он бежал, так?

Стоявший упрямо нахмурился, но не ответил.

— Ну, может быть, ты и отдал бы, а может быть, нет, — продолжал Джон Фаа.

— Но если кому-нибудь здесь нужен довод в пользу доброго дела, учтите вот что. Эта девочка — дочь не кого-нибудь, а лорда Азриэла. Для тех, кто забыл, — именно лорд Азриэл ходатайствовал перед турками и отстоял жизнь Сэма Брукмана. Это лорд Азриэл предоставил цыганам право свободного прохода по каналам, пересекающим его земли. Это лорд Азриэл провалил Билль о водных путях в Парламенте к великой пользе для нас. Это лорд Азриэл днем и ночью трудился в наводнение пятьдесят третьего года и дважды бросался в воду, чтобы вытащить малолетних Рууда и Нелли Купман. Вы забыли? Позор, позор вам, позор.

А теперь лорда Азриэла держат узником на самом дальнем, самом холодном и темном краю ледяной пустыни, в крепости Свальбарда. Надо ли объяснять вам, какие создания его там сторожат? А у нас на руках его малолетняя дочь, и Раймонд ван Геррит готов отдать ее властям в обмен на сколько-то дней тишины и покоя. Это так, Раймонд? Встань и отвечай нам.

Но Раймонд ван Геррит уже опустил на место, и ничто не могло заставить его подняться. По залу пронесся разочарованный шепоток, и Лира подумала, что сейчас ему, должно быть, очень стыдно. Вместе с тем упоминание о храбром отце наполнило ее гордостью.

Джон Фаа повернулся к людям, стоявшим на помосте:

— Николас Рокби, возлагаю на тебя обязанность подыскать судно и командовать им во время плавания. Адам Стефански, ты отвечаешь за оружие и боеприпасы и берешь на себя военное руководство. Роджер ван Поппель, ты займешься остальным снаряжением, от провизии до полярной одежды. Симон Хартман, ты будешь казначеем и отвечаешь за правильное расходование нашего золотого запаса. Бенджамин де Рейтер, ты возглавишь разведку. Нам надо многое выяснить, эту обязанность ты возьмешь на себя, а докладывать будешь Фардеру Кораму. Майкл Канцона, тебе я поручаю координировать действия этих четырех руководителей, и докладывать будешь мне, а если я умру, возьмешь на себя командование. Итак, я распределил должности в соответствии с нашим обычаем. Всякий, кто не согласен, может заявить об этом без стеснения.

С места поднялась женщина:

— Лорд Фаа, вы не берете женщин в экспедицию, чтобы присматривать за детьми, когда вы их найдете?

— Нет, Нелл. У нас и так будет мало места. И если мы освободим детей, им все равно будет лучше на корабле, чем там, где они были.

— А вдруг для спасения детей понадобится, чтобы какие-нибудь женщины переоделись охранницами или санитарками или кем-нибудь еще?

— Да, я об этом не подумал, — признался Джон Фаа.

— Мы подробно обсудим это в совещательной комнате, даю тебе слово.

Она села, и встал еще один мужчина:

— Лорд Фаа, вы сказали, что лорд Азриэл в плену. Намерены ли вы освободить и его? Если да и если он во власти этих медведей, как вы, кажется, сказали, то нам понадобится больше ста семидесяти человек. И при том, что лорд Азриэл наш добрый друг, я не уверен, что мы должны взять на себя такое дело.

— Адриан Браке, ты не ошибся. Я имел в виду, что на Севере мы должны смотреть в оба, по крупицам собирать сведения. Может, нам удастся как-нибудь ему помочь, может быть, не удастся, но не сомневайся: то, что вы мне доверили — людей и золото, — я не употреблю ни для какой другой цели, кроме объявленной — отыскать наших детей и привезти домой.

Встала еще одна женщина:

— Лорд Фаа, мы не знаем, что делают с нашими детьми Жрецы. Все слышали страшные рассказы. Мы слышали о детях без голов, о детях, разрезанных надвое и сшитых, слышали такое, что даже повторять страшно. Я, правда, не хочу никого огорчать, но все мы об этом слышали, и об этом надо сказать открыто. И вот, если вы столкнетесь с чем-нибудь таким ужасным, лорд Фаа, я надеюсь, что вы отомстите им беспощадно. Надеюсь, что мысли о милосердии и мягкости не остановят вашу руку и вы нанесете могучий удар в сердце этого нечеловеческого зла. Уверена, что то же самое скажет всякая мать, У которой Жрецы отняли ребенка.

Она села, зал ответил ей одобрительным шумом, люди кивали головами.

Джон Фаа дождался тишины и сказал:

— Ничто не удержит мою руку, Маргарет, кроме здравого суждения. Если я остановлю мою руку на Севере, то только для того, чтобы сильнее ударить на Юге. Ударить на день раньше — так же плохо, как ударить мимо. Да, в твоих словах много справедливой страсти. Но если вы поддадитесь страсти, друзья, вы сделаете то, от чего я вас всегда предостерегал: удовлетворение своих чувств поставите выше дела, к которому вы призваны. Наше дело — прежде всего спасти, а потом наказывать. Не идти на поводу у злых чувств. Наши чувства не имеют значения. Если мы спасем детей, но не сможем наказать Жрецов, главную задачу мы все равно выполним. Но если мы вознамеримся раньше всего наказать Жрецов и из-за этого лишимся возможности спасти детей, тогда мы проиграли.

Но будь уверена, Маргарет. Когда настанет время возмездия, мы нанесем такой удар, что сердца их дрогнут и наполнятся страхом. Мы ударим так, что лишим их силы. Они будут сломлены, повержены и раздавлены, разбиты и разорваны на тысячи кусков и развеяны по всем четырем ветрам. Мой молот жаждет крови, друзья. Он не пробовал крови с тех пор, как я сразил тартарского главаря в степях Казахстана; он висит в моей лодке и видит сны; но он чует запах крови в ветре с Севера. Он говорил со мной вчера ночью и поведал о своей жажде, и я сказал: скоро, друг, скоро. Маргарет, у тебя может быть тысяча причин для волнений, об одном не волнуйся: сердце Джона Фаа не размякнет, когда настанет пора нанести удар. А пора настанет, когда скажет разум. Не страсть. Кто-нибудь еще хочет высказаться? Говорите.

Но никто не хотел, и тогда Джон Фаа взял колокольчик, поднял над головой и с силой затряс, так что весь зал наполнился звоном и отозвались на него даже балки и стропила.

Потом вместе с главами семей он ушел с помоста в совещательную комнату. Лира была слегка разочарована. Что же, ее туда не позовут? Тони только рассмеялся.

— Им надо выработать план, — сказал он.

— Ты свое дело сделала. Теперь дело за Джоном Фаа и советом.

— Но я ничего еще не сделала! — сказала Лира, неохотно выйдя за остальными из зала и шагая по булыжной дороге к пристани.

— Ничего не сделала — сбежала от миссис Колтер, и все! Это только начало. Я хочу поехать на Север!

— Послушай, — сказал Тони, — я привезу тебе бивень моржа, вот что.

Лира дулась. Пантелеймон же строил обезьяньи гримасы деймону Тони, а тот с отвращением закрывал желтые глаза. Лира побрела на пирс и со своими новыми приятелями стала спускаться на бечевках к черной воде фонари — приманивать медленно плававших вокруг пучеглазых рыб, а потом тыкать в них заточенными палками и раз за разом промахиваться. Но мысли ее были заняты Джоном Фаа и совещательной комнатой; вскоре она оставила ребят и вернулась по мощеной дороге к Заалю. В окне совещательной комнаты горел свет. Заглянуть в него было нельзя — оно находилось слишком высоко, но невнятные голоса оттуда доносились.

Тогда она подошла к двери и пять раз громко стукнула. Голоса смолкли, скрежетнуло отодвинутое кресло, дверь открылась, и на мокрые ступеньки упал теплый свет гарной лампы.

— Да? — спросил человек, открывший дверь.

Позади него Лира увидела людей за столом, аккуратно составленные сумки с золотом, бумаги и ручки, стаканы и кувшин с можжевелевой.

— Я хочу поехать на Север, — сказала Лира так, чтобы все услышали.

— Я тоже хочу спасти детей. Для того и сбежала от миссис Колтер. И еще до этого хотела спасти моего друга Роджера, кухонного мальчика из Иордана. Я хочу поехать и помогать вам. Я знаю штурманское дело, могу делать магнитные измерения на Авроре, я знаю, какие части медведя можно есть, и еще много всякого полезного. Вы пожалеете, если приедете туда и окажется, что я вам нужна, а вы меня не взяли. Ведь сказала вам женщина, что могут понадобиться женщины для разных ролей — так могут и дети понадобиться. Вы же еще не знаете.

Поэтому вы должны взять меня, лорд Фаа, извините, что помешала вашему разговору.

Она уже стояла в комнате, все мужчины и их деймоны смотрели на нее, кто весело, кто с раздражением, а она не сводила глаз с Джона Фаа. Пантелеймон сидел у нее на руках, и его кошачьи глаза горели зеленым огнем. Джон Фаа сказал:

— Лира, не может быть и речи о том, чтобы подвергнуть тебя опасности, так что не морочь себе голову, детка. Оставайся здесь, помогай Ма Косте да прячься получше. Больше ничего от тебя не требуется.

— Но я учусь понимать алетиометр. С каждым днем он становится понятней! Он вам понадобится обязательно!

Джон Фаа покачал головой:

— Нет. Я знаю, тебе очень хочется на Север, но, думаю, даже миссис Колтер не собиралась тебя взять. Если хочешь увидеть Север, тебе придется подождать, пока не кончатся все неприятности. А теперь ступай.

Пантелеймон зашипел, но деймон Джона Фаа снялся со спинки кресла и подлетел к ним, хлопая черными крыльями — не грозно, а напоминая о хороших манерах. Лира повернулась на пятках, когда ворона скользнула над ее головой, а потом снова повернулась к Джону Фаа. Дверь захлопнулась перед ней с решительным щелчком.

— Все равно поедем, — сказала она Пантелеймону.

— Пусть попробуют нам помешать. Все равно поедем!

Глава девятая

ШПИОНЫ

За несколько дней Лира составила десяток планов и с раздражением отбросила: все они сводились к тому, что надо спрятаться, а как ты спрячешься на узком каяле? Конечно, для самого путешествия понадобится большое судно, а она слышала достаточно рассказов и знала, что на большом судне есть много укромных мест: спасательные шлюпки, трюм, какие-то твиндеки; но сперва надо попасть на судно, а из Болот добраться до него можно только в цыганских лодках.

А если, к примеру, даже она сама доберется до берега, то можно залезть не на то судно. Вот будет весело — спрятаться в шлюпке, а проснуться на пути в Верхнюю Бразилию.

Между тем, словно дразня ее, днем и ночью вокруг кипели сборы. Она крутилась возле Адама Стефански, наблюдала, как он выбирает добровольцев для боевого отряда. Приставала к Роджеру ван Поппелю с предложениями насчет запасов: он не забыл снежные очки? Знает, где лучше всего раздобыть карты Арктики?

Больше всего ей хотелось помочь Бенджамину де Рейтеру, разведчику. Но он исчез наутро после второй Сходки, и, естественно, никто не мог сказать, куда он делся и когда вернется. За неимением его Лира прилепилась к Фардеру Кораму.

— Лучше всего, если я буду помогать вам, Фардер Корам, — сказала она, — ведь я, наверное, больше всех знаю о Жрецах и сама чуть не стала одним из них. Может, я помогу вам разобраться в донесениях мистера де Рейтера.

Старик пожалел непокорную, отчаявшуюся девочку и не стал ее прогонять. Он беседовал с ней, слушал ее воспоминания об Оксфорде и о миссис Колтер, наблюдал, как она возится с алетиметром.

— А где эта книга со всеми символами? — однажды спросила она.

— В Гейдельберге.

— И есть только одна такая?

— Могут быть другие, но я видел только ее.

— Наверняка есть в Оксфорде, в Бодлианской Библиотеке.

Она не могла налюбоваться на деймона Фардера Корам — такого красивого ей еще не приходилось видеть. Если Пантелеймон превращался в кота, то в тощего, лохматого, колючего, а Софонакс — так ее звали — была золотоглазая и изящная до невозможности, вдвое больше обычной кошки и с густым мехом. Когда на нее падал солнечный свет, мех вспыхивал множеством оттенков — бежевым, коричневым, кукурузным, золотым, осенним, красного дерева, — такими, что и названий им Лира не могла придумать. Ей страшно хотелось потрогать этот мех, потереться о него щекой, но, конечно, она этого никогда не делала: тронуть чужого деймона было бы немыслимым нарушением этикета. Деймоны трогать друг друга, конечно, могут, и даже драться; но запрет на прикосновение к чужому деймону настолько вошел в кровь и плоть каждого, что даже в бою воин не прикасался к деймону врага. Это было исключено. Лира не помнила, чтобы ей кто-нибудь говорил об этом: она это просто знала, так же инстинктивно, как чувствовала, что тошнота неприятна, а покой приносит отдых. Так что, хотя она восхищалась мехом Софонакс и даже размышляла о том, каков он на ощупь, ей и в

голову не приходило дотронуться до нее, и она ни за что бы не дотронулась.

Софонакс была настолько же гладка, здорова и красива, насколько морщинист и слаб Фардер Корам. Возможно, он был болен или же изувечен, но ходить он мог, только опираясь на две палки, и постоянно дрожал, как осиновый лист. Однако ум у него был сильный и ясный, и Лира скоро полюбила его — и за обширные познания, и за твердость, с какой он ею руководил.

— Что значат эти песочные часы, Фардер Корам? — спросила она однажды солнечным утром, сидя в его лодке.

— Стрелка все время к ним возвращается.

— Если приглядеться внимательнее, очень часто можно найти разгадку. Что это маленькое у них наверху?

Она приблизила лицо к алетиметру.

— Это череп!

— Так что он, по-твоему, может означать?

— Смерть... Это смерть?

— Правильно. Выходит, одно из значений песочных часов — смерть. Первое значение, конечно, — время, а смерть — второе.

— Знаете, что я заметила, Фардер Корам? Стрелка останавливается там, когда делает второй круг! На первом круге она вроде спотыкается, а на втором останавливается. То есть показывает второе значение, так?

— Возможно. А что ты у нее спрашиваешь, Лира?

— Я думаю...

— Она запнулась, вдруг сообразив, что на самом деле задавала вопрос, хотя и безотчетно.

— Я просто выбрала три картинки, потому что... Понимаете, я думала о мистере де Рейтере... Я поставила стрелки на змею, на тигель и на улей — спросить, как у него идет разведка, и...

— Почему эти три символа?

— Я подумала, змея — это хитрость, она нужна разведчику, а тигель может означать, ну, знание, ты его как бы выпариваешь, а улей —

трудолюбие, потому что пчелы все время трудятся; так что из труда и хитрости получается знание, и это как раз дело разведчика. Я поставила на них и придумала в голове вопрос, а стрелка остановилась на смерти... Вы думаете, он правду показывает, Фардер Корам?

— Что-то показывает, Лира. Не знаю только, правильно ли мы его понимаем. Это большое искусство. Хотел бы я знать...

Он не успел закончить фразу, его прервал настойчивый стук в дверь, и вошел молодой цыган.

— Прошу прощения, Фардер Корам, только что Якоб Хюисманс вернулся, он сильно ранен.

— Он был с Бенджамином де Рейтером, — сказал Фардер Корам.

— Что случилось?

— Не хочет говорить, — ответил молодой человек.

— Пойдите к нему, Фардер Корам, он долго не протянет, у него кровотечение внутри.

Фардер Корам и Лира встревоженно переглянулись, и в следующее мгновение Фардер Корам уже ковылял на своих палках со всей быстротой, на какую был способен, а его деймон неслышно ступал впереди. Лира пошла за ними, подпрыгивая от нетерпения.

Молодой человек отвел их к лодке, стоявшей у свекольного пирса, и женщина в красном фланелевом фартуке открыла им дверь. Она посмотрела на Лиру с подозрением, и Фардер Корам сказал:

— Хозяйка, важно, чтобы девочка тоже послушала Якоба.

Женщина впустила их и отошла, а ее деймон, белка, продолжал молча сидеть на деревянных часах. На койке под лоскутным одеялом лежал человек, бледный и мокрый от пота, с мутными глазами.

— Я послала за врачом, Фардер Корам, — дрожащим голосом произнесла женщина.

— Пожалуйста, не волнуйте его. Он ужасно мучается. Всего несколько минут назад сошел с лодки Питера Хоукера.

— Где сейчас Питер?

— Швартуется. Это он велел позвать вас.

— Правильно. Якоб, ты меня слышишь?

Якоб, не повернув головы, посмотрел на Фардера Корама, который сидел в шаге от него, на соседней койке.

— Здравствуйте, Фардер Корам, — тихо сказал он. Лира взглянула на его деймона. Это был хоре́к, он лежал очень тихо возле его головы, свернувшись клубком, но не спал, глаза у него были открыты и так же мутны, как у Якоба.

— Что произошло? — сказал Фардер Корам.

— Бенджамин погиб. Он погиб, а Герард в плену.

Голос у него был хриплый, а дыхание прерывистое. Когда он умолк, его деймон распрямылся с мучительным усилием и лизнул его в щеку. Это придало ему сил, и он продолжал:

— Мы проникли в Министерство теологии, потому что один из пойманных Жрецов сказал, что там их штаб, оттуда исходят все приказы...

Он снова умолк.

— Вы захватили каких-то Жрецов? — спросил Фардер Корам.

Якоб кивнул и скосил глаза на своего деймона. Деймоны обычно не разговаривали с чужими, но иногда это случалось, и сейчас он заговорил.

— Мы схватили трех Жрецов в Клеркенуэлле и допросили их: на кого они работают, откуда получают приказы и так далее. Они не знали, куда увозят детей, сказали только, что на Север, в Лапландию...

Он замолчал, чтобы отдышаться, его маленькая грудь часто вздымалась.

— И эти Жрецы сказали нам про Министерство теологии и лорда Бореала. Бенджамин сказал, что они с Герардом Хуком проникнут в министерство, а Франс Брукман и Том Мендхем должны пойти и разузнать о лорде Бореале.

— Им удалось?

— Мы не знаем. Они не вернулись. Фардер Корам, обо всем, что мы делаем, они будто знали заранее. А Франс и Том пошли к Бореалу и как в воду канули.

— Вернемся к Бенджамину, — сказал Фардер Корам, увидев, что Якоб закрыл глаза от боли и задышал еще тяжелее.

Деймон Якоба встревоженно и жалостливо пискнул, женщина сделала два шага к раненому, прижав ладони ко рту; но она ничего не сказала, и деймон слабым голосом продолжал:

— Бенджамин, Герард и мы подошли к министерству возле Уайтхолла, отыскивали боковую дверцу, не очень строго охранявшуюся, и мы остались наблюдать снаружи, а они вскрыли замок и вошли. Через какую-нибудь минуту мы услышали крик ужаса, вылетел деймон Бенджамина, позвал нас на помощь и снова влетел. Мы вынули нож и побежали за ним. Но там было темно, метались какие-то дикие, страшные тени, раздавались непонятные звуки; мы бросались туда и сюда, но раздался шум наверху, испуганный крик, и Бенджамин со своим деймоном упали с высокой лестницы, деймон хлопал крыльями и теребил его, хотел поднять, но напрасно — они рухнули на каменный пол и тут же умерли.

А Герарда мы так и не увидели, наверху раздался вой, это был его голос, и мы от страха и неожиданности не могли пошевелиться, а потом сверху прилетела стрела, вонзилась нам в плечо и прошла глубоко до...

Голос деймона совсем ослабел, а раненый издал стон. Фардер Корам наклонился и осторожно поднял покрывало: из плеча торчал оперенный хвост стрелы, вокруг масса запекшейся крови. Стрела вошла так глубоко в грудь несчастного, что снаружи торчало всего сантиметров пятнадцать. Лире стало плохо.

С пирса донеслись голоса и звук шагов. Фардер Корам выпрямился и сказал:

— Это врач, Якоб. Подробнее поговорим, когда тебе полегчает.

— Перед тем как выйти, он пожал плечо женщине.

На пирсе Лира держалась вплотную к нему, потому что там уже собралась толпа, люди шептались и показывали на лодку пальцами. Фардер Корам велел Питеру Хоукеру немедленно идти к Джону Фаа, а Лире сказал:

— Как только выяснится, выживет Якоб или умрет, нам надо будет еще раз поговорить о твоём алетиометре. Иди пока, чем-нибудь займись, детка; мы тебя позovem.

Лира отошла от людей, села в камышах и принялась бросать в воду комья грязи. Одно ей было ясно: она научилась понимать алетиометр, но не испытывала от этого ни радости, ни гордости — ей было страшно. Что бы ни двигало этой стрелкой, она вела себя как разумное существо.

— Я думаю, это дух, — сказала Лира, и ей захотелось бросить эту штуку в болото.

— Когда есть дух, я его вижу, — сказал Пантелеймон.

— Как этого старого призрака из Годстоу. Я его видел, а ты не видела.

— Разные бывают духи, — укоризненно сказала Лира.

— Всех ты не можешь видеть. И потом, эти старые покойники — Ученые без голов. Я же их видела.

— Это была просто ночная жуть.

— Нет. Самые настоящие духи, и тебе это известно. Не знаю, какой там дух водит проклятой стрелкой, только это не такой дух.

— Может, и не дух, — упрямылся Пантелеймон.

— Но кто же тогда?

— Может... Может, элементарные частицы. Она фыркнула.

— А что? — настаивал Пантелеймон.

— Помнишь фотомельницу в Колледже Гавриила? Ну вот.

В Колледже Гавриила был весьма священный предмет, его держали на алтаре в Капелле, тоже под черным бархатом (вспомнила Лира), как алетиметр. Она увидела его, когда пришла туда на службу с Библиотекарем Иордана. Воззвав к Господу, священник поднял покров, и в сумраке блеснул небольшой стеклянный купол, под которым что-то было, но что именно, издали не удавалось разглядеть. Затем он дернул шнурок, привязанный к шторке наверху, и на купол упал солнечный луч. И тогда стало видно: маленькая вещь вроде флюгера с четырьмя лопастями, черными с одной стороны и белыми с другой. Свет ударил в нее, и она завертелась. «Это наглядный нравственный урок, — объяснил священник.

— Чернота невежества бежит от света, а мудрость белого стремится ему навстречу». Лира поверила ему на слово, но, что бы это ни значило, наблюдать за вертящимися лопастями было интересно, и все это происходило благодаря силе фотонов, как объяснил Библиотекарь по дороге домой.

Так что Пантелеймон, возможно, был прав. Если элементарные частицы могут закрутить фотомельницу, то, конечно, и стрелку могут двигать; но ее это все равно беспокоило.

— Ли́ра! Ли́ра!

Тони Коста махал ей с пирса.

— Сюда! — крикнул он.

— Срочно иди в Зааль к Джону Фаа. Бегом, девочка.

Джон Фаа сидел с Фардером Корамом и другими вождями. Вид у них был встревоженный. Джон Фаа сказал:

— Ли́ра, детка, Фардер Корам сказал мне, что ты уже владеешь этим инструментом. К нашему горю, только что умер Якоб. Думаю, нам все-таки придется взять тебя, хотя все во мне этому противится. На душе у меня беспокойно, но другого выхода, кажется, нет. Как только Якоба похоронят в соответствии с нашим обычаем, мы отправляемся. Пойми меня, Ли́ра: ты отправляешься с нами, но это не повод для радости или веселья. Впереди нас ждут опасности и беды.

Фардер Корам возьмет тебя под свое крыло. Не огорчай его, не подвергай себя и его риску, иначе ты почувствуешь силу моего гнева. А теперь беги скажи это Ма Косте, и будь готова к отплытию.

Следующие две недели прошли в таких хлопотах, каких еще не знала Ли́ра. В хлопотах, но не быстро, потому что приходилось подолгу чего-то ждать, прятаться в противных сырых закутках, смотреть, как проплывает за окном унылый, дождливый осенний пейзаж, и снова прятаться, спать в газолиновых парах возле двигателя, просыпаться с дурной головой, и самое худшее — ни разу не выйти на воздух, не пробежаться по берегу, не полазить по палубе, не открыть шлюзных ворот, не поймать швартов, брошенный с берега.

Все время приходилось прятаться. Тони Коста пересказывал ей сплетни, услышанные в прибрежных пивных: что по всему королевству охотятся за светловолосой девочкой и за поимку ее назначена большая награда, а того, кто ее прячет, ждет суровое наказание. И странные ходили слухи: будто она — единственный ребенок, спасшийся от Жрецов, и носительница страшных секретов. А еще говорили, что она не человеческое дитя, а пара духов в обличье ребенка и деймона, посланных в здешний мир адскими силами для того, чтобы разрушить его; говорили, что это не ребенок, а взрослый, которого волшебным образом уменьшили, и он на содержании у тартар, явился шпионить за добрым английским народом, готовить тартарам дорогу для вторжения.

Сперва эти рассказы Ли́ра слушала с радостью, а потом с тоской. Сколько же людей ненавидят ее и боятся! И она мечтала выбраться из этой тесной каюты-ящика. Ей не терпелось попасть на Север, очутиться

в снегах под сияющей Авророй. А иногда она тосковала по Иордан-колледжу, ей хотелось снова ползать по крышам с Роджером, услышать колокольчик Стюарда, возвещающий, что до ужина полчаса, стук посуды, скворчание масла и крики на Кухне... И тогда ей ужасно хотелось, чтобы все было, как раньше, и таким оставалось всегда, чтобы она вечно была Лирой из Иордан-колледжа.

Единственным, что развеивало ее раздраженную скуку, был алетиометр. Она занималась им ежедневно, иногда с Фардером Корамом, иногда в одиночку, и оказалось, что с каждым днем она все легче погружается в спокойное состояние, когда проясняется смысл символов и перед мысленным взором встают освещенные солнцем гряды гор.

Пыталась объяснить Фардеру Кораму, что при этом чувствует.

— Будто с кем-то разговариваешь, только плохо их слышишь и чувствуешь себя как бы глупой, потому что они умнее тебя, только не сердятся и вообще... И они столько знают, Фардер Корам! Как будто всё знают, или почти всё! Миссис Колтер была умная, столько всего знала, но это другое знание... Как бы понимающее...

Он задавал конкретные вопросы, и она искала ответ.

— Что сейчас делает миссис Колтер? — спрашивал он. Ее руки сразу приходили в движение, и он говорил:

— Объясни мне, что ты делаешь.

— Ну, Мадонна — это миссис Колтер, и, когда я ставлю на нее стрелку, думаю: моя мать; а муравей деловитый — это просто, это первое значение; а песочные часы означают время, и где-то в нем есть сейчас, и на нем я сосредотачиваюсь.

— Как ты узнаешь, где эти значения?

— Ну, вроде вижу их. Вернее, чувствую, вроде того как поднимаешься ночью по лестнице, ставишь ногу, а там еще одна ступенька. Так же вот я мыслью переступаю, а там другое значение, и я его вроде чувствую. Потом их все складываю. Это примерно как взгляд на чем-то остановить.

— Так попробуй и посмотри, что он скажет.

Лира попробовала. Длинная стрелка сразу пришла в движение, она останавливалась, двигалась дальше, снова останавливалась, аккуратно чередуя скачки и паузы. В этом была и грация, и сила, они сообщались Лире, и она чувствовала себя как молодая птица, которая учится летать. Сидя против нее, Фардер Корам отмечал, в каких местах

останавливается стрелка, и наблюдал за тем, как девочка, откидывая волосы с лица и прикусив нижнюю губу, сначала следует взглядом за стрелкой, а потом, когда она останавливается, переводит взгляд на другие места круговой шкалы. Но — не куда попало. Фардер Кора́м был шахматист и знал, как видят доску шахматисты во время игры. Опытный игрок как бы чувствует силовые линии и поля на доске и смотрит на важные линии, не обращая внимания на слабые. Глаза Лирь двигались таким же образом, послушные некоему магнитному полю, которое она видела, а он нет.

Стрелка останавливалась на молнии, на младенце, на змее, на слоне и на животном, которому Лира не могла подыскать имени: что-то вроде глазастой ящерицы, обвившей хвостом прутик, на котором она стояла. Эта последовательность повторялась снова и снова под взглядом Лирь.

— Что значит эта ящерица? — спросил Фардер Кора́м, нарушив ее сосредоточенность.

— Что-то непонятно... Я вижу, что он говорит, но, наверное, неправильно понимаю. Молния, я думаю, это гнев, а ребенок... думаю, это я... Я уже почти поняла, что значит ящерица, но вы со мной заговорили, Фардер Кора́м, и я забыла. Видите, опять она стала блуждать.

— Вижу. Извини, Лира. Ты устала? Хочешь прекратить?

— Нет, — сказала она, но щеки у нее были пунцовыми, а глаза блестели. Все говорило о перевозбуждении и нервной усталости, усугублявшейся еще и тем, что она столько дней провела в душной каюте.

Фардер Кора́м посмотрел в окно. Они плыли по широкому устью, уже недалеко от побережья. Коричневая, тинистая гладь воды под хмурым небом, вдалеке хранилища угольного спирта, ржавые и опутанные паутиной труб, и перегонный завод, где густой дым неохотно поднимался в небо, чтобы смешаться с тучами.

— Где мы? — спросила Лира.

— Фардер Кора́м, можно мне ненадолго вылезти?

— Это воды Колби. Эстуарий реки Кол. Подойдем к городу, причалим у Коптильного рынка и пешком отправимся к докам. Будем там через час или два...

Но уже стемнело, и на пустынной водной равнине ничто не двигалось, кроме их лодки да угольной баржи вдалеке, ползшей к перегонному заводу; а вид у Лирь был такой усталый и воспаленный, и она так долго просидела взаперти, что Фардер Кора́м пожалел ее:

— Думаю, ничего страшного, если несколько минут проведешь на открытом воздухе. Не скажу — на свежем; он свежий, только когда ветер с моря; но можешь посидеть наверху, посмотреть вокруг, пока не подойдем ближе.

Лира вскочила, а Пантелеймон сразу превратился в чайку, и ему уже не терпелось вырваться на простор, расправить крылья. Тут было холодно, и Лиру, даже в ее теплой одежде, вскоре охватила дрожь. Пантелеймон же, наоборот, с радостным криком взвился в воздух и стал носиться то вокруг лодки, то над ней, то вперед, то назад. Лира ликовала вместе с ним, ощущая то же, что и он, и мысленно подговаривала его вызвать старого баклана — это был деймон рулевого — на соревнование. Но тот не обращал на Пантелеймона внимания и сонно сидел на румпеле рядом со своим человеком. Коричневая гладь была безжизненна, только ровный стук двигателя да тихий плеск воды под форштевнем нарушали безмолвие. Тучи висели низко, но не обещали дождя. Воздух под ними был мутный от дыма. Один лишь стремительный Пантелеймон вносил оживление в эту безрадостную картину.

Когда он взмыл после крутого пике, раскинув белые крылья на фоне серого неба, в него врезалось что-то маленькое, черненькое. Он завалился набок, задержал крыльями от неожиданной боли, и Лира вскрикнула, ощутив то же, что и он. Подлетела вторая черненькая тварь: они двигались не как птицы, а как летящие жуки, тяжело и по прямой, и при этом гудели.

Пантелеймон падал, пытаясь повернуть к лодке, к Лире, в отчаянии тянувшей к нему руки, а маленькие черные твари все налетали и налетали на него со злобным гудением и жужжанием. Безумный страх Пантелеймона передался Лире, но тут что-то пронеслось мимо нее и вверх.

Это был деймон рулевого; с виду тяжеловесный и неуклюжий, он летел стремительно и мощно. Он резко поворачивал голову туда и сюда — захлопали черные крылья, замелькало белое, — и маленькая черная тварь шлепнулась на смоленую крышу каюты под ноги Лире, а Пантелеймон в ту же секунду опустился на ее протянутую руку.

Не успела она приласкать его, как он обернулся диким котом и прыгнул на мелкую тварь, лапой отшвырнул от края крыши, к которому она торопливо ползла. Он крепко прижал ее когтями и посмотрел в темное небо, где взмахивал черными крыльями баклан и кругами набирал высоту, устремившись за второй тварью.

Потом баклан быстро спланировал на лодку и каркнул что-то рулевому, а тот сказал:

— Удрала. Не упустите эту. На...

— Он выплеснул из кружки опивки и кинул ее Лире. Она сразу накрыла ею тварь. Та жужжала и скреблась внутри, как маленькая машина.

— Держи на месте, — сказал у нее за спиной Фардер Корам, а потом опустил на колени и просунул под кружку кусок картона.

— Что это, Фардер Корам? — спросила она дрожащим голосом.

— Давай спустимся и посмотрим. Бери осторожно, Лира. Держи крепко.

По дороге в каюту она оглянулась на баклана и хотела поблагодарить его, но старые глаза его уже были закрыты. Вместо него она поблагодарила рулевого.

— Надо было внизу оставаться, — только и сказал он.

Она спустилась с кружкой в каюту, а Фардер Корам нашел пивной стакан. Он подставил его под кружку и вытащил разделявший их картон, так что тварь провалилась в стакан. Он поднял стакан, чтобы рассмотреть это злобное создание.

Длиной оно было с большой палец Лире и не черное, а темно-зеленое. Оно растопырило надкрылья, как божья коровка, готовая взлететь, и било крыльями с такой яростью, что они слились в неясное пятно. Шесть когтистых лапок скребли по гладкому стеклу.

— Что это? — спросила она.

Пантелеймон, по-прежнему дикий кот, сидел на столе возле стакана и зелеными глазами провожал вертящуюся там тварь.

— Если ты его расколешь, — сказал Фардер Корам, — ничего живого там не найдешь. Во всяком случае, ни животного, ни насекомого. Я видел одно такое раньше, но не думал, что встречу с ним здесь, на Севере. Африканская штука. Внутри заводной механизм, и к пружине пришпилен дурной дух с занозой в сердце.

— Но кто его послал?

— Тебе не надо даже разгадывать символы, Лира; ты можешь сообразить так же легко, как я.

— Миссис Колтер?

— Конечно. Она путешествовала не только по Северу; на диком Юге много диковин. Последнего такого я видел в Марокко. Они смертельно

опасны; пока там дух, он никогда не остановится, а если выпустишь дух, он в своей жуткой ярости убьет первого попавшегося.

— Зачем они прилетели?

— Шпионить. Неслыханная глупость с моей стороны — выпустить тебя наверх. И надо было дожидаться, пока ты разберешься в символах, не мешать тебе.

— Теперь я поняла! — встрепенулась Лира.

— Она означает воздух, эта ящерица! Я видела это, но не понимала почему — хотела разобраться и упустила.

— А, — сказал Фардер Корам, — теперь я тоже понял. Это не ящерица, вот что; это хамелеон. И он означает воздух, потому что они не едят и не пьют, они живы одним воздухом.

— А слон...

— Африка, — сказал он.

— Ага.

Они переглянулись. Чем больше открывал им свою силу алетиметр, тем больше вызывал он благоговейного страха.

— Ведь он все время говорил нам об этих штуках, — сказала Лира.

— Надо было слушать. А что мы с этой можем сделать, Фардер Корам? Можем ее убить или как-нибудь?..

— Не знаю, что мы можем сделать. Надо держать его запертым в коробке и никогда не выпускать. Меня гораздо больше беспокоит другой, тот, что улетел. Сейчас он летит к миссис Колтер и донесет, что видел тебя. Дурак я, чтоб мне пусто было.

Он пошарил в буфете и нашел жестянку из-под курительного листа диаметром в ладонь. В ней лежали винты, он высыпал их, протер внутри тряпкой и поставил на нее перевернутый стакан с картонкой. После некоторой возни, когда одна нога твари высунулась наружу и с неожиданной силой оттолкнула жестянку, они водворили ее на место и туго завернули крышку.

— Как только попадем на корабль, я ее для надежности запаяю, — сказал Фардер Корам.

— Но разве завод в ней не кончится?

— В обычном механизме кончается. Но я тебе говорю, в этих пружину заводит дух, пришипленный к концу. Чем больше она ерзает, тем туже заводится, и тем она сильнее. Уберем-ка ее с глаз долой...

Он завернул жестянку во фланель, чтобы приглушить непрерывное жужжание, и засунул под койку.

Совсем стемнело, и Лира видела в окне, как приближаются огни Колби. В тяжелом воздухе сгущался туман, и к тому времени, когда они причалили у Коптильного рынка, очертания всех вещей стали расплывчатыми. Мрак потерял плотность, и жемчужно-серая пелена окутала склады, подъемные краны, деревянные киоски и гранитные многотрубные здания, давшие название рынку, где днем и ночью в ароматном дубовом дыму коптилась рыба. Трубы добавляли густоты промозглому воздуху, и казалось, сама булыжная мостовая испускает приятный запах копченой сельди, макрели и пикши.

Лира в клеенчатой зюйдвестке с большим капюшоном, закрывавшим ее светлые волосы, шла между Фардером Корамом и рулевым. Все три деймона были начеку: заглядывали впереди за углы, озирались, прислушивались, не раздадутся ли где чужие шаги.

Но никого вокруг не было. Граждане Колби сидели по домам и попивали можжевелевую перед гудящими печками. По дороге к доку им не встретилось ни одного прохожего, и первым, кого они увидели, был Тони Коста, охранявший ворота.

— Слава богу, вы здесь, — впустив их, сказал он.

— Только что узнали, что убит Джек Верхувен и потоплена его лодка, а о вас ничего не слышать. Джон Фаа уже на борту, ждет не дождется отплытия.

Судно показалось Лире громадным: рулевая рубка, толстая труба посередине, высокий полубак, толстая грузовая стрела над люком, обтянутым парусиной; желтый свет в иллюминаторах и на мостике, белый на верхушке мачты. На палубе три или четыре человека возились с какими-то предметами, которых она не могла разглядеть.

Она взбежала по деревянным сходням впереди Фардера Корам и возбужденно огляделась. Пантелеймон сделался обезьяной и сразу вскарабкался на грузовую стрелу, но она попросила его спуститься. Фардер Корам позвал их внутрь — или вниз, как говорят на больших судах.

Спустились по лестнице — по трапу — в маленький салон, где Джон Фаа тихо разговаривал с Николасом Рокби, который командовал судном.

Джон Фаа ничего не делал второпях. Лира ожидала, что он поздоровается с ней, но он продолжал говорить о приливе и проводке судна и, только закончив, повернулся к вошедшим.

— Добрый вечер, друзья, — сказал он.

— Джек Верхувен погиб, бедняга, — вы, наверно, слышали. А его ребят захватили.

— У нас тоже новости, — отозвался Фардер Корам и рассказал об их встрече с летучими духами.

Джон Фаа покачал большой головой, но не стал их упрекать.

— Где теперь это создание? — спросил он. Фардер Корам выложил жестянку на стол. В ней зажужжало так яростно, что она сама поползла по дереву.

— Я слышал об этих заводных дьяволах, но никогда их не видел, — сказал Джон Фаа.

— Их нельзя укротить, и остановить нельзя, это я знаю. Нагрузить свинцом и бросить в океан тоже бесполезно, потому что банка проржавеет, этот дьявол выберется и достанет девочку, где бы она ни была. Нет, будем держать его здесь и сохранять бдительность.

Лире, единственной женщине на борту (после долгих размышлений Джон Фаа все-таки решил не брать женщин), предоставили отдельную каюту. Не роскошную, надо сказать: чуть больше чулана, с койкой и круглым окошком — иллюминатором. Она засунула свои немногочисленные пожитки в ящик под койкой и выбежала наверх, к поручням — посмотреть, как исчезает позади Англия. Правда, Англия к этому времени почти уже скрылась в тумане.

Но впечатлений и без этого хватало: вода, бегущая навстречу, движение воздуха, бодрые огни корабля среди мрака, гул судовой машины, запахи соли, рыбы и угольного спирта. В скором времени, когда судно закачалось на волнах Германского океана, к этому добавилось новое ощущение. Лиру позвали перекусить, но тут оказалось, что есть ей совсем не хочется. В конце концов она решила, что лучше всего лечь — хотя бы ради Пантелеймона, который явно чувствовал себя не в своей тарелке.

Так началось ее путешествие на Север.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

БОЛЬВАНГАР

Глава десятая

КОНСУЛ И МЕДВЕДЬ

Джон Фаа и остальные вожди решили плыть к Троллезунду, главному порту Лапландии. У ведьм было в городе консульство, а Джон Фаа знал, что без их помощи или хотя бы дружественного нейтралитета выручить детей из плена будет невозможно.

На второй день, когда морская болезнь немного отпустила Лиру, он изложил ей и Фардеру Кораму свою идею. Ярко светило солнце, нос судна разрезал зеленые волны, и они убегали назад в белой пене. На палубе, под ветром, посреди оживленного, искрящегося моря Лиру почти совсем не тошнило; а теперь и Пантелеймон, открывший для себя радости морской жизни, превращался то в чайку, то в качурку и носился над самой водой, чуть не задевая гребни волн. Восторг его сообщился Лире, и некогда уже было предаваться противной неморяцкой хвори.

Джон Фаа, Фардер Корам и еще двое или трое сидели на юте под солнцем и обсуждали, что делать дальше.

— Фардер Корам знает лапландских ведьм, — сказал Джон Фаа.

— И если я не ошибаюсь, они ему обязаны.

— Верно, Джон, — сказал Фардер Корам.

— Дело было сорок лет назад, но для ведьмы это ничто. Некоторые из них живут во много раз дольше.

— Чем же они вам обязаны, Фардер Корам? — спросил Адам Стефански, командир боевого отряда.

— Я спас ведьме жизнь, — объяснил Фардер Корам.

— Она упала с неба, ее преследовала большая красная птица, каких я не видел. Она упала раненая в болото, и я стал ее искать. Она уже тонула, я поднял ее на борт, а птицу застрелил. К моему сожалению, птица упала в трясину — она была большая, как выпь, и огненно-красная.

— Ого, — удивленно произнес кто-то.

— Подняв ведьму в лодку, — продолжал Фардер Корам, — я испытал, наверное, самое большое потрясение в жизни: у этой молодой женщины не было деймона.

Прозвучало это так, как если бы он сказал: «У нее не было головы». Сама мысль об этом была отвратительна. Мужчин передернуло, их деймоны кто вострепнулся, кто ошестинился, кто хрипло каркнул, и люди стали их успокаивать. Пантелеймон прижался к груди Лире, их сердца бились в такт.

— По крайней мере, — продолжал Фардер Корам, — так мне показалось. Поскольку упала она с неба, я заподозрил в ней ведьму. Выглядела она как молодая женщина, только похудее и, пожалуй, красивее большинства, но, не увидев деймона, я ужаснулся.

— Так у них деймонов нет, у ведьм? — сказал Майкл Канцона.

— Я думаю, их деймоны невидимы, — сказал Адам Стефански.

— Он был там, только Фардер Корам его не видел.

— Ты ошибаешься, Адам, — возразил Фардер Корам.

— Его там вовсе не было. Ведьмы обладают способностью отделяться от своих деймонов и находиться от них на гораздо большем расстоянии, чем мы. Если надо, они могут послать своих деймонов далеко вперед, по ветру, или в облака, или на дно океана. А эта ведьма, она пролежала чуть больше часа, прежде чем прилетел ее деймон: конечно, он почувствовал ее страх и ее боль.

И я думаю, хотя она этого не подтвердила, что красная птица, которую я подстрелил, была деймоном другой ведьмы преследовательницы. Господи! Когда я об этом думал, меня мороз пробирал по коже. Я бы пальцем не шевельнул, всеми силами постарался бы этого избежать. Но что сделано, то сделано. Так или иначе, я спас ей жизнь, и она дала мне памятный знак и сказала, чтобы я позвал ее на помощь в случае нужды. Однажды она помогла мне, когда скрепинги ранили меня отравленной стрелой. Мы еще не раз с ней связывались... Я не видел ее много лет, но она вспомнит.

— Она живет в Троллезунде, эта ведьма?

— Нет, нет. Они живут в лесах и в тундре, не в портах среди мужчин и женщин. Их мир — дикая природа. Но они держат там Консула, и я передам ей сообщение, не сомневайтесь.

Лире хотелось побольше узнать о ведьмах, но мужчины заговорили о топливе, о снаряжении, ей стало скучно и захотелось еще полазить по кораблю. Она прошла по палубе к носу и вскоре познакомилась с Моряком Первого Класса, для начала обстреляв его семечками от яблока, которое съела за завтраком. Это был толстый, спокойный

человек, и, когда он обругал ее и в ответ был обруган сам, они стали лучшими друзьями. Звали его Джерри. Он объяснил ей, что, если заниматься делом, не будешь страдать от морской болезни, и даже мытье палубы может доставить удовольствие, если делать это по-моряцки. Эта идея ей очень понравилась, и позже она сложила по-моряцки одеяло, по-моряцки положила свои пожитки в шкафчик и вместо «убрала постель» стала говорить «заправила койку».

После двух дней в море Лира решила, что эта жизнь ей по вкусу. Она обегала весь корабль, от машинного отделения до мостика, и вскоре уже обращалась ко всем членам команды по имени. Капитан Рокби позволил ей посигналить голландскому фрегату, для чего надо было дернуть ручку парового свистка; кок терпел ее помощь во время приготовления пудинга; и только окрик Джона Фаа помешал ей вскарабкаться на фок-мачту и оглядеть горизонт из «вороньего гнезда».

Все это время они шли на Север, и с каждым днем становилось холоднее. В корабельных запасах поискали одежду для дождя, такую, чтобы подогнать по ее фигуре; Джерри показывал ей, как шить, и она охотно у него училась, хотя в Иордане пренебрегала такими же уроками миссис Лонсдейл. Вместе они сделали водонепроницаемый мешочек для алетометра, чтобы всегда носить его на поясе и не промочить, сказала Лира, если она вдруг упадет в море. Надежно закрепив его на себе, она стояла в зюйдвестке у поручней под ледяными брызгами, летевшими над палубой. Морская болезнь порой возвращалась — особенно когда усиливался ветер и судно начинало тяжело нырять с гребней серо-зеленых волн; тогда уже Пантелеймон отвлекал ее, носясь над самыми волнами в виде качурки: он наслаждался бурной водой и ветром, а Лире передавалась его радость, и она забывала о тошноте. Время от времени он даже пробовал стать рыбой, и однажды присоединился к стае дельфинов, к их большому удивлению и удовольствию. Замерзшая Лира стояла на носу и смеялась от радости при виде того, как ее любимый Пантелеймон, гладкий и сильный, выпрыгивает из воды рядом с пятью или шестью другими стремительными серыми животными. Это радовало ее, но радость была не простая, к ней примешивался страх и страдание. А если он полюбит быть дельфином больше, чем любит ее?

Ее друг, Первоклассный Матрос, был рядом, поправлял брезент на переднем люке; он прервал свое занятие и посмотрел на деймона Лир, игравшего с дельфинами. Его же деймон, морская чайка, сидел на кабестане, спрятав голову под крыло. Матрос понимал, что чувствует Лира.

— Я помню, когда первый раз вышел в море, моя Велизария еще не приняла окончательного вида, я был совсем молодой, и ей нравилось быть дельфином. Я боялся, что она им и останется. На моем первом

судне был старый моряк — он вообще не мог сходить на берег, потому что его деймон остался дельфином и не мог без воды. Моряк был чудесный; второго такого штурмана не найти; он мог бы разбогатеть на рыбном промысле, но счастлив не был. Счастья так и не узнал, пока не умер и его не похоронили в море.

— Почему деймоны должны принимать окончательный вид? — спросила Лира.

— Я хочу, чтобы Пантелеймон всегда мог меняться. Он и меняется.

— А, они всегда принимали окончательный вид, и всегда будут. Это и есть взросление. Придет время, и ты устанешь от его перемен, захочешь, чтобы он больше не менялся.

— Никогда не захочу.

— О, захочешь. Захочешь стать взрослой, как все остальные девочки. Притом в постоянстве есть свои преимущества.

— Какие же?

— Будешь знать, что ты за человек. Возьми старуху Велизарию. Она — морская чайка, и это значит, что я тоже вроде морской чайки. Не назову себя ни благородным, ни блестящим, ни красивым, но я крепкий старик, я могу выжить где угодно и всегда найду себе пищу и общество. Это стоит знать, ей-богу, стоит. И когда твой деймон примет постоянный вид, ты будешь знать, что ты за человек.

— А если он примет вид, который тебе не нравится?

— Ну, тогда ты будешь недовольной, верно? На свете полно людей, желавших, чтобы их деймон стал львом, а у них пудель. И пока они не примирятся с тем, что они есть, им будет несладко. Напрасные переживания, вот что это такое.

Но Лире казалось, что она никогда не станет взрослой.

Однажды утром в воздухе запахло по-другому, и корабль двигался непривычно: он переваливался с боку на бок, а не нырял и не поднимался на волнах. Едва проснувшись, Лира выбежала на палубу и стала жадно глядеть на землю: странное зрелище после бескрайней воды, ибо, хотя они плыли всего несколько дней, у Лир было такое чувство, будто прошли месяцы. Прямо перед судном вздымалась гора с зелеными склонами и снежной вершиной, а под ней — городок и гавань: деревянные дома с крутыми крышами, шпиль церкви, краны в порту и тучи крикливых чаек. Пахло рыбой, но к этому запаху примешивались

земные: сосновой смолы, острый запах животных и еще чего-то, холодного, ровного, безжизненного; это мог быть запах снега. Запах Севера.

Вокруг судна резвились тюлени, высовывали клоунские морды из воды и с плеском ныряли снова. Страшно холодный ветер срывал брызги с белых барашков, отыскивал любую щелку в волчьей шубе, и у Лир скоро онемело лицо и заболели руки. Пантелеймон в виде горностая грел ей шею, но оставаться на палубе без дела, даже любясь тюленями, было слишком холодно. Лира спустилась вниз, съела свою овсянку и стала смотреть в иллюминатор салона.

В гавани волнения не было, и, когда они прошли мимо массивного волнолома, Лира почувствовала себя неуверенно оттого, что перестало качать. Вместе с Пантелеймоном она следила за тем, как корабль громоздко приближается к пристани. Прошел час; звук корабельной машины стал тише, сменился глухим ворчанием, слышались команды, донеслись голоса с берега, были брошены канаты, спущены сходни, открыты люки.

— Пойдем, Лира, — сказал Фардер Корам.

— Ты собрала вещи?

Ее пожитки были упакованы еще с тех пор, как она проснулась и увидела землю. Оставалось только сбегать в каюту и взять сумку. На берегу они первым делом посетили дом Консула ведьм. Отыскать его оказалось нетрудно; городок теснился возле порта, и единственными крупными зданиями там были церковь и дом Губернатора. Консул ведьм жил в зеленом деревянном доме с видом на море, и, когда они позвонили в колокольчик, звон его огласил всю тихую улицу.

Слуга провел их в маленькую гостиную и подал кофе. Вскоре вышел и сам Консул. Это был толстый румяный человек в строгом черном костюме, звали его Мартин Ланселиус. Деймон его был маленькой змеей того же яркого насыщенного зеленого цвета, что и его глаза — единственного, что во всем его облике напоминало о ведьмах, — хотя Лира не совсем представляла себе, как должны выглядеть ведьмы.

— Чем могу быть полезен, Фардер Корам? — спросил он.

— В двух отношениях, доктор Ланселиус. Во-первых, я очень хотел бы разыскать даму-ведьму, с которой познакомился сколько-то лет назад в Болотном краю Восточной Англии. Ее зовут Серафина Пеккала.

Доктор Ланселиус записал что-то серебряным карандашиком.

— Как давно вы с ней познакомились? — спросил он.

— Лет сорок назад. Но думаю, она вспомнит.

— И в каком еще отношении я могу быть полезен?

— Я представляю несколько цыганских семейств, потерявших детей. У нас есть основания думать, что организация, похитившая этих детей, и наших, и не наших, с сомнительной целью перевозит их на Север. Хотелось бы знать, не известно ли вам и вашим людям о том, что здесь происходит.

Доктор Ланселиус аккуратно отпивал кофе.

— Не исключено, что какие-то сведения о подобной деятельности могли бы до нас дойти, — сказал он.

— Понимаете ли, отношения между моим народом и северянами совершенно дружественные. Мне было бы сложно затруднять их предоставлением такой информации.

Фардер Корам кивнул с таким видом, как будто ему все понятно.

— Разумеется, — сказал он.

— И полагаю, мне нет нужды спрашивать у вас, где еще я могу получить такую информацию. Вот почему я раньше всего спросил о даме-ведьме.

Теперь доктор Ланселиус кивнул с таким видом, как будто ему все понятно. Лира наблюдала за этой игрой озадаченно и с почтением. За их словами что-то крылось, и она понимала, что Консул обдумывает решение. ' — Отлично, — сказал он.

— Разумеется, это так, и вы понимаете, что ваше имя, Фардер Корам, не совсем у нас неизвестно. Серафина Пеккала — королева клана ведьм в районе озера Инара. Что касается второго вашего вопроса, само собой разумеется, что эта информация будет получена вами не от меня.

— Конечно.

— В этом городе есть филиал организации под названием «Геологоразведочная компания Северный Прогресс», якобы занимающаяся поисками полезных ископаемых, но на самом деле управляемая неким Генеральным Жертвенным Советом в Лондоне. Эта организация, насколько мне известно, ввозит детей. Город об этом, в общем, не осведомлен; правительство Норвегии официально об этом не знает. Дети задерживаются здесь ненадолго. Их увозят в глубь страны.

— Вы знаете куда, доктор Ланселиус?

— Нет. Я бы сказал вам, если бы знал.

— И не знаете, что там с ними происходит? Доктор Ланселиус впервые взглянул на Лиру. Она ответила ему равнодушным взглядом. Маленький зеленый деймон-змея поднял голову от воротника Консула и, стреляя язычком, зашептал ему на ухо. Консул сказал:

— В связи с этим делом я слышал выражение Мейштадтский процесс. Полагаю, им пользуются для того, чтобы скрыть суть дела. Я слышал также слово сепарация, но не знаю, к чему оно относится.

— А сейчас в городе есть эти дети? — спросил Фардер Корам.

Он поглаживал деймона, настороженно сидевшего у него на коленях. Лира заметила, что деймон перестал мурлыкать.

— Думаю, нет, — сказал доктор Ланселиус.

— Группа человек в двенадцать появилась на прошлой неделе и отбыла позавчера.

— А! Всего лишь? Тогда у нас есть надежда. На чем они отправились, доктор Ланселиус?

— На санях.

— И вы не представляете себе куда?

— Очень смутно. Это вне наших интересов.

— Разумеется. Вы очень откровенно ответили на мои вопросы, сэр, поэтому позвольте еще один. На моем месте, какой вопрос вы задали бы Консулу ведьм?

Доктор Ланселиус впервые улыбнулся.

— Я бы спросил, как мне прибегнуть к услугам бронированного медведя, — сказал он.

Лира выпрямилась в кресле и почувствовала, как зачастило сердце у Пантелеймона.

— Насколько мне известно, бронированные медведи находятся на службе у Жертвенного Совета, — удивленно сказал Фардер Корам.

— То есть компании «Северный Прогресс», или как ее там.

— Один, по крайней мере, — нет. Вы найдете его у санного депо в конце улицы Ланглокур. Сейчас он там подрабатывает, но характер его и страх, который он внушает собакам, таковы, что он вряд ли долго будет занят на этой работе.

— Так он отступник?

— По-видимому. Его зовут Йорек Бирнисон. Вы спросили, о чем спросил бы я, и я вам сказал. А теперь я вот что сделал бы: я бы воспользовался случаем нанять бронированного медведя, — даже если бы случай был не так удобен, как сегодня.

Ли́ра едва могла усидеть на месте. Но Фардер Корам знал этикет таких встреч и взял с блюда еще одно медовое печенье со специями. Пока он жевал, доктор Ланселиус обратился к Лире.

— Насколько я понимаю, в твоём распоряжении имеется алетиометр, — к большому ее удивлению сказал он. Откуда он мог это знать?

— Да, — сказала она и, побуждаемая Пантелеймоном, куснувшим ее, добавила:

— Хотите посмотреть?

— Очень хотел бы.

Она неловко залезла в непромокаемую сумочку и вручила ему бархатный сверток. Он развернул его и стал разглядывать с огромным вниманием, как ученый, раздобывший редкий манускрипт.

— Какая изысканность! — сказал он.

— Я видел еще один экземпляр, но не такой совершенный. А книга символов у тебя есть?

— Нет, — начала Лира, но Фардер Корам ее перебил:

— Нет, к великому сожалению. У Лире есть алетиометр, но никакой возможности прочесть его показания, — сказал он.

— Это такая же тайна, как лужицы туши, по которым индусы читают будущее. А ближайшая известная мне книга находится в аббатстве Святого Иоганна в Гейдельберге.

Лира поняла, почему он так говорит: он не хотел, чтобы доктор Ланселиус узнал о ее возможностях. Но заметила и то, чего не заметил Фардер Корам: как возбудился деймон доктора Ланселиуса. Она поняла, что притворяться бессмысленно. И сказала:

— На самом деле я его понимаю, — обращаясь одновременно к доктору Ланселиусу и к Фардеру Корама.

Отозвался Консул:

— Очень мудро. Как ты получила его?

— Мне его дал Магистр Иордан-колледжа. Доктор Ланселиус, а вы знаете, кто их сделал?

— Говорят, они изготовлены в городе Праге, — сказал Консул.

— Ученый, изобретший первый алетиометр, по-видимому, искал способ измерить влияние планет в соответствии с астрологическими представлениями. Он хотел сделать устройство, которое откликалось бы на идею Марса или Венеры, как компас откликается на идею Севера. Это ему не удалось, но изобретенный им механизм явно на что-то откликался, хотя никто не мог понять на что.

— А откуда взялись символы?

— О, это было в семнадцатом веке. Символы и эмблемы встречались на каждом шагу. Здания и картины создавались таким образом, чтобы их можно было прочесть, как книги. Каждый предмет означал что-то другое; если у вас был подходящий словарь, вы могли читать саму Природу. Поэтому неудивительно, что философы пользовались символикой своего времени для того, чтобы истолковать знания, пришедшие из таинственного источника. Но, знаешь, последние два века ими серьезно не пользовались.

— Он вернул Лире алетиометр и добавил:

— Можно тебя спросить? Как ты его понимаешь без книги символов?

— Я стараюсь выбросить из головы все постороннее и гляжу в него, вроде как в воду. Ты позволяешь глазам найти правильный уровень, потому что они только на нем останавливаются. Вот так как-то, — сказала она.

— Нельзя ли посмотреть, как ты это делаешь? — попросил он.

Лире хотелось сказать «да», но она посмотрела на Фардера Корама: одобрит ли он. Старик кивнул.

— Что мне спросить? — сказала Лира.

— Каковы намерения тартар в отношении Камчатки?

Это было нетрудно. Лира поставила стрелки на верблюда, означавшего Азию, которая означала тартар; на рог изобилия — Камчатку с ее золотыми шахтами; и на муравья, который означал деятельность, а значит, намерение и цель. И замерла, удерживая в уме три уровня значений и спокойно дожидаясь ответа, который пришел почти сразу. Длинная стрелка подождала на дельфине, на шлеме, на младенце и на якоре, поплясала между ними и сложным ходом, непонятным для мужчин, но спокойно отслеживаемым Лирой, добралась до тигеля.

Когда она совершила эти движения несколько раз, Лира подняла голову. Она поморгала, словно выходя из транса.

— Они сделают вид, что хотят напасть на нее, но на самом деле не нападут, потому что она слишком далеко и им надо будет сильно растянуться, — сказала она.

— Не объяснишь мне, как ты это поняла?

— Дельфин — одно из его глубинных значений — игра он игривый. Я знаю, что значение именно это — стрелка останавливалась там несколько раз, и ясно стало только на этом уровне, ни на каком другом.

А шлем означает войну, и вместе они означают, что война понарошку, а не всерьез.

А младенец означает — он означает трудность, — и будет трудно напасть, и якорь показывает почему: потому что они вытянутся, как якорный канат. Вот как я это понимаю.

Доктор Ланселиус кивнул.

— Поразительно, — сказал он.

— Я тебе очень благодарен. Я этого не забуду.

Потом он странно посмотрел на Фардера Корама и снова на Лиру.

— Могу я попросить тебя еще об одном опыте? — сказал он.

— Во дворе за домом висят на стене несколько веток облачной сосны. Одной из них пользовалась Серафина Пеккала, остальными — нет. Можешь определить, какая ветка — ее?

— Да! — сказала Лира, всегда готовая похвастаться своим умением, и, взяв алетiomетр, выскочила во двор. Ей не терпелось посмотреть на облачную сосну, потому что с ее помощью летают ведьмы, а она никогда этой сосны не видела.

Когда она убежала, Консул сказал:

— Вы понимаете, кто этот ребенок?

— Она дочь лорда Азриэла, — сказал Фардер Корам.

— А мать ее — миссис Колтер из Жертвенного Совета.

— А помимо этого?

Старый цыган недоуменно покачал головой:

— Нет. Больше ничего не знаю. Но она странное, невинное существо, и я беспокоюсь о ней больше всего на свете. Как она овладела этим прибором, понять не могу, но я ей верю, когда она говорит о нем. А что? Что вы о ней знаете, доктор Ланселиус?

— Ведьмы веками говорили об этом ребенке, — сказал Консул.

— Они живут в тех местах, где пелена между мирами тонка, время от времени до них доносится бессмертный шепот тех, кто странствует между мирами. И они слышали о таком ребенке, — его ждет великая судьба, но осуществиться она может не здесь, не в этом мире, а далеко отсюда. Без этого ребенка мы все погибнем. Так говорят ведьмы. Но осуществить предназначенное ей судьбой она должна в неведении об этом, потому что только в ее неведении мы можем быть спасены. Вы это понимаете, Фардер Корам?

— Нет. Не могу сказать, что понимаю.

— Это значит, что ей должно быть позволено делать ошибки. Мы должны надеяться, что она их не сделает, но мы не можем ею руководить. Я рад, что увидел этого ребенка до того, как умру.

— Но как вы узнали в ней именно этого ребенка? И что это за существа, которые странствуют между мирами? Я совершенно не могу вас понять, доктор Ланселиус, при том, что вы представляетесь мне честным человеком...

Но прежде чем Консул успел ответить, дверь распахнулась и вошла торжествующая Лира с веточкой сосны.

— Вот она! Я испытала их все, но эта — она, я уверена.

Консул внимательно посмотрел на ветку и кивнул.

— Правильно, — сказал он.

— Что ж, Лира, это замечательно. Тебе повезло, что у тебя такой прибор, и желаю, чтобы он хорошо послужил тебе. Я хочу дать тебе на прощанье...

Он взял ветку и отломил ей маленький черенок.

— Она с этим летала? — с благоговением спросила Лира.

— Да. Я не могу тебе дать всю, она нужна мне для того, чтобы связаться с Серафиной, но этого достаточно. Береги ее.

— Буду беречь, — сказала она.

— Спасибо.

— И засунула его в мешочек вместе с алетиометром.

Фардер Корам потрогал сосновую ветку, словно на счастье, и на лице его было выражение, которого Лира раньше не видела: какого-то томительного желания. Консул, проводив их до двери, пожал руку Фардеру Кораму и Лире тоже.

— Надеюсь на ваш успех, — сказал он и продолжал стоять в дверях, на пронизывающем ветру, глядя, как они уходят по узкой улочке.

— Он знал ответ про тартар еще до меня, — сообщила Лира Фардеру Кораму.

— Алетиометр мне сказал, а я ему — нет. Там был тигель.

— Я думаю, он тебя испытывал, детка. Но хорошо, что ты повела себя вежливо: ведь мы не знаем, что ему уже известно. А совет насчет медведя был очень кстати. Не представляю, как еще мы могли бы о нем узнать.

Они нашли дорогу к депо — двум бетонным складам на пустыре, где торчали кусты и чахлая трава пробивалась между серыми камнями и лужами застывшей грязи. Угрюмый человек в конторе сказал им, что медведя они найдут после работы, в шесть часов, только без опоздания, потому что он сразу отправляется во двор за баром Эйнарссона, где ему подносят выпивку.

Потом Фардер Корам отвел Лиру к лучшему торговцу одеждой и купил ей теплое обмундирование. Они купили парку из шкуры северного оленя, потому что волоски у него полые и хорошо удерживают тепло, и капюшон, подбитый мехом росوماхи, который сбрасывает сосульки, образующиеся от дыхания. Купили нижнее белье, пыжиковые унты и шелковые перчатки, которые вставлялись в толстые меховые рукавицы.

На унты и рукавицы пошла шкура с передних ног северного оленя, самая прочная, а подошвы унтов были подбиты кожей морского зайца, такой же прочной, как у моржа, но более легкой.

И наконец, купили водонепроницаемый плащ, закрывавший ее полностью и сделанный из полупрозрачных кишок тюленя.

Во всем этом, с шелковым шарфом на шее и шерстяной шапкой под большим капюшоном, ей было жарко; но их ждали гораздо более холодные края.

Джон Фаа, надзиравший за разгрузкой судна, с большим интересом выслушал рассказ о встрече с Консулом ведьм и с еще большим — о медведе.

— Пойдем к нему сегодня же вечером, — сказал он.

— Тебе приходилось разговаривать с таким существом, Фардер Корам?

— Да, приходилось; и однажды драться приходилось, слава богу, не в одиночку. Надо заключить с ним договор, Джон. Не сомневаюсь, он запросит много, и сговориться с ним будет трудно; но он нам необходим.

— Да, конечно. А что твоя ведьма?

— Ну, она далеко, теперь она — королева клана, — сказал Фардер Корам.

— Я надеялся, что можно будет послать ей весточку, но ждать ответа пришлось бы слишком долго.

— Ну что ж. А теперь позволь рассказать, что я узнал.

Видно было, что Джону Фаа не терпится рассказать им свою новость. На пристани он познакомился со старателем по имени Ли Скорсби, подданным государства Техас, в Новой Дании. Оказалось, что у этого человека есть аэростат. Экспедицию, в которую он нанялся, отменили из-за недостатка средств еще до того, как она покинула Амстердам, — и теперь он на мели.

— Подумай, что мы можем сделать с помощью аэронавта, Фардер Корам! — сказал Джон Фаа, потирая большие руки.

— Я предложил ему наняться к нам. По-моему, нам повезло с ним.

— Повезло бы еще больше, если бы мы знали, куда двигаться, — отозвался Фардер Корам, но ничто не могло обескуражить Джона Фаа, радовавшегося новому походу.

Когда стемнело, когда припасы и снаряжение были благополучно выгружены и сложены на берегу, Фардер Корам и Лира отправились искать бар Эйнарссона. Нашли его без труда: грубый бетонный сарай с неровно мигающей неоновой вывеской над дверью, заиндевелые окна и громкие голоса за ними.

Ухабистый проулок привел их к металлическим воротам заднего двора, где стоял посреди застывшей грязи сарай с односкатной крышей. В тусклом свете из окна бара обозначилось громадное светлое тело животного, которое сидело как человек и глодало ногу оленя, держа ее обеими лапами. Лира разглядела окровавленную пасть, морду со злобными черными глазками и гору грязного, свалявшегося желтоватого меха. Еда сопровождалась отвратительным рычанием, хрустом и чавканьем.

Фардер Корам остановился в воротах и крикнул:

— Йорек Бирнисон!

Медведь перестал есть. Насколько они могли понять, он смотрел прямо на них, но морда его при этом ничего не выражала.

— Йорек Бирнисон, — повторил Фардер Корам.

— Можно с тобой поговорить?

Сердце у Леры громко стучало: от этой фигуры веяло холодом, опасностью, грубой силой, но силой, управляемой разумом, только не человеческим разумом, совсем не человеческим, потому что у медведей, конечно, нет деймонов. Ничего подобного этому исполину, грызшему мясо, она вообразить не могла, и восхищение мешалось в ее душе с жалостью к этому одинокому существу.

Он бросил ногу северного оленя в грязь и на четырех лапах притопал к воротам. Там он поднялся во весь свой трехметровый рост, словно показывая, как он могуч и какой жалкой преградой были бы ему эти железные ворота. И оттуда, сверху, заговорил:

— Ну? Кто вы такие?

Голос у него был такой низкий, что, кажется, сотрясал землю. Запах от него шел невыносимый.

— Я Фардер Корам, из цыганского народа Восточной Англии. А эта девочка — Лира Белаква.

— Что вам нужно?

— Мы хотим предложить тебе работу, Йорек Бирнисон.

— У меня есть работа.

Медведь снова опустил на четвереньки. Очень трудно было понять его интонацию — рассержен он или иронизирует, — настолько ровен и низок был его голос.

— Что ты делаешь в санном депо? — спросил Фардер Корам.

— Чиню сломанные механизмы и железные изделия. Поднимаю тяжелые предметы.

— Что это за работа для панцербьёрна?

— Оплачиваемая работа.

Позади медведя приоткрылась дверь, и человек поставил на землю большой глиняный кувшин, после чего, прищурясь, поглядел на них.

— Кто это?

— Чужие, — сказал медведь.

Бармен как будто хотел задать еще один вопрос, но медведь вдруг подался к нему, и он испуганно захлопнул дверь. Медведь продел коготь в ручку кувшина и поднес его ко рту. Пахнуло резким запахом неочищенного спирта.

Сделав несколько глотков, медведь поставил кувшин на землю и снова принялся обгладывать ногу, словно забыв о Фардере Кораме и Лире; но потом он заговорил:

— Какую работу вы предлагаете?

— Войну, по всей вероятности, — ответил Фардер Корам.

— Мы отправляемся на Север, искать место, куда увезли наших детей. Когда мы найдем его, придется вступить в бой, чтобы освободить детей; потом мы привезем их домой.

— И что вы заплатите?

— Я не знаю, что предложить тебе, Йорек Бирнисон. Если тебя устраивает золото, у нас есть золото.

— Не годится.

— Как тебе платят в санном депо?

— Мясом и спиртным.

Молчание; он бросил обглоданную кость, снова поднес к морде кувшин и стал пить крепкий напиток, как воду.

— Извини за вопрос, Йорек Бирнисон, — сказал Фардер Корам, — но ты мог бы вести свободную и гордую жизнь во льдах, охотясь за тюленями и моржами, мог бы пойти на войну и добыть большие трофеи. Что привязывает тебя к Троллезунду и бару Эйнарссона?

У Лирь мурашки поползли по спине. Такой вопрос был почти оскорблением — она подумала, что это громадное существо придет в бешенство, и удивилась смелости Фардера Корама. Йорек Бирнисон поставил кувшин и подошел к воротам, чтобы заглянуть в лицо старика. Фардер Корам не дрогнул.

— Я знаю, люди, которых вы ищете, — деторезы, — сказал медведь.

— Позавчера они поехали из города на Север, опять с какими-то детьми. Никто вам про них не расскажет; все делают вид, что ничего не видели, потому что деторезы дают деньги и работу. Ну, а я их не люблю и отвечаю на твой вопрос вежливо. Я живу здесь и пью спирт, потому что здешние люди украли мою броню, а без нее я могу охотиться за тюленями, но не могу воевать — я бронированный медведь, война для меня — море, где я плаваю, и воздух, которым дышу. Здешние люди дали мне спиртного и угощали, пока я не уснул, и тогда уволокли мою броню. Если бы я знал, где ее спрятали, я бы весь город разнес, чтобы ее достать. Хотите, чтобы я вам служил, цена такая — верните мне броню. Сделайте это, и я буду воевать за вас, либо пока не убьют, либо пока вы не победите. Цена — моя броня. Получу ее, и мне больше не понадобится спиртное.

Глава одиннадцатая

БРОНЯ

Когда вернулись на корабль, Фардер Корам, Джон Фаа и другие вожди долго совещались в салоне, а Лира пошла к себе в каюту посоветоваться с алетиометром. Через пять минут она точно знала, где спрятана броня медведя и почему ее трудно будет достать.

Сперва она хотела пойти в салон и сказать Джону Фаа и остальным, но решила, что если они захотят знать, то сами спросят. А может быть, уже знают.

Она легла на койку и стала думать об этом могучем медведе, о том, как беспечно он пил огненную жидкость, о том, как ему одиноко живется в грязном сарае. Совсем другое дело — быть человеком: всегда с тобой деймон, с ним можно поговорить! В тишине, без привычных скрипов металла и дерева, без гула машины и плеска воды за бортом, Лира уснула, и Пантелеймон — тоже, рядом с ней на подушке.

Ей снился ее замечательный отец в тюрьме, и вдруг, без всякой причины, она проснулась. Непонятно было, который час. Через иллюминатор в каюту проникал слабый свет, лунный, решила она, — он освещал сваленную в углу теплую одежду. Лира увидела ее и сразу захотела снова примерить. Когда оделась, пришлось пойти на палубу, и через минуту она уже открыла дверь на верху трапа и вышла наружу.

В небе творилось что-то странное. Она подумала, что это облака, как-то странно волнующиеся, но Пантелеймон шепнул:

— Аврора!

Чтобы не упасть от изумления, она схватилась за поручни.

Небо на севере было озарено сиянием немыслимого размера. Откуда-то с высоты свисали огромные волнующиеся занавеси мягкого света. Бледно-зеленые и розовые, прозрачные, как самая тонкая ткань, с багровой каймой по низу, будто отсветами адского пламени, они колыхались и изгибались грациознее любой балерины. Лире казалось, что она даже слышит их: необъятный далекий свистящий шорох. В их нежности и неуловимости чувствовалась какая-то глубина — примерно такое же ощущение испытала она вблизи медведя. Она была растрогана этой красотой, этим почти святым сиянием; глаза щипало от слез, и свет радужно дробился в слезах. Очень скоро она впала в такое же полуобморочное забытие, как при общении с алетиометром. Быть может, спокойно думала она, то, что движет стрелкой алетиометра, заставляет светиться и Аврору. Быть может — сама Пыль. Она думала об этом, не замечая, что думает об этом, и скоро забыла, а вспомнила лишь много позже.

За завесами и струями прозрачного света будто бы обозначился город: башни и купола, медового цвета храмы и колоннады, широкие бульвары и залитый солнцем парк. От этого зрелища закружилась голова, словно она глядела не вверх, а вниз, за какую-то непреодолимо широкую пропасть. Целая вселенная, но не здесь.

Однако что-то двигалось перед ней, и Лира пыталась сфокусировать глаза на этом движении, ощущая дурноту, потому что этот маленький движущийся предмет не был частью Авроры или вселенной позади нее.

Он был в небе над крышами города. Когда его удалось разглядеть ясно, Лира полностью очнулась, и небесный город исчез.

Летающий предмет приблизился на раскинутых крыльях и сделал круг над кораблем. Потом спланировал вниз и, сильно взмахнув несколько раз крыльями, опустился на деревянную палубу в нескольких шагах от Лиры.

При свете Авроры она увидела большую птицу, прекрасного серого гуся с ослепительно белым пятном на голове. И это была не птица: это был деймон, хотя вокруг — никого, кроме самой Лиры. Ей стало жутко.

Птица сказала:

— Где Фардер Корам?

И тут Лира сообразила, кто это. Это был деймон Серафины Пеккала, ведьмы, королевы клана, подруги Фардера Корама.

Она залепетала:

— Я... он... сейчас схожу за ним...

Она сбежала по трапу к каюте Фардера Корама, распахнула дверь и крикнула в темноту:

— Фардер Корам! Прилетел деймон ведьмы! Он ждет на палубе! Один прилетел... я видела его в небе...

Старик сказал:

— Детка, попроси его подождать на юте.

Гость прошествовал на корму с видом величественным и вместе с тем диким и огляделся там; Лира же следила за ним, затаив дыхание, словно в гости к ней явился призрак.

Вскоре вышел Фардер Корам в полярной одежде и следом за ним Джон Фаа. Старики почтительно поклонились, и деймоны их тоже оказали внимание гостю.

— Приветствую, — сказал Фардер Корам.

— Я горд и счастлив снова видеть тебя, Кайса. Угодно тебе спуститься вниз или предпочитаешь здесь, на открытом воздухе?

— Предпочитаю здесь, благодарю тебя, Фардер Корам. Ты достаточно тепло одет?

Ведьмы и их деймоны не боятся холода, но знают, что остальные люди от него страдают.

Фардер Корам уверил его, что оделся тепло, и сказал:

— Как поживает Серафина Пеккала?

— Она шлет привет тебе, Фардер Корам, и находится в прекрасном здравии. Кто эти двое?

Фардер Корам представил обоих. Деймон-гусь пристально посмотрел на Лиру.

— Я слышал об этом ребенке, — сказал он.

— О ней идут разговоры среди ведьм. Вы приехали воевать?

— Не воевать, Кайса, мы приехали освободить наших похищенных детей. И я надеюсь, что ведьмы нам помогут.

— Не все. Некоторые кланы работают с охотниками за Пылью.

— Так у вас называют Жертвенный Совет?

— Не знаю, что это за Совет. Они охотники за Пылью. Они явились в наши края десять лет назад с философскими приборами. Заплатили нам за разрешение оборудовать станции на наших землях и вели себя с нами вежливо.

— Что это за Пыль?

— Она приходит с неба. Кто-то говорит, что она всегда была здесь, кто-то говорит, что она сейчас падает. Несомненно одно: когда люди узнают о ней, на них нападает великий страх, и они ни перед чем не остановятся, чтобы выяснить ее природу. Но ведьм это совершенно не интересует.

— Где же они сейчас, эти охотники за Пылью?

— В четырех днях к северо-востоку отсюда, в месте, называемом Больвангар. Наш клан не заключал с ними соглашения, и, поскольку он имеет давние обязательства перед тобой, Фардер Корам, я явился сюда, чтобы показать дорогу к этим охотникам за Пылью.

Фардер Корам улыбнулся, а Джон Фаа с довольным видом хлопнул в ладоши.

— Крайне вам благодарен, сэр, — сказал он гусю.

— Но не известно ли вам еще что-нибудь об охотниках за Пылью? Что они делают в этом Больвангаре?

— Они построили там здания из металла и бетона и какие-то подземные камеры. Жгут угольный спирт, доставка которого обходится им дорого. Что они делают, мы не знаем, но воздух вокруг них в окрестности нескольких километров заражен ненавистью и страхом. В отличие от людей, ведьмы это чувствуют. Животные тоже их сторонятся. Птицы не летают там, лемминги и лисы разбежались. Отсюда и название Больвангар — Поля Зла. Они его так не называют, они называют его Станцией. Но для всех остальных это Больвангар.

— И как они защищены?

— У них рота северных тартар, вооруженных нарезными ружьями. Это хорошие солдаты, но неопытные, поскольку на поселок со времени его возникновения никто не нападал. Вокруг идет прочная ограда с силовыми проводами. Возможно, есть другие средства защиты, мы о них не знаем, потому что, как я уже сказал, они нам неинтересны.

Лире ужасно хотелось задать один вопрос, гусь-деймон понял это и поглядел на нее, как бы давая разрешение.

— Почему ведьмы говорят обо мне? — спросила она.

— Из-за твоего отца, из-за того, что он знает о других мирах, — сказал деймон.

Это удивило всех троих. Лира посмотрела на Фардера Корама, ответившего ей несколько недоуменным взглядом, а потом на Джона Фаа, — у него лицо было обеспокоенным.

— Других мирах? — повторил он.

— Простите меня, сэр, но что это за миры? Вы имеете в виду звезды?

— Отнюдь нет.

— Может быть, мир духов? — сказал Фардер Корам.

— Тоже нет.

— Это — город в Авроре? — сказала Лира.

— Он, да? Гусь важно повернул к ней голову. Глаза у него были черные, окруженные тонкой линией небесно-голубого цвета, а взгляд — пронзительный.

— Да, — сказал он.

— Об иных мирах ведьмам известно уже тысячи лет. Иногда их видно в Северном Сиянии. Они не принадлежат к этой вселенной; даже самые далекие звезды — часть этой вселенной, Сияние же показывает нам совершенно другую вселенную. Не далекую от нас, а взаимопроникающую с нашей. Здесь, на этой палубе, существуют миллионы других миров, неведомых друг другу... Он расправил крылья и снова сложил.

— Сейчас, — сказал он, — я коснулся миллиона других миров, и они об этом ничего не знают. Миры близки, как удары сердца, но мы не можем прикоснуться к этим другим мирам, не можем услышать и увидеть их, иначе как в Северном Сиянии.

— Почему же там? — спросил Фардер Корам.

— Потому что заряженные частицы в Авроре обладают свойством утончать материю этого мира, так что на короткое время она становится для нас прозрачной. Ведьмы всегда это знали, но говорим мы об этом редко.

— Мой отец верит в это, — сказала Лира.

— Я знаю — я слышала его рассказ, и он показывал снимки Авроры.

— Это как-то связано с Пылью? — спросил Джон Фаа.

— Кто знает, — ответил гусь-деймон.

— Одно могу вам сказать: охотники за Пылью боятся ее, как смертельного яда. Вот почему они упрятали в тюрьму лорда Азриэла.

— Но почему же? — сказала Лира.

— По их мнению, он намерен как-то использовать Пыль для того, чтобы навести мост между этим миром и миром за Авророй.

Голова у Лире закружилась. До нее донеслись слова Фардера Корама:

— Он в самом деле намерен?

— Да, — сказал гусь-деймон.

— Они не верят, что ему это удастся: прежде всего, они считают безумием веру в иные миры. Но все верно: намерение его таково. И поскольку он человек могущественный, они боялись, что он нарушит их собственные планы, поэтому заключили договор с бронированными

медведями, чтобы те захватили его и заключили в крепость Свальбарда, убрали его с дороги. Ходят слухи, что они помогли новому королю медведей занять престол — это входило в сделку.

Ли́ра спросила:

— Ведьмы хотят, чтобы он построил этот мост? Они за него или против?

— На этот вопрос очень непросто ответить. Во-первых, среди ведьм нет единства. Мы расходимся во мнениях. Во-вторых, мост лорда Азриэла окажет влияние на ход войны между ведьмами и некоторыми другими силами, в том числе — из мира духов. Сторона, завладевшая мостом, если таковой возникнет, получит огромное преимущество. В-третьих, клан Серафины Пеккала — мой клан — еще не примкнул ни к какому союзу, хотя с обеих сторон на нас оказывают сильное давление. Понимаешь, это вопросы высокой политики, и на них трудно ответить.

— А медведи? — сказала Ли́ра.

— Они на чьей стороне?

— На стороне тех, кто им заплатит. Эти дела их вообще не интересуют; у них нет деймонов; проблемы людей их не занимают. По крайней мере, так было прежде, но мы слышали, что их новый король намерен отказаться от этой традиции... Так или иначе, охотники за Пылью заплатили им за лорда Азриэла, и его будут держать на Свальбарде до последней капли крови последнего медведя.

— Но не все медведи! — сказала Ли́ра.

— Есть один, и он вовсе не на Свальбарде. Он бездомный медведь и хочет пойти с нами.

Гусь еще раз пронзительно взглянул на Ли́ру. На этот раз она почувствовала его холодное удивление, Фардер Корам, помявшись, сказал:

— Видишь ли, девочка, я в этом сомневаюсь. Мы слышали, что он находится на принудительных работах; он не свободен, как мы думали, он здесь по приговору. Пока его не освободят, он не может пойти с нами, ни с броней, ни без брони, — а ее он тоже никогда не получит.

— Но он сказал, что его обманули! Напоили, а броню спрятали!

— Мы слышали другую историю, — вмешался Джон Фаа.

— Он опасный негодяй, вот что мы слышали.

— Если... — от возмущения Лира едва могла говорить, — если алетиметр что-то показывает, я знаю, что это правда. Я спросила его, и он показал, что медведь говорил правду, его обманули, и врут они, а не он. Я ему верю, Лорд Фаа! Фардер Корам — вы же его видели, вы ему поверили, так?

— Думал, что верю, детка. У меня нет твоей убежденности.

— Но чего они боятся? Думают, что, если наденет броню, пойдет убивать людей налево и направо? Он и так мог поубивать десятки!

— И убил, — сказал Джон Фаа.

— Ну, не десятки, а нескольких. Когда забрали его броню, он впал в буйство и пошел искать ее. Ворвался в дом полиции, в банк, и не знаю куда еще, — по крайней мере, двое погибли. А не застрелили его только потому, что он мастерски работает с металлами; он был нужен им как рабочая сила.

— Как раб! — с жаром сказала Лира.

— Они не имели права!

— Как бы там ни было, они могли застрелить его за убийство, но не сделали этого. Обязали трудиться на пользу города, пока не возместит ущерб и не заплатит виру.

— Джон, — сказал Фардер Корам, — не знаю, как ты, а я думаю, что они никогда не вернут ему броню. Чем дольше они держат его, тем злее он будет, когда ее получит.

— Но если мы вернем ему броню, он пойдет с нами и больше не будет их беспокоить, — сказала Лира.

— Я обещаю, лорд Фаа.

— И как же ты этого добьешься?

— Я знаю, где она!

В наступившем молчании все трое повернулись к деймону ведьмы, неотрывно смотревшему на Лиру. Повернулись и их деймоны, до сих пор проявлявшие крайнюю вежливость и скромно отводившие глаза от этого необыкновенного существа, которое прибыло сюда без своего человека.

— Тебя не удивит, — обратился он к ней, — если я скажу, что одна из причин нашего интереса к тебе — алетиметр. Наш Консул рассказал

нам о твоём утреннем визите. Полагаю, что он же рассказал тебе о медведе.

— Да, он, — подтвердил Джон Фаа.

— Они с Фардером Корамом сами пошли к нему и беседовали.

Полагаю, Лира права, но если мы нарушим закон этих людей, то окажемся втянутыми в ссору с ними. Нам же надо двигаться к этому Больвангару, с медведем или без него.

— Ты не видел его, Джон, — сказал Фардер Корам.

— И я верю Лире. Что, если мы поручимся за него? От него может очень многое зависеть.

— Как вы считаете, сэр? — обратился Джон Фаа к деймону ведьмы.

— Мы имели дело с медведями. Их желания так же странны для нас, как наши желания — для них. Если этот медведь отверженный, он может оказаться менее надежным, чем принято думать о них. Вы должны решать сами.

— Мы решим, — твердо сказал Джон Фаа.

— А теперь, сэр, не объясните ли вы нам, как добраться отсюда до Больвангара?

Деймон-гусь стал объяснять. Он говорил о холмах и долинах, о северной границе лесов и о тундре, о том, как определяться по звездам. Лира послушала, потом легла в шезлонг с Пантелеймоном, свернувшимся вокруг ее шеи, и стала думать о грандиозной картине, которую открыл им деймон ведьмы. Мост между двумя мирами... Такого великолепия она и представить себе не могла! Только ее великий отец мог задумать подобное. Как только они спасут детей, она отправится на Свальбард с медведем и алетиметром, и с его помощью освободит лорда Азриэла; потом они вместе построят мост и первыми пойдут...

Ночью, наверное, Джон Фаа перенес Лиру на койку, потому что проснулась она у себя в каюте. Тусклое солнце стояло в своей самой высокой точке, всего на ладонь выше горизонта, так что, решила она, наверное, уже полдень. Скоро, когда они двинутся дальше на север, солнца не будет совсем.

Она быстро оделась, выбежала на палубу, и выяснилось, что ничего особенного не происходит. Все запасы были выгружены, наняты собачьи упряжки с санями, и только ждали команды; все было готово, но ничего не двигалось. Большинство цыган сидели в дымном кафе с видом на

море. За длинными деревянными столами, под какими-то старинными антарными лампами, шипевшими и издававшими треск, они ели печенье со специями и пили крепкий сладкий кофе.

— Где лорд Фаа? — спросила она, усевшись рядом с Тони Костой и его друзьями.

— И Фардер Корам? Они пошли доставать медведю броню?

— Они разговаривают с Сиссельманом. Так у здешних называется губернатор. Ты видела медведя, Лира?

— Да!

Она рассказала им все о медведе. Во время рассказа какой-то еще человек подтащил поближе стул и присоединился к слушателям.

— Так вы потолковали со стариком Йореком? — сказал он.

Она посмотрела на незнакомца с удивлением. Это был высокий, худой мужчина с тонкими черными усиками, узкими голубыми глазами и неизменным отчужденно-насмешливым выражением лица. Он сразу вызвал у нее сильное чувство, только непонятно какое — приятное или неприятное. Деймоном его была несколько потрепанная зайчиха, такая же тощая и непокладистая, как он сам.

Незнакомец протянул ей руку, и она не без опаски ее пожала.

— Ли Скорсби, — сказал он.

— Аэронавт! — вскрикнула она.

— Где ваш воздушный шар? Можно на нем подняться?

— Покамест он сложен, мисс. А вы, верно, знаменитая Лира. Как вы поладили с Йореком Бирнисоном?

— Вы его знаете?

— Мы вместе дрались в Тунгусской кампании. Мы с Йореком черт знает сколько лет знакомы. С медведями столкнуться трудно, но этот — фрукт, каких мало. Слушайте, ни у кого из вас, джентльмены, нет желания сыграть в азартную игру?

Невесть откуда в руке у него появилась колода карт. Он с треском провел по ней пальцем.

— Я слышал, ваш народ — большие картежники, — говорил Ли Скорсби, снова и снова снимая и складывая колоду одной рукой, а другой выуживая из нагрудного кармана сигару, — вот я и подумал, не захочет ли кто из вас посостязаться в картежном мастерстве и отваге с простым техасским странником. Что скажете, джентльмены?

Цыгане гордились своим умением в этой области, и несколько мужчин проявили интерес, придвинув стулья поближе. Пока они договаривались с Ли Скорсби, во что играть и на какие ставки, его деймон сделал ушами знак Пантелеймону, который понял знак и подбежал к нему, приняв вид белки.

Сказанное зайчихой предназначалось, конечно, для ушей Лире, и Лира расслышала его тихий голос:

— Сейчас же отправляйтесь к медведю и скажите ему прямо: как только узнают, что вы затеяли, сразу перепрячут броню.

Лира встала, прихватив свое печенье, и вышла, никем не замеченная: Ли Скорсби уже сдавал карты, и все подозрительно следили за его руками.

В тусклом свете бесконечно долго гаснущего дня она нашла дорогу к санному депо. Она знала, что должна это сделать, но ей было не по себе, мешал страх.

Медведь-великан работал возле самого большого бетонного сарая; Лира остановилась перед открытыми воротами и стала наблюдать. Йорек Бирнисон разбирал сломанный трактор: капот был искорежен, а одно колесо вывернуто кверху. Медведь снял металлический капот, как картонку, повертел в своих громадных лапах, словно определяя его качество, а затем поставил заднюю лапу на один угол и выгнул весь лист таким образом, что все вмятины разом выправились и капот принял правильную форму. Прислонив его к стене, он приподнял тяжелый трактор одной лапой и уложил набок, чтобы осмотреть поврежденное колесо.

В это время он заметил Лире. Ее пронзило холодным страхом: такой он был огромный и такой чужой. Она смотрела на медведя сквозь сетчатую ограду, метрах в сорока от него, и думала, что он может покрыть это расстояние в два прыжка и смахнуть сетку, как паутину. Она готова была убежать, но Пантелеймон сказал:

— Стой! Я пойду поговорю с ним.

Он был крачкой и, прежде чем Лира успела ответить, слетел с ограды на замерзшую землю двора. Рядом были открытые ворота, и Лира могла бы

последовать за ним, но страх отнял у нее силы. Пантелеймон оглянулся на нее и стал барсуком.

Лира понимала, почему деймоны не могут удаляться от своих людей больше чем на несколько метров, и, если бы она стояла перед оградой, а он оставался птицей, то не смог бы подлететь к медведю — так что он хотел тащить ее за собой.

Она рассердилась и почувствовала себя несчастной. Он шел вперед, вонзая коготки в замерзшую землю. Это было странное и мучительное чувство — когда твой деймон натягивает связь между тобой и им: физическая боль глубоко в груди и вместе с ней пронзительная печаль и любовь. Она знала, что он испытывает то же самое. Все переживали это, когда росли: проверяли, насколько они могут отдалиться, и возвращались с огромным облегчением.

Он потянул чуть сильнее.

— Не надо, Пан!

Но он не остановился. Медведь наблюдал, не шевелясь. Боль в сердце стала невыносимой, тоска сжала ей грудь.

— Пан... — всхлипнула она.

И ворота уже были позади, и, спотыкаясь, она шла к нему по застывшей грязи, а он превратился в дикого кота, вспрыгнул ей на руки, и они крепко прижались друг к другу, тихонько всхлипывая.

— Я думала, ты правда хочешь...

— Нет...

— Я даже не представляла, как это больно... Потом она сердито смахнула слезы и сильно шмыгнула носом. Он угнезвился у нее на руках, и она подумала, что скорее умрет, чем согласится расстаться с ним и еще раз испытать такую печаль; что она сойдет с ума от горя и ужаса. Если бы она умерла, они все равно были бы вместе, как Ученые в крипте Иордана.

Потом девочка и деймон посмотрели на одинокого медведя. У него не было деймона. Он был один, всегда один. Она почувствовала такую нежность и жалость к нему, что чуть не потрогала свалявшийся мех и удержалась только из вежливости, о которой напомнил ей его холодный свирепый взгляд.

— Йорек Бирнисон, — сказала она.

— Ну?

— Лорд Фаа и Фардер Корам пошли поговорить, чтобы тебе вернули броню.

Он не пошевелился и не ответил. Ясно было, как он оценивает их шансы.

— А я знаю, где она, — сказала Лира, — и если скажу тебе, может быть, ты сам ее возьмешь.

— Откуда ты знаешь, где она?

— У меня символический прибор. Я решила, что надо сказать тебе, Йорек Бирнисон, раз они тебя обманули. По-моему, это неправильно. Нельзя было так поступать. Лорд Фаа будет уговаривать Сиссельмана, но вряд ли сумеет уговорить. А если я скажу тебе, ты пойдешь с нами, поможешь увезти детей из Больвангара?

— Да.

— Я...

— Она не хотела соваться в чужие дела, но любопытство пересилило.

— А почему ты не сделаешь новую броню из этого металла, Йорек Бирнисон?

— Потому что он никудышный. Смотри, — сказал он и, подняв капот трактора одной лапой, выставил коготь другой и вспорол металл, точно консервным ножом.

— Моя броня сделана из небесного железа, сделана для меня. Броня медведя — это его душа, как твой деймон — это твоя душа. Вот выбрось его, — он показал на Пантелеймона, — и замени куклой, набитой опилками. Разница. Ну, где моя броня?

— Пообещай только, что не будешь мстить. Они нехорошо поступили, но ты уж примиришься с этим.

— Ладно. Мстить не буду. Но и не остановлюсь ни перед чем. Будут драться — умрут.

— Она спрятана в погребе, в доме священника. Он думает, в ней сидит дух, и все старался изгнать его. В общем, она там.

Он поднялся на задние лапы и поглядел на запад, так что заходящее солнце высветило в сумерках его желто-кремовую морду. Мощь,

исходящую от этого громадного создания, Лира ощутила как волны горячего воздуха.

— Я должен работать до заката, — сказал он.

— Сегодня утром я дал слово здешнему хозяину. Осталось несколько минут поработать.

— Там, где я, солнце село.

— Она показала рукой на юго-запад. Для нее солнце уже скрылось за скалистым мысом.

Он опустился на четвереньки.

— Верно.

— Теперь его морда тоже была в тени.

— Как тебя зовут, девочка?

— Лира Белаква.

— Я твой должник, Лира Белаква, — сказал он. Он повернулся и, переваливаясь, пошел прочь по замерзшей земле, так быстро, что Лира бегом не могла за ним угнаться. Но бежать не переставала, а Пантелеймон, чайка, полетел вперед, смотреть, куда направляется Йорек Бирнисон, и указывать Лире дорогу.

Из депо медведь вышел на узкую улочку, а потом свернул на главную улицу города, миновал резиденцию Сиссельмана с флагом, вяло повисшим в неподвижном воздухе, и чинно расхаживавшим часовым — и дальше вниз по склону до конца, где жил Консул ведьм. Часовой наконец опомнился от неожиданности, но еще не знал, как ему поступить; между тем Йорек Бирнисон уже свернул за угол перед гаванью.

Люди останавливались и смотрели на него или разбегались в разные стороны. Часовой дважды выстрелил в воздух и бросился в погоню, несколько подпортив впечатление тем, что сразу заскользил по обледенелому склону и удержался на ногах, только ухватившись за ближайшую изгородь. Лира не сильно от него отстала. Когда они пробегали мимо дома Сиссельмана, она увидела людей, выходящих во двор, и среди них как будто бы мелькнул Фардер Корам, но через мгновение они остались за спиной, и она приближалась к углу, куда свернул часовой вслед за медведем.

Дом священника был более старым, чем большинство остальных, и сложен из дорогого кирпича. К двери вели три ступеньки, сама дверь

висела теперь на одной петле, разбитая в щепки, а из дома доносились крики и треск дерева. Часовой замешкался перед крыльцом, изговорясь к стрельбе; но тут стали собираться прохожие, люди выглядывали из окон на другой стороне улицы, и он понял, что должен действовать. Он выстрелил в воздух и вбежал в дом. Через секунду весь дом затрясся. Лопнули стекла в трех окнах, с крыши съехала черепица, выскочила перепуганная служанка, а за ней, кудахча и хлопая крыльями, — ее деймон, курица.

В доме раздался еще один выстрел, а затем оглушительный рев, которому вторил визг служанки. Из двери, словно снаряд из пушки, вылетел сам священник вместе с бешено хлопающим крыльями и уязвленным в своей гордости пеликаном-деймоном. Лира услышала командные выкрики, обернулась и увидела отряд полицейских, которые уже заворачивали за угол, кто с пистолетами, кто с винтовками, а позади них Джона Фаа и толстого суетливого Сиссельмана.

Треск и грохот заставили всех снова повернуться к дому. Окно на уровне земли, видимо подвальное, с деревянным треском и стеклянным звоном раскрылось. Часовой, гнавшийся за Йорек Бирнисон, выбежал из дома и стал лицом к окну, нацелив на него винтовку; тут окно распахнулось совсем и наружу вылез Йорек Бирнисон, медведь в броне.

Без нее он был грозен. В ней — ужасен. Броня была грубо склепанная и рыжая от ржавчины: громадные листы и пластины щербатого, потерявшего свой цвет металла скрипели и скрежетали, наезжая друг на дружку. Шлем был заостренный, как морда, с прорезями для глаз и нижнюю челюсть оставлял свободной, чтобы она могла кусать и рвать.

Часовой выстрелил несколько раз, полицейские тоже нацелили свое оружие, но Йорек Бирнисон просто стряхнул пули, как капли дождя, и, раньше чем часовой успел обратиться в бегство, ринулся вперед со скрежетом и лязгом железа и сшиб его на землю. Деймон часового, здоровенный пес, кинулся к горлу медведя, но Йорек Бирнисон обратил на него не больше внимания, чем на муху, и, подтащив к себе часового одной лапой, нагнулся и взял его голову в пасть. Лира живо представила себе, что случится через секунду: он расколется череп, как яйцо, и начнется побоище, новые смерти, новая отсрочка; они никогда отсюда не выберутся, ни с медведем, ни без него.

Не задумываясь, она кинулась вперед и положила руку на единственное незащищенное броней место между шлемом и большой пластиной на плечах — она заметила в темноте клочок желтоватого меха, открывшийся, когда медведь наклонил голову. Она вцепилась в него пальцами, и Пантелеймон, превратившись в дикого кота, вскочил туда же и выгнул спину, готовый ее защищать. Но Йорек Бирнисон не шелохнулся, и полицейские не стали стрелять.

— Йорек! — произнесла она яростным шепотом.

— Слушай! Ты мне должен. Теперь можешь отдать долг. Сделай, как я прошу. Не дерись с этими людьми. Повернись и уйди со мной. Ты нам нужен, Йорек, ты не можешь здесь оставаться. Иди со мной к гавани и не оглядывайся. Пускай разговаривают Фардер Корам и лорд Фаа, они договорятся. Отпусти этого человека и уходи со мной...

Медведь медленно разжал челюсти. Лицо часового, окровавленное, мокрое и серое, как зола, легло на землю, его деймон захлопотал вокруг, приводя его в чувство, а медведь отступил к Лире.

Никто больше не двинулся с места. Они видели, как медведь оставил свою жертву по приказу маленькой девочки с деймоном-котом, а потом расступились, освобождая путь Йореку Бирнисону, который протопал мимо них рядом с Лирой и направился к порту.

Она была занята только им и не замечала волнения, возникшего позади, злобы, вспыхнувшей в безопасности после его ухода. Она шла рядом с ним, а Пантелеймон бежал впереди, словно расчищая им дорогу.

Когда они пришли в порт, Йорек Бирнисон наклонил голову, расстегнул когтем шлем и с грохотом сбросил его на промерзшую землю. Почувствовав что-то необычное, цыгане высыпали из кафе и при свете антарных ламп, горевших на палубе судна, увидели, как Йорек Бирнисон скинул с себя остальную броню и, оставив ее лежать кучей на пристани, ни слова не говоря, подошел к воде, скользнул в нее без малейшего всплеска и пропал.

— Что случилось? — спросил Тони Коста, услышав возмущенные голоса горожан и полицейских, которые спускались по улочкам к гавани.

Лира объяснила ему настолько понятно, насколько могла.

— Но куда он собрался? — спросил Тони.

— Не бросил же он броню? Ее сейчас же заберут!

Лира и сама испугалась: из-за угла уже появился первый полицейский, за ним еще несколько, потом Сиссельман со священником и двадцать — тридцать зевак с Джоном Фаа и Фардером Корамом.

Но при виде толпы на пристани они остановились, потому что рядом с ней появилось новое лицо. На броне медведя, положив лодыжку на колено другой ноги, сидел долговязый Ли Скорсби, в руках у него был самый длинный пистолет, какой приходилось видеть Лире, и направлен он был на выпуклое брюшко Сиссельмана.

— Сдается мне, вы плохо ухаживали за латами моего друга, — благодушно сказал он.

— Смотрите, как заржавели! Не удивлюсь, если там и моль завелась. Так что постойте-ка тихо и спокойно и не сходите с места, пока медведь не вернется со смазкой. Хотя можете и домой пойти, почитать газету. Воля ваша.

— Вон он! — сказал Тони, показывая на скат в дальнем конце причала, где Йорек Бирнисон вылезал из воды, волоча что-то темное. Выбравшись на причал, он отряхнулся; в обе стороны полетели целые фонтаны воды, и мех его снова поднялся и стал густым. Потом он наклонился, взял зубами черный предмет и поволок туда, где лежала броня. Это был мертвый тюлень.

— Йорек, — сказал аэронавт, лениво встав и по-прежнему держа на мушке Сиссельмана.

— Здорово.

Медведь повернул голову, буркнул и одним когтем вспорол тюленя. Лира зачарованно наблюдала за тем, как он разворачивал на пристани шкуру и сдирал полосы подкожного жира, а потом намазывал им броню, тщательно накладывая на те места, где пластины находили друг на дружку.

— Ты с этими людьми? — спросил медведь, не прерывая работы.

— Ну да, — сказал Ли Скорсби.

— Похоже, мы оба завербовались, Йорек.

— Где ваш воздушный шар? — спросила Лира у техасца.

— Сложен в двух санях, — сказал он.

— А вон и босс идет.

Подошли Джон Фаа, Фардер Корам и Сиссельман с четырьмя вооруженными полицейскими.

— Медведь! — произнес Сиссельман тонким сиплым голосом.

— Тебе разрешается отбыть с этими людьми. Но предупреждаю тебя: если ты снова появишься в пределах города, с тобой обойдутся безжалостно.

Йорек Бирнисон ухом не повел и продолжал заботливо намазывать доспехи тюленьим жиром; Лире пришло в голову, что он относится к броне так же любовно, как она к Пантелеймону. Да ведь так он и сказал: броня — это его душа. Сиссельман и полицейские удалились, постепенно стали расходиться и горожане, хотя несколько человек продолжали глазеть.

Джон Фаа приложил ладони ко рту и крикнул:

— Цыгане!

Все были готовы к путешествию. С тех пор как высадились на берег, они только и ждали команды; сани были нагружены, собаки в постромах.

Джон Фаа сказал:

— Пора отправляться, друзья. Мы все собрались, путь свободен. Мистер Скорсби, вы погрузились?

— Готов, лорд Фаа.

— А ты, Йорек Бирнисон?

— Когда оденусь, — сказал медведь.

Он кончил смазывать броню. Чтобы не пропадало зря тюленье мясо, он поднял зубами тушу и закинул на задок больших саней техасца, после чего стал надевать броню. Удивительно было наблюдать, как легко он с ней обращается: металлические пластины кое-где были толщиной в два пальца, а он накидывал их на себя, словно шелковые лоскуты. Заняло это меньше минуты, и на этот раз никакого ржавого скрежета не было.

Спустя полчаса экспедиция была уже в пути. Под небом, населенным тысячами звезд и яркой луной, сани подпрыгивали и громыхали на рывтинах и камнях, пока не выехали на чистый снег за окраиной города. Тут громыхание сменилось тихим хрустом снега и скрипом дерева; собаки побежали резвее, сани двигались быстро и плавно.

На задке саней Фардера Корама Лира, до глаз закутанная в мех, шепнула Пантелеймону:

— Ты видишь Йорека?

— Он идет рядом с санями Ли Скорсби, — ответил деймон, притулившийся в виде горноста к ее капюшону.

Впереди, за горами на севере зажглись и заколыхались бледные арки и петли Северного Сияния. Лира, жмурясь, смотрела на них, и теплая

сонная радость разливалась по всему ее существу: она ехала на Север при свете Авроры. Пантелеймон боролся с ее дремотой, но дремота была сильнее; он свернулся в виде мыши внутри ее капюшона. Когда они проснутся, он, может быть, скажет ей... Непонятно, куница это, или сон, или какой-то безобидный местный дух, но кто-то все время следовал за их санным поездом, легко перепрыгивая с ветки на ветку тесно стоящих сосен, и это неприятно напомнило ему о золотой обезьяне.

Глава двенадцатая

ПРОПАВШИЙ МАЛЬЧИК

Ехали несколько часов, потом остановились поесть. Пока мужчины разжигали костры и растапливали снег, а Йорек Бирнисон наблюдал, как Ли Скорсби поджаривает тюленьё мясо, с Лирой заговорил Джон Фаа.

— Лира, можешь вынуть алетиометр и спросить?

Луна давно зашла. Свет Авроры был ярче лунного, но неверный. Однако у Лир было острое зрение, она пошарила в меху и вытащила черный бархатный сверток.

— Да, все видно, — сказала она.

— Хотя я и так уже помню, где какой символ. Что спросить, лорд Фаа?

— Мне надо точнее знать, как они обороняют это место, Больвангар.

Лире даже не надо было думать: пальцы сами поставили стрелки на шлем, на грифона и на тигель, и мысли сами остановились на правильных значениях, словно внутри сложной трехмерной диаграммы. И тут же стрелка пришла в движение — по кругу, назад, по кругу и дальше, как пчела, оповещающая своим танцем подруг по улью. Лира наблюдала за ней спокойно, не думая, но зная, что смысл приближается, и наконец он стал проясняться. Она не мешала стрелке плясать, пока та не остановилась окончательно.

— Лорд Фаа, все, как сказал деймон ведьмы. Станцию охраняет рота тартар, а вокруг нее провода. Они не ждут нападения, так говорит стрелка. Но...

— Что, детка?

— Она кое-что еще говорит. В соседней долине есть деревня у озера, и людей там донимает призрак.

Джон Фаа нетерпеливо мотнул головой и сказал:

— Сейчас это неважно. В здешних лесах, должно быть, полно всяких духов. Скажи-ка еще про тартар. Сколько их, например? Как вооружены?

Лира послушно спросила алетиметр и передала ответ:

— Там шестьдесят человек с винтовками, и у них два орудия побольше, вроде пушек. И еще огнеметы. А... деймоны у них — все волки, так он говорит.

Среди цыган постарше, тех, кто побывал в боях, прошел шумок.

— Деймоны-волки у сибирских полков, — сказал один.

— Самые свирепые, — подтвердил Джон Фаа.

— Мы должны будем драться, как тигры. И посоветуемся с медведем, этот — опытный воин.

Но Лира не успокоилась:

— Лорд Фаа, подождите, этот призрак... по-моему, это призрак одного из детей!

— Даже если это так, Лира, не знаю, что тут можно поделать. Шестьдесят сибирских стрелков и огнеметы... Мистер Скорсби, будьте добры, подойдите сюда на минутку.

Пока аэронавт приближался к саням, Лира отбежала, чтобы поговорить с медведем.

— Йорек, ты в этих краях бывал?

— Раз, — сказал он низким голосом без всякого выражения.

— Там есть поблизости деревня?

— За грядой, — сказал он, глядя вдаль сквозь редкие деревья.

— Далеко?

— Для тебя или для меня?

— Для меня, — сказала она.

— Далеко. Для меня совсем недалеко.

— За сколько ты туда доберешься?

— Я мог бы три раза сходить туда и обратно до восхода луны.

— Тогда слушай, Йорек: у меня прибор с символами, он мне подсказывает, понимаешь? И он говорит, что я должна сделать какое-то важное дело в этой деревне, а лорд Фаа не хочет меня пускать. Он хочет побыстрее доехать, и я понимаю, что это важно. Но если я не пойду туда и не выясню, мы, может, вообще не узнаем, чем занимаются Жрецы.

Медведь ничего не сказал. Он сидел как человек, положив огромные лапы на колени и уставясь темными глазами в ее глаза. Он понимал: ей что-то нужно.

Заговорил Пантелеймон:

— Ты можешь отвезти нас туда, а потом догнать сани?

— Мог бы. Но я дал слово лорду Фаа, что подчиняюсь только ему и больше никому.

— А если я получу его разрешение? — сказала Лира.

— Тогда да.

Она повернулась и побежала по снегу назад.

— Лорд Фаа! Если Йорек Бирнисон отвезет меня за ту гору в деревню, мы выясним, что там делается, а потом догоним сани. Он знает дорогу, — настаивала она.

— Я бы не попросила, только это — как в тот раз, помните, Фардер Корам, с хамелеоном? Тогда я не поняла, но он говорил правду, мы потом выяснили. Сейчас я то же самое чувствую. Я толком не понимаю, что он говорит, но знаю, — что-то важное. А Йорек Бирнисон знает дорогу, он говорит, что может сбегать туда и обратно три раза до восхода луны, и при нем я в полной безопасности, правда? Но он не пойдет, если не позволит лорд Фаа.

Наступило молчание. Фардер Корам вздохнул. Джон Фаа хмурился под капюшоном, рот его был угрюмо сжат.

Пока он раздумывал, вмешался аэронавт:

— Лорд Фаа, если Йорек Бирнисон берет девочку, ей с ним будет так же безопасно, как здесь, с нами. Медведи все надежные, а Йорека я знаю много лет, и ничто на свете не заставит его нарушить слово. Поручите

ему девочку, и он все сделает, будьте спокойны. Что до скорости, он может бежать часами без усталости.

— Может быть, отправить с ними людей? — сказал Джон Фаа.

— Им придется идти пешком, — возразила Лира, — через эти горы на санях не проедешь. Йорек Бирнисон идет по такой местности быстрее любого человека, а я легкая, я для него не груз. И обещаю, лорд Фаа, обещаю, что не задержусь там ни минуты лишней и никому ничего не скажу о нас, и рисковать не буду.

— Ты уверена, что это нужно? Что твой прибор не душит тебя?

— Он никогда не обманывает, лорд Фаа, и думаю, не умеет.

Джон Фаа потер подбородок.

— Что ж, если все получится, мы будем знать немного больше, чем знаем сейчас. Йорек Бирнисон, — позвал он, — ты хочешь сделать то, что предлагает ребенок?

— Я делаю то, что предлагаешь ты, лорд Фаа. Вели мне отвезти туда ребенка, и я отвезу.

— Хорошо. Отвези ее туда, куда она хочет, и делай, что попросит. Лира, теперь я приказываю тебе, понимаешь?

— Да, лорд Фаа.

— Отправляйся туда, выясни, что следует, и, когда выяснишь, сразу возвращайся. Йорек Бирнисон, мы к тому времени будем уже в пути, тебе придется догонять нас.

Медведь кивнул громадной головой.

— Солдаты в деревне есть? — спросил он у Леры.

— Броня мне понадобится? Без нее быстрее.

— Нет, — сказала она, — это точно, Йорек. Спасибо, лорд Фаа, обещаю все сделать так, как вы сказали.

Тони Коста дал ей полоску вяленого тюленьего мяса, и с Пантелеймоном-мышью в капюшоне Лира вскарабкалась на медведя, схватилась варежками за его мех и сжала коленями мускулистую спину. Мех у него был замечательно густой, и ее наполнило ощущение колоссальной силы. Он повернулся и, словно она ничего не весила, размашистым шагом побежал к низкорослым деревьям, в сторону гребня.

Она не сразу привыкла к движению, зато когда привыкла, ее охватил восторг. Она едет верхом на медведе! Над головой золотыми арками и петлями колыхалась Аврора, а вокруг — исполинское безмолвие и бескрайний жгучий холод Севера.

Лапы Йорека Бирнисона ступали по снегу почти беззвучно. Деревья здесь были худосочные, карликовые, потому что дальше начиналась тундра, но на пути попадалась морошка и какие-то цепкие кустики. Медведь проходил сквозь них, как сквозь паутину.

Они взобрались на невысокий гребень с голыми черными камнями, и вскоре их отряд скрылся из виду. Лире хотелось поговорить с медведем, и, будь он человеком, она давно болтала бы с ним по-свойски; но он был такой странный, дикий и неприступный, что она стеснялась — чуть ли не впервые в жизни. Он бежал, свободно выбрасывая огромные лапы, и она просто отдалась движению, не произнося ни слова. Наверное, так ему удобнее, думала она; наверное, в глазах бронированного медведя она — болтливая мелюзга, только что не сосунок.

До сих пор она редко задумывалась о себе и находила это занятие интересным, но не совсем приятным; вроде езды на медведе. Йорек Бирнисон двигался быстрой иноходью, попеременно вынося вперед то левые, то правые лапы, с плавной и мощной раскачкой. Лира обнаружила, что нельзя просто сидеть: езда верхом требует работы.

Они шли уже час или больше, у Лире уже болели и немели ноги, но она была очень счастлива. Йорек Бирнисон замедлил шаг и остановился.

— Посмотри наверх, — сказал он.

Лира подняла глаза, но пришлось протирать их запястьем: она так замерзла, что слезы мешали смотреть. Когда зрение прояснилось, она охнула при виде неба. Аврора поблекла, оставив после себя лишь трепетный бледный отсвет, но звезды сверкали, как алмазы, и под огромным темным сводом, усыпанным алмазами, с востока и с юга на север летели сотни и сотни крохотных черных пятнышек.

— Это птицы? — сказала она.

— Это ведьмы.

— Ведьмы! Что они делают?

— Летят на войну, может быть. Никогда не видел столько ведьм сразу.

— У тебя есть знакомые ведьмы, Йорек?

— Я служил некоторым. И воевал с некоторыми. Это зрелище должно напугать лорда Фаа. Если они летят на помощь вашим врагам, вам всем есть чего пугаться.

— Лорд Фаа не испугается. Ты же не боишься?

— Пока нет. Когда испугаюсь, я справлюсь со страхом. А лорду Фаа надо сказать о ведьмах, потому что люди могли их не увидеть.

Он пошел медленнее, а она все смотрела на небо, пока глаза снова не заволокло холодными слезами. И не было счета летевшим на север ведьмам. Наконец Йорек Бирнисон остановился и сказал:

— Вон деревня.

Внизу, под бугристым склоном стояла группа деревянных домов, а за ней широкое и совершенно плоское снежное пространство — Лира решила, что это замерзшее озеро. И не ошиблась: на краю его виднелась деревянная пристань. Дотуда было минут пять ходьбы.

— Что ты хочешь делать? — спросил медведь.

Лира сползла с его спины, и оказалось, что стоять ей трудно. Лицо онемело от холода, ноги подгибались, но она держалась за его мех и топала ногами, пока они не окрепли.

— В деревне — то ли ребенок, то ли призрак, то ли кто еще, — сказала она, — а может, где-то рядом, не знаю пока. Хочу пойти туда, найти его и привезти к лорду Фаа. И других, если сможем. Я думала, это призрак, но алетиометр показывает что-то непонятное.

— Если он не в деревне, — сказал медведь, — то не на открытом же воздухе.

— Не думаю, что он мертвый... — сказала Лира, но уверенности у нее не было.

Алетиометр намекал на что-то противоестественное и жуткое. Но кто она? Дочь лорда Азриэла. И кто под ее началом? Могучий медведь. Разве можно показывать свой страх?

— Пойдем посмотрим, — сказала она.

Она снова взобралась ему на спину, и он пустился вниз по ухабистому склону, теперь уже неторопливым шагом. Деревенские собаки слышали или почуяли их и подняли страшный вой, а северные олени нервно забегали по своему загону, с треском сталкиваясь рогами. В неподвижном воздухе всякий звук разносился далеко.

Когда они подошли к первым домам, Лира стала озираться, но было уже темно, потому что Аврора почти погасла, а луна еще и не собиралась вставать. Там и сям под заснеженными крышами мерцали огоньки, Лире казалось, что она различает за окнами бледные лица, и она представляла себе, как они изумляются при виде девочки верхом на огромном белом медведе.

Посреди деревеньки, рядом с пристанью было открытое место, там под толстым слоем снега лежали вытащенные на берег лодки. Собаки брехали оглушительно, и, только Лира подумала, что они, наверное, всех перебудили, как открылась дверь и вышел человек с винтовкой. Его деймон-росомаха вскочил на поленницу возле двери, разбросав снег.

Лира сразу слезла и встала между человеком и Йореком Бирнисоном, помня, что отсоветовала медведю надевать броню.

Человек произнес что-то непонятное. Йорек Бирнисон ответил на том же языке, и у человека вырвался тихий испуганный стон.

— Он думает, что мы дьяволы, — объяснил Йорек.

— Что ему сказать?

— Скажи, что мы не дьяволы, но у нас есть друзья из дьяволов. Мы ищем... просто ребенка. Чужого ребенка. Скажи ему.

Как только медведь перевел, человек показал рукой куда-то направо и быстро заговорил. Йорек Бирнисон сказал:

— Спрашивает, хотим ли мы забрать ребенка. Они его боятся. Они хотели его прогнать, но он возвращается.

— Скажи, что мы его заберем, но они очень плохо с ним поступили. Где он?

Человек объяснил, испуганно жестикулируя. Лира опасалась, что он по ошибке выстрелит, но, едва договорив, он сразу нырнул в дом и захлопнул дверь. Во всех окнах появились лица.

— Где ребенок? — спросила она.

— В рыбном сарае, — сказал медведь и пошел к пристани.

Лира последовала за ним. Она ужасно нервничала. Медведь направлялся к узкому деревянному сараю, он поднимал голову, принюхивался, а подойдя к двери, остановился и сказал:

— Тут.

Сердце у Лиры билось так быстро, что она едва дышала. Она подняла было руку, чтобы постучать, но, сообразив, что это нелепо, набрала в грудь воздуху и хотела крикнуть — только не знала что. И как же стало темно! Надо было взять фонарь...

Однако выбора не было, да и не хотелось ей, чтобы медведь заметил ее страх. Он тогда сказал, что справится со страхом: вот и ей так надо. Она подняла ремешок из оленьей кожи, удерживавший щеколду, и изо всех сил потянула примерзшую дверь. Дверь крякнула и приоткрылась. Лире пришлось отгрести ногой снег, заваливший низ двери, и только тогда ее удалось открыть как следует. От Пантелеймона толку не было — испуганно попискивая, он бегал взад и вперед в виде горноста, белая тень на белом снегу.

— Пан, умоляю тебя! Сделайся летучей мышью. Поди посмотри вместо меня...

Но он не желал — и говорить не желал. Таким она видела его только раз, в крипте Иордана, когда они с Роджером переложили монеты с деймонами не в те черепа. Сейчас он был напуган еще больше ее. Что же до Йорека Бирнисона, то он лежал на снегу и молча наблюдал.

— Выходи, — сказала Лира настолько громко, насколько хватило смелости.

— Выходи!

В ответ ни звука. Она приоткрыла дверь чуть шире, а Пантелеймон-кот вспрыгнул ей на руки и толкал, толкал ее лапами, приговаривая:

— Уходи! Не стой здесь! Ну, Лира, уходи же! Назад!

Стараясь удержать его, она заметила, что Йорек Бирнисон встал, а потом увидела спешившего к ним из деревни человека с фонарем. Приблизившись, он заговорил и поднял фонарь, чтобы осветить себя: старик с широким морщинистым лицом и почти утонувшими среди морщин глазами. Деймон его был песцом.

Он заговорил, и Йорек Бирнисон перевел:

— По его словам, здесь не один такой ребенок. В лесу он видел других. Иногда они умирают быстро, иногда не умирают. Этот, он думает, оказался крепким. Но лучше бы уж умер.

— Спроси, не одолжит ли он фонарь, — сказала Лира.

Медведь перевел, и человек, энергично закивав, сразу отдал ей фонарь. Лира поняла, что он для того и пришел сюда, и поблагодарила его, а он опять закивал и отступил назад, подальше от нее, от сарая и от медведя.

Лира вдруг подумала: «А что, если этот ребенок — Роджер?» И взмолилась про себя, чтобы это был не он. Пантелеймон — опять горноста́й — прильнул к ней, вцепившись коготками в ее анорак.

Она высоко подняла фонарь, шагнула в сарай и тут увидела, чем занимается Жертвенный Совет и какую жертву должны приносить дети.

Съежившись у деревянной решетки, где рядами висели потрошенные рыбины, твердые как доски, сидел маленький мальчик. Он прижимал к себе рыбину, как Лира прижимала Пантелеймона — обеими руками, крепко, к сердцу; но только это у него и было — сухая рыбина вместо деймона. Жрецы отрезали его. Это была сепарация, и это был поврежденный ребенок.

Глава тринадцатая

ФЕХТОВАНИЕ

Лиру затошнило, и первым ее побуждением было повернуться и убежать. Человек без деймона был все равно что человек без лица или со вскрытой грудной клеткой и вырванным сердцем — чем-то противоестественным и страшным, чем-то из мира ночной жути, а не мира осязаемой яви.

Она прижимала к себе Пантелеймона, голова ее кружилась, к горлу подкатывала тошнота, и, как ни холодна была ночь, все тело ее покрылось липким потом, который был еще холоднее.

— Крысолов, — сказал мальчик.

— Ты принесла Крысолова?

Лира поняла, о ком он говорит.

— Нет, — произнесла она слабым испуганным голосом.

— Как тебя зовут?

— Тони Макариос. Где Крысолов?

— Я не знаю... — начала она и несколько раз сглотнула, чтобы прогнать тошноту.

— Жрецы...

— Но договорить не смогла. Ей пришлось выйти из сарая и сесть на снег.

Ей хотелось побыть одной, хотя, конечно, она была не одна, она никогда не бывала одна, всегда с ней был Пантелеймон. Ох, быть отрезанным от него, разлучиться с ним, как разлучили этого мальчика с его Крысоловом! Ничего не может быть страшнее! Она зарыдала, и Пантелеймон заскулил вместе с ней от тоски и невыносимой жалости к искалеченному ребенку.

Потом она встала.

— Пойдем, — позвала она дрожащим голосом.

— Пойдем, Тони. Мы заберем тебя в безопасное место.

В сарае послышалось движение, и мальчик появился в дверях, по-прежнему прижимая к груди вяленую рыбу. Он был тепло одет — в толстый стеганый анорак из угольного шелка и меховые сапоги, но выглядело это все поношенным и было ему не по росту. При рассеянном свете почти угасшей Авроры и на белом снегу он выглядел еще более потерянным и несчастным, чем там, в сарае, при фонаре, когда сидел под сушилкой.

Старик, который принес фонарь, отступил на несколько шагов и что-то сказал. Йорек Бирнисон объяснил:

— Говорит, вы должны заплатить за рыбу. Лире хотелось сказать медведю, чтобы он убил его, но вместо этого она сказала:

— Мы забираем от них ребенка. Могут отдать за это одну рыбину.

Медведь перевел ее слова. Человек заворчал, но не стал спорить. Лира поставила его фонарь на снег, взяла за руку несчастного мальчика и повела к медведю. Тони Макариос шел беспомощно, не проявляя ни удивления, ни страха перед огромным белым зверем, и, когда Лира помогла ему влезть на спину к Йореку, только одно сказал:

— Я не знаю, где мой Крысолов.

— И мы не знаем, Тони, — сказала она.

— Но мы... Мы накажем Жрецов. Обещаю, накажем. Йорек, ничего, если я тоже влезу?

— Моя броня потяжелее детей, — сказал он. Она уселась позади Тони и заставила его взяться за длинный жесткий мех, а Пантелеймон, теплый и жалостливый, угнездился в ее капюшоне. Лира знала, что Пантелеймону хочется подползти к маленькому сиротливому ребенку, лизнуть его,

согреть, приласкать, как приласкал бы его собственный демон; но на это наложен великий запрет.

Они проехали через деревню к склону; провожая глазами изувеченного ребенка, увозимого девочкой и большим белым медведем, жители не могли скрыть своего ужаса и облегчения.

В сердце Лир сочувствие боролось с отвращением, и сочувствие победило. Она бережно обняла тощую маленькую фигурку. Стало темно, мороз усилился — обратный путь показался более трудным, но время почему-то прошло быстрее. Йорек Бирнисон был неустойчив, а Лира принаровилась к верховой езде и уже не боялась упасть. Маленькое тело в ее руках как будто ничего не весило, и удерживать его было бы совсем легко, если бы не его вялость: мальчик сидел неподвижно, никак не стараясь удерживать равновесие на колышущейся спине, так что работа Лире досталась не такая уж легкая.

Время от времени поврежденный мальчик начинал разговаривать.

— Что ты сказал? — спрашивала Лира.

— Я говорю, он узнает, где я?

— Да, он узнает, он найдет тебя, а мы найдем его. Держись крепче, Тони. Осталось недолго...

Медведь не сбавлял хода. Лира и не представляла себе, насколько она утомлена, пока не нагнали цыган. Нагнали их во время стоянки — надо было дать отдых собакам, — и Лира увидела сразу всех: и Фардера Корама, и лорда Фаа, и Ли Скорсби. Все бросились помочь ей и замерли на месте, увидев, кого она привезла. Лира так окоченела, что не могла даже разжать руки, обнимавшие мальчика, и Джону Фаа пришлось самому осторожно развести их и спустить Лир на снег.

— Боже милостивый, что это? — сказал он.

— Лира, детка, что ты нашла?

— Его зовут Тони, — пролепетала она, едва шевеля онемелыми губами.

— Они отрезали его демона. Вот чем занимаются Жрецы.

От страха мужчины не двигались с места; но, к удивлению усталой Лир, их пристыдил медведь:

— Позор вам! Подумайте, что сделал этот ребенок! Может, у вас и не больше смелости, но постеснялись бы это показывать.

— Ты прав, Йорек Бирнисон, — сказал Джон Фаа и скомандовал:

— Подбросьте в костер и согрейте супу для ребенка. Для обоих. Фардер Корам, у тебя поставлен навес?

— Поставлен, Джон. Принесите ее, мы ее отогреем...

— И маленького мальчика, — сказал кто-то еще.

— Может, поест и согреется, хотя и...

Лира пыталась сказать Джону Фаа про ведьм, но он все время был занят, а у нее не осталось сил. Мелькали фонари, в дыму костра суеились люди, и она задремала; а через несколько минут ее кинул за ухо горноста́й Пантелеймон, и, раскрыв глаза, она увидела в нескольких сантиметрах от своего лица морду медведя.

— Ведьмы, — шепнул Пантелеймон.

— Я позвал Йорека.

— А, да, — пробормотала она.

— Йорек, спасибо, что отвез меня туда и обратно. Если забуду сказать лорду Фаа про ведьм, скажи ему ты.

Она успела только услышать, что медведь согласился, и тут же крепко уснула.

Когда она проснулась, был уже день, вернее, то подобие дня, какое зовется днем в это время года в этих широтах. Небо на юго-востоке посветлело, а воздух был насыщен серым туманом, в котором, как неуклюжие призраки, двигались цыгане, нагружая сани и запрягая собак.

Все это Лира увидела из-под навеса на санях Фардера Корама, где она лежала под грудой мехов. Пантелеймон проснулся раньше ее и примерял облик песка, прежде чем вернуться к своему любимому — горноста́я.

Рядом на снегу, положив голову на большие лапы, спал Йорек Бирнисон; но Фардер Корам был уже на ногах и, как только заметил высунувшегося Пантелеймона, заковылял к ним, чтобы разбудить Лире.

Она увидела его и села.

— Фардер Корам, я знаю, чего я не поняла! Алетиометр все говорил птица и нет — вроде бессмысленное, потому что это значит нет деймона, а я себе такого не представляла... Что случилось?

— Горько сказать, Лира, после всего, что ты сделала, — но маленький мальчик умер час назад. Он не мог успокоиться, не мог усидеть на месте; все спрашивал про своего деймона, где он, скоро ли придет, и так держался за эту замерзшую рыбину, словно она... Мне больно говорить, детка; но в конце концов он закрыл глаза и затих, и впервые успокоился, потому что стал похож на любого мертвого, которого природным порядком покинул деймон. Попробовали вырыть ему могилу, но земля затвердела, как железо. Тогда Джон Фаа велел развести большой костер, и они собираются кремировать его, чтобы тело не досталось стервоядным.

Дитя, ты поступила храбро и сделала доброе дело, я тобой горжусь. Теперь мы знаем, на какие злодеяния способны эти люди, и сознаем свой долг яснее, чем прежде. Тебе же надо отдохнуть и поесть, вчера ты слишком быстро уснула и не успела восстановить силы, а на таком морозе надо есть, иначе ослабеешь...

Он суетился вокруг, подтыкал мех, подтягивал веревку на грузе, разбирал спутавшиеся постромки.

— Фардер Корам, где сейчас мальчик? Его еще не сожгли?

— Нет, Лира, он там лежит.

— Я хочу увидеть его.

Он не мог ей отказать — она видела то, что пострашнее мертвого тела, и оно могло ее даже успокоить. Вместе с Пантелеймоном, который скакал рядом в виде белого зайца, она побрела вдоль вереницы саней к тому месту, где люди сваливали в кучу кустарник.

Тело мальчика лежало под клетчатым одеялом возле тропинки. Она опустилась на колени и руками в варежках приподняла одеяло. Кто-то хотел ее остановить, но остальные замотали головами.

Пантелеймон подобрался поближе к Лире и заглянул в белое безжизненное лицо. Она сняла рукавицу и дотронулась до его глаз. Они были холодны, как мрамор. Фардер Корам был прав: бедный малыш Тони Макариос ничем не отличался от любого человека, расставшегося с деймоном в миг смерти. Ох, если бы у нее отняли Пантелеймона! Она подхватила его и прижала к себе так, словно хотела вжать прямо в сердце. А у маленького Тони была только жалкая рыбина...

Где рыба?

Она стащила одеяло. Рыбы не было.

Она тут же вскочила и с яростью в глазах повернулась к ближайшему человеку.

— Где его рыба?

Все растерянно замерли, не понимая, о чем она говорит; но поняли некоторые деймоны — и переглянулись. Кто-то из мужчин неуверенно улыбнулся.

— Не смейте смеяться! Я вас разорву, если будете над ним смеяться! У него никого больше не было, только старая сухая рыба вместо деймона, больше некого было любить и жалеть! Кто ее забрал? Где она?

Пантелеймон зарычал — он стал снежным барсом, как деймон лорда Азриэла, но Лира этого не видела; она видела сейчас только где добро, а где зло.

— Спокойно, Лира, — сказал кто-то.

— Спокойно, детка.

— Кто ее взял? — закричала она, и цыган попятился от разгневанной девочки.

— Я не знал, — виновато сказал другой.

— Я думал, он ее просто ел. И вынул у него из руки, думал, так приличнее. Вот и все, Лира.

— Тогда где она?

Он смущенно сказал:

— Я думал, она ему не нужна, и отдал моим собакам. Прости меня.

— Не у меня проси прощения, у него.

— Лира снова опустилась на колени и положила ладонь на ледяную щеку мертвого мальчика.

У нее родилась идея, и она стала рыться у себя в одежде. Когда она приподняла анорак, туда хлынул холодный воздух, но через несколько секунд она нашла то, что искала, вытащила из сумки золотую монету и снова запахнулась.

— Одолжи мне твой нож, — сказала она человеку, который забрал рыбу, и, когда он дал нож, спросила Пантелеймона:

— Как его звали?

Он сразу понял и ответил:

— Крысолов.

Крепко сжав монету левой рукой в варежке и держа нож, как карандаш, она нацарапала на золоте имя пропавшего деймона.

— Надеюсь, тебе будет не хуже, чем Ученым в Иордане, — шепнула она мертвому мальчику и, раздвинув ему зубы, сунула в рот монету. Это было трудно, но она справилась и сумела закрыть ему рот.

Потом вернула цыгану нож и в утренних сумерках пошла к Фардеру Кораму.

Он дал ей кружку супа прямо с костра, и она с жадностью стала есть.

— Фардер Корам, как нам быть с ведьмами? Интересно, ваша ведьма была с ними?

— Моя ведьма? Я бы не решился так сказать. А лететь они могли куда угодно. В жизни ведьм много разнообразных забот; вещей, для нас невидимых; таинственных болезней, которые обрушиваются на них, а для нас ничего не значат; войн по причинам, недоступным нашему разумению; радостей и печалей, связанных с цветением крохотных растений в тундре... Но хотел бы я видеть их полет, Лира. Хотел бы увидеть такое зрелище. Допивай-ка суп. Добавить еще? Скоро и лепешки будут готовы. Ешь как следует, детка, скоро в путь.

Еда оживила Лиру, и холод постепенно отпускал душу. Вместе с другими она подошла к погребальному костру и, наклонив голову, закрыв глаза, слушала молитвы Джона Фаа. Потом люди облили хворост угольным спиртом, поднесли спички, и костер запылал.

Убедившись, что мальчик сгорел полностью, они пустились в путь. Это было призрачное путешествие. Очень скоро пошел снег, и мир съежился донельзя: только серые тени собак, тянувших сани, толчки и скрип саней, обжигающий холод и вихревое море крупного снега, чуть более темного, чем небо, и чуть более светлого, чем земля.

Собаки бежали в серой мгле с поднятыми хвостами, дыша паром. Все дальше и дальше на север. Наплыл и уплыл бледный полдень, мир снова накрыли сумерки. Остановились поесть и передохнуть в ложбине между холмами, определили свое местоположение и, пока Джон Фаа разговаривал с Ли Скорсби о том, как лучше использовать воздушный

шар, Лира думала о жуке-шпионе. Она спросила Фардера Корама, где табачная жестянка с жуком.

— Я надежно ее припрятал. Она на дне вещевого мешка, но смотреть там не на что: я запаял ее на корабле, как обещал. По правде говоря, не знаю, что с ней делать; может, сбросим в огненную шахту и покончим с этим раз и навсегда. Но ты не волнуйся, Лира. Пока он у меня, он тебе не страшен.

При первом же удобном случае Лира засунула руку в залубенелый от холода брезентовый мешок и вытащила жестянку. Жужжание она почувствовала еще до того, как прикоснулась к ней.

Когда Фардер Корама разговаривал с другими вождями, она отнесла жестянку к Йореку Бирнисону и объяснила свою идею. А пришла к ней эта идея, когда она вспомнила, с какой легкостью он вспорол железный капот.

Выслушав ее, Йорек Бирнисон взял крышку от банки с печеньем и мигом свернул ее в маленький плоский цилиндр. Она изумлялась ловкости его лап: в отличие от остальных медведей, у него и его собратьев был противопоставленный большой палец, благодаря чему он мог прочно удерживать обрабатываемые предметы. И у него было врожденное ощущение твердости и гибкости металла: ему достаточно было взять кусок железа, согнуть, разогнуть, а потом провести когтем круг, и металл тут же принимал нужную форму. Это он и проделал сейчас: загнул края, так что они образовали бортик, а потом выгнул для новой банки крышку. По просьбе Лире он изготовил две штуки: одну такого же размера, как жестянка из-под курительного листа, а другую чуть больше, чтобы набить туда вдобавок шерсти, мха и лишайника и заглушить звук. Когда ее закрыли, она оказалась точно такой же величины и формы, как алетиметр.

Работа была окончена, и Лира села рядом с Йореком Бирнисоном, который продолжал обглаживать оленью ногу, затвердевшую от мороза.

— Йорек, — сказала она, — трудно жить без деймона? Тебе не одиноко?

— Одиноко? Не знаю. Вот говорят, тут холодно. Я не знаю, что такое холод, потому что не мерзну.

И что такое одиночество, не знаю. Медведи созданы одинокими.

— А свальбардские медведи? Их же там тысячи? Так я слышала.

Он не ответил, и сустав оленьей ноги разорвался в его лапах с треском расколотого полена.

— Извини, Йорек. Надеюсь, я тебя не обидела. Я просто любопытная. Особенно насчет свальбардских медведей — из-за отца, понимаешь?

— Кто твой отец?

— Лорд Азриэл. Его взяли в плен на Свальбарде, понимаешь? Думаю, Жрецы его предали и заплатили медведям, чтобы они держали его в тюрьме.

— Не знаю. Я не свальбардский медведь.

— Я думала, ты был...

— Нет. Был я свальбардский, а теперь нет. Меня выслали в наказание за то, что я убил другого медведя. Поэтому меня лишили и чина, и богатства, и брони и отправили жить на окраине людского мира и драться, если кто наймет, или делать черную работу и топить свою память в неочищенном спирту.

— Зачем ты убил другого медведя?

— Рассердился. Мы, медведи, умеем смирять взаимный гнев, но я вышел из себя. И убил его, и был справедливо наказан.

— Так ты был важной персоной, — изумилась Лира.

— Прямо как мой отец! И с ним случилось то же самое, когда я родилась. Он тоже кого-то убил, и у него отняли богатство. Это было задолго до того, как его посадили в тюрьму на Свальбарде. Я ничего про Свальбард не знаю, только что он на далеком Севере... Он весь покрыт льдом? Ты можешь добраться туда по замерзшему морю?

— Не с этих берегов. Море к югу от него иногда замерзает, иногда нет. Понадобилась бы лодка.

— Или воздушный шар.

— Или воздушный шар, да — но еще попутный ветер.

Он вгрызся в оленью ногу, а Лире вспомнились ведьмы, летевшие в ночном небе, и ее осенила безумная идея. Но она ничего не сказала о ней, а стала расспрашивать Йорека Бирнисона о Свальбарде и жадно слушала его рассказы о медленно ползущих ледниках, о скалах и плавучих льдинах, где устраивают лежбища сотни моржей с белыми бивнями, о море, кишашем тюленями, о нарвалах, скрещивающих свои длинные белые бивни над ледяной водой; о мрачном, одетом в железо берегу, о скалах в полкилометра высотой, где гнездятся и реют в воздухе грязные скальные мары; об угольных шахтах, об огненных

шахтах, где кузнецы-медведи куют толстенные листы железа и склепывают в броню...

— Йорек, если у тебя отобрали броню, откуда взялась эта?

— Я сделал ее сам на Новой Земле из небесного металла. Пока не сделал ее, я был не целый.

— Значит, медведи могут сами сделать себе душу... — сказала она. Сколько еще неизвестного в мире.

— Кто король Свальбарда? У медведей есть король?

— Его зовут Йофур Ракнисон.

Это имя Лире что-то напомнило. Она слышала его, но где? И голос тогда был не медвежий и не цыганский. То был голос Ученого, отчетливый и педантичный, лениво-высокомерный — типичный для Иордан-колледжа. Она повторила имя про себя. Ну конечно, она его слышала!

И тут вспомнилось: Комната Отдыха, Ученые слушают лорда Азриэла. Это был Пальмеровский Профессор, он что-то сказал про Йофура Ракнисона. Он употребил слово панцербьёрн, которого Лира не знала, и не знала, что Йофур Ракнисон — медведь; но что же он тогда сказал? Что король Свальбарда тщеславен, к нему можно подольститься. И что-то еще, вспомнить бы... столько всего случилось с тех пор...

— Если твой отец — узник у свальдбардских медведей, — сказал Йорек Бирнисон, — ему не убежать. Лодку там сделать не из чего, нет леса. С другой стороны, если он человек благородный, с ним будут обходиться достойно. Ему дадут дом со слугой, пищу и топливо.

— А вообще медведей можно победить?

— Нет.

— Или перехитрить?

Он перестал есть и посмотрел ей в глаза. Потом сказал:

— Ты никогда не победишь бронированных медведей. Ты видела мою броню; теперь посмотри на мое оружие.

Он бросил мясо и поднял лапы, показал ей черные ладони. Они были покрыты толстой ороговелой кожей, и каждый коготь был длиной, по крайней мере, с ее ладонь, острый как нож. Он позволил изумленной Лире провести по ним рукой.

— Одним ударом проламываю череп тюленю, — сказал он.

— Или ломаю человеку хребет, или отрываю конечность. Могу и кусать. Если бы ты не помешала мне в Троллезунде, я разгрыз бы его череп, как яйцо. Но хватит о силе, теперь насчет хитрости. Ты не можешь обмануть медведя. Хочешь доказательство? Возьми палку и фехтуй со мной.

Ли́ра обрадовалась предложению и, выломав палку из заснеженного куста, пообрывала боковые веточки и взмахнула ею, как рапирой. Йо́рек Бирнисон сел по-человечьи и положил передние лапы на колени. Она встала перед ним, но тыкать в него палкой не хотелось — уж больно мирный был у него вид. Поэтому она просто размахивала палкой, делала ложные выпады влево и вправо, не пытаясь в него попасть; он же не шевелился. Она проделала это несколько раз, а медведь сидел как вкопанный.

Наконец она решила уколоть его, но не сильно, только тронуть палкой живот. Неуловимым движением лапы он отбил палку в сторону.

Она удивилась, попробовала снова — с тем же результатом. Он двигался гораздо быстрее и точнее, чем она. Она пробовала ткнуть его всерьез, делая фехтовальные выпады, и ни разу не коснулась его тела. Он будто знал ее намерение заранее, и, когда она целила в голову, огромная лапа отбивала палку, а когда делала ложный выпад, он сидел не шелохнувшись.

Она вошла в азарт, кинулась в яростную атаку — тыкала, рубила, хлестала палкой — и ни разу не пробила его защиту. Лапы его поспевали повсюду, точно вовремя, чтобы парировать выпад, отбить удар.

В конце концов ей стало страшно, и она остановилась. Она вспотела в своих мехах, запыхалась, устала, а медведь по-прежнему сидел невозмутимо. Если бы у нее была настоящая шпага с острым концом, на нем не осталось бы ни царапины.

— Ты небось и пули можешь ловить, — сказала она и бросила палку.

— Как тебе это удастся?

— Потому что я не человек, — сказал он.

— Ты никогда не обманешь медведя. Мы видим хитрости обман так же ясно, как руки и ноги. Мы видим так, как люди разучились видеть. Но не ты — ты понимаешь прибор с символами.

— Это ведь не то же самое? — сказала она. Сейчас он внушал ей еще большую робость, чем тогда, когда был в гневе.

— То же самое, — сказал он.

— Взрослые не могут его понимать, так, кажется? Я против людей-бойцов — то же самое, что ты со своим прибором против взрослых.

— Может быть, — сказала она неуверенно и неохотно.

— Это значит, я разучусь, когда вырасту?

— Кто знает? Я никогда не видел символического прибора и людей, которые его понимают. Может, ты не такая, как все.

Он опустился на четвереньки и продолжал грызть мясо. Лира стащила с себя мех, но мороз сразу набросился на нее, и ей пришлось одеться. В общем, этот эпизод ее озадачил. Ей захотелось тут же посоветоваться с алетиометром, но было слишком холодно, и, кроме того, ее уже звали, потому что пора было трогаться. Она взяла коробочки, сделанные Йореком Бирнисоном, сунула пустую в мешок Фардера Корама, а ту, что с жуком-шпионом, положила вместе с алетиометром в сумочку на поясе. И была рада, когда они снова пустились в путь.

Вожди договорились с Ли Скорсби, что на следующей стоянке он наполнит свой шар и проведет разведку с воздуха. Лире, конечно, очень хотелось полететь с ним, и, конечно, ей запретили; но до следующей стоянки она ехала с аэронавтом и донимала его вопросами.

— Мистер Скорсби, как бы вы полетели на Свальбард?

— Тут нужен дирижабль с газолиновым мотором, ну, цеппелин, или же крепкий южный ветер. Только на кой черт? Ты его когда-нибудь видела? Самая мрачная, самая голая, негостеприимная, Богом забытая куча камней на краю света.

— Я просто подумала, может, Йорек Бирнисон захочет вернуться...

— Его убьют. Йорек — изгнанник. Стоит ему там появиться, его разорвут на куски.

— Как вы надуваете свой шар, мистер Скорсби?

— Двумя способами. Я могу добыть водород, если налью серную кислоту на железные опилки. Получается газ и постепенно наполняет такой шар. Другой способ — найти выход газа около огненной шахты. Здесь под землей много газа и нефти. Я могу сделать газ из нефти, если понадобится, из угля тоже; газ нетрудно сделать. Но самый быстрый способ — с подземным газом. Хорошая скважина наполнит шар за час.

— Сколько человек вы можете поднять?

— Шесть, если понадобится.

— А Йорека Бирнисона в броне?

— Поднимал. Однажды я спас его от тартар, когда его окружили и хотели взять голодной осадой — это было в Тунгусской кампании; я прилетел и снял его.

Послушать — так вроде просто, а мне, черт возьми, пришлось рассчитывать его вес наугад. И еще рассчитывать, что найдется подземный газ под ледяным фортом, который он соорудил. Но какая там земля, я увидел сверху и решил, что дорыться до газа сможем. Понимаешь, чтобы сесть, я должен выпустить газ из шара, а чтобы подняться снова, надо добавить газа. В общем, мы взлетели — и с ним и с броней.

— Мистер Скорсби, вы знаете, что тартары делают дырки в голове у людей?

— Конечно. Тысячи лет уже делают. В Тунгусской кампании мы захватили живьем пять тартар, и у троих были дырки в черепе. У одного даже две.

— Они и друг другу их делают?

— А как же. Сперва надрезают кожу по кругу на голове, чтобы поднять лоскут и открыть череп. Потом вырезают кружок из черепа, очень аккуратно, чтобы не задеть мозг, потом зашивают кожу.

— Я думала, они делают это с врагами!

— Ну что ты! Это большая привилегия. Чтобы боги могли с ними говорить.

— Вы когда-нибудь слышали про путешественника Станислауса Груммана?

— Груммана? Конечно. Два года назад, когда летел над Енисеем, я встретил одного человека из его группы. Он собирался жить среди тартарских племен в тех местах. Между прочим, кажется, и ему сделали дырку в черепе. Это входило в обряд инициации — но тот, кто мне рассказывал, мало об этом знал.

— Значит... Если бы он стал, ну, почетным тартарином, его бы не убили?

— Убили? Так он погиб?

— Да. Я видела его голову, — с гордостью сообщила Лира.

— Ее мой отец нашел. Я видела, как он показывал ее Ученым Иордан-колледжа в Оксфорде. Они ее оскальпировали и вообще.

— Кто оскальпировал?

— Ну, тартары. Ученые так решили. А может, все и не так.

— Могла быть и не Груммана голова, — сказал Ли Скорсби.

— Может, твой отец морочил Ученых.

— Вообще-то, мог, — задумчиво сказала Лира.

— Он просил у них деньги.

— И, когда увидели голову, дали деньги?

— Да.

— Хорошо разыграл. Люди столбенеют, если показать им такую вещь. И особенно присматриваться к ней не хотят.

— Особенно Ученые.

— Ну, тебе виднее. Но, если это Груммана голова, оскальпировали его не тартары, могу побожиться. Они скальпируют врагов, а не своих, а он был как бы приемный тартарин.

Пока ехали, Лира раздумывала над этим. Столько значительного творилось вокруг нее, и смысл его был темен: Жрецы, их жестокость, их страх перед Пылью, город в Авроре, отец на Свальбарде, мать... Она-то где? Алетиометр, ведьмы летят на север. И бедный малыш Тони Макариос, и механический жук-шпион, и сверхъестественное фехтование Йорека Бирнисона...

Она уснула. Больвангар приближался с каждым часом.

Глава четырнадцатая

ОГНИ БОЛЬВАНГАРА

Фардер Корам и Джон Фаа сильно беспокоились из-за того, что ничего не слышно и неизвестно о миссис Колтер, но с Лирой они этим не делились. Впрочем, они не знали, что и Лира из-за этого тревожится. Она боялась миссис Колтер и часто о ней думала. И если лорд Азриэл был теперь «отец», миссис Колтер так и не стала «матерью». Виной тому был деймон миссис Колтер, золотая обезьяна, вызывавшая у Пантелеймона

неодолимое отвращение и, как догадывалась Лира, шпионившая за ней, как тогда, с алетиметром.

И наверняка они гонятся за ней; глупо ждать от них чего-то другого. Доказательство — хотя бы этот жук.

Но удар последовал совсем с другой стороны. Цыгане собирались устроить привал, дать отдых собакам, починить пару саней и подготовить оружие для атаки на Больвангар. Джон Фаа надеялся, что Ли Скорсби сумеет найти подземный газ, чтобы наполнить свой меньший шар и разведать местность.

Однако аэронавт, следивший за погодой не менее пристально, чем любой моряк, сказал, что будет туман — и в самом деле, едва они остановились, как все затянуло мглой.

Ли Скорсби знал, что с неба ему ничего не разглядеть, и ограничился проверкой снаряжения, хотя оно было в безупречном порядке. И вдруг из темноты на них обрушился град стрел.

Трое рухнули сразу и умерли без звука, так что никто ничего не заметил. Только когда люди стали неуклюже падать на построшки или неожиданно ложиться и затихать, ближайшие к ним сообразили, что происходит. Но было уже поздно: опять посыпались стрелы. Некоторые люди поднимали глаза к небу, озадаченные беспорядочным стуком, производимым стрелами, которые попадали в дерево и в обледенелый брезент.

Первым опомнился Джон Фаа и начал выкрикивать команды, стоя посреди поезда. Застывшие руки и ноги пришли в движение, подчиняясь ему, а с неба все сыпался деревянный дождь, начиненный смертью.

Лира стояла в стороне, и стрелы пролетали над ее головой. Пантелеймон слышал их раньше, стал барсом, сшиб ее, чтобы она была не такой заметной мишенью. Стирая с глаз снег, она повернулась на бок и вглядывалась в полутьму, пытаясь понять, что происходит, почему там такая суматоха и шум. Она услышала могучий рев, лязг и скрежет железа — это Йорек Бирнисон перепрыгнул в броне через сани и ринулся в туман. Оттуда донеслись крики, рычание, треск, хруст, звук чудовищных ударов, вопли ужаса и яростный рев медведя, крушившего врагов.

Но каких врагов? Врагов Лира не видела. Цыгане столпились перед санями с намерением их защищать, но из-за этого (даже Лире было понятно) сделались только более удобной мишенью; а стрелять из винтовок в перчатках и рукавицах было неудобно: она услышала всего четыре или пять выстрелов, между тем как стрелы по-прежнему

сыпались не переставая. И с каждой минутой падало все больше людей. «Что же ты, Джон Фаа! — молча, сокрушалась она.

— Ты не предвидел этого, и я тебе не помогла!»

Но размышления ее длились не больше секунды: громко зарычал Пантелеймон, и кто-то — другой деймон — налетел на него, повалил на снег, сбив дыхание самой Лире. Потом чьи-то руки потащили ее, подняли, заткнули рот вонючей рукавицей, перебросили ее в чьи-то другие руки, так что нечем стало дышать, и закружилась голова, и заболело все тело. Ей вывернули руки за спину до хруста в плечах, кто-то связал ей запястья и нахлобучил на голову капюшон, чтобы заглушить ее крики — а она кричала, и громко:

— Йорек! Йорек Бирнисон! Помоги!

Но услышал ли он? Понять было нельзя — ее таскали туда и сюда, потом бросили на что-то твердое, и оно стало подскакивать и дергаться, как сани. До нее доносились дикие, неразборчивые звуки. Один раз она как будто расслышала рев Йорека Бирнисона, но очень далекий, а потом от всех ощущений остались только тряска, удушье, боль в вывернутых руках. Она всхлипывала от ярости и страха. Потом слышались незнакомые голоса.

— Пан! — прохрипела она.

— Я здесь, тсс, я помогу тебе дышать. Лежи тихо... Мышиные лапки подергали капюшон, рот немного освободился и Лира глотнула морозного воздуха.

— Кто они? — прошептала она.

— Похожи на тартар. Кажется, попали в Джона Фаа.

— Не может быть...

— Я видел, как он упал. Но он должен был ожидать такого нападения. Это же понятно.

— А мы должны были ему помочь! Надо было посмотреть алетиометр!

— Тихо! Притворись, будто ты без сознания. Хлопал бич, тявкали на бегу собаки. По тому, как дергались и подпрыгивали сани, понятно было, что едут они быстро; Лира пыталась расслышать звуки боя, но донеслось только несколько слабых, далеких выстрелов, а остальное заглушал скрип саней да хруст снега под собачьими лапами.

— Они везут нас к Жрецам, — прошептала она. В памяти всплыло слово поврежденные. Лирой овладел отвратительный страх, и Пантелеймон прижался к ней теснее.

— Я буду драться, — сказал он.

— И я буду. Я их убью.

— И Йорек, когда узнает. Он их разорвет.

— Далеко мы от Больвангара? Пантелеймон не знал, и они решили, что дотуда меньше дня пути. Они ехали так долго, что в ногах у нее начались судороги, но наконец бег замедлился, и кто-то грубо стянул с нее капюшон.

При свете мерцающей лампы она увидела широкое азиатское лицо под капюшоном из росوماхи. В его черных глазах поблескивало довольство, и они еще больше повеселели, когда Пантелеймон-горностай вылез из анорака и, зашипев, оскалил белые зубки. Деймон человека, большая грозная росوماха, зарычал в ответ, но Пантелеймон не дрогнул.

Человек посадил Лиру и прислонил к бортику саней. Она валилась набок, потому что руки у нее все еще были связаны за спиной; тогда он спутал ей ноги, а руки развязал.

Несмотря на густой снег и туман, Лира разглядела, что человек этот очень сильный, и тот, кто сидел впереди и правил собаками, — тоже; они прекрасно удерживали равновесие в кренящихся санях, и было ясно, что, в отличие от цыган, чувствуют себя в этом краю, как дома.

Человек заговорил, но она, конечно, ни слова не поняла. Он попробовал на другом языке — с тем же результатом. Тогда он сказал по-английски:

— Как зовут?

Пантелеймон предостерегающе взглянул на нее, ошетинился, и она сразу его поняла. Эти люди не знают, кто она такая! И ее похитили не потому, что она связана с миссис Колтер; так что, может быть, они посланы не Жрецами.

— Лиззи Брукс, — сказала она.

— Лиззи Брукс, — повторил он.

— Везем тебя в хорошее место. Хорошие люди.

— Кто вы?

— Самоеды-люди. Охотники.

— Куда вы меня везете?

— Хорошее место. Хорошие люди. У тебя панцербьёрн?

— Он мой защитник.

— Не помогал! Ха-ха, медведь не помогал! Мы тебя увозили!

— Он расхохотался.

Лира сдержалась и ничего не сказала.

— Кто твои люди? — спросил он, показывая назад.

— Торговцы.

— Торговцы... Что торгуют?

— Меха, спирт, — сказала она.

— Курительный лист.

— Продавать лист, покупать меха?

— Да.

Он что-то сказал своему спутнику, и тот коротко ответил. Все это время сани не сбавляли хода; Лира села поудобнее и попыталась разглядеть, куда они направляются; но валил снег, небо было темное, и, в конце концов, ей стало так холодно, что смотреть больше не хотелось, и она легла. Они с Пантелеймоном чувствовали мысли друг друга и пытались сохранять спокойствие, но если Джон Фаа погиб... И что с Фардером Корамом? Сумеет ли Йорек убить остальных самоедов? И сумеют ли ее отыскать?

Впервые ей стало немного жаль себя.

Прошло много времени. Человек потряс ее за плечо и дал ей полоску вяленой оленины. Мясо было жесткое, плохо пахло, но Лира проголодалась и, пожевав, почувствовала себя немного лучше. Она незаметно засунула руку под мех, проверила, на месте ли алетиометр, а потом осторожно вытащила жестянку с жуком-шпионом и сунула ее в меховой сапог. Пантелеймон в виде мыши залез туда и протолкнул ее подальше, в самый низ мехового голенища.

Покончив с этим, Лира закрыла глаза. Страх отнял у нее силы, и вскоре она забылась тяжелым сном.

Проснувшись она оттого, что ход саней стал другим. Вдруг прекратились толчки, и, когда Лира открыла глаза, над головой проплывали ослепительные огни, такие яркие, что сперва она даже нахлобучила капюшон. Она совсем околела, но кое-как сумела сесть и увидела, что сани быстро едут вдоль ряда высоких столбов с яркими безвоздушными лампами. Потом они въехали в открытые железные ворота, за которыми простирался широкий участок, похожий на пустую базарную площадь или поле для спортивных игр. Он был совершенно ровный и белый, метров в сто шириной. Его окружала высокая металлическая ограда.

Проехав все поле, сани остановились перед утопавшим в снегу низким зданием — или рядом зданий, понять было трудно, но у Леры сложилось впечатление, что между частями его, под снегом, проложены туннели. С одной стороны стояла толстая металлическая мачта, с виду как будто знакомая, но Лира не могла вспомнить, где она видела такую мачту.

Не успела она оглядеться, как самоед разрезал веревку у нее на ногах и выдернул ее из саней, а погонщик закричал на собак, чтобы они стояли спокойно. В нескольких метрах от них открылась дверь, оттуда вырвался луч света и, повернувшись, уперся в них.

Самоед толкнул ее вперед, как пленницу, и что-то сказал. Человек в толстом анорাকে из угольного шелка ответил на том же языке, и Лира разглядела его черты: он не был ни самоедом, ни тартарином. Напоминал скорее ученого из Иордан-колледжа. Он внимательно осмотрел ее и еще внимательнее — Пантелеймона.

Самоед снова заговорил, и человек из Больвангара спросил Лиру:

— Ты говоришь по-английски?

— Да, — сказала она.

— Твой деймон всегда в таком облике?

Ничего себе вопрос для начала! Лира только раскрыла глаза. Вместо нее ответил Пантелеймон: он сделался соколом, слетел с плеча Леры и клюнул чужого деймона, большого сурка, а тот быстро ударил его лапой и плюнул, когда Пантелеймон взвился вверх.

— Понятно, — довольным тоном произнес человек после того, как Пантелеймон уселся на плечо Леры.

Самоеды чего-то ждали, и человек из Больвангара кивнул, снял рукавицу, залез в карман, вынул оттуда что-то вроде кисета и отсчитал в руку охотника десяток тяжелых монет.

Самоеды пересчитали деньги, поделили пополам и тщательно спрятали. Потом, не оглянувшись, забрались в сани, погонщик хлопнул бичом, крикнул собакам, и они уехали — через поле, в освещенную аллею и дальше, в темноту.

Человек снова открыл дверь.

— Быстро заходи, — сказал он.

— Там тепло и уютно. Не стой на морозе. Как тебя зовут?

— Говорил он по-английски без всякого акцента, примерно так, как гости миссис Колтер, уверенные, образованные, важные.

— Лиззи Брукс, — сказала она.

— Входи, Лиззи. Мы позаботимся о тебе, не волнуйся.

Он замерз сильнее ее, хотя пробыл на воздухе совсем недолго; видно было, что ему хочется поскорее в тепло. Она решила изображать упрямую тупицу и, шаркая ногами, ступила за высокий порог.

Дверь была двойная, с глубоким тамбуром, чтобы не выходило тепло. Когда они прошли за вторую дверь, Лире стало нестерпимо жарко, она распахнула мех и откинула капюшон. Они очутились в небольшой комнате, из которой налево и направо уходили коридоры, а напротив двери стоял письменный стол, как у регистратора в больнице. Все было ярко освещено — сплошная глянцевая белизна и нержавеющей сталь. Пахло едой — знакомой едой, беконом и кофе, но под этим чувствовался и больничный, лекарственный запах, а от стен исходило слабое непрерывное гудение, почти неслышное — такой звук, что либо привыкаешь к нему, либо сходишь с ума.

Пантелеймон-щегол шепнул ей на ухо:

— Будь глупой и вялой. Совсем тупой.

На нее смотрели взрослые: мужчина, который ее привел, еще один в белом халате и женщина в костюме медицинской сестры.

— Англичане, — сказал первый, — видимо, торговцы.

— Как всегда, охотники? Обычным порядком?

— То же племя, насколько я понял. Сестра Клара, вы не займетесь э-э маленькой?

— Конечно, доктор, — сказала сестра, и Лира послушно пошла за ней.

Они шли по короткому коридору — с правой стороны были двери, а слева столовая, откуда доносились голоса, стук ножей и вилок и запахи кухни. Сестра была примерно того же возраста, что миссис Колтер, энергичная, толковая, деловитая: такая может зашить рану и сменить повязку, но никогда не расскажет истории. Ее деймоном (Лиру обдало холодком, когда она его заметила) была белая собачка, семенящая рядом (и через секунду Лира уже не могла понять, отчего ее обдало холодком).

— Как тебя зовут, моя милая? — спросила сестра.

— Лиззи.

— Лиззи, и все?

— Лиззи Брукс.

— И сколько тебе лет?

— Одиннадцать.

Лире говорили, что она мала для своих лет — в каком смысле, она не понимала, но это никак не ущемляло ее достоинства. Сейчас она сочла, что этим удобно воспользоваться — так проще будет изображать себя застенчивой, робкой и ничтожной, — и, входя в комнату, нарочно съежилась.

Она ожидала расспросов: откуда ты, как очутилась здесь — и заранее готовила ответы; однако у сестры отсутствовало не только воображение, но и любопытство. Можно было подумать, что Больвангар находится на окраине Лондона и дети прибывают сюда все время, — так мало интереса проявляла она к Лире. Нахальненький деймон семенил у ее ног, такой же деятельный и равнодушный, как она сама.

В комнате стояла кушетка, стол, два стула, шкаф с документами, стеклянный шкаф с лекарствами и перевязочными материалами и ванна. Как только они вошли, сестра сняла с Лир меховую одежду и кинула на блестящий пол.

— Снимай остальное, милая, — сказала она.

— Быстренько осмотришь тебя — здоровенькая ли, складненькая, нет ли обморожений и сопелек, а потом найдем тебе хорошую чистую одежду.

И в душ, — добавила она, потому что Лира уже много дней не мылась и не переодевалась, и в тепле это стало особенно ощутимо.

Пантелеймон негодующе хлопнул крыльями, Лира остановила его грозным взглядом, и он сел на кушетку. Лира возмущалась, снимая с себя одежду, это было стыдно, но у нее хватило ума скрыть свои чувства и прикинуться тупой и послушной.

— Пояс с деньгами тоже, Лиззи, — сказала сестра и сама расстегнула его сильными пальцами. Она хотела бросить его на кучу одежды, но нащупала алетиометр и остановилась.

— Что это?

— Она расстегнула клеенку.

— Просто такая игрушка, — сказала Лира.

— Она моя.

— Мы ее не отнимем, не бойся, — сказала сестра Клара, разворачивая черный бархат.

— Миленькая. Как компас. А теперь марш в ванную.

— Она положила алетиометр и отодвинула шелковую занавеску в углу.

Лира неохотно влезла в теплую воду и намылилась, а Пантелеймон в это время сидел на карнизе. Оба помнили, что ему нельзя быть чересчур шустрым, потому что деймоны вялых людей сами вялые. Когда она помылась и вытерлась, сестра измерила ей температуру, проверила глаза, уши и горло, потом измерила рост, поставила на весы и сделала запись в большом блокноте. Потом выдала Лире пижаму и халат. Они были чистые и добротные, как анорак Тони Макариоса, но тоже ношенные. Лире это было очень неприятно.

— Это не мое, — сказала она.

— Да, милая. Твою одежду надо как следует постирать.

— А мне ее вернут?

— Я надеюсь. Конечно.

— Что это за место?

— Оно называется Экспериментальной Станцией.

Это был не ответ. Лира так бы и сказала и потребовала бы более подробного, но Лиззи Брукс полагалось вести себя по-другому, поэтому она промолчала и равнодушно стала одеваться.

— Я хочу мою игрушку, — упрямо сказала она, когда оделась.

— Возьми ее, милая. А не лучше ли плюшевого медведика? Или хорошенькую куклу?

Она выдвинула ящик, где лежали, как мертвые, какие-то мягкие игрушки. Лира постояла, сделав вид, будто разглядывает их, и взяла тряпичную куклу с бессмысленными глазами. У нее никогда не было куклы, но она знала, что с ними надо делать, и рассеянно прижала ее к груди.

— А мой пояс с деньгами? — сказала она.

— Я люблю держать игрушку в нем.

— Так бери, — сказала сестра Клара, продолжая заполнять розовый бланк.

Лира натянула чужую пижаму и застегнула пояс с клеенчатой сумкой.

— А шубу и сапоги? И варежки, и остальное?

— Мы их тебе почистим, — не отрываясь от бумаги, сказала сестра.

Тут зазвенел телефон, и, пока сестра говорила, Лира быстро нагнулась, подобрала жестянку с жуком-шпионом и сунула в сумку с алетиометром.

Она прошла за сестрой в столовую, где стоял десяток круглых столов, все в крошках и липких кружках от стаканов. Грязные тарелки и приборы лежали на стальной тележке. Окон не было, и, чтобы создать иллюзию света и пространства, одну стену обклеили огромной фотограммой тропического берега с ярко-голубым небом, белым песком и кокосовыми пальмами.

Человек, который привел ее, взял поднос из окошка кухни.

— Ешь, — сказал он.

Морить себя голодом не имело смысла, и Лира с удовольствием съела жаркое и пюре. На десерт была чашка с консервированными персиками и мороженое. Пока она ела, человек тихо разговаривал с сестрой за другим столом, а когда кончила, сестра принесла ей стакан теплого молока и забрала поднос.

Мужчина подошел и сел напротив. Его деймон, сурок, не был безразличным и нелюбопытным, как собачка сестры, на смирно сидел у него на плече и слушал.

— Ну что, Лиззи, — сказал он.

— Наелась?

— Да, спасибо.

— Я попросил бы тебя рассказать, откуда ты прибыла. Можешь?

— Из Лондона.

— И что ты делала так далеко на севере?

— С папой, — промямлила она. Она сидела потупясь, пряча глаза от сурка, и делала вид, что вот-вот расплачется.

— С папой? Понятно. А что он делает в этой части света?

— Торгует. Мы приехали с грузом новодатского курительного листа, и он покупал меха.

— Твой папа был один?

— Нет. Там были мои дяди и разные другие люди, — неопределенно сказала она, поскольку не знала, что рассказал ему охотник-самоед.

— Зачем же он потащил тебя в такое путешествие. Лиззи?

— Потому что два года назад он возил моего брата и сказал, что в следующий раз возьмет меня, а сам не брал. Я его просила, просила, и он взял.

— А сколько тебе лет?

— Одиннадцать.

— Славно, славно. Ну что ж, Лиззи, тебе посчастливилось. Охотники, что нашли тебя, привезли тебя в самое лучшее место.

— Они меня не находили, — с сомнением сказала Лира.

— Там был бой. Их было много, и у них были стрелы...

— Ну, не думаю. Я думаю, ты, наверное, отошла в сторону и заблудилась. Эти охотники нашли тебя одну и привезли прямо сюда. Вот как это было, Лиззи.

— Я видела бой, — сказала она.

— Они стреляли стрелами и... Я к папе хочу, — сказала она громче и почувствовала, что в самом деле плачет.

— Тут ты будешь в полной безопасности, пока он не приедет, — сказал доктор.

— Но я видела, они стреляли стрелами!

— Ах, это тебе показалось. Так часто бывает на сильном морозе. Ты уснула, тебе приснился плохой сон, и ты не можешь вспомнить, что было во сне, а что наяву. Там боя не было, не волнуйся. Твой папа жив и здоров, сейчас он тебя ищет и скоро приедет сюда, потому что на сотни километров вокруг нет других мест. Представляешь, какой это будет сюрприз для него, когда он найдет тебя целой и невредимой! А сейчас сестра Клара отведет тебя в спальню, там ты познакомишься с другими девочками и мальчиками, которые заблудились в снегах так же, как ты. Ступай. Утром мы еще немного поговорим.

Ли́ра встала, прижимая к себе куклу, Пантелеймон вскочил к ней на плечо, сестра открыла дверь и вывела их из столовой.

Новые коридоры; Ли́ра и впрямь уже устала, она начала зевать, и ее так клонило в сон, что она еле тащила ноги в шерстяных шлепанцах. Пантелеймон понурился и вынужден был стать мышью, чтобы устроиться в кармане ее пижамы. Ли́ра смутно увидела ряд кроватей, детские лица, подушку — и провалилась в сон.

Кто-то тряс ее. Первым делом она нащупала пояс — обе вещи были на месте; тогда она попробовала открыть глаза, но с каким же трудом ей это далось! Так тяжело она еще никогда не просыпалась.

— Проснись! Проснись!

Шептал не один голос. С огромным усилием, словно вкатывая камень на гору, Ли́ра заставила себя проснуться.

В тусклом свете слабенькой антарной лампы над дверью она увидела рядом с собой трех девочек. Разглядеть их она не могла, потому что глаза не хотели фокусироваться, но похоже было, что они ее сверстницы, и говорили они по-английски.

— Проснулась.

— Ей дали сонные таблетки. Наверно...

— Как тебя зовут?

— Лиззи, — пробормотала она.

— С тобой еще куча детей приехала? — спросила одна из девочек.

— Не знаю. Я одна.

— А где тебя взяли?

Лири с трудом села. Она не помнила, чтобы ей давали таблетку, но может быть, что-то подмешали в молоко. Голову будто набили пухом, и над бровями побаливало.

— Где мы?

— Никто не знает. Нам не говорят.

— Обычно они привозят детей не по одному...

— Что они делают? — выдавила из себя Лира, пытаясь разогнать туман в голове, и почувствовала, что Пантелеймон тоже пробуждается.

— Мы не знаем, — ответила девочка, говорившая больше всех. Она была высокая, рыжая, с резкими нервными движениями и говорила с сильным лондонским акцентом.

— Они нас меряют, что-то там проверяют и...

— Они меряют Пыль, — сказала другая девочка, пухлая добродушная брюнетка.

— Ты этого не знаешь, — возразила первая.

— Меряют, — сказала девочка пришибленного вида, прижимавшая к груди своего деймона-кролика.

— Я слышала их разговор.

— Потом они забирают нас по одной, и больше мы ничего не знаем. Никто не возвращается, — сказала рыжая.

— Тут есть мальчик, — сказала пухленькая, — он думает...

— Не говори ей! — оборвала ее рыжая.

— Сейчас не надо.

— А тут и мальчики есть? — спросила Лира.

— Да. Нас тут много. Человек тридцать, наверное.

— Больше, — сказала пухленькая.

— Скорей, сорок.

— Только нас все время забирают, — сказала рыжая.

— Сперва привозят целую кучу детей, и нас здесь много, потом они по одному исчезают.

— Они Жрецы, — сказала пухленькая.

— Ну знаешь, Жрецы. Мы все их боялись, пока нас не поймали...

Лира постепенно приходила в себя. Деймоны других девочек, кроме кролика, были у двери, прислушивались, и все говорили шепотом. Лира спросила, как их зовут. Рыжая была Энни, пухленькая черноволосая — Белла, худая — Марта. Как зовут мальчиков, они не знали, потому что большую часть времени их держали отдельно. Обращались с ними неплохо.

— Тут вообще ничего, — сказала Белла, — только дают нам тесты, заставляют делать упражнения, а потом меряют температуру и всякое такое. Даже скучно.

— Не так скучно, когда тут миссис Колтер, — сказала Энни.

Лира чуть не вскрикнула, а Пантелеймон так замахал крыльями, что девочки заметили.

— Он нервный, — сказала Лира, успокаивая его.

— Нам, наверное, дали сонных таблеток, вы правильно сказали, — потому что мы сонные. А кто это — миссис Колтер?

— Это она большинство из нас заманила, — сказала Марта.

— Про нее все говорят, все ребята. Когда она приезжает, значит, будут исчезать ребята.

— Она любит смотреть на детей, когда нас забирают, любит смотреть, что с нами делают. Этот мальчик, Саймон, он думает, что они нас убивают, а миссис Колтер смотрит на это.

— Убивают нас?

— Лира вздрогнула.

— Наверно. Потому что никто не возвращается.

— И деймонами все время занимаются, — сказала Белла.

— Взвешивают их, меряют и всякое такое...

— Они трогают ваших деймонов?

— Нет! Что ты! Ставят тут весы, и твой деймон должен встать на них и изменяться, а они записывают и делают снимки. Отводят тебя в кабинет и меряют Пыль, все время, все время Пыль меряют.

— Какую пыль? — спросила Лира.

— Мы не знаем, — сказала Энни.

— Что-то там из космоса. Не настоящая пыль. Если у тебя нет Пыли, это хорошо. Но в конце концов у всех появляется Пыль.

— Вы знаете, что сказал Саймон? — вмешалась Белла.

— Он сказал, что тартары делают дырки у себя в черепах, чтобы впустить Пыль.

— Ну да, он знает, — презрительно сказала Энни.

— Вот я спрошу миссис Колтер, когда она приедет.

— Неужели посмеешь? — с восхищением сказала Марта.

— Посмею.

— Когда она приезжает? — спросила Лира.

— Послезавтра, — ответила Энни.

По спине у Леры потек холодный пот, а Пантелеймон подобрался к ней поближе. Всего один день, чтобы найти Роджера, разузнать все, что можно, об этом месте и либо сбежать, либо дождаться спасителей; а если все цыгане убиты, кто спасет детей в этой ледяной пустыне?

Девочки продолжали разговаривать, а Лира с Пантелеймоном угнездились в постели и старались согреться, зная, что на сотни километров вокруг их маленькой кровати нет ничего, кроме страха.

Глава пятнадцатая

КЛЕТКИ С ДЕЙМОНАМИ

Подолгу размышлять Лира не привыкла; она была жизнерадостным и практичным ребенком и, кроме того, не отличалась большим воображением. Ребенок с воображением не подумал бы всерьез, что можно отправиться в такую даль и освободить друга Роджера, а если и подумал бы, ему немедленно пришли бы в голову десять причин, почему это неосуществимо. Если ты заядлая лгунья, это не значит, что у тебя сильное воображение. Умелые лжецы зачастую вообще лишены воображения — это и позволяет им простодушно верить в свои вымыслы.

И, попав в руки Жертвенного Совета, Лира не предавалась страшным мыслям о судьбе цыган. Они отличные бойцы, и, хотя Пантелеймон сказал, что Джона Фаа подстрелили, он вполне мог ошибиться, но, если даже не ошибся, Джон Фаа не может быть серьезно ранен. Ей, конечно, не повезло, что ее захватили самоеды, но цыгане скоро придут на выручку, а если они не смогут, ничто не мешает сделать это Йореку Бирнисону — потом они полетят на Свальбард с Ли Скорсби и освободят лорда Азриэла.

В мыслях у нее все это получалось просто.

Поэтому она не утратила интереса к окружающему и, проснувшись утром в спальне, готова была встретить все, что принесет ей этот день. Ей очень хотелось увидеть Роджера и, главное, увидеть раньше, чем он ее увидит.

Ждать ей пришлось недолго. Детей в спальнях будили в половине восьмого сестры. Дети мылись, одевались и все вместе шли в столовую завтракать. И Роджер был там.

Он сидел за столом с пятью мальчиками, возле самой двери, и очередь к раздаточному окошку шла как раз мимо него. Лира нарочно уронила платок и наклонилась за ним рядом со стулом Роджера, чтобы Пантелеймон мог переговорить с его деймоном Салсилией.

Салсилия была зябликом и так затрепыхалась, что Пантелеймону пришлось стать котом, прыгнуть на нее и прижать лапой — иначе бы с ней не поговорить. Такие мимолетные схватки между деймонами детей, к счастью, происходили постоянно, и никто не обратил на это внимания. Роджер побелел. Лира никогда не видала такой бледности. Он встретил ее равнодушный, надменный взгляд, и щеки его сразу порозовели. Волнение, надежда, радость переполняли его, и только Пантелеймон, крепко встряхивавший Салсилию, не дал ему вскочить и броситься к подруге из Иордана.

Ли́ра отвела взгляд, изображая крайнее презрение, и повернулась к новым подругам, предоставив объясняться Пантелеймону. Все четверо взяли свои подносы с кукурузными хлопьями и тостами и сели за один стол, мгновенно превратившись в компанию сплетниц, которая не допускает к себе посторонних.

Большую группу детей нельзя долго удержать на одном месте, не предложив им разнообразных занятий, и в некоторых отношениях Больвангар напоминал школу — с расписанием уроков, таких, как гимнастика и «ремесла». Мальчиков и девочек держали отдельно, встречались они лишь во время перерывов и за едой, так что Лире представилась возможность поговорить с Роджером только поздним утром, после полутора часов шитья, которым руководила одна из сестер. Трудность заключалась еще и в том, что это должно было выглядеть естественно. Дети были примерно одного возраста, а в этом возрасте мальчики разговаривают с мальчиками, и девочки — с девочками, подчеркнуто избегая общения с противоположным полом.

Случай ей представился опять-таки в столовой, куда дети пришли попить и съесть печенье. Лира послала Пантелеймона в виде мухи к другой стене, поговорить оттуда с Салсилией; сама же она и Роджер спокойно сидели за разными столами. Трудно вести беседу, когда твой деймон занят чем-то другим, поэтому, попивая свое молоко, Лира прикидывалась угрюмой и недовольной. Внимание ее было приковано к почти неслышному жужжанию голосов Пантелеймона и Салсилии, соседок она почти не слушала, но в какой-то момент девочка с льняными волосами произнесла имя, которое заставило ее насторожиться.

Имя было — Тони Макариос. Когда внимание Лире переключилось на разговор соседок, Пантелеймон отвлекся от своей беседы с деймоном Роджера, и теперь они оба слушали, что говорит блондинка.

— Нет, я знаю, почему его взяли, — сказала она соседкам, вытянувшим к ней шею.

— Потому что его деймон не менялся. Они подумали, что он старше, чем выглядит, что он не такой молодой или еще что-то. А на самом деле его деймон редко менялся потому, что сам Тони мало о чем думал. Я видела, он менялся. Его звали Крысоловом...

— Почему их так интересуют деймоны? — спросила Лира.

— Никто не знает, — сказала светловолосая.

— Я знаю, — сказал какой-то мальчик, слушавший их разговор.

— Они что делают: они убивают твоего деймона и смотрят, умрешь ли ты.

— Чего же они тогда все время проверяют на новых детях? — сказал кто-то.

— Попробовали бы на одном — и все.

— Я знаю, что они делают, — сказала первая девочка.

Теперь все прислушивались к ней. Но чтобы взрослые не догадались, о чем разговор, слушали ее с небрежным, безразличным видом, хотя на самом деле сгорали от любопытства.

— Откуда? — спросил кто-то.

— Потому что я была с ним, когда его забрали. Мы были в бельевой.

Она густо покраснела. Если она ожидала насмешек, язвительных замечаний, то их не было. Все сидели тихо, никто даже не улыбнулся. Девочка продолжала:

— Мы спрятались там, а потом вошла сестра, та, что с ласковым голосом. И говорит: «Пойдем, Тони, я знаю, что ты здесь, пойдем, тебе ничего не будет...» А он говорит: «А что будет?» Она говорит: «Мы просто уложим тебя спать, а потом сделаем маленькую операцию, и ты проснешься здоровенький». Но Тони ей не поверил. Он говорит...

— Дырки! — сказал кто-то.

— Они делают дырку у тебя в голове, как тартары. Точно!

— Тихо, ты! Что еще сестра сказала? — перебил его кто-то.

К этому времени вокруг стола столпилось еще человек десять; их деймоны слушали с такой же жадностью. Светловолосая девочка продолжала:

— Тони хотел знать, что они сделают с Крысоловом, понимаете? И сестра говорит: «Ну, он тоже поспит, вместе с тобой». А Тони говорит: «Вы хотите убить его, да? Я знаю. Мы все знаем, что бывает». Сестра говорит: «Нет, конечно, нет. Просто маленькая операция. Маленький разрез. Даже больно не будет, мы уложим тебя спать, ты и не почувствуешь».

В столовой стало тихо. Сестра, наблюдавшая за ними, отлучилась, окно на кухню было закрыто, так что оттуда их не могли услышать.

— Какой разрез? — испуганным тихим голосом спросил мальчик.

— Она сказала, какой разрез?

— Сказала только: чтобы сделать тебя взрослее. Сказала, что его всем делают, поэтому деймоны взрослых не меняются, как наши. Поэтому надо сделать разрез, чтобы они приняли постоянный вид — так вот ты и взрослеешь.

— Это значит...

— Что же, всем взрослым его делали?

— А как же...

Внезапно все голоса смолкли, как будто их тоже отрезало, и все глаза обратились к двери. Там стояла сестра Клара, спокойная, вежливая, деловитая, и рядом с ней мужчина в белом халате, которого Лира раньше не видела.

— Бриджет Макгинн, — сказал он. Светловолосая девочка встала, дрожа. Ее деймон, белка, цеплялся за ее грудь.

— Да, сэр? — сказала она чуть слышным голосом.

— Допивай и отправляйся с сестрой Кларой, — сказал он.

— Остальные бегите по своим классам.

Дети послушно поставили свои кружки на тележку и молча вышли. Никто не смотрел на Бриджет Макгинн, кроме Лир, и она увидела, что лицо светловолосой девочки искажено страхом.

Остаток утра прошел в играх. На Станции был маленький гимнастический зал, поскольку на улице в долгую полярную ночь заниматься спортом было трудно. Ребят запускали в зал группами, по очереди, и они играли там под наблюдением сестры. Они разбивались на команды и перебрасывались мячом; Лира, никогда в жизни не игравшая в такие игры, поначалу растерялась. Но, будучи быстрой, спортивной и прирожденным вожаком, очень скоро освоилась и стала получать от этого удовольствие. Маленький зал оглашался криками детей, писком и уханьем деймонов, и вскоре тяжелые мысли отступали. Что и требовалось от спортивных занятий.

В обед, когда дети снова выстроились перед раздаточным окном, Лира услышала приветливое чириканье Пантелеймона, оглянулась и увидела, что прямо за ней стоит Билли Коста.

— Роджер сказал, что ты здесь, — прошептал он.

— Сюда идет твой брат, и Джон Фаа, и целый отряд цыган, — сказала она.

— Они заберут тебя домой.

Он чуть не вскрикнул от радости, но сдержался и вместо этого кашлянул.

— А меня называй Лиззи, — сказала она, — только не Лирой. И Расскажи мне все, что узнал, слышишь?

Они сели вместе, и Роджер — рядом. За обедом это было легче сделать: дети чаще ходили между столами и толпились перед раздаточным окном. Под стук тарелок, ножей и вилок Билли и Роджер рассказали ей все, что им удалось узнать. Билли слышал от одной сестры, что детей после операции часто отвозят в общежитие где-то южнее — чем, возможно, и объяснялось, почему Тони Макариос забрел в неведомую деревню. А Роджер сообщил кое-что поинтереснее.

— Я нашел, где спрятаться, — сказал он.

— Где? Как?

— Видишь картину...

— Он говорил о большой фотограмме с тропическим берегом.

— Посмотри на верхний правый угол, видишь квадрат в потолке?

Потолок состоял из больших прямоугольных панелей, разделенных металлическими полосами, и угол панели над картиной слегка отошел.

— Я увидел его, — сказал Роджер, — и подумал, что другие могут быть такими же, попробовал поднять — они все незакрепленные. Все поднимаются. Мы с одним мальчиком попробовали то же самое ночью в спальне, до того, как его увели. Там пустое место, и можно ползти...

— Далеко можно ползти?

— Не знаю. Мы чуть-чуть проползли. Подумали, если надо, мы там спрячемся, но нас, наверное, найдут.

Лира увидела в этом не укромное место, а дорогу. С тех пор как ее привезли сюда, она ничего приятнее не слышала. Но больше они не смогли говорить: доктор постучал ложкой по столу и сказал:

— Дети, слушайте. Слушайте внимательно. Время от времени мы должны проводить пожарные учения. Очень важно, чтобы мы надлежащим образом оделись и без паники вышли наружу. И сегодня у нас будет такое пожарное учение. Когда зазвенит звонок, вы должны бросить все свои занятия и делать то, что скажет ближайший взрослый. Запомните, куда они вас поведут. Туда вы и должны пойти в случае настоящего пожара. «Ага, — подумала Лира, — есть идея».

После обеда Лиру и еще четырех девочек проверяли на Пыль. Врачи этого не объяснили, но догадаться было несложно. Их поодиночке заводили в лабораторию, и, конечно, они были очень напуганы. «Как обидно будет умереть, не нанеся им ни одного удара!» — думала Лира. Но, кажется, они еще не собирались делать операцию.

— Мы хотим сделать некоторые измерения, — объяснил доктор.

Очень трудно было различать этих людей: все мужчины выглядели одинаково, все в белых халатах, все с большими блокнотами и с карандашами, и женщины были как близнецы — в одинаковых костюмах, одинаково вежливые и спокойные.

— Меня вчера мерили, — сказала Лира.

— Ах, сегодня мы делаем другие измерения. Встань на металлическую пластину — только сбрось сначала туфли. Держи своего деймона, если хочешь. Смотри вперед, на тот зеленый огонек. Молодец...

Что-то вспыхнуло. Доктор заставил ее повернуться назад, потом налево и направо, и каждый раз что-то щелкало и вспыхивало.

— Прекрасно. Теперь подойди к этой машине и положи руку в трубу. Больно не будет, обещаю. Выпрями пальцы. Вот так.

— Что вы меряете? — сказала она.

— Пыль?

— Кто сказал тебе про Пыль?

— Одна девочка, не помню, как ее зовут. Она сказала, что мы все в пыли. Я не пыльная, мне кажется. Я вчера была в душе.

— О, это другая пыль. Ее не видно невооруженным глазом. Это особая пыль. Теперь сожми кулак — правильно. Хорошо. Теперь, если пошаришь там, найдешь такую ручечку — нашла? Возьмись за нее, вот, умница. Теперь сможешь положить другую руку сюда — на этот медный шар? Хорошо. Прекрасно. Теперь ты почувствуешь легкое покалывание, не пугайся, это просто слабый антарный ток...

Пантелеймон, в своем самом бдительном воплощении — дикого кота, с подозрительным огнем в глазах рыскал вокруг аппарата, то и дело возвращаясь, чтобы потереться о ногу Лиры.

Она же, убедившись в том, что операцию ей сейчас не будут делать и что роль Лиззи Брукс ей удастся, рискнула задать вопрос:

— Зачем вы отрезаете деймонов?

— Что? Кто тебе это сказал?

— Одна девочка, не знаю, как ее звать. Она сказала, вы отрезаете деймонов от людей.

— Чепуха...

Однако он разволновался. Лира продолжала:

— Потому что вы забираете людей по одному, и они больше не возвращаются. Некоторые думают, что вы их просто убиваете, а другие говорят другое, и девочка сказала мне, что вы отрезаете...

— Это неправда. Когда мы забираем детей, это значит, что пора перевести их в другое место. Они вырастут. Твоя подруга напрасно тревожится. Ничего подобного! Даже не думай об этом. Кто твоя подруга?

— Я только вчера приехала, еще не знаю, как их зовут.

— Как она выглядит?

— Забыла. По-моему у нее были коричневые волосы... ну, каштановые... Не знаю.

Доктор отошел и тихо заговорил с сестрой. Пока они совещались, Лира наблюдала за их деймонами. У этой сестры деймон был красивой птицей, такой же аккуратненькой и нелюбопытной, как собачка сестры Клары, а у доктора — большая, грузная ночная бабочка. Обе не шевелились. Они не спали: глаза у птицы блестели, а у бабочки лениво двигались усики, но обе были на удивление вялые. Видимо, их ничто вообще не беспокоило и не интересовало.

Вскоре доктор вернулся и продолжал осмотр: взвешивал ее и Пантелеймона по отдельности, разглядывал ее через специальный экран, считал пульс, ставил под какой-то краник, который шипел и издавал запах как бы свежего воздуха.

Во время одного из опытов громко зазвенел звонок и стал звонить, не смолкая.

— Пожарное учение, — со вздохом сказал доктор.

— Хорошо. Лиззи, иди с сестрой Бетти.

— Доктор, вся их уличная одежда в спальном корпусе. Она не может выйти в таком виде. Мы можем зайти туда, как вы считаете?

Раздраженный тем, что прервали его опыты, он щелкнул пальцами.

— Полагаю, что именно это и должны выявить пожарные учения, — сказал он.

— Какая досада.

— Когда я приехала, — услужливо вставила Лира, — сестра Клара положила мою одежду в шкаф, в комнате, где она меня осматривала. Тут рядом. Я могу ее надеть.

— Мысль! — сказала сестра.

— Тогда поторопимся.

Скрывая радость, Лира побежала за сестрой, взяла свои меха, рейтузы и сапоги и быстро натянула на себя, пока сестра одевалась в угольный шелк.

Потом они выскочили наружу. На поле перед главными зданиями толклось около сотни людей, детей и взрослых, — взволнованных, рассерженных или просто растерянных.

— Видите? — говорил один из взрослых.

— Это стоило проверить — теперь понятно, какой хаос вызовет здесь настоящий пожар.

Кто-то свистел в свисток и махал руками, но на него не обращали внимания. Лира увидела Роджера и поманила к себе. Роджер потащил за руку Билли Косту, и через несколько секунд они уже стояли втроем посреди клубящейся толпы детей.

— Пойдем разведаем, никто не заметит, — сказала Лира.

— Они сто лет будут нас пересчитывать, а мы скажем, что пошли за кем-то и заблудились.

Дождавшись момента, когда большинство взрослых смотрели в другую сторону, Лира захватила пригоршню снега, сделала снежок и бросила в толпу. Тут же все дети последовали ее примеру, и в воздух взлетела

туча снежков. Визг и хохот заглушили крики взрослых, пытавшихся восстановить порядок, а троица тем временем скрылась за углом. Снег был глубокий, и быстро двигаться они не могли, но это было неважно, никто их не преследовал. Лира с мальчиками перебралась через круглую крышу одного из туннелей и оказалась в странном лунном ландшафте — среди равномерно расположенных бугров и впадин, одетых в белое под черным небом и озаренных огнями с поля.

— Чего мы ищем? — спросил Билли.

— Не знаю. Просто смотрим, — сказала Лира и повела их к приземистому квадратному зданию в стороне от остальных. На углу его горела слабая антарная лампа.

Гомон позади продолжался, но здесь был слышен слабее. Дети шумно наслаждались свободой, и Лира надеялась, что это продлится как можно дольше. В поисках окна она обогнула здание. Крыша его возвышалась над землей всего метра на два, и, в отличие от остальных зданий, оно не соединялось туннелем со Станцией.

Окна не было, но была дверь. И над ней красными буквами надпись: Вход строго воспрещен.

Лира взялась за ручку, но не успела ее повернуть. Роджер сказал:

— Смотри! Птица! Или...

В этом «или» прозвучало сомнение, потому что существо, спустившееся с черного неба, не было птицей: это был знакомый Лире.

— Деймон ведьмы!

Гусь захлопал большими крыльями и приземлился, подняв облако снега.

— Привет тебе, Лира, — сказал он.

— Я следовал за тобой досюда, хотя ты меня не видела. Ждал, когда ты выйдешь на улицу. Что происходит?

Лира быстро рассказала.

— Где цыгане? — спросила она.

— Джон Фаа жив? Они отбились от самоедов?

— Большинство живо. Джон Фаа ранен, но не тяжело. Увезли тебя охотники, налетчики, которые часто нападают на путешественников —

они могут передвигаться быстрее, чем большая партия. Цыганам досюда день пути.

Оба мальчика со страхом смотрели на деймона-гуся и на свободно разговаривающую с ним Лиру — они никогда не видели деймона без человека и почти ничего не знали о ведьмах. Лира сказала им:

— Слышите, вы пойдите встаньте на карауле. Билли, ты иди туда, а ты, Роджер, погляди там, откуда мы пришли. У нас мало времени.

Они побежали куда было сказано, а Лира опять повернулась к двери.

— Зачем ты туда хочешь? — сказал деймон-гусь.

— Затем, что они тут делают. Они отрезают...

— Лира понизила голос, — они отрезают деймонов от людей. От ребят. И я думаю, они здесь это могут делать. По крайней мере, здесь что-то есть, я хочу посмотреть. Только заперто...

— Могу открыть, — сказал гусь и, взмахнув раза два крыльями, бросил снег на дверь; Лира услышала, как в замке что-то повернулось.

— Иди осторожно, — сказал деймон.

Потянув дверь, Лира отодвинула снег и скользнула внутрь. Деймон-гусь вошел за ней. Пантелеймон был взволнован и испуган, но не хотел показывать деймону свой страх, поэтому подлетел к груди Леры и спрятался под мех. Как только глаза их привыкли к свету, Лира поняла почему.

Вдоль стен на полках рядами стояли стеклянные ящики с деймонами поврежденных детей: призрачные фигуры кошек, птиц, крыс и других существ, испуганные, растерянные, неясные, как дым.

Деймон ведьмы гневно вскрикнул, а Лира прижала к себе Пантелеймона и сказала:

— Не смотри! Не смотри!

— Где дети этих деймонов? — сказал деймон-гусь, дрожа от ярости.

Лира описала страшную встречу с маленьким Тони Макариосом и оглянулась через плечо на бедных деймонов-узников, прижавших бледные мордочки к стеклу. Она слышала их тихие страдальческие крики. При тусклом свете слабой безвоздушной лампы можно было прочесть имена на карточке перед каждым ящиком — и да, тут был

пустой с надписью Тони Макариос. И было еще четыре или пять пустых с именами.

— Я хочу выпустить этих несчастных! — с жаром сказала она.

— Сейчас разобью стекла и выпущу...

Она поискала взглядом подходящее орудие, но тут ничего не было. Деймон-гусь сказал:

— Подожди.

Он был деймоном ведьмы, много старше ее и сильнее. Надо было его слушаться.

— Пусть эти люди подумают, будто кто-то забыл запереть дверь и клетки, — объяснил он.

— Если увидят разбитое стекло и следы на снегу, долго ли будут верить твоему притворству? А ты должна продержаться до прихода цыган. Делай, как я скажу: возьми пригоршню снега и, когда скажу, сдувай понемногу на каждый ящик.

Лира выбежала на двор. Роджер и Билли стояли на страже, а с поля еще доносились крики и смех, потому что прошла всего какая-нибудь минута.

Она сгребла руками легкий сыпучий снег и вернулась к пленным. Когда она сдувала снег на стекло, гусь щелкал горлом, и запор на дверце открывался.

Когда все были отперты, она подняла крышку первого, и оттуда выпорхнул призрачный воробей, но тут же упал на пол. Гусь наклонил голову, нежно приподнял его клювом, и воробей превратился в мышь, растерянную и спотыкающуюся. Пантелеймон соскочил вниз и приласкал ее.

Лира работала быстро, через несколько минут все деймоны были на свободе. Некоторые пытались заговорить, все толпились у ее ног и хотели подергать за рейтузы, но это было табу. Она понимала, почему они тянутся к ней, бедняги: им не хватало плотного тепла человеческих тел. Так же повел бы себя и Пантелеймон — им хотелось прильнуть к тому месту, где бьется сердце.

— Торопись, — сказал гусь.

— Теперь беги назад и смешайся с остальными детьми. Будь храброй, девочка, цыгане спешат на помощь. Я помогу бедным деймонам найти своих...

— Он подошел поближе и тихо сказал:

— Но они уже не соединятся. Они разлучены навсегда. Такого злодейства я еще не видел... О следах не беспокойся, я их замету. Спешу...

— Скажите, пожалуйста! Пока вы здесь! Ведьмы... Они ведь летают? Тогда, когда они летели ночью, мне это не снилось?

— Нет, дитя, — а что?

— Они могли бы тащить воздушный шар?

— Безусловно, но...

— А Серафина Пеккала прилетит?

— Сейчас некогда объяснять политические отношения между странами ведьм. В это вовлечены колоссальные силы, а Серафина Пеккала должна охранять интересы своего клана. А то, что происходит здесь, может быть частью того, что происходит в других местах. Лира, тебе надо вернуться. Беги, беги!

Она побежала, и Роджер, вытаращенными глазами смотревший на то, как выбираются из двери призрачные деймоны, пошел ей навстречу, увязая в глубоком снегу.

— Они... как там, в подвале церкви... Они деймоны!

— Да, тихо. Не говори Билли. Никому пока не говори. Пошли обратно.

Позади них гусь мощно бил крыльями, засыпая снегом их следы, а возле него, с тоскливыми, жалобными тихими криками толпились или разбредались по сторонам потерянные деймоны. Заметя следы, гусь стал собирать бледных деймонов в стаю. Он что-то сказал, и один за другим они стали видоизменяться, превращались в птиц, хотя видно было, каких усилий им это стоит. Как птенцы, дергая крыльями, падая в снег, они побежали за ним и, наконец, с огромным трудом поднялись в воздух. Вытянувшись в неровную линию, бледные и полупрозрачные на фоне черного неба, они медленно набирали высоту. Некоторые были слабыми и плохо держались в воздухе, некоторые теряли волю и, трепыхаясь, падали почти до земли; тогда большой серый гусь поворачивал назад, подталкивал их, бережно пригонял к стае, и вскоре они исчезли в непроглядной тьме.

Роджер подергал Лиру за руку.

— Быстрее, — сказал он, — они почти собрались.

Они заторопились к Билли, который делал им знаки, стоя перед углом главного здания. Дети уже устали или взрослые сумели с ними совладать, но из общей толкотни и возни уже выстраивалась перед главной дверью неровная очередь. Лира и двое мальчиков незаметно вышли из-за угла и затесались в толпу, а перед этим Лира сказала:

— Передайте остальным ребятам — пусть готовятся к побегу. Они должны знать, где их уличная одежда, чтобы сразу одеться и бежать, как только мы подадим сигнал. И чтобы взрослым об этом ни слова, поняли?

Билли кивнул, а Роджер сказал:

— Какой сигнал?

— Пожарный звонок, — сказала Лира.

— Когда будет пора, я его включу.

Теперь они ждали, когда их пересчитают. Если бы кто-нибудь из Жертвенного Совета имел отношение к школе, они бы справились с этим лучше: дети не были разбиты на постоянные группы, каждого надо было искать по всему списку, а стояли они, конечно, не в алфавитном порядке, и ни один из взрослых не умел управляться с таким количеством детей. Так что, хотя никто уже не бегал, неразбериха продолжалась.

Лира наблюдала за этим и все замечала. Они вели себя довольно бестолково. Они были вялыми и несобранными, эти люди; они ворчали из-за учебной тревоги, они не знали, где надо хранить уличную одежду, они не могли как следует выстроить детей; их нерадивость была ей на руку.

Они уже почти закончили, но тут вмешалось новое событие — и с точки зрения Лир, наихудшее из возможных.

Послышался новый звук. Все повернули головы и стали искать в небе дирижабль — в неподвижном воздухе отчетливо раздавался рокот газолинового мотора.

К счастью, он приближался не с той стороны, куда улетел серый гусь, а с противоположной. Но это было единственное утешение. Вскоре он стал видим, и по толпе пронесся взволнованный шумок. Пузатый, обтекаемый серебристый корабль проплыл над освещенной аллеей, и его собственные фары на носу и гондоле светили на землю.

Пилот снизил скорость и начал сложный маневр снижения. Лира поняла, для чего тут стоит толстая мачта: ну да, это была причальная мачта. Взрослые стали загонять детей в дом, дети оглядывались, показывали

пальцами, а тем временем наземная команда вскарабкалась по лестницам на мачту и приготовилась закреплять причальные тросы. Моторы ревели, вздымая снег с земли, а за окнами гондолы уже различимы были лица.

Лира обернулась: сомнений не было. Пантелеймон прижался к ней, стал диким котом и злобно зашипел: из окна с любопытством смотрела красивая темноволосая миссис Колтер и ее золотистая обезьяна, сидевшая на коленях.

Глава шестнадцатая

СЕРЕБРЯНАЯ ГИЛЬОТИНА

Лира сразу убрала голову под меховой капюшон и следом за другими прошла через двойные двери. О том, что она скажет, очутившись с миссис Колтер лицом к лицу, еще будет время подумать: сейчас перед ней была более неотложная проблема — как спрятать меховую одежду, чтобы взять ее потом, ни у кого не спрашивая разрешения.

Ей повезло, внутри был такой беспорядок, взрослые так старались поскорее разогнать детей и очистить дорогу для пассажиров дирижабля, что особо следить за кем-то было некогда. Лира сняла анорак, рейтузы и унты, скатала их потуже и протиснулась сквозь толпу в свою спальню.

Она быстро подтащила ящик для одежды к углу, встала на него и толкнула потолочную панель. Панель приподнялась, как и говорил Роджер, и она засунула туда унты и рейтузы. Тут она вспомнила об алетиметре, вынула его из сумки, засунула в самый дальний карман анорака и тоже запихнула на чердак.

Потом спрыгнула на пол, отвезла ящик на место и шепнула Пантелеймону:

— Будем прикидываться глупыми, пока она нас не увидит, а тогда скажем, что нас похитили. И ни слова о цыганах и Йореке Бирнисоне.

Она только теперь осознала, что главный предмет ее страха — миссис Колтер, так же как главный предмет притяжения для стрелки компаса — полюс. Все, с чем ей пришлось столкнуться за это время, даже рассказы о чудовищной сепарации, она как-то могла пережить, она была достаточно сильной; но мысль об этом красивом лице и ласковом голосе, об игривой золотой обезьяне вызывала у нее непереносимый, тошнотворный ужас. «Нет, цыгане идут на выручку. Думай об этом. Думай о Йореке Бирнисоне. Не выдавай себя», — сказала она и побрела к столовой, откуда доносился сильный шум. Дети выстраивались в

очередь за горячим питьем, некоторые были еще в черных шелковых анораках. Все разговоры вертелись вокруг дирижабля и его пассажирки.

— Это была она — со своим деймоном-обезьяной...

— Она и тебя забрала?

— Сказала, что напишет маме и папе, а сама наверняка...

— Она не говорила нам, что детей убивают. Ничего такого не говорила.

— Эта обезьяна, она хуже всех — поймала мою Кароссу и чуть не убила... Я до того ослабла...

Они были напуганы не меньше Лир. Она нашла Энни с подругами и села.

— Слушайте, — сказала она, — умеете хранить секреты?

— Да!

Трое уставились на нее с жадным интересом.

— Есть план бегства, — тихо сказала Лира.

— Сюда идут люди, чтобы забрать нас, так? Будут здесь через день, может быть, раньше. От нас требуется одно — быть готовыми, когда прозвучит сигнал, — сразу надеть теплую одежду и выбежать. Не канителиться. Сразу на улицу. Только если выбежите без анораков, сапог и остального, замерзнете насмерть.

— Какой сигнал? — спросила Энни.

— Пожарный звонок, как сегодня. Все устроено. Все ребята будут знать, а взрослые — нет. Особенно она.

Глаза их горели от возбуждения и проснувшейся надежды. Слова Лир передавались из уст в уста. Она чувствовала, как изменилась атмосфера. На улице дети были бодрыми и с удовольствием играли; потом, когда увидели миссис Колтер, они с трудом скрывали истерический страх; но сейчас в их болтовне угадывалась сосредоточенность и самообладание. Лира дивилась тому, как меняет людей надежда.

Она следила за открытой дверью, но осторожно, готовая в любое мгновение отвернуться, потому что голоса взрослых приближались. Потом показалась сама миссис Колтер, заглянула в столовую, улыбнулась счастливым детям, сытым и согретым, поедающим пирожки.

По столовой мгновенно пробежала дрожь, все замолчали и застыли, глядя на нее.

Миссис Колтер улыбнулась и прошла дальше, не проронив ни слова. Потихоньку разговоры возобновились. Лира сказала:

— Куда они ходят разговаривать?

— Наверно, в совещательную комнату. Нас туда однажды привели, — сказала Энни. «Нас» означало ее и ее деймона.

— Там было человек двадцать взрослых, и один читал им лекцию, а я должна была стоять рядом и делать, что он скажет — например, проверять, на сколько может отойти от меня мой Кириллион, а потом он гипнотизировал меня и еще что-то делал... Большая комната, там много стульев и столов и маленькое возвышение. Она позади приемной. Ха, будут там рассказывать, что пожарная тревога прошла как надо. Небось не меньше нас ее боятся...

Остаток дня Лира провела среди девочек, наблюдая, мало говоря, стараясь быть незаметной. Была гимнастика, было шитье, был ужин, были игры в комнате отдыха: большом неряшливом зале с настольными играми, десятком потрепанных книг и столом для пинг-понга. В какой-то момент Лира и другие ребята почувствовали, что происходит нечто чрезвычайное: взрослые сновали, собирались кучками, взволнованно переговаривались. Лира догадалась, что обнаружен побег деймонов, и никто не понимает, как это произошло.

Но, к ее облегчению, миссис Колтер не показывалась. Когда настало время расходиться по спальням, она поняла, что вынуждена будет довериться новым подругам.

— Слушайте, — сказала она, — они заходят ночью, проверяют, как мы спим?

— Один раз заглядывают, — сказала Белла.

— Фонарем поводят и даже не присматриваются.

— Хорошо. Я хочу слазить и разведать. Можно пролезть по потолку, мне мальчик показал...

Она стала объяснять свой план, но не успела окончить, как Энни сказала:

— Я с тобой!

— Лучше не надо, лучше, если одного человека не хватает. Скажете, что спали и не знаете, куда я делась.

— Нет, если я полезу с тобой...

— Скорее попадемся, — сказала Лира.

Их деймоны уставились друг на друга: Пантелеймон — дикий кот, Кириллион — лис. Оба дрожали.

Пантелеймон тихо-тихо зашипел, показал зубы, и Кириллион, отвернувшись с безразличным видом, принялся облизывать себя.

— Ну ладно, — уступила Энни.

Очень часто споры между детьми именно таким образом разрешали деймоны. Один признавал главенство другого. Сами дети принимали такой исход, как правило, без возмущения, и Лира знала, что Энни ее послушается.

Девочки сложили кое-какую одежду под ее одеяло, чтобы было похоже на человека, и поклялись говорить, будто ничего об этом не знают. Лира послушала у двери — не идет ли кто, — встала на ящик, приподняла панель и пролезла наверх.

— Главное, ничего не говорите, — шепнула она наблюдавшим снизу трем девочкам.

Потом осторожно опустила панель на место и огляделась. Она стояла согнувшись в узком металлическом желобе, опиравшемся на балки и стойки. Панели потолка были немного прозрачные, и в слабом свете, который процеживался снизу, Лира разглядела это тесное пространство (с полметра или чуть больше вышиной), границы которого терялись в темноте. Оно было заполнено металлическими трубами и воздуховодами, и в нем легко было бы заблудиться, но, если держаться металлического желоба, не опираться на панели и не шуметь, то можно пробраться из одного конца Станции в другой.

— Это как в Иордане, Пан, — шепнула она, — когда мы подглядывали в Комнату Отдыха.

— Если бы ты этим не занялась тогда, мы бы сюда не угодили, — прошептал он в ответ.

— Значит, мне и выпутываться, правильно?

Она осмотрелась, прикинула, в какой стороне должна быть совещательная комната, и поползла. Путешествие было далеко не легким, приходилось ползти на четвереньках, потому что идти нельзя было даже согнувшись, приходилось то и дело подлезать под толстые вентиляционные короба или перелезать через горячие трубы.

Металлические желоба, по которым она ползла, тянулись, должно быть, по верху внутренних стен, и, пока она оставалась в них, под ногами была надежная опора; но они были очень узкие и с острыми углами, настолько острыми, что она порезала костяшки рук и колени, порезы болели, а вскоре заболели мышцы, и она вся покрылась пылью.

Но она знала, где примерно находится, и куча ее теплой одежды над спальней будет ориентиром на обратном пути. Она могла определить, какая комната пустая — там панели были темные, а время от времени слышала голоса снизу и останавливалась послушать, но это были всего-навсего поварихи на кухне или сестры в комнате, которую Лира, в соответствии со своими оксфордскими представлениями, назвала бы общей. Ничего интересного они не говорили, и она двинулась дальше.

Наконец она добралась до места, где, по ее расчетам, должна была находиться совещательная комната — и действительно, тут не было отопительных и вентиляционных труб, которые ушли под потолок, и все панели на широком прямоугольном пространстве были ровно освещены. Лира приложила ухо к панели, услышала невнятные мужские голоса и поняла, что достигла цели.

Внимательно прислушиваясь, она стала медленно продвигаться вперед, пока не очутилась прямо над собеседниками. Тогда она вытянулась во весь рост в металлическом желобе и вывесила голову, чтобы лучше слышать.

Там слышалось звяканье вилок и стекла о стекло, когда что-то наливали, — значит, разговаривали за обедом. Голосов, ей показалось, было четыре, включая голос миссис Колтер. Остальные трое были мужчины. Разговаривали, судя по всему, о сбежавших деймонах.

— Кто отвечает за порядок в этой секции? — донесся мягкий, музыкальный голос миссис Колтер.

— Стажер Маккей, — произнес один из мужчин.

— Но там имеются автоматические механизмы для предотвращения такого рода случаев...

— Они не сработали, — сказала она.

— Осмелюсь возразить, миссис Колтер, — сработали. Маккей уверяет нас, что запер все клетки перед тем, как покинул здание в одиннадцать ноль-ноль. Наружная дверь в любом случае не могла быть открыта, потому что он входил и выходил через внутреннюю дверь, как обычно. Имеется код, который надо ввести в ординатор, управляющий замками, в

его памяти зафиксировано, что код был использован. Если этого не сделать, срабатывает сигнализация.

— Но сигнализация не сработала, — сказала она.

— Сработала. К сожалению, сигнал раздался во время пожарного учения, когда все были на улице.

— Но когда вы вернулись в помещение...

— К сожалению, обе сигнализации заведены в один контур — это изъясн схемы, и его следует исправить. Получается так, что после пожарной тревоги, когда отключается пожарный звонок, лабораторный звонок отключается тоже. Но даже это было бы отмечено, поскольку после всякого нарушения нормального режима проводится проверка — однако в это время неожиданно прибыли вы, миссис Колтер, и, если помните, вы потребовали немедленной встречи с сотрудниками лаборатории в вашей комнате. В результате они вернулись в лабораторию не сразу.

— Понимаю, — холодно произнесла миссис Колтер.

— В таком случае деймонов выпустили во время пожарного учения. Следовательно, под подозрением находятся все взрослые на Станции. Вы об этом подумали?

— А вы не думаете, что это мог сделать ребенок? — сказал кто-то еще.

Миссис Колтер молчала, и он продолжал:

— Перед каждым взрослым стояла конкретная задача, каждая задача требовала их полного внимания, и каждая задача была выполнена. Исключено, что дверь мог открыть кто-то из сотрудников. Никто. Значит, либо кто-то посторонний явился специально, чтобы это сделать, либо кто-то из детей сумел пробраться туда, открыть дверь и клетки и вернуться на площадку перед главным зданием.

— И как вы намерены это расследовать? — сказала она.

— Впрочем, нет, не объясняйте. Поймите, пожалуйста, доктор Купер, в моей критике нет злого умысла. Мы должны быть предельно осторожны.

Включить обе системы сигнализации в один контур — чудовищная халатность. Это надо исправить немедленно. А не стоило бы привлечь командира тартарской охраны к вашему расследованию? Я отнюдь на этом не настаиваю. Кстати, где находились тартары во время пожарного учения? Полагаю, вы об этом подумали?

— Да, подумали, — устало произнес мужчина.

— Все охранники были на постах, все до единого. Там ведется тщательная запись.

— Не сомневаюсь, вы делаете все, что от вас зависит, — сказала она.

— Ну что ж. Весьма прискорбно. Но пока что довольно об этом. Расскажите мне о новом сепараторе.

У Лир мороз пробежал по коже. Ясно было, о чем идет речь.

— О, — с облегчением сказал доктор, обрадованный переменой темы, — это большой шаг вперед. С первой моделью всякий раз не исключена была возможность шока у пациента, но теперь мы очень продвинулись.

— Скрелинги делали это вручную и лучше нас, — сказал мужчина, до сих пор молчавший.

— Многовековая практика, — сказал другой.

— Но первое время единственным вариантом был просто отрыв, — сказал тот, кто говорил больше всех, — при том, что это угнетающе действовало на взрослых операторов. Если помните, нам пришлось уволить довольно много людей ввиду их стрессового состояния. Первым крупным достижением было использование Мейштадтского антарного скальпеля под анестезией. Мы сумели снизить смертность от операционного шока до пяти процентов, даже меньше.

— А новый инструмент? — спросила миссис Колтер.

Лира дрожала. В ушах у нее стучала кровь, а Пантелеймон — горностаи — прижался к ее боку и зашептал:

— Тихо, Лира, они этого не сделают — мы им не позволим...

— Да, на новый метод нас натолкнуло любопытное открытие самого лорда Азриэла. Он обнаружил, что сплав марганца с титаном обладает свойством изолировать тело от деймона. Кстати, что случилось с лордом Азриэлом?

— Вероятно, вы не слышали, — сказала миссис Колтер.

— Лорду Азриэлу вынесен условный смертный приговор. Он был выслан на Свальбард на том условии, что полностью откажется от философских исследований. К сожалению, ему удалось раздобыть книги и материалы, и он довел свои еретические исследования до такой стадии, когда оставлять его в живых просто опасно. Во всяком случае, Дисциплинарный Суд Консистории приступил к обсуждению вопроса о

смертном приговоре, и, по всей вероятности, он будет исполнен. Так что ваш новый инструмент, доктор? Как он действует?

— А... да... Смертный приговор, вы говорите? Боже милостивый... Извините. Новый инструмент. Мы изучаем, что происходит при сепарации, когда пациент находится в сознании, и тут, конечно, нельзя обойтись без Мейштадтского процесса. Поэтому мы разработали, можно сказать, своего рода гильотину. Лезвие сделано из титано-марганцевого сплава, и ребенок помещается в бокс — маленькую кабину — из того же сплава в виде сетки, а деймон в такой же соседний бокс. Пока они рядом, связь, конечно, сохраняется. Затем между ними вводится лезвие, мгновенно разрезающее связь. После этого они — отдельные существа.

— Я хочу это увидеть, — сказала она.

— Надеюсь, скоро. Но сейчас я устала. Пожалуй, пойду спать. Завтра я хочу видеть всех детей. Мы выясним, кто открыл дверь.

Послышался звук отодвигаемых стульев, обмен любезностями, открылась и закрылась дверь. Затем Лира услышала, что оставшиеся вернулись на свои места и продолжают разговаривать, но уже тише.

— Чем занят лорд Азриэл?

— По-моему, у него совершенно иное представление о природе Пыли. Все дело в этом. Понимаете, оно совершенно еретическое, и Дисциплинарный Суд Консistorии не может допустить никакой интерпретации, кроме утвержденной. К тому же он хочет экспериментировать...

— Экспериментировать? С Пылью?

— Тсс! Не так громко...

— Думаете, она подаст неблагоприятный рапорт?

— Нет, нет. По-моему, мы провели разговор отлично.

— Меня беспокоит ее отношение...

— Хотите сказать, не философское?

— Вот именно личный интерес. Мне неприятно употреблять это слово, но отношение почти... вампирское.

— Ну, это уж чересчур.

— Но вы же помните первые опыты — она с такой жадностью наблюдала, как их разрывают...

Ли́ра не сдержалась: у нее вырвался тихий крик. Она напряглась, задрожала, и нога ее задела стойку.

— Что это?

— На потолке...

— Быстро!

Звук отброшенных стульев, топот ног, звон посуды на передвигаемом столе. Ли́ра поползла обратно, но в желобе было тесно и, не успевшая она проползти несколько метров, как потолочная панель рядом с ней откинулась и на нее изумленно уставился мужчина. Он был так близко, что она могла разглядеть каждый волос в его усах. Доктор был ошарашен не меньше ее, но пространства у него было больше — он сумел просунуть руку и схватить ее за плечо.

— Ребенок!

— Не отпускайте...

Ли́ра вонзила зубы в крупную веснушчатую кисть. Он вскрикнул, но не отпустил ее, хотя рука была прокушена до крови. Пантелеймон рычал и шипел, но тщетно, мужчина был гораздо сильнее ее, он тянул и тянул, и в конце концов ее другая рука, отчаянно цеплявшаяся за стойку, разжалась, и сама она наполовину свесилась в комнату.

Но она не проронила ни звука. Зацепившись ногами за острый край металла и повиснув вниз головой, она боролась с ними, царапалась, кусалась, яростно плевалась, била кулаками. Мужчины пыхтели и кряхтели от напряжения и боли, но не переставали тащить.

Внезапно силы покинули ее.

Словно чужая рука влезла ей в самое нутро и вырвала оттуда что-то животворное, бесценное.

Она ослабла, обмякла, у нее кружилась голова, ее тошнило.

Один из мужчин держал Пантелеймона.

Он схватил деймона Ли́ры своими руками, и бедный Пантелеймон трясся, обезумев от ужаса и отвращения. Он был диким котом, и его мех то тускнел от слабости, то искрился от тревоги... Он весь выгнулся в сторону Ли́ры, а она тянула к нему руки...

И оба затихли. Их одолели.

Она чувствовала эти руки... Это было табу... Немыслимо...
Неправильно...

— Она там одна? Мужчина заглянул на чердак.

— Кажется, одна...

— Кто она?

— Новый ребенок.

— Которую охотники-самоеды...

— Да.

— Вы не думаете, что она... деймонов...

— Вполне может быть. Но не сама же?

— Надо ли сказать...

— Думаю, в таком случае история разрешится, а?

— Согласен. Лучше, если она не узнает.

— Но что нам делать?

— Ее нельзя отпустить обратно к детям.

— Невозможно!

— По-моему, нам остается только одно.

— Сейчас?

— Непременно. До утра оставлять нельзя. Она хочет присутствовать.

— Сделаем это сами. Не надо никого привлекать. Тот, кто казался главным, — он не держал ни Лиру, ни Пантелеймона, — постучал себя по зубам ногтем большого пальца. Глаза его не оставались в покое ни на секунду, они беспрерывно бегали. Наконец он кивнул.

— Сейчас. Сделаем сейчас, — сказал он.

— Иначе она заговорит. Шок, по крайней мере, от этого гарантирует. Она не будет помнить, кто она, что видела, что слышала... Давайте.

Ли́ра не могла говорить. Она едва дышала. Ее понесли через всю Станцию, по белым пустынным коридорам, мимо комнат, откуда доносилось гудение каких-то мощных устройств, мимо спален, где спали дети, а рядом на подушках спали их деймоны и видели те же сны. Ни на одну секунду она не спускала глаз с Пантелеймона, он тянулся к ней и смотрел ей в глаза.

Потом с помощью большого колеса отперли дверь. Шипение воздуха, ярко освещенная комната, вся в ослепительно белой плитке и нержавеющей стали. Страх ее был почти физической болью; он стал физической болью, когда ее и Пантелеймона подтащили к большой серебристой клетке с висящим над ней большим серебристым лезвием, которое навеки отделит их друг от друга.

Голос вернулся к ней наконец, и она закричала. Крик отразился от сверкающих поверхностей, но тяжелая дверь с шипением затворилась; Ли́ра могла кричать до скончания века, и ни один звук не проник бы наружу.

Но Пантелеймон был здесь, он вывернулся из ненавистных рук — он был львом, орлом; он драл их когтями, свирепо бил крыльями, а потом был волком, медведем, хорьком — бросался на них, рычал, когтил, преображался с неуловимой быстротой и все время прыгал, летал, метался из угла в угол, все время ускользая от неловких рук, хватавших воздух.

Но и у тех, конечно, были деймоны. Так что борьба была — не двое на трое, а двое против шести. Барсук, сова и бабуин тоже усердно гонялись за Пантелеймоном, и Ли́ра кричала им:

— Почему? Почему вы так делаете? Помогите нам! Вы не должны им помогать!

Она стала кусаться и брыкаться еще яростнее, так что державший ее человек охнул и на мгновение разжал руки — и Пантелеймон молнией подскочил к ней. Она исступленно прижала его к груди, а он впился кошачьими когтями в ее тело, и боль эта была сладкой.

— Ни за что! Ни за что! Ни за что! — закричала она и отступила к стене, приготовясь защищать его до последней капли крови.

Но они снова накинудись на нее, трое взрослых грубых мужчин, а она была всего лишь ребенком, испуганным и потрясенным; они оторвали от нее Пантелеймона, бросили ее в клетку с одной стороны, а его затолкали с другой. Их разделяла сетка, но он все еще был частью Ли́ры, они еще были одно. Еще несколько секунд он будет ее душой.

Сквозь пыхтение мужчин, сквозь свои рыдания сквозь тонкий, пронзительный вой своего деймона Лира расслышала жужжание и увидела, что один из них (у него шла кровь из носа) трогает выключатели на пульте. Двое других подняли головы, и она тоже посмотрела наверх. Большое серебристое лезвие, блестевшее под ярким светом, медленно поднималось. Последний миг ее сознательной жизни должен был стать и самым плохим.

— Что здесь происходит?

Чистый музыкальный голос: ее голос. Все замерло.

— Что вы делаете? И кто этот ребе...

Она не договорила слово ребенок, потому что узнала Лиру. Сквозь слезы Лира увидела, как она неверной походкой подошла к скамье и ухватилась за нее; ее красивое, всегда спокойное лицо вмиг осунулось, на нем был написан ужас.

— Лира... — прошептала она.

Золотая обезьяна стрелой кинулась к клетке и вытащила Пантелеймона. Лира вывалилась сама. Пантелеймон вывернулся из лап спасительницы и заковылял к Лире.

— Ни за что, ни за что, — шептала она в его мех, прижимая стучащее сердце деймона к своему.

Дрожа, они прильнули друг к другу, как жертвы кораблекрушения, выброшенные на необитаемый берег. Она смутно слышала разговор миссис Колтер с мужчинами, но даже тона ее не могла понять. А потом они покинули ненавистную комнату, и миссис Колтер не то несла, не то вела ее по коридору, а потом была дверь, спальня, запах духов, мягкий свет.

Миссис Колтер бережно уложила ее на кровать. Лира так сильно прижимала к себе Пантелеймона, что рука дрожала от напряжения. Мягкая ладонь погладила ее по волосам.

— Родная моя, — произнес нежный голос.

— Как ты здесь очутилась?

Глава семнадцатая

ВЕДЬМЫ

Ли́ра стонала и тряслась, словно ее мину́ту назад выта́щили из воды, такой холодной, что занималось сердце. Пантелеймон лежал у нее под одеждой, прижавшись к ее коже. Он возвращал ее к жизни своей любовью, но ни на секунду не забывал при этом о миссис Колтер, деловито приготавливавшей какое-то питье, а главное — о золотой обезьяне, чьи жесткие пальчики воровато пробежали по телу Лире и нащупали пояс с клеенчатой сумкой.

— Сядь, милая, попей, — сказала миссис Колтер и, ласково просунув руку под спину Лире, помогла ей сесть.

Ли́ра напряглась, но тут же расслабилась, когда Пантелеймон мысленно сказал ей: мы в безопасности, но только пока притворяемся. Ли́ра открыла глаза, оказалось, что они полны слез, и, к стыду своему и удивлению, она зарыдала.

Миссис Колтер, ласково приговаривая, передала чашку обезьяне, а сама вытерла Лире глаза надушенным платком.

— Поплачь, поплачь, моя милая, — сказал нежный голос, но Ли́ра вовсе этого не желала. Она старалась сдержать слезы, сжимала губы, подавляла рыдания, рвавшиеся из груди.

Пантелеймон вел ту же игру: прикидываться, прикидываться. Он стал мышью и слез с руки Лире, чтобы робко понюхать питье, которое держала обезьяна. Оно было безвредным: всего лишь настойка ромашки. Он забрался Лире на плечо и шепнул:

— Пей.

Она села, взяла горячую чашку обеими руками и стала пить, время от времени дуя на нее. Смотрела она при этом в пол. Притворяться надо было так, как никогда в жизни.

— Ли́ра, милая, — проворковала миссис Колтер, глядя ее по волосам.

— Я думала, что потеряла тебя навсегда! Что случилось? Ты заблудилась? Тебя кто-то увел из квартиры?

— Да, — прошептала Ли́ра.

— Кто же, милая?

— Мужчина и женщина.

— Мои гости?

— Наверное, да. Они попросили что-то вам принести снизу, я пошла, а они схватили меня и куда-то увезли на машине. Когда они остановились, я сразу убежала, увернулась от них, и они меня не догнали. Только я не знала, где мы...

Она опять всхлипнула, на этот раз тише, и можно было сделать вид, будто это вызвано ее рассказом.

— Я там бродила, искала дорогу домой, и тут меня поймали Жрецы... Посадили в фургон с другими детьми и привезли в какой-то большой дом, не знаю, где он.

С каждой секундой, с каждой фразой она чувствовала, как к ней понемногу возвращаются силы. Теперь, когда она занималась привычным, трудным и не всегда предсказуемым делом, а именно, лгала, к ней вернулась уверенность, то же ощущение сложности и власти, какое давал ей алетиметр. Надо быть осторожной, не сказать чего-нибудь заведомо невероятного, в некоторых случаях выражаться туманно и выдумывать правдоподобные детали — короче говоря, надо стать артисткой.

— Сколько времени держали тебя в этом доме? — спросила миссис Колтер.

Плавание по каналам и пребывание у цыган длилось несколько недель; надо было как-то отчитаться за это время. Выдумано было путешествие в Троллезунд со Жрецами, затем бегство, обильно приправленное ее впечатлениями от города: работа прислужой в баре Эйнарссона, затем работа в фермерской семье, вдали от берега, затем нападение самоедов и доставка в Больвангар.

— И они собирались... собирались отрезать...

— Ш-ш-ш. Не надо, милая. Я выясню, что тут происходит.

— Но зачем они хотели это сделать? Я ничего такого не натворила. Все ребята здесь боятся, и никто ничего не знает. Это ужасно. Ничего хуже не бывает... Миссис Колтер, зачем они это делают? Почему они такие жестокие?

— Ну, все, все... Тебе ничего не грозит. С тобой они никогда этого не сделают. Теперь я знаю, что ты здесь, и все позади, и ты в безопасности. Никто никогда не обидит тебя, милая Лира, никто не причинит тебе зла...

— Но почему они это делают с другими ребятами? Почему?

— Ох, родная...

— Из-за Пыли, да?

— Они тебе это сказали? Это сказали врачи?

— Ребята знают. Все ребята об этом говорят, но никто не знает! И мне чуть не сделали — вы должны мне сказать! Вы не имеете права скрывать от меня!

— Лира... Лира, Лира. Милая, это большие, сложные проблемы — Пыль и так далее. Детям рано об этом задумываться. А врачи это делают с детьми для их же блага, родная. Пыль — это что-то плохое, опасное, вредное, это зло. Взрослые и их деймоны заражены Пылью настолько, что им уже не помочь. Поздно... Но короткая операция на ребенке означает, что он защищен от нее. Пыль к нему больше не прилипнет. Они защищены и счастливы и...

Лира подумала о маленьком Тони Макариосе. Она вдруг нагнулась, и ее затошнило. Миссис Колтер отпустила ее и сделала шаг назад.

— Тебе плохо, милая? Иди в ванную... Лира сглотнула и вытерла глаза.

— Зачем вам это делать? — сказала она.

— Оставьте нас как есть. Лорд Азриэл никому бы не позволил, если бы знал, что тут делается. Если в нем Пыль, и у вас Пыль, и у Магистра в Иордане, и у всех взрослых Пыль, значит, так и надо. Когда выйду отсюда, я всем ребятам на свете об этом скажу. И потом, если это так хорошо, почему вы не позволили сделать это со мной? Если это хорошо, вы бы позволили им сделать. Вы бы радовались.

Миссис Колтер качала головой и улыбалась мудрой, печальной улыбкой.

— Милая, — сказала она, — полезное иногда причиняет нам боль, и, конечно, если ты огорчаешься, другие тоже огорчены... Но это не значит, что у тебя отнимают твоего деймона. Он по-прежнему здесь! Боже мой, эту операцию делали множеству взрослых. Ведь сестры выглядят счастливыми, правда?

Лира моргнула. Вдруг стало понятно и вежливое их безразличие, и то, что их маленькие деймоны бегают, как во сне. «Ничего не говори», — подумала она и крепко сжала губы.

— Милая, никто и не подумал бы делать операцию на ребенке, предварительно все не проверив. И никто на свете не стал бы совсем отнимать у него деймона! Делается только маленький разрез, и после этого все спокойно. Всю жизнь! Понимаешь, твой деймон — чудесный друг и товарищ, пока ты молода, но в возрасте, который мы называем

половым созреванием, в возрасте, который скоро для тебя наступит, милая, демоны приносят всякого рода мучительные мысли и чувства — тут-то и входит Пыль. Маленькая, короткая операция перед этим, и тебя больше ничто не будет тревожить. И твой демон остается с тобой, только... вы не связаны. Он — как... чудесный ручной зверек, если угодно. Твой любимец! Разве это не прекрасно?

Какая злая, бесстыдная ложь! И если бы даже Лира не знала, что это ложь (Тони Макариос; демоны в клетках), мысль об этом была бы ей ненавистна. Чтобы ее душу, ее сердечного друга отрезали и превратили в суетливое домашнее животное? Ненависть сжигала Лиру, Пантелеймон у нее на руках принял вид хорька — самый злобный и воинственный из всех, для него возможных, — и ощерился.

Но они ничего не сказали. Лира крепко держала Пантелеймона и не сопротивлялась миссис Колтер, гладившей ее по голове.

— Допей свою ромашку, — мягко сказала миссис Колтер.

— Я прикажу постелить тебе здесь. Незачем возвращаться в спальню к девочкам — я никому не отдам мою помощницу. Мою любимую! Лучшую помощницу на свете. Ты знаешь, милая, мы обыскали весь Лондон. Полиция обыскала все города в стране. Как я по тебе скучала! Не могу передать, как я счастлива, что ты нашлась...

Все это время золотая обезьяна беспокойно рыскала по комнате: то садилась на стол, махая хвостом, то прижималась к миссис Колтер и что-то лопотала ей на ухо, то расхаживала по полу, подняв хвост. Этим она, конечно, выдавала нетерпение миссис Колтер, и в конце концов миссис Колтер не выдержала:

— Лира, милая, я думаю, перед твоим отъездом Магистр Иордана дал тебе одну вещь. Правда ведь? Он дал тебе алетиметр. Беда в том, что он не имел права его отдавать. Он ему не принадлежал, а был оставлен на хранение. Он слишком ценен, чтобы носить его с собой — знаешь, их всего два или три в мире! Думаю, Магистр дал его тебе в надежде, что он попадет в руки лорду Азриэлу. Он просил не говорить мне об этом, правда?

Лира скривила рот.

— Понимаю. Не огорчайся, милая, ты же мне не сказала? Значит, не нарушила обещания. Но понимаешь, милая, он должен храниться в надежном месте. Это такой редкий и тонкий прибор, что им больше нельзя рисковать.

— Почему его нельзя отдать лорду Азриэлу? — не шевельнувшись, спросила Лира.

— Из-за того, чем он занялся. Ты знаешь, его выслали потому, что он задумал опасное и недоброе. Чтобы осуществить свой план, он должен раздобыть алетиометр, но поверь мне, милая, ни один человек на свете не хочет, чтобы это произошло. Магистр Иордана совершил прискорбную ошибку. Но теперь, когда ты все знаешь, не лучше ли отдать его мне? Ты избавишься от тревоги за него, не надо будет носить его на себе и все время о нем думать... да и вообще, ломать голову, на что годится эта нелепая старинная штука...

Лира только удивлялась, как могла эта женщина казаться ей очаровательной и умной.

— Так что, если он сейчас у тебя, милая, лучше отдать его мне на хранение. Он же у тебя на поясе, правда? Да, это ты очень разумно сделала, спрятав его туда...

Руки ее были уже под юбкой у Лир и отстегивали жесткую клеенку. Лира напряглась. Золотая обезьяна присела в ногах кровати, дрожа от нетерпения и засунув черные лапки в рот. Миссис Колтер стащила с Лир пояс и, часто дыша, расстегнула сумку. Она вытащила черный бархатный сверток и развернула жестяную коробку, которую сделал Йорек Бирнисон.

Пантелеймон снова был котом и приготовился к прыжку. Лира подобрала ноги и спустила на пол, чтобы сразу бежать, когда наступит момент.

— Что это? — весело сказала миссис Колтер.

— Какая смешная жестянка! Ты спрятала его туда для надежности? Сколько мха... Ты предусмотрительна, правда? Еще жестянка, внутри этой! И запаяна! Кто это сделал, милая?

Она не дожидалась ответа — все внимание было сосредоточено на жестянке. В сумочке у нее был ножик со множеством разных приспособлений, она вытащила лезвие и воткнула под крышку.

И сразу комната наполнилась яростным жужжанием.

Лира и Пантелеймон не шевелились. Озадаченная миссис Колтер стала стаскивать крышку, а золотая обезьяна с любопытством наклонилась над ней.

С ошеломляющей внезапностью черный жук-шпион вырвался из жестянки и врезался в лицо обезьяны.

Она закричала и откинулась назад; удар этот, конечно, почувствовала и миссис Колтер, она закричала от боли и страха вместе с обезьяной, а маленький заводной дьявол полез по ней вверх — по груди и шее, к лицу.

Лира не мешкала. Пантелеймон прыгнул к двери, и она сразу за ним — распахнула дверь и помчалась так, как никогда еще не бегала в жизни.

— Пожарный сигнал! — крикнул Пантелеймон, скакавший впереди.

На повороте она увидела пожарную кнопку и с размаху разбила стекло кулаком. Побежала дальше, к спальням, разбила еще одно стекло, еще одно; люди уже выходили в коридор, озирались — где горит?

Когда она поравнялась с кухней, Пантелеймон подал ей мысль, и она нырнула туда. Она открыла все газовые краны и кинула спичку на ближайшую горелку. Потом стащила с полки пакет муки, ударила им о ребро стола, так что он лопнул и мука поднялась в воздух: она слышала, что мучная пыль тоже взрывается.

Оттуда она бросилась к своей спальне. В коридорах было уже полно, бегали возбужденные дети — слово «побег» уже разнеслось, самые старшие бежали к кладовым, где хранилась одежда, и гнали туда младших. Взрослые пытались навести порядок, но никто из них не понимал, что происходит. Крики, вопли, суета, толкотня.

Лира и Пантелеймон скользили в толпе, как рыбы, пробивались к спальне и, как только подошли к дверям, позади раздался глухой взрыв, потрясший все здание.

Девочки уже убежали — в спальне было пусто. Лира подтащила ящик к углу, вспрыгнула на него, стянула с потолка свои меха, нащупала алетометр. На месте. Она оделась, надвинула капюшон, и Пантелеймон, воробей, крикнул от двери:

— Можно!

Она выбежала. К счастью, целая группа детей, уже нашедших одежду, бежала по коридору к главному входу, и она побежала среди них, потная, с сильно бьющимся сердцем, зная, что если не убежит, то погибнет.

Путь был прегражден. Пожар на кухне разгорелся быстро, и, газ был тому виной или мука, часть кровли обрушилась. Люди карабкались через искореженные балки и стойки, чтобы выбраться на жгучий мороз. Сильно пахло газом. Потом раздался новый взрыв, громче первого и ближе. Несколько человек упало, многие кричали от страха и боли. Среди крика деймонов и шума крыльев Лира расслышала зов Пантелеймона: «Сюда! Сюда!» — и перелезла через обломки. В легкие ворвался морозный

воздух. Она надеялась, что дети успели найти одежду. Стоило ли бежать со Станции, чтобы умереть от холода?! Чуть отойдя от дома, она увидела под ночным небом языки пламени, вырывавшиеся из провала в крыше. У главного входа была толпа — но на этот раз возбуждены были взрослые, а испуганы, и сильно испуганы, дети.

— Роджер! Роджер! — крикнула Лира, и Пантелеймон, глазастый филин, ухнул в знак того, что видит мальчика.

Через минуту они сошлись.

— Скажи всем, чтобы шли за мной! — крикнула Лира ему в ухо.

— Они не пойдут... они перепугались...

— Скажи им, что делают с детьми, которых уводят! Отрезают их деймонов большим ножом! Скажи, что ты видел сегодня — сколько мы выпустили деймонов! Скажи, с ними будет так же, если не удерут!

Роджер уставился на нее с ужасом, но быстро пришел в себя и побежал к ближайшей группе детей. Лира сделала то же самое. Слова ее передавались от человека к человеку, некоторые при этом вскрикивали и в страхе прижимали к себе деймонов.

— За мной! — кричала Лира.

— К нам идет помощь! Надо выбраться за ограду! Бежим!

Дети слышали ее и устремлялись к освещенной аллее; утоптаный снег скрипел под множеством бегущих ног.

Позади них кричали взрослые, потом раздался треск и грохот — обрушилась еще одна часть здания. Взлетели искры, с треском рвущейся материи взвилось пламя; но сквозь этот шум донесся другой звук, совсем близкий и страшный. Лира никогда не слышала его прежде, но сразу догадалась, что это: это взвыли деймоны-волки тартарских охранников. Ее охватила слабость, дети оборачивались в страхе и останавливались, потому что размашистым, неторопливым, стремительным шагом к ним подбегал первый тартарский охранник с винтовкой наготове, и рядом с ним скакал его могучий серый деймон.

Потом еще один, и еще один. Все они были в подбитых теплым кольчугах и без глаз — по крайней мере, глаз не было видно в снежных щелях их шлемов. Единственными глазами тут были круглые черные дула винтовок да огненные желтые глаза деймонов, роняющих слюну.

Лира замерла. Она представить себе не могла, до чего страшны эти волки. Но теперь, когда она узнала, с какой легкостью в Больвангаре

нарушают великое табу, вид этих слюнявых пастей привел ее в оцепенение.

Тартары выстроились шеренгой поперек выхода в освещенную аллею, и рядом с ними — деймоны, такие же вышколенные и дисциплинированные. Через минуту будет вторая шеренга, потому что подбегали новые и новые. Дети не могут воевать с солдатами, в отчаянии подумала Лира. Это не битва на оксфордских Глинах, когда они швыряли грязью в детей кирпичников.

А почему? Она вспомнила, как бросила горсть глины в широкое лицо нападавшего мальчика. Он остановился, стал соскребать глину с глаз, и тут на него навалились городские.

Она стояла не на глине. Она стояла на снегу.

Так же, как днем, но уже с остервенением, она схватила пригоршню снега и швырнула в ближайшего солдата.

— Бейте по глазам, — крикнула она и бросила второй снежок.

Дети стали швырять снег, а потом одному из деймонов пришла мысль: он быстро полетел за снежком и направил его прямо в глазную щель мишени, — и остальные деймоны последовали его примеру. И вот уже все тартары спотыкаются, плюются, ругаются и выковыривают плотный снег из узких щелей перед глазами.

— Вперед! — закричала Лира и бросилась к воротам в освещенную аллею.

Дети устремились за ней все до одного; уворачиваясь от волчьих зубов, они бежали что было сил по освещенной аллее в манящую бескрайнюю темноту.

Сзади раздалась хрипая команда офицера, разом щелкнуло два десятка передернутых затворов, потом еще команда, и напряженная тишина, в которой слышен был только топот ребячьих ног и их отрывистое дыхание.

Они целились. Они не промахнутся.

Но вместо выстрела раздался придушенный крик одного из тартар и удивленный крик другого. Лира обернулась и увидела, что охранник лежит на снегу, а из спины у него торчит стрела с серым оперением. Он извивался и корчился, кашлял кровью, а остальные солдаты озирались по сторонам, пытаясь понять, откуда прилетела стрела, — но стрелка не было видно.

Потом с неба прилетела еще одна стрела и вонзилась человеку в затылок. Он сразу упал. Офицер крикнул, все подняли головы к темному небу.

— Ведьмы! — сказал Пантелеймон.

Это были они: в вышине на ветках облачной сосны носились угловатые изящные черные фигуры, и воздух свистел в сосновых иглах. На глазах у Леры одна из ведьм устремилась вниз и выпустила стрелу; еще один упал.

Тогда татары направили винтовки вверх и стали палить в темноту наобум, по теням, по тучам, а на них все сыпались и сыпались стрелы.

Офицер, увидев, что дети уже далеко, послал отряд в погоню. Кто-то из детей закричал. Его крик подхватили другие, и они уже не бежали, они поворачивали назад в смятении, в страхе перед громадиной, мчавшейся на них из тьмы за освещенной аллеей.

— Йорек Бирнисон! — закричала Лира, не помня себя от радости.

Бронированный медведь мчался так, словно не чувствовал собственного веса, словно его несла вперед сама его громадная масса. Он пронесся мимо Леры неясным пятном и врезался в гурьбу стражников, расшвыряв во все стороны солдат, деймонов, винтовки. Потом остановился, стремительно повернулся на месте и двумя ударами могучих лап сбил двух стражников, слева и справа от себя.

На него кинулся деймон-волк; Йорек распорол его в воздухе, и волк свалился на снег, из него с шипением вырвалось яркое пламя, он взвыл и исчез. Его человек умер тут же.

Атака с двух сторон не смутила татарского офицера. Раздалась длинная команда, и отряд разделился надвое: одна часть отражала нападение ведьм, другая, большая, была брошена против медведя. Солдаты проявили отличную выучку и смелость. Группами по четверо они становились на колени и открывали огонь, как на стрельбище, даже не думая отступать под натиском Йорека. Через минуту все они были мертвы.

Йорек снова бросился в атаку, рыча, круша налево и направо, а пули летели вокруг него, как мухи или осы, не причиняя никакого вреда. Лира упрашивала детей бежать дальше, прочь от освещенной аллеи. Надо было скрыться, потому что, как ни опасны были татары, гораздо опаснее были взрослые со Станции.

Она толкала их, звала за собой, их тени на снегу постепенно удлинялись, и Лира чувствовала, что сердце ее рвется в темноту арктической ночи, в холодную чистоту, и радостно скачет, как заяц Пантелеймон, наслаждающийся собственной резвостью.

— Куда мы? — спросил кто-то.

— Там ничего, кроме снега!

— К нам идет помощь, — сказала Лира.

— Пятьдесят цыган или больше. Наверняка там ваши родственники. Все цыганские семьи, у которых украли детей, послали сюда мужчин.

— Я не цыган, — сказал мальчик.

— Неважно. Тебя тоже возьмут.

— Куда? — сварливо спросил еще один.

— Домой, — сказала Лира.

— Я приехала, чтобы освободить вас, и привела сюда цыган, чтобы отвезти вас домой. Надо еще немного пройти, мы найдем их. Медведь был с ними, значит, они недалеко.

— Видал медведя?! — сказал один мальчик.

— Когда он разрезал деймона, человек умер, как будто у него вырвали сердце. Раз — и готов!

— Я не знал, что деймонов можно убить, — сказал кто-то еще.

Теперь все возбужденно разговаривали: непосредственная опасность миновала, и у них развязались языки. Пусть разговаривают, лишь бы шли.

— Это правда, чем они там занимаются? — спросила девочка.

— Да, — сказала Лира.

— Никогда не думала, что увижу человека без деймона. Но по дороге сюда мы нашли мальчика, одного, без деймона. Он все спрашивал о нем, где он, вернется ли. Его звали Тони Макариос.

— Я его знаю! — сказал кто-то, и другие откликнулись:

— Да, его увели неделю назад...

— Вот, они отрезали его деймона, — сказала Лира, понимая, как это подействует на ребят.

— Мы нашли его, и он скоро умер. А всех деймонов, которых они отрезали, их держали в клетках, в том квадратном доме позади.

— Это правда, — сказал Роджер.

— И Лира выпустила их во время пожарной тревоги.

— Ага, я их видел! — сказал Билли Коста.

— Сперва не понял, кто они такие, они улетели с гусем.

— А зачем они это делают? — спросил какой-то мальчик.

— Зачем отрезают деймонов? Это пытка! Зачем это делают?

— Пыль, — неуверенно произнес кто-то. Мальчик презрительно рассмеялся.

— Пыль! Нет никакой пыли! Они ее выдумали! Я не верю.

— Эй, — крикнул кто-то еще, — смотрите, что с дирижаблем!

Они оглянулись. За яркими фонарями, где еще продолжался бой, длинное тело дирижабля не парило свободно в воздухе возле причальной мачты; его задний конец опустился, а из-за него поднимался шар...

— Шар Ли Скорсби! — закричала Лира и в восторге захлопала варежкой о варежку.

Остальные ребята были озадачены. Лира подгоняла их, а сама удивлялась, как удалось аэронавту залететь в эту даль. Ясно было, что он делает, и как хорошо он это придумал: наполнить свой шар газом из их дирижабля, самому улететь, а преследователей лишить такой возможности!

— Давайте, двигайтесь, иначе замерзнете, — сказала она, потому что кое-кто из них уже стонал и дрожал от холода, а их деймоны тоже подняли писк.

Пантелеймона это раздражало, и, приняв вид росوماхи, он рявкнул на деймона-белку которая лежала на плечах у девочки и попискивала.

— Полезай к ней в шубу! Стань большой и согрей ее! — прорычал он, и деймон девочки испуганно юркнул в ее анорак.

Беда была в том, что их анораки не так теплы, как настоящий мех, сколько бы ни набивали в них полого искусственного волокна. Некоторые ребята выглядели, как ходячие грибы-дождевики, но одежду их придумывали и шили в лабораториях и на фабриках вдали от холода, и она себя не оправдывала. Мех на Лире выглядел клочковатым и вонял, зато удерживал тепло.

— Если быстро не найдем цыган, ребята недолго протянут, — шепнула она Пантелеймону.

— Так заставляй их двигаться, — шепнул он в ответ.

— Если лягут, им конец. Помнишь, что Фардер Корам сказал...

Фардер Корам много рассказывал ей о своих странствиях по Северу, и миссис Колтер тоже — если только она рассказывала правду. Но в одном они определенно сходились — что надо двигаться.

— Нам далеко идти? — спросил маленький мальчик.

— Она заставляет нас идти, чтобы мы умерли, — сказала девочка.

— Лучше уж там, чем тут, — сказал кто-то.

— Не хочу! На Станции тепло. Там еда горячая, и все такое.

— Но там горит.

— А тут что будем делать? Умрем от голода... Лиру осаждало множество мрачных вопросов, пронесшихся в сознании, как ведьмы, стремительно и неуловимо, но где-то в глубине, куда не достигала мысль, жил восторг, предчувствие счастья.

И это придавало ей сил — она вытащила одну девочку из сугроба, пихнула приунывшего мальчика и крикнула всем:

— Не останавливайтесь! Идите по следам медведя. Он пришел с цыганами, следы приведут к ним. Только не останавливайтесь!

Пошел крупный снег. Скоро он засыпет следы Йорека Бирнисона. Фонари Больвангара скрылись из виду, от пожара осталось только слабое зарево, и, если бы не тусклое свечение снега под ногами, они шли бы в полной темноте. В небе, затянутом плотными тучами, не было ни луны, ни Северного Сияния; но, наклоняясь к снегу, дети еще могли различить глубокие следы медведя. Лира подбадривала ребят, покрикивала, била, ругалась, поддерживала, подталкивала, тащила чуть ли не волоком, ласково поднимала с земли, смотря по тому, что требовалось, — а что требовалось, подсказывал ей Пантелеймон,

следивший за состоянием их деймонов. «Я доведу их, — твердила она себе.

— Я приехала, чтобы вывести их, и выведу».

Роджер старался подражать ей, а первым шел остроглазый Билли Коста. Вскоре снегопад усилился, и им пришлось идти вплотную друг к другу, чтобы не потеряться. Лира подумала: если лечь рядом и друг об друга греться... Вырыть норы в снегу...

Ей чудились какие-то звуки. Будто шум мотора — не тяжелый рокот дирижабля, а более высокий звук, как жужжание шершня. Он то слышался, то пропадал.

И вой... Собак? Ездовых собак? Бесконечно далекий, заглушённый миллионами мягких снежинок, то и дело уносимый порывами ветра... Кто там мог быть? Цыганские собаки, или какие-нибудь дикие духи тундры, или это освобожденные деймоны звали пропавших детей?

И что-то мерещилось во тьме... Ведь не могло ничего светиться за пеленой снега? Разве что призраки... Или сами они сделали круг и бредут обратно к Больвангару?

Но это были желтые лучи фонарей, а не белое сияние антарных ламп. И они приближались, и громче становился собачий вой, и раньше, чем Лира успела сообразить, сон это или явь, ее окружили знакомые фигуры, и люди в меху не дали ей упасть. Могучая рука Джона Фаа подняла ее в воздух, Фардер Корам радостно смеялся, и, сколько видно было сквозь метель, цыгане повсюду сажали детей в сани, закрывали мехом, давали им тюленьё мясо. И Тони Коста был тут, обнимал Билли, толкал его кулаком и снова обнимал, и восторженно тряс. И Роджер...

— Роджер едет с нами, — сказала она Фардеру Кораму.

— Я ведь его поехала выручать. Мы с ним вернемся в Иордан... Что это за шум?

Это было жужжание того же мотора, словно разом взвились в воздух десять тысяч осатанелых жуков-шпионов.

Внезапный удар свалил ее в снег, и Пантелеймон не мог защитить ее, потому что золотая обезьяна-Миссис Колтер...

Золотая обезьяна тискала, кусала, царапала Пантелеймона, который видоизменялся с такой быстротой, что невозможно было уследить, и не сдавался, жалил, драл, хлестал. Миссис Колтер — напряженное, застывшее лицо в меху, — тащила Лиру к моторным саням, и Лира

сопротивлялась так же упорно, как ее деймон. Валил густой снег, и они словно были изолированы внутри своей отдельной маленькой метели, а лучи фар утыкались в белую пелену уже через какие-нибудь несколько сантиметров.

— Помогите! — кричала Лира цыганам, которые были совсем рядом и ничего не видели из-за снега.

— Помогите! Фардер Корам! Лорд Фаа! Господи, помогите!

Миссис Колтер пронзительно выкрикнула команду на языке северных тартар. Из снежного вихря вынырнул отряд с винтовками и рычащими деймонами-волками. Командир, увидев, что миссис Колтер борется с девочкой, поднял Лиру одной рукой, как куклу, и швырнул в сани; оглушенная ударом и самой внезапностью случившегося, она затихла.

Грохнул выстрел, потом другой — цыгане сообразили, что происходит. Но стрелять, когда не видишь своих, опасно. Тартары, сомкнувшись вокруг саней, могли стрелять наугад сколько вздумается; цыгане же не решались ответить огнем, боясь попасть в Лиру.

Как же ей было горько! И до чего она устала!

В голове стоял звон, мысли путались, но она заставила себя сесть и увидела, что Пантелеймон продолжает отчаянно драться с обезьяной. Он был росмахой и больше не менял вида, намертво вцепившись зубами в золотую руку. Но кто там еще?

Не Роджер?

Да, это Роджер молотил миссис Колтер кулаками и ногами, бодал ее в голову — но тут подскочил тартарин и одним движением руки смахнул его, как муху. Все смешалось перед ее глазами: белое, черное, какая-то летучая зелень, угловатые тени, и с железным лязгом и скрежетом в просвет ворвался Йорек Бирнисон. Огромные челюсти разили налево и направо, лапа вспорола кольчужную грудь, белые клыки, черное железо, окровавленный мех...

А потом что-то с силой потащило ее вверх, вверх, и она схватила Роджера, вырвав из рук миссис Колтер. Их деймоны-птицы, пронзительно крича и хлопая крыльями, взвились следом среди летучих теней, а потом Лира увидела рядом с собой ведьму, — одну из тех изящных угловатых фигур, которые прежде носились в вышине, и в голых белых руках у нее (на этом морозе!) был лук; она оттянула тетиву и пустила стрелу в мрачную глазную щель шлема, появившегося в каком-нибудь метре от нее...

Стрела вошла в щель и наполовину вышла из затылка, и взвившийся в воздух демон стражника исчез, не успев упасть на землю.

Вверх! Вверх несло Лиру и Роджера, и оказалось, что это — ветка облачной сосны, за которую они цепляются слабеющими пальцами, и с ними на ветке сидит, грациозно удерживая равновесие, молодая ведьма; потом она наклонилась налево и вниз, и навстречу им с земли стало подниматься что-то огромное.

Они свалились в снег рядом с корзиной воздушного шара Ли Скорсби.

— Залезай, — крикнул техасец, — и друга сюда тащи. А каков медведь, видала?

Лира увидела, что три ведьмы держат канат, обведенный вокруг большого камня, и не дают подняться рвущемуся в небо шару.

— Лезь! — крикнула она Роджеру и снежной кучей перевалилась через обшитую кожей кромку корзины. Через секунду на нее упал Роджер, а еще через секунду воздух вздрогнул от могучего рыка.

— Давай, Йорек! На борт, старик! — крикнул Ли Скорсби, и плетеное дерево прогнулось и страшно закрипело под тяжестью медведя.

Порывом ветра отнесло в сторону туман и снег, и Лира успела разглядеть все, что происходило вокруг. Она увидела, что цыганские бойцы под командованием Джона Фаа преследуют арьергард стражников и гонят их к пылающим развалинам Больвангара; увидела, как другие цыгане сажают одного за другим детей в сани и накрывают их теплым мехом; увидела, что Фардер Корам напряженно оглядывает поле боя, опираясь на палку, а его желто-оранжевый демон прыгает по снегу и тоже озирается вокруг.

— Фардер Корам! — крикнула Лира.

— Мы здесь!

Старик услышал, обернулся и с удивлением посмотрел на шар, удерживаемый канатом, на ведьм, которые не давали ему взлететь, на Лиру, махавшую ему рукой из корзины.

— Лира! — крикнул он.

— Ты цела, девочка? Цела?

— Целее не бывает! — крикнула она в ответ.

— Прощайте, Фардер Корам! Прощайте! Отвезите детей домой!

— Отвезем, клянусь жизнью! Счастливого пути, дитя мое... счастливого пути... счастливо, дорогая...

В ту же секунду аэронавт бросил вниз руку, подавая знак, и ведьмы отпустили канат.

Шар сразу стал подниматься и устремился наверх с неправдоподобной скоростью. Мгновение, и земля скрылась в тумане, а они мчались вверх все быстрее и быстрее — никакая ракета, казалось Лире, не смогла бы быстрее уйти от земли. Она лежала, обняв Роджера, и ускорение прижимало их к дну корзины.

Техасец что-то радостно выкрикивал, смеялся, гикал. Йорек Бирнисон спокойно расстегивал броню, ловким когтем подцепляя и поворачивая крепления, и складывал части в кучу. Где-то снаружи слышались хлопки, свист воздуха в иглах облачной сосны, и мелькание черных одежд говорило о том, что ведьмы сопровождают их в полете.

Понемногу дыхание и сердцебиение у Лире успокоились, и к ней вернулось душевное равновесие. Она села и огляделась.

Корзина оказалась гораздо больше, чем она думала. Вдоль бортов тянулись полки с философскими приборами, на дне лежали груды мехов, баллоны с воздухом и еще какие-то предметы непонятного назначения или настолько мелкие, что туман не позволял их разглядеть.

— Мы в туче? — спросила она.

— Ну да. Накрой-ка своего друга мехом, пока он не превратился в сосульку. Холодно, а будет еще холодней.

— Как вы нашли нас?

— Ведьмы. Тут одна дама хочет с тобой потолковать. Вот выйдем из тучи, определимся, и тогда уж сядем, почешем языки.

— Йорек, — сказала Лира.

— Спасибо, что пришел.

Медведь буркнул и принялся слизывать кровь с меха. Под его тяжестью корзина кренилась, но это не имело значения. Роджер глядел на него с опаской, а медведь проявлял к нему не больше интереса, чем к снежинкам. Лира встала и, держась за кромку корзины, достававшую ей до подбородка, вглядывалась в клубящуюся мглу.

Через несколько секунд шар вырвался из тучи и продолжал стремительно набирать высоту.

Какое зрелище!

Прямо над ними огромная округлость шара. Выше и впереди пылала Аврора, ярче и великолепнее, чем в прошлый раз. Они были почти внутри нее, почти ее частью. Исполинские полотнища света трепетали и раскидывались, как крылья ангелов, изумительные сияющие каскады низвергались в невидимые ущелья и взбухали там вихревыми озерами или же повисали в небе, как замороженные.

Лира долго не могла оторвать глаз от Авроры, а потом посмотрела вниз, и там ей открылось зрелище, наверное, такое же поразительное.

До самого горизонта, насколько хватал глаз, простерлось взволнованное море белизны. Там и сям взбухали мягкие холмы и разверзались туманные пропасти, но больше всего это было похоже на сплошную массу льда.

А из нее, по одной, по двое, целыми группами вылетали маленькие черные тени, изящные, угловатые силуэты ведьм, оседлавших ветви облачной сосны.

Они взлетали к шару быстро, невесомо, кренясь на виражах. Одна из них, лучница, спасшая Лиру от миссис Колтер, подлетела прямо к корзине, и Лира впервые разглядела ее как следует.

Она была молодая — моложе, чем миссис Колтер, и светловолосая, с ярко-зелеными глазами; одета, как все ведьмы, в полосы черного шелка, без меха, без капюшона, без рукавиц. Вокруг лба у нее шел простой венчик из маленьких красных цветов. Она сидела на ветке облачной сосны, как на жеребце, и будто осадила его в метре от удивленного лица Леры.

— Лира?

— Да! А вы — Серафина Пеккала?

— Да.

Лире стало понятно, почему ее полюбил Фардер Корам и почему любовь стала горем для него, хотя минуту назад она не имела об этом никакого представления. Он старел, он был старым, надломленным человеком, а она века еще будет молодой.

— Символический прибор у тебя? — произнесла ведьма, голосом настолько похожим на вольное чистое пение самой Авроры, что из-за красоты его до Леры едва дошел смысл слов.

— Да, он у меня в кармане, цел.

Шум сильных крыльев возвестил о прибытии нового участника, и вот он спланировал к корзине: серый деймон-гусь. Он что-то сказал ведьме, отвалил в сторону и, раскинув крылья, по широкой дуге облетел все еще поднимавшийся шар.

— Цыгане разгромили Больвангар, — сказала Серафина Пеккала.

— Они убили двадцать двух охранников, девять человек из персонала и подожгли все уцелевшие части зданий. Они намерены уничтожить его полностью.

— А миссис Колтер?

— Исчезла бесследно.

Серафина пронзительно крикнула, и к шару слетелись другие ведьмы.

— Мистер Скорсби, — сказала она.

— Пожалуйста, канат.

— Мадам, я очень признателен. Мы набираем высоту. И какое-то время еще будем подыматься. Сколько нужно вашего народа, чтобы потянуть нас на север?

— Мы сильные, — только и сказала она.

Ли Скорсби привязал толстый канат к обшитому кожей железному обручу, к которому сходилась сеть, охватывавшая шар, и была подвешена корзина. Надежно закрепив канат, он выбросил свободный конец из корзины, к нему устремились сразу шесть ведьм, взяли за него и потащили, сориентировав ветви облачной сосны на Полярную звезду.

Когда аэростат поплыл в этом направлении, Пантелеймон в виде крачки уселся на край корзины. Деймон Роджера высунулся было посмотреть, но тут же юркнул обратно, потому что Роджер крепко спал, так же как Йорек Бирнисон. Бодрствовал только Ли Скорсби — спокойно жевал тонкую сигару и следил за приборами.

— Итак, Лира, — сказала Серафина Пеккала, — ты знаешь, зачем летишь к лорду Азриэлу?

Лира изумилась.

— Ну конечно — чтобы отдать ему алетиометр! Она никогда не задавалась таким вопросом; это было очевидно. Но потом вспомнила свое первое побуждение, давнее, почти забытое.

— Или... Помочь ему выйти на волю. Ну да. Мы поможем ему убежать.

Но, едва выговорив эти слова, она поняла их абсурдность. Сбежать со Свальбарда? Невозможно!

— Попытаться хотя бы, — решительно добавила она.

— А что?

— Думаю, я должна тебе кое о чем сказать.

— О Пыли?

Об этом ей хотелось узнать раньше всего.

— Да, среди прочего. Но ты устала, а лететь нам долго. Поговорим, когда проснешься.

Лира зевнула. Это был зевок до вывиха челюстей, до разрыва легких и длился чуть ли не минуту — так ей, во всяком случае, показалось. И, как ни противилась Лира, сон навалился на нее. Серафина Пеккала протянула руку в корзину, коснулась ее глаз, и Лира опустилась на пол, а Пантелеймон спорхнул вниз, превратился в горноста и залез на свое спальное место возле ее шеи.

Ведьма выровняла скорость своей ветки с шаром, державшим курс на Свальбард.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

СВАЛЬБАРД

Глава восемнадцатая

ЛЕД И ТУМАН

Ли Скорсби укрыл Лиру мехом. Она свернулась клубком возле спящего Роджера, и воздушный шар нес их в сторону полюса. Аэронавт время от времени сверялся с приборами, жевал холодную сигару (курить нельзя было в такой близости от горючего водорода) и кутался в мех.

— Эта девочка — довольно важная персона, а? — сказал он через несколько минут.

— Она сама не будет знать, насколько важная, — ответила Серафина Пеккала.

— Значит ли это, что надо ожидать каких-то действий вооруженного характера? Поймите, я интересуюсь этим как человек практический, зарабатывающий себе на жизнь. Я не могу допустить, чтобы меня подбили или разнесли на куски без какой-либо заранее оговоренной компенсации. Я не хочу поставить под сомнение высокие цели этой экспедиции, поверьте, мадам. Но Джон Фаа и цыгане уплатили мне гонорар, соответствующий затратам моего времени, моему мастерству и нормальному износу аэростата, только и всего. Он не включал страховку на случай военных действий. И позвольте сказать вам, мадам, когда мы высадим на Свальбарде Йорека Бирнисона, это будет рассматриваться как военное действие.

Он аккуратно выплюнул кусочек курительного листа за борт.

— Поэтому я хотел бы знать, мадам, чего нам следует ожидать в плане свалки и членовредительства, — закончил он.

— Бой, возможно, будет, — сказала Серафина Пеккала.

— Но вам же приходилось воевать.

— Конечно, когда платили. Но я считал, что это простой транспортный контракт, и соответственно назначил цену. А теперь я интересуюсь, после той небольшой заварушки внизу, — интересуюсь, как далеко простираются мои транспортные обязательства. Должен ли я, например, рисковать своей жизнью и снаряжением в войне между медведями. И нет ли у этого ребенка таких же темпераментных врагов на Свальбарде, как там, в Больвангаре. Я упомянул об этом только для поддержания беседы.

— Мистер Скорсби, — сказала ведьма, — я хотела бы знать ответ на ваш вопрос. Могу сказать одно: все мы, люди, ведьмы, медведи, уже участвуем в войне, хотя не все это понимают. Столкнетесь ли вы с опасностью на Свальбарде или улетите невредимым, вы участник, вы под ружьем, вы солдат.

— Ну, это, кажется, несколько преждевременно. По-моему, у человека должен быть выбор, браться ему за оружие или нет.

— Выбирать здесь мы можем с таким же успехом, как выбирать, родиться нам или не родиться.

— Я, однако, предпочитаю выбирать, — сказал он.

— Выбирать, за какую мне взяться работу, выбирать, куда я отправлюсь, выбирать еду и собеседников. Разве вам иногда не хочется что-нибудь выбрать?

Серафина Пеккала задумалась, а потом сказала:

— Может быть, мы по-разному понимаем выбор, мистер Скорсби. Ведьмы ничем не владеют, поэтому мы не заботимся о сохранении ценностей или получении прибыли, а что до выбора между чем-то и чем-то, то, если живешь много сотен лет, ты знаешь, что всякая возможность представится снова. У нас разные потребности. Вы должны отремонтировать свой аэростат и держать его в рабочем состоянии, а это, понимаю, требует времени и труда. Нам же, чтобы полететь, достаточно оторвать ветку облачной сосны; подойдет любая, а их сколько угодно. Мы не чувствуем холода, и нам не нужна теплая одежда. У нас нет средств обмена, кроме взаимной помощи. Если ведьме что-то нужно, ей даст это другая ведьма. Если речь идет о войне, мы решаем, вступать в нее или нет, не принимая в расчет ее цены. Нет у нас и понятия чести, как, например, у медведей. Оскорбление медведя — смертельное оскорбление. Для нас это... немыслимо. Как можно оскорбить ведьму? И что с того, если вы ее оскорбили?

— Ну, тут, мадам, я с вами. Брань на ворота не виснет. Но, надеюсь, вы поймете мою дилемму. Я простой аэронавт и последние свои дни хочу провести в покое. Купить маленькую ферму, несколько голов скота, несколько лошадок... Ничего выдающегося, заметьте. Ни дворца, ни рабов, ни сундуков с золотом. Так... чтобы вечерний ветерок над степью, сигара и стакан кукурузного виски. Но беда в том, что это стоит денег. И вот я летаю в обмен на деньги и после каждой работы посылаю немного золота в банк «Уэллс-Фарго» и, когда у меня наберется достаточно, я продам этот шар, мадам, куплю себе билет на пароход до порта Галвестон, и больше никогда не оторвусь от земли.

— Это еще одно различие между нами, мистер Скорсби. Ведьма скорее откажется дышать, чем летать. Для нас летать — значит быть собой.

— Я вижу это, мадам, и я вам завидую; но я лишен ваших радостей. Полет для меня — просто работа, я — просто техник. Я вполне бы мог регулировать клапаны в газолиновых моторах или налаживать антарную проводку. Но, как видите, выбрал это. Это был мой свободный выбор. Вот почему перспектива войны, о которой мне ничего не сказали, меня немного беспокоит.

— Ссора Йорека Бирнисона со своим королем — тоже часть ее, — сказала ведьма.

— Этому ребенку предназначено судьбой сыграть в ней свою роль.

— Вы говорите о судьбе так, — возразил он, — как будто она определена заранее. Мне эта идея нравится не больше, чем военная служба, на которую меня зачислили, не предупредив. Где моя свободная

воля, скажите пожалуйста? А у этого ребенка, сдается мне, больше свободной воли, чем у любого из моих знакомых. Что же, по-вашему, она — какая-то заводная машинка, ее поставили на дорожку, и она никуда с нее не свернет?

— Мы все подчиняемся судьбам. Но должны действовать так, как если бы этого не было, — сказала ведьма, — или умрем от отчаяния. Есть любопытное пророчество об этом ребенке: ей предназначено судьбой положить конец судьбе. Но она должна сделать это, не сознавая, что она делает, — как если бы ее вел к этому характер, а не судьба. Если ей скажут, что она должна сделать, тогда ничего не удастся; смерть сметет все миры; это будет торжество отчаяния, вечное. Вселенные станут взаимосвязанными машинами, слепыми, лишенными мысли, чувства, жизни...

Они посмотрели на лицо спящей Лиры (почти скрытое капюшоном): на нем застыло выражение хмурого упрямства.

— Я думаю, какая-то ее часть это знает, — сказал аэронавт.

— По крайней мере, похоже, она к этому готова. А что мальчик? Известно вам, что она отправилась в такую даль спасти его от этих извергов? Он ее приятель из Оксфорда или откуда там. Вам это известно?

— Да, известно. У Лиры с собой вещь невероятной ценности, и кажется, судьбы используют ее как посланницу — чтобы она передала ее отцу. Она отправилась сюда искать друга, не зная, что друга привела на Север судьба, — для того, чтобы она последовала за ним и передала что-то своему отцу.

— Вот как вы это толкуете? Впервые ведьма ответила неуверенно.

— Так это выглядит... Но мы не можем толковать то, что скрыто мраком, мистер Скорсби. Очень возможно, что я ошибаюсь.

— А вы почему включились в эту историю, позвольте спросить?

— Мы сердцем чувствовали, что в Больвангаре творится недоброе. Лира их враг, значит, мы ей друзья. Дальше этого наши мысли не шли. Но, кроме того, есть дружба между моим кланом и цыганским народом, она идет с тех времен, когда Фардер Корам спас мне жизнь. Мы делаем это по их просьбе. А у них есть обязательства перед лордом Азриэлом.

— Понятно. Значит, вы буксируете мой шар к Свальбарду ради цыган. А эта дружба распространяется на буксировку обратно? Или я должен буду ждать попутного ветра, а тем временем полагаться на гостеприимство

медведей? Опять-таки, мадам, я спрашиваю об этом из чисто дружеской любознательности.

— Если мы будем в состоянии помочь вам вернуться в Троллезунд, мистер Скорсби, мы это сделаем. Но мы не знаем, что нас ждет на Свальбарде. Новый король медведей многое изменил; старые обычаи не в чести; посадка может оказаться трудной. И не знаю, как сумеет Лира пробраться к отцу. Не знаю также, что задумал Йорек Бирнисон, знаю только, что его судьба связана с ее.

— И я не знаю, мадам. Думаю, он сопровождает девочку в качестве защитника. Понимаете, она помогла ему получить броню обратно. Кто знает, какие у медведей чувства? Но если медведь вообще способен любить человека, то он ее любит. А что до посадки на Свальбарде, она никогда не была легкой. И все-таки, если бы я мог попросить вас об обратной буксировке, у меня было бы легче на душе, и если я могу что-нибудь сделать для вас взамен, — только скажите. Но чтобы мне было понятней, не могли бы вы объяснить мне, на чьей стороне я в этой невидимой войне?

— Мы оба на стороне Леры.

— О, это уж точно.

Они продолжали лететь. Из-за облачности внизу непонятно было, с какой скоростью они движутся.

Обычно аэростат неподвижен по отношению к ветру, он движется вместе с воздушным потоком, но теперь его тянули ведьмы, и он перемещался относительно воздуха, причем с большим сопротивлением, потому что громоздкий шар не обладал обтекаемостью дирижабля. Из-за этого корзину раскачивало и мотало гораздо сильнее, чем при обычном полете.

Ли Скорсби волновали не столько собственные удобства, сколько сохранность приборов, и он проверял, надежно ли они пристегнуты к главной стойке. Альтиметр показывал, что они на высоте около трех километров. Температура была минус тридцать. Он видал морозы и покрепче, но мерзнуть больше не хотел; поэтому развернул брезент, который использовал при аварийных стоянках, натянул его перед спящими детьми, чтобы заслонить их от ветра, после чего лег спиной к спине со своим боевым товарищем Йорекком Бирнисоном и уснул.

Когда Лира проснулась, высоко в небе стояла луна, и все вокруг, от облаков, клубящихся внизу, до сосуллек на стропях, будто покрылось серебром.

Роджер спал, Ли Скорсби и медведь — тоже. А королева ведьм по-прежнему летела рядом с корзиной.

— Далеко еще до Свальбарда? — спросила Лира.

— Если не налетит встречный ветер, будем там часов через двенадцать.

— Где мы сядем?

— Это зависит от погоды. Но постараемся избежать скал. Там живут твари, нападающие на все, что движется. Если удастся, сядем в глубине острова, вдали от дворца Йофура Ракнисона.

— Что будет, когда я найду лорда Азриэла? Захочет он вернуться в Оксфорд или как? Говорить ему, что я знаю, что он мой отец? Может, он опять захочет притворяться дядей. Я его почти не знаю.

— Он не захочет возвращаться в Оксфорд, Лира. Кажется, что-то надо сделать в другом мире, а лорд Азриэл — единственный, кто может преодолеть пропасть между тем миром и этим. Но для этого ему что-то нужно.

— Алетиометр! — сказала Лира.

— Магистр Иордана дал его мне и, по-моему, хотел что-то сказать про лорда Азриэла, только не успел. Я знаю, на самом деле он не хотел его отравить. Может быть, лорд Азриэл хочет посоветоваться с алетиометром и тогда поймет, как сделать этот мост? Тогда я ему точно помогу. Теперь я, наверно, понимаю алетиометр не хуже любого.

— Не знаю, — сказала Серафина Пеккала.

— Как он это сделает и какая у него цель, нам неизвестно. Есть силы, которые говорят с нами, и есть силы над ними. И есть секреты даже от самых высших.

— Алетиометр мне скажет! Я могу сейчас...

Но было слишком холодно; она не удержала бы его в руках. Она закуталась потуже от пронизывающего ветра и натянула капюшон, оставив только узкую щель для глаз. Далеко впереди и чуть ниже шесть или семь ведьм верхом на ветках облачной сосны тянули за канат, привязанный к обручу, в небе висели звезды, ясные, холодные и твердые, как алмазы.

— Почему вам не холодно, Серафина Пеккала?

— Мы чувствуем холод, но не боимся его, потому что он нам не вредит. А если бы завернулись в теплое, не чувствовали бы тогда других вещей — веселого звона звезд, музыки Авроры, а главное, не чувствовали бы кожей шелковистого света луны. Ради этого стоит мерзнуть.

— А я могу их почувствовать?

— Нет. Ты умрешь, если сбросишь мех. Не раздевайся.

— А сколько живут ведьмы? Фардер Корам говорит, сотни лет. Но вид у вас совсем не старый.

— Мне триста лет или больше. Самой старой матери-ведьме почти тысяча. Однажды Ямбе-Акка придет за ней. И когда-нибудь придет за мной. Она — богиня мертвых. Она приходит к тебе с доброй улыбкой, и ты понимаешь, что тебе пора.

— А мужчины-ведьмы есть? Или только женщины?

— Есть мужчины, которые нам служат, как Консул в Троллезунде. И есть мужчины, которых мы берем в мужья или просто любим. Ты еще молода, Лира, и не поймешь этого, но я тебе все равно скажу, и ты поймешь позже: мужчины проносятся перед нашими глазами, как бабочки, недолговечные создания. Мы любим их; они храбрые, гордые, красивые, умные — и умирают почти сразу. Они умирают так быстро, что в наших сердцах постоянно живет боль. Мы приносим им детей, ведьм, если они девочки, людей, если мальчики. И, не успеешь моргнуть, как их нет, убиты, погибли, пропали. И сыновья тоже. Пока мальчик растет, он думает, что бессмертен. Мать знает, что — нет. С каждым разом это приносит все больше страданий, и в конце концов душа переполняется ими. Тогда, наверное, и приходит за тобой Ямбе-Акка. Она старше тундры. Может быть, для нее жизнь ведьмы так же коротка, как для нас — жизнь человека.

— Вы любили Фардера Корам?

— Да. Он это знает?

— Не знаю, но знаю, что он любит вас.

— Когда он спас мне жизнь, он был молодым, красивым, гордым, сильным. Я полюбила его сразу. Я отказалась бы от своего естества, пожертвовала бы звоном звезд и музыкой Авроры; никогда бы не поднялась в воздух — все отдала бы, не раздумывая, чтобы стать женой речного цыгана, стряпать для него, делить с ним ложе и рожать ему детей. Но ты не можешь изменить свою природу — только поведение. Я ведьма. Он человек. Я жила с ним и родила ему ребенка...

— Он никогда не рассказывал! Девочку? Ведьму?

— Нет. Мальчика, и он умер сорок лет назад во время большой эпидемии — от болезни, которая пришла с Востока. Бедный малыш; он промелькнул в жизни, как бабочка-поденка. И унес кусок моего сердца. А Корама — разбил. Потом мне пришлось вернуться к моему народу, потому что Ямбе-Акка забрала мою мать, и я стала королевой клана. Я покинула его — должна была.

— И больше никогда не видели Фардера Корама?

— Никогда. Я слышала о его делах; слышала, что скрелинги ранили его отравленной стрелой, послала ему травы и талисманы, чтобы он выздоровел, но увидеться с ним было выше моих сил. Я слышала, как надломила его эта история, как росла его мудрость, как много он изучил и прочел, и гордилась им, его добротой и благородством. Но с ним не виделась, то были опасные времена для моего клана, между ведьмами назревала война, и, кроме того, я думала, он забудет меня и найдет себе жену среди людей...

— Он не нашел, — упрямо сказала Лира.

— Вам надо с ним встретиться. Он все еще любит вас, я знаю.

— Но он будет стыдиться своей старости, а я не хочу его огорчать.

— Может, и будет. Но хотя бы пошлите ему весточку. Так мне кажется.

Серафина Пеккала долго молчала. Пантелеймон превратился в крачку и на секунду подлетел к ее ветке, как бы извиняясь за невежливость Леры.

Потом Лира сказала:

— Серафина Пеккала, почему у людей есть деймоны?

— Все об этом спрашивают, и никто не знает ответа. Сколько были люди на земле, столько были у них деймоны. Это и отличает их от животных.

— Да! Мы, правда, от них отличаемся... Ну вот, от медведей. Они странные, правда? Ты думаешь, он — как человек, и вдруг что-то сделает такое странное или рассвирепеет, и думаешь, что его никогда не понять... Но знаете, что мне сказал Йорек? Он сказал, броня для него — то же, что для человека деймон. Это его душа, он сказал. Но и здесь он отличается, потому что он сам сделал броню. Когда его изгнали, у него отняли броню, а он нашел небесное железо и сделал себе новую — как бы сделал новую душу. Мы не можем сделать наших деймонов. Потом люди в Троллезунде напоили его спиртом и украли ее, а я узнала, где она, и он ее забрал... Но я вот чего не понимаю — зачем он

возвращается на Свальбард? Они будут драться с ним. Могут убить... Я люблю Йорека. Так люблю, что лучше бы он туда не возвращался.

— Он сказал тебе, кто он такой?

— Только имя. А рассказал нам Консул в Троллезунде.

— Он благородного происхождения. Принц. Если бы он не совершил тяжелого преступления, то был бы сейчас королем медведей.

— Он сказал мне, что их король — Йофур Ракнисон.

— Йофур Ракнисон стал королем, когда изгнали Йорека Бирнисона. Йофур тоже принц, иначе он не мог бы править; но он умен на человеческий лад; он заключает договоры и союзы; он живет не как медведи, в ледяном форте, а в новом дворце; он ведет разговоры об обмене послами с другими странами, об устройстве огненных шахт с помощью инженеров-людей... Он очень ловок и хитер. Говорят, что это он подбил Йорека на преступление, за которое тот был изгнан; другие говорят, что если это и не так, то он сам распространяет об этом слухи — чтобы все боялись его коварства и ума.

— А что же Йорек сделал? Понимаете, я люблю Йорека еще и потому, что мой отец сделал то же самое и был наказан. Мне кажется, они похожи. Йорек сказал мне, что убил медведя, но не рассказывал, как это получилось.

— Драка была из-за медведицы. Самец, которого Йорек убил, не подал знака, что уступает более сильному, как это у них принято. Медведи, при всей их гордости, непременно признают превосходство соперника и сдаются, но по какой-то причине этот медведь не захотел. Некоторые говорят, что Йофур Ракнисон повлиял на его сознание или дал ему одурманивающих трав. Во всяком случае, молодой медведь не уступал, и Йорек Бирнисон не совладал с собой.

Дело решалось однозначно: он должен был ранить его, а не убить.

— Значит, он мог бы стать королем, — сказала Лира.

— А про Йофура Ракнисона я что-то слышала от Пальмеровского Профессора в Иордане, потому что он бывал на Севере и встречался с ним. Он сказал... не помню точно... кажется, что он обманом получил власть... Но знаете, Йорек однажды сказал мне, что медведей нельзя обмануть, и показал, что я не могу его обмануть. А тут похоже, что их обоих обманули, и его, и другого медведя. Может быть, только медведь может обмануть медведя, а люди не могут. Хотя... Люди в Троллезунде обманули же его? Когда напоили и украли его броню.

— Когда медведи ведут себя, как люди, наверное, их можно обмануть, — сказала Серафина Пеккала.

— Когда медведи ведут себя, как медведи, наверное — нельзя. Вообще медведи не пьют спиртного. Йорек Бирнисон пил, чтобы забыть позор изгнания, и только поэтому люди Троллезунда смогли его обмануть.

— Конечно.

— Лиру вполне устраивало это объяснение. Она восхищалась Йореком и рада была услышать, что он действительно благородное существо.

— Спасибо вам, — сказала она.

— Если бы вы мне не сказали, я этого так бы и не узнала. Мне кажется, что вы умнее, чем миссис Колтер.

Полет продолжался. Лира нашла в кармане кусок тюленины и стала жевать.

— Серафина Пеккала, — сказала она немного погодя, — что такое Пыль? Мне кажется, что все эти неприятности — из-за Пыли, только никто не хочет объяснить мне, что такое Пыль.

— Я не знаю. Ведьмы никогда не интересовались Пылью. Одно могу сказать: где есть священники, там и страх перед Пылью. Миссис Колтер, конечно, не священник, но она — могущественный агент Магистериума, это она организовала Жертвенный Совет и убедила церковь дать деньги на Больвангар. И все потому, что она интересуется Пылью. Нам непонятны ее чувства. Но на свете много для нас непонятного. Мы видим, как тартары делают отверстия в своих черепах, и можем только удивляться этому. Так что Пыль, возможно, странное явление, мы ему удивляемся, но не испытываем страха и не рвем все на части, чтобы его исследовать. Оставим это церкви.

— Церкви?

— Лира вспомнила свой разговор с Пантелеймоном на Болотах — о том, что может двигать стрелкой алетометра, и тогда они подумали о фотомельнице на алтаре в Колледже Гавриила, о том, как элементарные частицы толкают лопасти. Предстоятель дал понять, что между элементарными частицами и религией есть связь.

— Может быть, — сказала она, кивнув.

— Все-таки большинство вещей церковь держит в секрете. Но почти все это — старые вещи, а Пыль — не старая, насколько я знаю. Может быть, лорд Азриэл мне объяснит...

Она зевнула.

— Я, пожалуй, лягу, а то совсем замерзну. На земле было холодно, но так, как здесь, я в жизни не мерзла. Еще немного, и просто умру.

— Так ложись и укройся мехом.

— Ага. Если уж умирать, то лучше здесь, чем там, у них. Когда они положили нас под нож, я думала, — все, конец. Мы оба так подумали. Ух, какие жестокие... Мы пока ляжем. Разбудите нас, когда долетим.

Она опустилась на кипу мехов, чувствуя боль и одеревенелость во всем теле, уставшем от холода. Потом легла и прижалась к Роджеру.

И четверо путешественников, спящих в обледенелой корзине воздушного шара, продолжали лететь к скалам и ледникам, огненным шахтам и ледяным фортам Свальбарда.

Серафина Пеккала окликнула аэронавта, он проснулся и, хотя еще плохо соображал из-за холода, сразу почувствовал по движениям корзины, что дело неладно. Корзина бешено раскачивалась, баллон дрожал от сильного ветра, и ведьмы, тянувшие канат, едва удерживали его. Если они отпустят, шар немедленно понесет в сторону со скоростью сто пятьдесят километров — и, судя по компасу, в сторону Новой Земли.

— Где мы? — услышала Лира его голос. Она еще не совсем проснулась и чувствовала только, что корзину мотает, а окоченевшие руки и ноги не желают ее слушаться.

Она не расслышала ответа ведьмы, но при свете антарного фонаря увидела из-под опущенного капюшона, что Ли Скорсби, взявшись одной рукой за строп, другой тянет веревку, прикрепленную к самому баллону. Он дернул ее, словно преодолевая какое-то сопротивление, посмотрел вверх и захлестнул веревку за шпенёк на обруче.

— Выпускаю газ, — крикнул он Серафине.

— Снизимся. Слишком высоко забрались.

Ведьма что-то крикнула в ответ, но Лира опять не расслышала. Роджер тоже просыпался; скрип корзины, не говоря уже о тряске, разбудил бы кого угодно. Деймон Роджера и Пантелеймон, оба — мартышки, прижимались друг к другу, а испуганная Лира сдерживалась изо всех сил, чтобы не вскочить.

— Все в порядке, — сказал Роджер, веселый, в отличие от Леры.

— Скоро спустимся, разведем костер и согреемся. У меня в кармане спички. Стащил их на кухне в Больвангаре.

Аэростат определенно спускался: секундой позже они погрузились в густой ледяной туман. Ключья его пролетали над корзиной, и тогда ничего уже нельзя было разглядеть. Более густого тумана Лире не приходилось видеть. Потом Серафина Пеккала еще что-то крикнула, аэронавт сдернул веревку со шпенька и разжал руки. Веревка стала уходить наверх, и сквозь скрип корзины и свист ветра в стропях Лира расслышала сильный глухой удар где-то наверху.

Ли Скорсби заметил ее удивление.

— Это газовый клапан, — крикнул он.

— Он пружинный и удерживает газ. Когда я его оттягиваю, газ выходит, мы теряем подъемную силу и снижаемся.

— Мы уже близко от...

Лира не закончила фразу. Через край корзины, прямо к ней лезло жуткое создание с кожистыми крыльями и загнутыми когтями. У него была плоская голова, выпуклые глаза, широкий жабий рот, и от него несло отвратительным смрадом. Лира не успела даже закричать: Йорек Бирнисон сбил его одним движением лапы. Тварь вывалилась из корзины и с воплем исчезла.

— Скальные мары, — сказал Йорек.

Тут же появилась Серафина Пеккала и, взявшись за край корзины, взволнованно заговорила:

— Скальные мары напали. Мы должны сесть на землю и защищаться там. Они...

Остального Лира не расслышала, раздался треск, как будто что-то рвали, и все накренилось. Затем страшный удар отбросил троих людей к борту корзины, где была сложена броня Йорека Бирнисона. Йорек протянул громадную лапу, чтобы удержать их в бешено мотавшейся корзине. Серафина Пеккала пропала из виду. Шум был ужасающий; но все звуки перекрывал пронзительный вопль скальных мар, которые проносились мимо корзины, обдавая ее вонью.

Потом был сильный рывок, такой внезапный, что все попадали на пол, и корзина стала опускаться с пугающей быстротой, при этом все время вертясь. Казалось, они оторвались от баллона и падают на землю

камнем; затем последовали новые толчки и удары, корзину стало бросать из стороны в сторону, словно от одной каменной стены к другой.

Последним, что увидела Лира, был Ли Скорсби, выстреливший из своего длинноствольного пистолета прямо в лицо скального мары. Тут она закрыла глаза и в страхе ухватилась за мех Йорека Бирнисона. Вой, вопли, свист ветра, скрип корзины, стонавшей, словно замученное животное, — все это слилось в жуткую какофонию.

Потом был самый сильный толчок, и Лиру выбросило из корзины. Руки у нее разжались, дыхание пресеклось, и она полетела кубарем, не понимая, где верх, где низ. Лицо ее под низко надвинутым капюшоном облепил сухой, холодный, колючий порошок...

Это был снег; она очутилась в сугробе. От потрясения она почти перестала соображать. Несколько секунд она лежала неподвижно, потом нерешительно выплюнула снег и так же нерешительно несколько раз подула, чтобы освободить пространство для дыхания.

Ничего в особенности не болело; просто нечем было дышать. Она осторожно попробовала пошевелить руками, ногами, поднять голову.

Почти ничего не было видно, потому что капюшон набился снегом. С усилием, словно каждая ее рука весила тонну, она вытряхнула снег и выглянула наружу. Увидела серый мир — светло-серое, темно-серое, черное, и призраками блуждающие среди этого клочья тумана.

Слышны были только далекие крики скальных мар где-то наверху да удары волн, разбивающихся о скалы.

— Йорек! — крикнула она дрожащим голосом. Крикнула еще раз, но никто не отзывался.

— Роджер!

— Тот же результат.

Можно было подумать, что она осталась одна на свете, но, конечно, она никогда не бывала одна — из ее анорака в виде мыши вылез Пантелеймон.

— Я проверил алетиометр, — сказал он, — цел. Ничего не сломалось.

— Мы одни, Пан! Ты видел этих тварей? И как мистер Скорсби в них стрелял? Не дай бог, они сюда спустятся...

— Может, нам лучше поискать корзину? — сказал он.

— Лучше не кричать. Я сейчас попробовала, но, наверное, зря — эти могут услышать. Хотела бы я знать, где мы.

— А узнаем — нам может не понравиться, — заметил он.

— Может, мы на дне ущелья, и отсюда нет выхода, и эти твари увидят нас сверху, когда уйдет туман.

Полежав еще несколько минут, она встала, прошлась и обнаружила, что приземлились они в расселине между двумя обледенелыми скалами. Все было скрыто изморосью; с одной стороны слышался шум прибоя, метрах в пятидесяти от них, судя по громкости, а сверху все еще доносились вопли скальных мар, но они как будто удалялись. Из-за мглы видно было не дальше двух-трех метров, и даже совиные глаза Пантелеймона были бессильны.

Она шла с трудом, оскальзываясь на обледенелых камнях, шла прочь от берега и не видела ничего, кроме камней и снега, никаких следов аэростата и своих спутников.

— Не могли же они просто исчезнуть, — прошептала она.

Пантелеймон в виде кота прошел чуть дальше и набрел на четыре мешка, разорванных, с рассыпавшимся вокруг песком, уже твердеющим на морозе.

— Балласт, — сказала Лира.

— Он выбросил их и взлетел...

Она сглотнула, чтобы прогнать ком в горле, или страх в груди, или и то и другое.

— Господи, мне страшно, — сказала она.

— Надеюсь, они целы.

Он забрался ей на руки, а потом мышью юркнул к ней в капюшон — спрятался. Она слышала шум, какое-то царапанье по камню и обернулась.

— Йорек!..

И осеклась — это был вовсе не Йорек. Это был незнакомый медведь в полированных латах, покрытых инеем, и с пером на шлеме.

Он стоял неподвижно, шагах в шести, и она подумала, что теперь им действительно конец.

Медведь разинул пасть и взревел. Скалы ответили эхом, а вслед за этим далеко наверху опять раздались вопли. Из тумана появился еще один медведь, и еще один. Лира стояла неподвижно, сжав свои детские кулачки.

Медведи тоже не двигались, и, наконец, один сказал:

— Как зовут?

— Лира.

— Откуда взялась?

— С неба.

— На шаре?

— Да.

— Иди с нами. Ты пленница. Шагай. Живо.

Усталая и напуганная, Лира побрела за медведем, спотыкаясь о камни и раздумывая, как ей из этого выкрутиться.

Глава девятнадцатая

ПЛЕН

Медведи повели Лиру вверх по ложбине между скалами, где туман был еще гуще, чем на берегу. Вопли скальных мар и шум прибоя постепенно удалялись, и теперь был слышен только нескончаемый крик морских птиц. Вместе с медведями Лира карабкалась по камням и сугробам, вглядываясь в серую мглу и напрягая слух в надежде, что откуда-то появятся друзья; но казалось, она — единственная душа на Свальбарде, да и Йорек, возможно, уже убит.

Медведь-начальник ничего не говорил ей, пока они не вышли на ровное место. Там они остановились. По шуму прибоя Лира догадалась, что скалы остались внизу; бежать она не решалась — на каждом шагу ее могла ждать пропасть.

— Посмотри наверх, — сказал медведь. Порыв ветра отогнал на время туманную пелену, и, хотя света все равно было мало, Лира увидела, что они стоят перед громадным каменным зданием. Вышиной оно было не меньше самых больших домов Иордан-колледжа, но гораздо массивнее и все покрыто резьбой с изображениями военных сцен: медведи побеждают, скрелинги сдаются, тартары в кандалах и за рабским трудом

в огненных шахтах, цеппелины слетаются со всего света с дарами и подношениями королю медведей Йофуру Ракнисону.

Так, по крайней мере, объяснил ей смысл изображений медведь — командир патруля. Пришлось поверить ему на слово, потому что каждый выступ и карниз этого резного фасада был занят бакланами и поморниками, а другие кружили над головой, непрерывно крича, и все здание было заляпано их грязно-белым пометом.

Но медведи как будто не замечали этого безобразия, они провели ее под огромной аркой на обледенелый двор, тоже загаженный птицами. Там были высокие ступени, ворота, и на каждом шагу медведи в броне останавливали вошедших и спрашивали пароль. Броня у них была полированная и блестящая, у всех — перья на шлемах. Лира невольно сравнивала каждого с Йореком Бирнисоном, и всякий раз сравнение было в его пользу: он был мощнее, грациознее, и броня его была настоящей броней, цвета ржавчины, в пятнах засохшей крови, с боевыми вмятинами и щербинами, не нарядная и разукрашенная, как у этих.

Когда они вошли, на Лиру пахнуло теплом — и кое-чем еще. Запах во дворце Йофура стоял отвратительный: прогорклого тюленьего жира, навоза, крови, всяких отбросов. Лира откинула капюшон, но не могла с собой справиться и все время морщила нос. Она надеялась, что выражение человеческого лица медведям непонятно. Через каждые несколько шагов на стенах были кронштейны с жировыми светильниками; при их неверном свете трудно было понять, куда ее ведут.

Наконец остановились перед тяжелой железной дверью. Медведь-часовой отодвинул массивный засов, а командир патруля внезапно толкнул Лиру головой, и она кубарем влетела в дверь. Раньше чем она успела встать на ноги, дверь у нее за спиной захлопнулась. Здесь было совсем темно, но Пантелеймон превратился в светляка, и Лира смогла оглядеться. Они находились в узкой камере с запотевшими стенами, из мебели здесь была только каменная скамья. В самом дальнем углу лежала куча тряпья, которую она приняла за постель, и больше ничего не было видно.

Лира села, Пантелеймон опустил ей на плечо, и она нащупала в одежде алетиметр.

— Ему сильно досталось, Пан, — прошептала она.

— Надеюсь, он еще работает.

Пантелеймон подлетел к ее руке и уселся там, чтобы осветить шкалу. Лира сосредоточилась: с одной стороны, ей казалось удивительным, что, находясь в такой опасности, она способна привести себя в состояние

покою, необходимое для общения с алетиометром; с другой стороны, это настолько стало ее частью, что самые сложные вопросы раскладывались по нужным символам так же естественно, как двигались ее руки и ноги: она о них почти не думала.

Она поставила стрелки и задала вопрос: «Где Йорек?»

Ответ пришел немедленно: «На расстоянии дневного перехода, его отнесло туда на шаре после аварии; но он спешит сюда». «А Роджер?» «С Йореком». «Что сделает Йорек?» «Он намерен ворваться во дворец и вытащить тебя, вопреки всем трудностям».

Она отложила алетиометр; на душе у нее стало еще тревожнее.

— Они же ему не позволят, — сказала она.

— Их тут слишком много. Жаль, что я не ведьма, Пан, тогда бы ты мог улететь, найти его, все сказать, и мы составили бы правильный план...

И тут она испугалась до полусмерти. В темноте, совсем близко от нее, раздался мужской голос:

— Кто ты?

Она вскрикнула и подскочила. Пантелеймон сделался летучей мышью, запищал, стал летать вокруг ее головы, а она попятилась к стене.

— А? А? — произнес тот же голос.

— Кто это? Говори! Говори!

— Стань опять светляком, Пан, — сказала она дрожащим голосом.

— Но не подлетай близко.

Мерцающая световая точка заплесала в воздухе и подлетела к голове говорящего. Оказалось, это вовсе не куча тряпья: это был прикованный к стене седобородый человек со спутанными волосами до плеч; в глазах его отражался мерцающий свет Пантелеймона. Его деймон, усталого вида змея, лежал у него на коленях и время от времени выбрасывал язычок, когда Пантелеймон подлетал слишком близко.

— Как вас зовут? — спросила она.

— Джотам Сантелиа, — ответил он.

— Я Почетный Профессор Космологии в Университете Глостера. А ты кто?

— Лира Белаква. За что вас посадили в тюрьму?

— Злоба и зависть... Откуда ты? А?

— Из Иордан-колледжа.

— Что? Из Оксфорда?

— Да.

— Этот негодяй Трелони еще там? А?

— Пальмеровский Профессор? Да, — сказала она.

— Черт возьми, неужели? Его давно полагалось отправить в отставку. Двучинный плагиатор! Шут гороховый!

Лира издала неопределенный звук.

— Опубликовал уже свою статью о гамма-фотонах? — спросил профессор, сунувшись лицом к Лире.

Она отодвинулась.

— Не знаю, — сказала она, а потом по привычке стала выдумывать:

— Нет. Теперь вспомнила. Он сказал, что должен еще проверить некоторые цифры. И... еще сказал, что собирается писать о Пыли. Вот.

— Вор! Подлец! Мерзавец! Мошенник! — закричал старик и так затрясся, что Лира испугалась: не припадок ли у него? Его деймон сонно сполз с его колен, а Профессор колотил себя кулаками по щиколоткам и брызгал слюной.

— Да, — сказала Лира, — я всегда думала, что он вор. И мошенник, и прочее.

Как ни странно было появление в его камере замызганной девочки, знавшей того самого человека, который стал для него наваждением, Почетный Профессор ни на секунду об этом не задумался. Бедный старик был безумен — и ничего удивительного, — но он мог располагать какими-то сведениями, полезными для Лир.

Она села неподалеку от него — с таким расчетом, чтобы он не мог до нее дотронуться, но достаточно близко, чтобы видеть его при слабеньком свете, исходившем от Пантелеймона.

— Профессор Трелони особенно хвастался тем, — сказала она, — что очень хорошо знает короля медведей...

— Хвастался! А? А? Вот именно, хвастался! Да он просто попугай! И жулик! Ни одного самостоятельного исследования! Все украдено у одаренных людей!

— Да, это так, — подтвердила Лира.

— А когда сам что-то делает, получается неправильно.

— Да! Да! Вот именно! Ни таланта, ни воображения, жулик до мозга костей!

— Спорить могу, — сказала Лира, — о медведях, например, вы знаете гораздо больше его.

— О медведях, — подхватил старик.

— Ха! Я мог бы написать о них трактат! Поэтому меня и посадили сюда.

— Как это?

— Я слишком много о них знаю, и они не осмеливаются меня убить. Не осмеливаются, при том что очень хотели бы. Понимаешь, я знаю. У меня есть друзья. Да! Могущественные друзья.

— Да. И вы, наверное, прекрасный учитель, раз накопили столько познаний и опыта.

При всем своем безумии старик сохранил крохи здравого смысла: он посмотрел на Лиру пристально, как если бы заподозрил в ее словах иронию. Но она всю жизнь имела дело с подозрительными и чудаковатыми учеными — и ответила ему таким наивно-восторженным взглядом, что он успокоился.

— Учителем, — сказал он, — учителем... Да, я мог бы учить. Дайте мне хорошего ученика, и я воспламеню его мысль!

— Потому что ваши познания не должны просто так исчезнуть, — поддержала его Лира.

— Их надо передать дальше, чтобы люди вас помнили.

— Да, — он важно кивнул.

— Ты все правильно понимаешь. Как тебя зовут?

— Лира, — сообщила она еще раз.

— А про медведей вы могли бы мне объяснить?

— Про медведей... — с сомнением повторил он.

— Вообще-то я хотела бы узнать про космологию, Пыль и все такое, но ума не хватает. Для этого вам нужны умные ученики. А про медведей я бы поняла. И вы спокойно могли бы меня научить. Мы позанимались бы медведями и, может быть, до Пыли бы дошли.

Он опять кивнул.

— Да, да, думаю, ты права. Между микрокосмом и макрокосмом есть связь! Звезды, девочка, — живые существа. Ты это знаешь? Там, наверху, все живое, и у всего есть великая цель! Вселенная полна намерений, понимаешь ли. Во всем, что происходит, есть цель. Твоя цель — напомнить мне об этом. Отлично, отлично... я забыл об этом в своем отчаянии. Отлично! Превосходно, дитя мое!

— Значит, вы видели короля? Йофура Ракнисона?

— Да. О, да. Я ведь прибыл сюда по его приглашению. Он намеревался основать университет. И собирался сделать меня Вице-канцлером. То-то был бы подарок Королевскому Арктическому Обществу! А? И этому мерзавцу Трелони! Ха!

— Что же случилось?

— Меня предали ничтожества. В том числе, конечно, Трелони. Знаешь, он ведь был здесь. На Свальбарде. Чернил меня, принижал мою квалификацию. Сеял ложь и клевету! Кто нашел окончательное подтверждение гипотезы Барнарда-Стокса? Кто? Сантелиа, вот кто. Трелони не мог этого пережить. Клеветал на меня. Йофур Ракнисон бросил меня в тюрьму. Увидишь, я скоро выйду. Я буду Вице-канцлером. И пусть тогда Трелони придет ко мне просить о снисхождении! И пусть тогда Комитет Публикаций Королевского Арктического Общества попробует отвергнуть мои труды! Ха! Я всех их выведу на чистую воду!

— Я думаю, Йорек Бирнисон поверит вам, когда придет сюда, — сказала Лира.

— Йорек Бирнисон? Бессмысленно его ждать. Он никогда не вернется.

— Он уже в пути.

— Тогда его убьют. Понимаешь, он не медведь. Он изгой. Как я. Опозорен, понимаешь? Лишен всех медвежьих привилегий!

- А все-таки, если Йорек Бирнисон вернется, — сказала Лира.
- Если он вызовет Йофура Ракнисона на бой...
- Они этого не допустят, — решительно заявил профессор.
- Йофур никогда не снизойдет до того, чтобы принять вызов Йорека Бирнисона. Йорек лишен всех прав. Он все равно что тюлень теперь, или морж, — не медведь. Или хуже того: тартарин или скрелинг. Они не станут драться с ним честно, как с медведем; убьют его огнебоями еще на подходе. Никакой надежды
- Правда? — с отчаянием сказала Лира.
- А что с другими узниками медведей? Вы знаете, где их держат?
- Других узников?
- Ну, вроде... лорда Азриэла?
- Профессора будто подменили. Он съежился, отпрянул к стене, предостерегающе покачал головой.
- Тсс! Тихо! Тебя услышат! — прошептал он.
- Почему нельзя говорить о лорде Азриэле?
- Запрещено! Очень опасно! Йофур Ракнисон запрещает о нем говорить!
- Почему? — спросила Лира, придвинувшись к нему, и тоже шепотом, чтобы не пугать старика.
- Держать лорда Азриэла под стражей — это особое задание, возложенное на Йофура Жертвенным Советом, — прошептал в ответ старик.
- Миссис Колтер лично приезжала к Йофуру и посулила ему большое вознаграждение, если он изолирует лорда Азриэла. Видишь ли, я знаю об этом, потому что тогда я сам пользовался расположением Йофура. Я встретился с миссис Колтер! Да. Имел с ней долгую беседу. Йофур был очарован ею. Беспрерывно о ней говорил. Ради нее готов на все. Если ей надо, чтобы лорда Азриэла держали за сто километров отсюда, — будут держать. Все, что угодно для миссис Колтер, все, что угодно. Он хочет назвать свою столицу в честь нее, тебе это известно?
- Значит, к лорду Азриэлу никого не допустят?

— Нет! Никогда! Но, понимаешь, лорда Азриэла он тоже боится. Йофур ведет трудную игру. Но он хитер. Он старается угодить обоим. Держит лорда Азриэла под стражей, чтобы угодить миссис Колтер; а чтобы угодить лорду Азриэлу, предоставляет ему все необходимое оборудование. Но это равновесие — ненадолго. Неустойчивое. И вашим, и нашим. А? Волновая функция этой ситуации очень скоро сожмется. Я это ответственно заявляю.

— В самом деле? — сказала Лира, но мысли ее были далеко, она напряженно обдумывала только что услышанное.

— Да. Язык моего деймона чувствует вероятности, понимаешь?

— Да. У моего тоже. Профессор, когда они нас покормят?

— Покормят нас?

— Должны же они давать нам пищу, иначе умрем. Тут на полу кости. Наверное, тюленьи, да?

— Тюленьи... Не знаю. Может быть.

Лира встала и вслепую нашла дверь. Ручки на ней, конечно, не было, не было и замочной скважины, и дверь прилегала к раме так плотно и сверху и снизу, что свет сюда не проникал. Она прижалась к металлу ухом, но ничего не услышала. Старик что-то бормотал у нее за спиной. Потом загремела его цепь — он повернулся там, устало лег и вскоре захрапел.

Она ощупью добралась до скамьи. Пантелеймон, устав светить, сделался летучей мышью, что очень устраивало его в темноте, и стал летать, тихо попискивая. Лира сидела и грызла ноготь.

Ей вдруг вспомнилось, о чем говорил тогда в Комнате Отдыха Пальмеровский Профессор. Какая-то заноза сидела у нее в голове с тех самых пор, как Йорек Бирнисон впервые упомянул о Йофуре, и теперь она вспомнила: больше всего на свете, сказал Профессор, Йофур Ракнисон хочет деймона.

Тогда она, конечно, не поняла; он говорил о панцербьёрне, это было неизвестное слово, и она не поняла, что речь идет о медведях, и думала, что Йофур Ракнисон — человек. А человек не бывает без деймона, так что все это показалось бессмыслицей.

Но теперь стало ясно. Все, что она слышала о короле медведей, связалось в целое: могущественный Йофур Ракнисон больше всего на свете хотел стать человеческим существом, со своим деймоном.

И когда она это поняла, в голове у нее стал складываться план: как подбить Йофура Ракнисона на то, что сам он никогда не стал бы делать; как вернуть Йореку Бирнисону его законный трон; как, наконец, добраться туда, где держат лорда Азриэла, и передать ему алетиометр.

Идея пока только брезжила, плавала и мерцала в сознании, как мыльный пузырь, и Лира не решалась даже ухватиться за нее, опасаясь, что она лопнет. Но состояние это было для нее уже привычным: пока что она удовлетворилась этим мерцанием, отвернулась от него, стала думать о другом.

Загремел засов, и дверь отворилась. В камеру хлынул свет, она вскочила на ноги, а Пантелеймон живо юркнул к ней в карман.

Едва медведь-стражник наклонил голову, чтобы поднять кусок тюленины и бросить внутрь, она подскочила к нему со словами:

— Отведите меня к Йофуру Ракнисону. Вы пожалеете, если не отведете. Это очень важно.

Он выронил мясо из пасти и поднял голову. Выражение медвежьей морды трудно понять, но ей показалось, что он рассержен.

— Это насчет Йорека Бирнисона, — быстро добавила она.

— Я что-то знаю о нем, и это надо знать королю.

— Скажи мне, и я ему передам, — ответил медведь.

— Так будет неправильно, никто не должен узнать это раньше короля. Извините, я не хочу показаться грубой, но есть правило: король должен все узнавать первым.

Возможно, он был тугодум. Во всяком случае, он задумался, потом закинул мясо в камеру и сказал:

— Хорошо. Иди за мной.

Он вывел Лиру на воздух, чем немало ее порадовал. Туман рассеялся, и над двором-колодцем блеснули звезды. Стражник перемолвился с другим медведем, и тот подошел к ней.

— Ты не можешь увидаться с Йофуром Ракнисоном, когда тебе захочется, — сказал он.

— Подождешь, пока он не захочет тебя видеть.

— Но я должна сказать ему что-то важное, и срочно. Насчет Йорека Бирнисона. Его Величество обязательно захочет это знать, а никому другому я сказать не могу, понимаете? Это будет невежливо. Он очень рассердится, если узнает, что мы повели себя невежливо.

Этот довод, по-видимому, отчасти убедил медведя или, по крайней мере, озадачил: он умолк. Лира не сомневалась, что правильно поняла положение дел: Йофур Ракнисон устанавливал столько новых правил, что никто из медведей толком не понимал, как надо себя вести, и эту неуверенность она могла использовать, чтобы попасть к Йофуру.

Медведь удалился, чтобы проконсультироваться с вышестоящим, и вскоре Лиру снова провели во Дворец, только теперь — в Государственные покои. Тут было не чище, а дышать даже труднее, чем в камере, потому что к обычному смраду добавился густой и тяжелый запах духов. Ее заставили ждать в коридоре, потом в приемной, потом перед большой дверью, а медведи между тем о чем-то спорили и совещались, бегали туда и сюда, так что она успела подробно разглядеть нелепое убранство помещения: все стены были покрыты позолоченной лепниной, кое-где уже облупившейся от сырости, а цветастые ковры затоптаны грязными лапами.

Наконец большая дверь отворилась изнутри. Яркий свет полудюжины люстр, малиновый ковер, густой запах духов и морды десятка с лишним медведей, все повернутые к ней; все без брони, но каждый с каким-то украшением: один в золотом галстуке, другой в шапке из пурпурных перьев, третий в малиновом кушаке. Как ни странно, в зале жили и птицы; поморники и бакланы сидели на гипсовом карнизе и то и дело слетали вниз, чтобы схватить кусочки рыбы, выпавшие из гнезд на люстрах.

А на помосте в дальнем конце комнаты возвышался огромный трон. Для прочности и внушительности он был сделан из гранита, но, как и многое другое во дворце Йофура, украшен пышными позолоченными гирляндами и фестонами, выглядевшими на нем, как мишура на горе.

На троне сидел самый большой медведь из всех, каких видела Лира. Йофур Ракнисон был выше и массивнее, чем даже Йорек, и морда у него была более подвижной и выразительной, как-то по-человечьи выразительной, в отличие от морды Йорека. Когда Йофур посмотрел на нее, ей показалось, что на нее смотрят глаза человека — человека из тех, кого она видела у миссис Колтер, тонкого политика, привыкшего к власти. На шее у него висела тяжелая золотая цепь с ярким драгоценным камнем, а его когти в добрых пятнадцать сантиметров длиной были покрыты позолотой. В целом он производил впечатление колоссальной силы, энергии и хитрости; при его размерах безвкусные украшения не выглядели нелепостью, — в этом было скорее какое-то варварское великолепие.

Ли́ра дрогнула. Ее план показался ей жалким.

Но она немного приблизилась к нему (это было необходимо) и тут увидела, что у Йофура кто-то сидит на колене, как сидела бы на колене у человека кошка... или демон.

Это была большая тряпичная кукла, манекен с бессмысленным человеческим лицом. Он был одет примерно так же, как миссис Колтер, и отчасти напоминал ее. Это был игрушечный демон Йофура, и Ли́ра поняла, что все получится.

Она подошла к трону и низко поклонилась. Пантелеймон тихо сидел у нее в кармане.

— Приветствуем вас, великий король, — тихо сказала она.

— Вернее, я приветствую, а не он.

— «Он» — это кто?

— Голос у Йофура оказался мягче, чем она думала, и богаче интонациями. Заговорив, он махнул лапой перед пастью, чтобы согнать собравшихся там мух.

— Йорек Бирнисон, Ваше Величество, — сказала она.

— Я должна сообщить вам что-то важное и секретное и, думаю, надо сообщить это наедине.

— Что-то о Йореке Бирнисоне?

Она подошла к нему совсем близко, осторожно ступая по загаженному полу и отмахиваясь от мух, роившихся перед лицом.

— Что-то о деймонах, — сказала она так, чтобы слышно было только Йофуру.

Выражение его морды изменилось. Понять его она не могла; ясно было только, что он заинтересован. Внезапно он подался вперед, заставив ее отскочить в сторону, и что-то рявкнул своим медведям. Те наклонили головы и попятились к двери. Рев его испугнул птиц, они взлетели, закричали, покружили над головой и снова уселись в гнезда.

Когда тронный зал опустел, Йофур Ракнисон нетерпеливо повернулся к ней.

— Ну? Скажи мне, кто ты такая. И что там о деймонах?

— Я деймон, Ваше Величество.

Он на секунду застыл.

— Чей?

— Йорека Бирнисона, — последовал ответ.

Это была самая опасная речь в ее жизни. Она отчетливо понимала, что только изумление мешает ему убить ее на месте. И продолжала, не мешкая:

— Ваше Величество, пожалуйста, позвольте мне объяснить, прежде чем вы меня накажете. Я рисковала, когда шла сюда, и, как видите, ничем не могу повредить вам. Наоборот, я хочу вам помочь, для этого и пришла. Йорек Бирнисон был первым медведем, который получил деймона, а первым полагалось быть вам. Я хочу быть вашим деймоном, а не его, поэтому и пришла.

— Каким образом? — осипшим голосом произнес он.

— Каким образом медведь получил деймона? И почему он? И почему ты так далеко от него?

Мухи вылетали из его пасти, как крохотные слова.

— Очень просто. Я могу удаляться от него, потому что я — как деймон ведьмы. Вы знаете, что они могут улетать на сотни километров от своих людей? И я также. А как он получил меня — это было в Больвангаре. Вы слышали о Больвангаре, вам, наверное, рассказывала миссис Колтер, но, наверное, рассказала не обо всем, чем они занимаются.

— Отрезают... — сказал он.

— Да, отрезают тоже, это сепарация. Но делают и всякое другое, например, искусственных деймонов. И делают опыты на животных. Когда Йорек Бирнисон услышал об этом, он предложил себя для опыта — попробовать, не смогут ли они сделать для него деймона, и они сделали. Это была я. Меня зовут Лира. Только у людей деймоны в виде животных, поэтому если у медведя деймон, то он в виде человека. И я — его деймон. Я вижу его мысли и точно знаю, что он делает, где он находится и...

— Где он сейчас?

— На Свальбарде. Он идет сюда и очень спешит.

— Зачем? Чего он хочет? Он что, взбесился? Мы разорвем его в клочья!

— Ему нужна я. Он идет, чтобы вернуть меня. Но я не хочу быть его деймоном, Йофур Ракнисон, я хочу быть вашим. Потому что люди в Больвангаре, когда увидели, как силен медведь с деймоном, они решили больше не повторять таких опытов. Йорек Бирнисон должен был остаться единственным медведем, у которого есть деймон. И с моей помощью он мог повести всех медведей против вас. Для этого он и прибыл на Свальбард.

Король медведей яростно взревел. Взревел так громко, что звякнули хрустальные подвески на люстрах, закричали все птицы, а у Лир зазвенело в ушах. Но она не растерялась.

— В почему я люблю вас больше всех, — сказала она Йофуру Ракнисону, — потому что вы страстный и сильный, а не только умный. Я ушла от него и пришла сказать вам, потому что не хочу, чтобы он правил медведями. Вы должны править. И есть способ, как отобрать меня у него и сделать меня вашим деймоном, но вы бы не знали о нем, если бы я не сказала, а могли бы обойтись с ним так, как положено обходиться с медведями-изгнанниками вроде него. То есть не вызвать его на бой, а убить огнебоями или еще чем-то. Если бы вы так сделали, я просто погасла бы, как свет, и умерла вместе с ним.

— Но ты... как ты...

— Я могу стать вашим деймоном, — сказала она, — но только если вы победите Йорека Бирнисона сами. Тогда его сила перетечет в вас, и мои мысли перетекут в ваши, и мы будем как один человек, думать одинаковые мысли; вы сможете послать меня куда угодно на разведку или держать при себе, как захотите. И если захотите, я помогу вам повести медведей на Больвангар, и заставим их там создать новых деймонов для ваших любимцев. А если вы захотите быть единственным медведем с деймоном, мы можем уничтожить Больвангар навсегда. Мы все сможем сделать, Йофур Ракнисон, вы и я!

Все это время она дрожащей рукой держала Пантелеймона в кармане, а он сидел тихо, приняв вид самой маленькой мыши.

Йофур Ракнисон возбужденно расхаживал по залу и, казалось, готов был взорваться.

— Вызвать на бой? Мне? Биться с Йорекком Бирнисоном? Невозможно! Он отверженный! Как это, как я могу с ним биться? И другого способа нет?

— Другого нет, — сказала Лира, уже жалея об этом, потому что с каждой минутой Йофур Ракнисон все больше свирепел и как будто делался все огромнее. При всей своей любви к Йореку и вере в него она не

представляла себе, как он может одолеть этого гиганта из гигантов. Но надежда была только на это. Иначе — смерть от огнебоев.

Внезапно Йофур Ракнисон повернулся к ней.

— Докажи! Докажи, что ты деймон!

— Ладно, — сказала она.

— Докажу очень просто. Я могу узнать то, что знаете только вы и больше никто, — то, что может узнать только деймон.

— Тогда скажи мне, кто было первое существо, которое я убил.

— Чтобы это сделать, мне надо уйти в комнату, где я буду одна. Когда я стану вашим деймоном, я смогу это делать при вас, но до тех пор это надо делать одной.

— Позади зала прихожая. Иди туда и возвращайся, когда узнаешь ответ.

Лира открыла дверь и очутилась в комнате, освещенной одним факелом, совсем пустой, если не считать застекленного шкафа из красного дерева с какими-то почерневшими серебряными украшениями. Она вынула алетиометр и спросила: «Где сейчас Йорек?» «В четырех часах отсюда, и спешит». «Как сообщить ему, что я сделала?» «Положись на него».

Она со страхом подумала, что Йорек, должно быть, очень устал. Но потом сообразила, что думает не так, как велел алетиометр: сомневается в Йореке.

Она прогнала эту мысль и задала вопрос Йофура Ракнисона. Кого он убил первым?

Ответ был: своего отца.

Она спросила о подробностях и узнала, что Йофур, тогда молодой медведь, во время своей первой охотничьей экспедиции во льдах столкнулся с одиноким медведем. Они поспорили и подрались, и Йофур убил его. Позже, когда Йофур узнал, что это был его отец (медведей воспитывают матери, и они редко видят отцов), он скрыл правду. Никто не знал об этом, кроме Йофура.

Она спрятала алетиометр и задумалась: как ему это сказать.

— Польсти ему! — шепнул Пантелеймон.

— Ему только это и нужно.

Лира открыла дверь. Йофур Ракнисон ждал ее, и на его морде написано было хитрое торжество, несколько опасливое нетерпение, алчность.

— Ну?

Она встала перед ним на колени, наклонила голову и коснулась лбом его левой лапы, более сильной, потому что все медведи левши.

— Простите меня, Йофур Ракнисон! Я не знала, что вы такой могучий и великий!

— Что такое? Отвечай на мой вопрос!

— Первым, кого вы убили, был ваш отец. Я думаю, что вы новый бог, Йофур Ракнисон. Иначе быть не может. Только у бога хватило бы сил на это.

— Ты знаешь! Ты видишь!

— Да, потому что я деймон, я же говорю.

— Скажи мне еще одно. Что обещала мне леди Колтер, когда была здесь?

Лира снова ушла в пустую комнату и получила у алетиметра ответ.

— Она обещала вам, что уговорит Магистериум в Женеве дать согласие на то, чтобы вас окрестили по-христиански, хотя тогда у вас не было деймона. Боюсь, что она этого не сделала, Йофур Ракнисон, и, честно говоря, не думаю, что они согласились бы, раз у вас нет деймона. Я думаю, она это знала и сказала вам неправду. Но если я стану вашим деймоном, вы могли бы окреститься, если бы захотели, — тогда никто не посмел бы спорить. Вы могли бы потребовать этого, и они бы не смогли отказать.

— Да... Верно. Она так сказала. Верно, слово в слово. И обманула меня? Я ей верил, а она меня обманула?

— Да, обманула. Но теперь это не имеет значения. Извините меня, Йофур Ракнисон. Надеюсь, вы не рассердитесь, если я скажу, что Йорек Бирнисон всего в четырех часах отсюда, и, может быть, лучше предупредить вашу охрану, чтобы они не нападали на него, как им полагается по службе. Если вы намерены сразиться с ним за меня, его надо пропустить к Дворцу.

— Да...

— И, когда он придет, мне, наверное, лучше притвориться, будто я принадлежу ему, и сказать, что я заблудилась или что-нибудь такое. Он

не догадается. Я притворюсь. А вы скажете медведям, что я была деймоном Йорека, а потом стала вашим, когда вы его победили?

— Не знаю... Как мне поступить?

— По-моему, об этом пока не стоит говорить. Когда мы будем вместе, вы и я, тогда мы подумаем, как быть, решим, как лучше. А сейчас надо объяснить всем медведям, почему вы намерены сразиться с Йореком, как с полноправным медведем, хотя он отверженный. А то они не поймут, нам надо объяснить причину. Конечно, они все равно сделают так, как вы прикажете, но если узнают причину, то будут еще больше восхищаться вами.

— Да. Что же мы им скажем?

— Скажите им... Скажите: чтобы полностью обеспечить покой вашему королевству, вы сами вызвали Йорека Бирнисона на бой, и победитель будет править медведями вечно. Понимаете, если это будет выглядеть так, как будто он пришел сюда по вашему вызову, а не по своей воле, это произведет на них впечатление. Они подумают, что вы можете вызвать его откуда угодно. Они подумают, что все в ваших силах.

— Да...

Огромный медведь был у нее в руках. Лиру пьянило ощущение своей власти, и, если бы Пантелеймон не куснул ее за руку, чтобы напомнить ей, в какой они опасности, она могла бы совсем потерять чувство меры.

Но она опомнилась и, почтительно отступив, стала наблюдать, как медведи по указаниям возбужденного Йофура готовят поле боя для Йорека Бирнисона. Между тем Йорек спешил сюда, ничего об этом не зная, и она только об одном думала: как предупредить его, что спешит он на смертный бой.

Глава двадцатая

БЕЗ ПОЩАДЫ

Схватки между медведями были делом обычным и велись в соответствии с определенным ритуалом. Но убийством они заканчивались редко, по большей части случайно или же когда один медведь неправильно истолковывал сигналы другого, как это произошло с Йореком Бирнисоном. Умышленные убийства, такие, как убийство Йофуром его отца, были еще большей редкостью.

Но иногда обстоятельства складывались так, что единственным способом разрешить спор была битва не на живот, а на смерть. Для этих случаев был предусмотрен особый церемониал.

Когда Йофур объявил, что прибывает Йорек Бирнисон, боевую площадку выровняли и подмели, а из огненных шахт явились оружейники, чтобы проверить доспехи Йофура. Осмотрена была каждая заклепка и крепление, пластины отшлифованы мельчайшим песком. Не меньше внимания уделили когтям: позолоту стерли, и каждый пятнадцатисантиметровый коготь был заточен до убийственной остроты. Лиру, наблюдавшею за этими приготовлениями, мутило от страха: о Йореке Бирнисоне не позаботится никто; он уже почти сутки идет по льдам без отдыха и пищи; возможно, он был ранен при аварии. И не ведает о том, что она подстроила этот бой. Один раз, после того как Йофур проверил остроту когтей на только что убитом морже и располосовал его шкуру, как бумагу, а силу удара проверил на черепе моржа (два удара, и череп лопнул, как яйцо), Лира была вынуждена извиниться перед ним и ушла, чтобы поплакать в одиночестве.

Даже Пантелеймон, всегда умевший развеселить ее, не сказал ничего утешительного. Единственное, что ей оставалось, — посоветоваться с алетиметром. Йорек в часе отсюда, сказал он, и еще раз — что она должна положиться на него, и, кажется (понять это было труднее), попенял ей на то, что она задает один и тот же вопрос дважды.

К этому времени о предстоящем поединке прослышали все медведи, и вокруг боевой площадки собралась толпа. Медведи высокого ранга заняли лучшие места, и особое место выгородили для медведиц, включая, конечно, жен Йофура. Медведицы особенно интересовали Лире, она мало о них знала, но сейчас не время было слоняться и приставать к ним с расспросами. Она держалась поблизости от Йофура Ракнисона, наблюдала за тем, как придворные утверждают свое превосходство над рядовыми медведями, не дворцовыми, и пыталась угадать значение разных плюмажей, значков, регалий, украшавших каждого из них. Некоторые из самых важных носили кукол наподобие королевского тряпичного деймона — вероятно, в надежде снискать милость короля, если будут следовать моде, которую он завел.

Она не без злорадства замечала, что после того, как Йофур бросил куклу, они не знают, как им поступить со своими. Тоже бросить? Теперь они в немилости? Как себя вести?

Она видела, что таково преобладающее состояние духа при дворе. Придворные нетвердо знали, кто они такие. В отличие от Йорека Бирнисона, они не были истинными, чистыми, абсолютными медведями: оглядываясь друг на друга и на Йофура Ракнисона, они постоянно находились в неопределенности.

И с нескрываемым любопытством следили за ней. Она смиренно держалась вблизи Йофура, ничего не говорила и всякий раз, когда какой-нибудь медведь смотрел на нее, опускала глаза.

Туман рассеялся, воздух стал прозрачным, и это совпало с коротким светлым периодом суток около полудня, когда, по расчетам Лир, должен был появиться Йорек Бирнисон. Она стояла на утопанном снежном бугорке у края боевой площадки, дрожа смотрела на побледневшее небо, мечтая увидеть там летучие угловатые фигуры, которые ринутся вниз и унесут ее отсюда; или увидеть сокровенный город Авроры, чтобы спокойно уйти по его широким солнечным бульварам; или увидеть сильные руки Ма Косты, от которых пахнет на нее уютным запахом тела и кухни.

Только теперь она почувствовала, что опять плачет; слезы замерзали, не успев скатиться с глаз, и приходилось оттирать их с болью. Ей было страшно. Медведи не плачут; они не могли понять, что с ней происходит — это было какое-то человеческое отправление, бессмысленное. И конечно, Пантелеймон не мог успокоить ее, как обычно, хотя она все время держала руку в кармане, обнимая его мышиное тельце, а он тыкался носом в ее пальцы.

Рядом с ней кузнецы заканчивали работу над доспехами Йофура Ракнисона. Он высился как металлическая башня, блистая полированной сталью, золотой насечкой на пластинах; серебристо-серый шлем с глубокими глазными прорезями закрывал верхнюю часть его головы; брюхо и грудь защищала облегающая кольчуга. Увидев ее, Лира поняла, что предала Йорека Бирнисона, — у Йорека такой не было. Его броня защищала только бока и спину. Она смотрела на неуязвимого Йофура Ракнисона, и грудь ее сдавливал страх и чувство вины.

Она сказала:

— Извините меня, Ваше Величество, если помните, о чем я просила вас...

Собственный голос показался ей тонким и слабым. Йофур Ракнисон повернул к ней громадную голову, отвлекшись от мишени, которую держали перед ним для последней пробы когтей три медведя.

— Да? Да?

— Помните, я сказала, что сразу подойду к Йореку Бирнисону и притворюсь?..

Но прежде чем она закончила фразу, раздался рев медведей на сторожевой башне. Остальные поняли, что он означает, и откликнулись торжествующим рычанием. Они увидели Йорека.

— Прошу вас, — не отставала Лира.

— Я обману его, увидите.

— Да. Да. Иди. Иди и подбодри его!

От ярости и возбуждения он уже с трудом говорил.

Лира пошла через боевую площадку, оставляя свои маленькие следы на выглаженном снегу, и медведи у дальнего края расступились, чтобы дать ей дорогу. В просвете между массивными телами открылся горизонт, сумрачный, сероватый. Где Йорек Бирнисон? Впереди было пусто; но с высокой сторожевой башни они могли увидеть то, чего еще не видела она. Она могла только идти наугад.

Он увидел ее раньше, чем она его. Послышался топот, тяжелый лязг металла и в вихре снега возник Йорек Бирнисон.

— Ах, Йорек! Я сделала что-то ужасное! Милый, ты должен сразиться с Йофуром Ракнисоном, а ты не готов — ты устал, голодный, и броня у тебя...

— Что ужасное? Что ты сделала?

— Я сказала ему, что ты идешь — а мне сказал алетиометр; а Йофуру до смерти хочется стать похожим на человека, получить деймона. И я обманула его, сказала, что я твой деймон, но хочу изменить тебе и быть его деймоном, но для этого он должен с тобой сразиться. А иначе, Йорек, они бы тебе не позволили, просто сожгли бы тебя еще по дороге...

— Ты обманула Йофура Ракнисона?

— Да. Убедила его согласиться на поединок, а не убить сразу как изгнанника, — и победитель будет королем медведей. Мне пришлось, потому что...

— Белаква? Нет. Ты сирена, сладкогласная птица Сирин. Только об этом я и мечтал. Идем, маленький деймон.

Она смотрела на Йорека Бирнисона, поджарого и свирепого в щербатой броне, и сердце ее переполняла гордость.

Они шли вместе к громоздкому дворцу Йофура, у подножия которого раскинулась плоская боевая площадка. Медведи толпились у бойниц, во

всех окнах торчали белые морды, грузные тела образовали вокруг площадки мутно-белую стену с черными пятнышками носов и глаз. Ближайшие расступались, освобождая дорогу для Йорека Бирнисона и его деймона. Все взгляды были устремлены на них.

Йорек остановился на площадке, не дойдя до Йофура Ракнисона. Король спустился с утрамбованного снежного возвышения, и теперь они стояли в нескольких метрах друг от друга.

Лира находилась так близко к Йореку, что чувствовала его внутреннюю вибрацию, как в мощной динамо-машине, вырабатывающей громадную антарную энергию. Она коснулась его шеи за краем шлема и сказала:

— Бейся умело, милый Йорек. Ты настоящий король, а не он. Он никто.

И отошла от него.

— Медведи! — взревел Йорек. Рев эхом отразился от стен дворца и поднял в воздух птиц.

— Условия этого боя такие. Если Йофур Ракнисон убьет меня, он навсегда останется королем, и никто не оспорит его власть, не посягнет на его трон. Если я убью Йофура Ракнисона, я буду вашим королем. Мой первый приказ вам будет — снести этот дворец, этот надушенный дом мишуры и шутовства, и выбросить золото и мрамор в море. Железо — металл медведей. Не золото. Йофур Ракнисон запачкал Свальбард. Я пришел, чтобы очистить его. Йофур Ракнисон, я вызываю тебя на бой.

Йофур Ракнисон прыгнул вперед, словно не мог уже стоять на месте.

— Медведи! — взревел он в свою очередь.

— Йорек Бирнисон пришел по моему вызову. Я призвал его сюда. И я оглашу условия боя. Они таковы: если я убью Йорека Бирнисона, его тело будет разорвано на части и брошено скальным марам. Его голова будет выставлена во дворце. Память о нем будет стерта. Произнесшего его имя покарают смертью...

Так они говорили по очереди. Это была формула, ритуал, которому следовали неукоснительно. Лира смотрела на них и думала: насколько они непохожи. Йофур, сверкающий и всевластный, дышащий здоровьем и силой, в великолепных доспехах, по-королевски надменный; и Йорек — меньше его, хотя она никогда не думала, что он может показаться маленьким, в невзрачной броне, ржавой, покрытой зазубринами. Но его броня была его душой. Он сам сделал ее, и она ему подходила. Она была одно целое с ним. Йофур не довольствовался своей броней; ему *понадобилась еще одна душа*. Он был беспокоен, а Йорек неколебим.

И она видела, что другие медведи тоже их сравнивают. Но Йорек и Йофур были не просто двумя медведями. Здесь противостояли друг другу два образа жизни, два будущих, две судьбы. Йофур повел медведей в одном направлении, а Йорек поведет их в другом, и в этот момент одно будущее закроется навсегда, и станет разворачиваться другое.

Приближалась вторая фаза ритуальной схватки; медведи стали беспокойно расхаживать по снегу, мотая головами. Все зрители застыли и только провожали их глазами.

Наконец соперники остановились и умолкли; разделенные всей шириной боевой площадки, они смотрели друг на друга.

Затем с ревом, вздымая снег, они одновременно снялись с места. Как два огромных камня, что покоились до поры до времени на соседних вершинах, а теперь, сброшенные землетрясением, катятся вниз по склону, набирая скорость, перепрыгивая через расщелины, снося на своем пути деревья, пока не столкнутся внизу с такой силой, что оба превращаются в порошок и разлетающиеся осколки, — так сошлись эти два медведя. Грохот раздался в тишине и отразился от дворцовой стены. Но они не рассыпались, как камни. Они отлетели друг от друга, и первым поднялся Йорек. Развернувшись пружиной, он схватился с Йофуром, чьи доспехи согнулись при столкновении и теперь мешали ему поднять голову. Йорек сразу нацелился в открытое место на его шее. Он скребанул по белому меху, потом зацепил когтями шлем Йофура и рванул вперед.

Почувствовав опасность, Йофур зарычал и отряхнулся — как Йорек в тот раз, когда вылез из моря и поднял вокруг себя целые фонтаны воды. Йорек отлетел от него, потеряв опору под лапами, а Йофур с железным скрежетом поднялся на дыбы, силой мышц выпрямив пластины на спине. Потом, как лавина, обрушился на Йорека, все еще пытавшегося встать.

От этого сокрушительного натиска у Лиры перехватило дыхание. Земля вздрогнула у нее под ногами. Как может выдержать такое Йорек? Он лежал лапами вверх, никак не мог перевернуться, и Йофур сомкнул зубы где-то недалеко от его горла. Брызнула кровь, одна капля упала на одежду Лиры, и она прикрыла ее ладонью, как залог любви.

Но тут когти задних лап Йорека вонзились в кольчугу Йофура Ракнисона и рванули ее вниз. Она распалась надвое, Йофур отскочил в сторону чтобы оценить повреждение, и это позволило Йореку встать.

Несколько мгновений медведи стояли поодаль друг от друга, пытаясь отдышаться. Теперь движения Йофура сковывала кольчуга, превратившаяся из защиты в помеху: она еще была закреплена внизу и

волочилась за его задними лапами. Однако Йорек был в худшем состоянии. Из раны на шее лилась кровь, и он тяжело дышал.

Но он бросился на Йофура раньше, чем тот освободился от лязгающей кольчуги, сшиб его и сразу потянулся к обнаженному месту на шее, где отогнулся край шлема. Йофур отбросил его, и они снова схватились, вздымая фонтаны снега, который летел во все стороны и временами скрывал их от зрителей.

Лира следила за бойцами, затаив дыхание и до боли стискивая руки. Ей показалось, что Йофур рвет рану на животе Йорека, но, наверное, только показалось, потому что секунду спустя, когда опало облако снега, оба медведя уже стояли на задних лапах, как боксеры, и Йорек бил могучими лапами Йофура по голове, а Йофур отвечал ему такими же яростными ударами.

Эти удары отзывались в Лире дрожью. Словно гиганты орудовали кувалдами, и на каждой было по пять стальных шипов...

Гремело железо, скрежетали зубы, дыхание с хрипом вырывалось из глоток, лапы топтали снег. На несколько метров вокруг он был забрызган кровью и превратился в красную кашу.

Доспехи Йофура были в жалком состоянии: пластины местами треснули и погнулись, золотая насечка где сорвана, где густо замазана кровью, а шлем слетел вовсе. Броня Йорека, при всей ее невзрачности, сохранилась гораздо лучше: покрытая вмятинами и выбоинами, она была цела и по-прежнему отражала удары страшных пятнадцатисантиметровых когтей.

Но Йофур превосходил Йорека ростом и силой, а Йорек был голоден, утомлен и потерял больше крови. У него были раны на животе, на обеих передних лапах и на шее, тогда как у Йофура кровь текла только из нижней челюсти. Лира ничем не могла помочь другу. А дела его были плохи, он хромал; всякий раз, когда он ставил левую переднюю лапу на землю, видно было, что она едва выдерживает его вес. Он уже не бил ей, да и правая лапа действовала гораздо слабее — по сравнению с тем, что было всего несколько минут назад, ее удары казались шлепками.

Это не укрылось от Йофура. Он стал дразнить Йорека, обзывать одноруким, трусливым щенком, трухлявым вырождением, вороньей снедью, непрерывно осыпая ударами слева и справа, которые Йорек уже не мог парировать. Он был вынужден пятиться и только пригибался под градом ударов злорадствующего короля.

Лира плакала. Ее добрый, бесстрашный защитник погибал у нее на глазах, но отвести от него взгляд в эту минуту было бы предательством:

если он оглянется на нее, то должен увидеть ее блестящие глаза, полные любви и веры, а не трусливо опущенное или повернутое в сторону лицо.

Поэтому она смотрела, хотя слезы мешали ей видеть то, что происходило на самом деле, — да если бы она и увидела, вряд ли поняла бы. Йофур определенно не понимал.

А Йорек пятился только для того, чтобы найти сухую, прочную каменную опору для толчка, и бездействующая левая лапа на самом деле просто отдыхала и накапливала силу. Медведя нельзя обмануть, но, как показала история с Лирой, король медведей не хотел быть медведем, он хотел быть человеком, и Йорек перехитрил его.

Наконец он нашел то, что нужно: каменную глыбу, намертво впаянную в вечную мерзлоту. Он оперся в нее и присел на задние лапы, дожидаясь нужного момента.

Момент настал, когда Йофур воздвигся над ним с торжествующим ревом и потянулся мордой к будто бы не защищенному левому боку Йорека.

И тут Йорек сделал свой ход. Как волна, пробегающая тысячи миль по океану, не показывает свои силы над глубокой водой, но, достигнув мелководья, вздымается до неба, приводя в трепет прибрежных жителей, и с неодолимой силой обрушивается на сушу, так взметнулся Йорек Бирнисон с твердой каменной опоры и могучей левой лапой ударил Йофура Ракнисона по незащищенной челюсти.

Это был страшный удар. Он снес нижнюю челюсть, и она полетела по воздуху, оставляя на снегу за собою кровавый след.

Красный язык Йофура вывалился и повис. В одно мгновение король медведей стал безгласным, беззубым, беспомощным. Йорек больше не мешкал. Он ринулся вперед, впился зубами в горло Йофура и тряс, тряс его, целиком отрывая от земли и шваркая о землю, словно это был какой-то тюлень, вытасченный из воды.

Он еще раз дернул головой вверх, и жизнь покинула Йофура Ракнисона.

Оставался завершающий ритуал. Йорек вспорол открытую грудь мертвого короля. Обнажились ребра, как шпангоуты перевернутого судна, и, сунув лапу в грудную клетку, Йорек вырвал кровавое дымящееся сердце и съел на глазах у подданных Йофура Ракнисона.

Раздался многоголосый рев, и медведи бросились приветствовать победителя.

Голос Йорека Бирнисона загремел над толпой:

— Медведи! Кто ваш король?

И грохотом штормового прибоя прозвучало в ответ:

— Йорек Бирнисон!

Медведи знали, что им следует делать. Все значки, кушаки, наголовья мгновенно были сорваны, с презрением втоптаны в снег и забыты. Теперь это были медведи Йорека, настоящие медведи, а не сомнительные полулюди, мучимые своей неполноценностью. Они заполонили Дворец и начали сбрасывать огромные мраморные блоки с самых высоких башен, крушить могучими кулаками парапеты и швырять камни на дамбу с высоты в сотни метров.

Не обращая на них внимания, Йорек расстегнул броню и занялся своими ранами. Не успел он начать, как Лира подбежала к нему по окровавленному и уже затвердевшему снегу и крикнула медведям, чтобы они перестали разрушать Дворец — там внутри пленники. Медведи не слышали, но услышал Йорек, и, когда крикнул он, все прекратилось.

— Люди — пленники? — спросил Йорек.

— Да... Йофур Ракнисон посадил их в темницы... им сперва надо выйти и где-то укрыться, иначе их убьет камнями...

Йорек быстро отдал приказ, и несколько медведей побежали во Дворец выпускать узников. Лира повернулась к Йореку:

— Позволь помочь тебе, я посмотрю, не очень ли ты ранен, милый Йорек... Как жалко, что нет бинтов или еще чего-нибудь! У тебя такой порез на животе...

Один из медведей принес и положил к ногам Йорека заиндевевший зеленый ком.

— Кровяной мох, — сказал Йорек.

— Натолкай его в раны, стяни на нем кожу и прижимай снегом, пока не замерзнут.

Медведям, несмотря на их рвение, он не позволил за собой ухаживать. Кроме того, у Леры были ловкие руки, и ей очень хотелось помочь — и вот маленькая девочка наклонилась над большим медведем-королем и стала закрывать кровяным мхом его раны, а потом замораживать, чтобы остановилась кровь. Когда она кончила, ее варежки были пропитаны кровью, зато раны закрылись.

К этому времени появились и узники — с десятков человек, дрожащих, моргающих, жмущихся друг к другу. Разговаривать с Профессором смысла нет, решила Лира, — бедняга был совершенно безумен; ей хотелось бы знать, кто там остальные, но слишком много было неотложных дел. Неудобно было отвлекать Йорека, который отдавал команду за командой, и медведи тут же бросались их исполнять, однако она беспокоилась о Роджере и о Ли Скорсби, о ведьмах, и ей хотелось есть, и силы были на исходе... Поэтому она сочла за лучшее не путаться под ногами.

Она свернулась клубком в тихом углу боевой площадки с Пантелеймоном-росомахой, старавшимся согреть ее, навалила на себя снег, как сделал бы медведь, и уснула.

Кто-то толкнул ее в ногу, и незнакомый медвежий голос произнес:

— Лира Сирин, тебя зовет король.

Она проснулась полумертвая от холода и не могла открыть глаза, потому что веки смерзлись; но Пантелеймон облизал их, лед на ресницах растаял, и вскоре она смогла разглядеть при лунном свете молодого медведя.

Два раза она попыталась встать, но оба раза падала.

Медведь сказал: «Поезжай на мне» — и прилег, подставив ей широкую спину. Вцепившись в мех, Лира сумела продержаться на ней до тех пор, пока он не привез ее в глубокую ложину, где собралось много медведей.

Из толпы навстречу ей бросилась маленькая фигурка, и чей-то деймон радостно запрыгал к Пантелеймону.

— Роджер! — сказала она.

— Йорек Бирнисон велел мне оставаться здесь в снегу, пока он сходит за тобой... Мы выпали из шара! Когда ты упала, нас унесло далеко-далеко, а потом мистер Скорсби опять выпустил газ, и мы врезались в гору и так покатались по склону, как тебе не снилось! А где теперь мистер Скорсби и ведьмы тоже, я не знаю. Остались только мы с Йореком Бирнисоном. Он пошел прямо сюда, искать тебя. Мне рассказали о сражении...

Лира огляделась. Под руководством пожилого медведя узники строили убежище из плавника и обрывков брезента. Видно было, что они рады работе. Один из них высекал кремнем огонь для костра.

— Вот еда, — сказал молодой медведь, разбудивший Лиру.

На снегу лежал свежий тюлень. Медведь вскрыл его когтем и показал Лире, где найти почки. Одну она съела сырой: мясо было теплое, мягкое и невообразимо вкусное.

— И сала поешь, — сказал медведь, оторвав ей кусок. Вкусом оно напоминало сливки с лесным орехом. Роджер сначала колебался, но последовал ее примеру. Они ели с жадностью, и через несколько минут Лира окончательно проснулась и стала согреваться.

Она вытерла рот, поглядела вокруг, но Йорека не было видно.

— Йорек Бирнисон разговаривает со своими советниками, — сказал молодой медведь.

— Он велел привести тебя, когда поешь. Пойдем.

Он провел ее вверх по склону к тому месту, где медведи начали строить стену из ледяных блоков. Йорек Бирнисон сидел посреди группы медведей постарше и встал, приветствуя ее.

— Лира Сирин, — сказал он.

— Иди и послушай, что мне рассказывают.

Он не стал объяснять ее присутствие другим медведям, а может быть, они уже знали о ней; так или иначе, они освободили ей место и обращались с ней крайне почтительно, словно она была королевой. Она была безмерно горда тем, что может сидеть рядом со своим другом Йорексом Бирнисоном, под переливчатым занавесом Авроры в полярном небе и участвовать в беседе медведей.

Выяснилось, что владычество Йофура Ракнисона над ними было чем-то вроде наваждения. Некоторые объясняли это влиянием миссис Колтер, которая посетила его еще до изгнания Йорека и привезла ему разные подарки. Йорек об этом не знал.

— Она привезла ему снадобье, — сказал один медведь, — а он тайком скормил его Хьяльмуру Хьяльмурсону, и тот забыл себя.

Хьяльмур Хьяльмурсон, поняла Лира, был тот медведь, которого убил Йорек. За что и был изгнан. Значит, за этим стояла миссис Колтер! И не только за этим.

— У людей есть законы, запрещающие делать то, что она задумала, но законы людей не распространяются на Свальбард. Она хотела построить здесь еще одну станцию, такую, как Больвангар, только хуже, и Йофур намеревался ей это разрешить вопреки всем обычаям медведей: люди посещали Свальбард или находились тут в заточении,

но никогда не жили и не работали. Она собиралась постепенно увеличивать свою власть над Йофуром Ракнисоном, а его власть — над нами, так, чтобы в конце концов мы стали ее слугами, бегали туда и сюда по ее команде и занимались бы только тем, что охраняли безобразие, которое она собиралась тут устроить...

Так говорил старый медведь. Его звали Серен Эйсарсон, он был советником и страдал под властью Йофура.

— Лира, что она теперь собирается делать? — спросил Йорек Бирнисон.

— Когда узнает о смерти Йофура, какие будут ее планы?

Лира достала алетиметр. Света было недостаточно, и Йорек приказал принести факел.

— Что случилось с мистером Скорсби? — спросила Лира, пока они ждали огня.

— И с ведьмами?

— На ведьм напал враждебный клан. Не знаю, был ли он союзником людей из Больвангара, но эти ведьмы патрулировали в нашем небе, их было множество, и они напали во время шторма. Я не видел, что случилось с Серафиной Пеккала. А что касается Ли Скорсби — когда мы с мальчиком выпали из корзины, его шар взвился вверх. Но прибор скажет тебе, что с ними случилось.

Медведь приволок сани, на которых стояла жаровня с углями, и сунул в них смолистый сук. Сук сразу загорелся, и при свете факела Лира установила стрелки, чтобы получить ответ о Ли Скорсби.

Оказалось, что он еще в воздухе, ветер несет его к Новой Земле, от скальных мар он не пострадал и от враждебных ведьм отбился.

Лира сказала это Йореку, и он, довольный, кивнул.

— Пока он в воздухе, он в безопасности, — сказал Йорек.

— А миссис Колтер?

Ответ был замысловат, стрелка переходила с символа на символ так, что Лире пришлось долго думать. Медведям было любопытно, но они сдерживались из уважения к Йореку Бирнисону, терпеливо ожидавшему ответа Лире. Она постаралась забыть о них и, сосредоточившись на стрелке, погрузилась в транс. Наконец игра символов сложилась в понятную последовательность — ответ был неутешителен.

— Он говорит, что она... Она прослышала, что мы летим сюда, и раздобыла транспортный дирижабль, вооруженный пулеметами... по-моему, так... и сейчас они летят на Свальбард. Она еще не знает, что Йофур Ракнисон погиб, но скоро узнает, потому что... Да, потому что ей скажут какие-то ведьмы, а они узнают это от скальных мар. Так что тут всюду шпионы в небе, Йорек. Она летит... вроде как на помощь Йофуру Ракнисону а на самом деле хочет отобрать у него власть с помощью полка тартар, который идет сюда по морю и будет здесь дня через два. И как только она доберется до места, где держат лорда Азриэла, она прикажет убить его. Потому что... Ах, теперь ясно: раньше я не могла понять! Йорек! Вот почему она хочет убить лорда Азриэла: она знает, что он собирается сделать, и боится этого, хочет сделать это сама, опередить его... Должно быть, это город в небе, не иначе! Она хочет попасть туда первой! А теперь он говорит мне что-то еще...

Она наклонилась к алетиометру, сосредоточенно следя за прыжками стрелки. Стрелка металась так быстро, что глаза едва успевали за ней; Роджер, заглядывавший через ее плечо, даже не замечал остановок стрелки, он видел только, что между пальцами Лир, поворачивающими головки, и подвижной стрелкой идет диалог на языке, таком же непонятном человеку, как Аврора.

— Да, — сказала она наконец и опустила прибор на колени. Лира заморгала и несколько раз вздохнула, приходя в себя после напряженной работы.

— Да, я поняла, что он говорит. Она опять гонится за мной. Ей что-то нужно от меня — то же самое, что нужно лорду Азриэлу. Им нужно это для... Для эксперимента, не знаю, какого...

Тут она запнулась и перевела дух. Что-то беспокоило ее, и она не знала что. Она не сомневалась, что этим нужным и важным для них был алетиометр — в конце концов, миссис Колтер хотела же его получить, а если это не он, то что? И все же это было что-то другое — на себя алетиометр указывал иначе, не так, как сейчас.

— Я думаю, это алетиометр, — огорченно сказала она.

— Я все время так думала. Я должна отдать его лорду Азриэлу, чтобы он не попал к ней в руки. Если к ней попадет, мы все умрем.

Произнеся это, она почувствовала такую усталость, такую опустошенность и печаль, что смерть показалась бы ей облегчением. Но пример Йорека не позволял ей поддаться этому чувству. Она спрятала алетиометр и выпрямилась.

— Далеко она отсюда? — спросил Йорек.

— Всего в нескольких часах. Надо отдать алетиметр лорду Азриэлу как можно скорее.

— Я пойду с тобой, — сказал Йорек.

Она не стала спорить. Пока Йорек отдавал приказы и собирал отряд для ее сопровождения на последнем этапе их северного путешествия, Лира сидела тихо, сберегая энергию. Что-то ушло из нее во время этого последнего общения с алетиметром. Она закрыла глаза и уснула; вскоре ее разбудили — пора было отправляться в путь.

Глава двадцать первая

ПРИВЕТСТВИЕ ЛОРДА АЗРИЭЛА

Лира ехала на сильном молодом медведе, Роджер — на другом, неумомимый Йорек шагал впереди, а отряд, вооруженный огнебоем, следовал сзади, охраняя тыл. Путь оказался долгим и трудным, внутренняя часть Свальбарда была гористой: беспорядочно стоящие отдельные пики, острые хребты, прорезанные глубокими ущельями и долинами, — и сильный холод. Лира вспоминала свое путешествие с цыганами к Больвангару; какой же удобной и стремительной показалась ей теперь та езда на ровно бегущих санях! Такого лютого холода, как здесь, на острове, она еще не испытывала; а может быть, у ее медведя поступь была не такой ровной, как у Йорека; или же дело было в том, что она устала и телом и душой. Так или иначе, путь был отчаянно трудным.

Она плохо представляла себе, куда они направляются и далеко ли до цели. Известно ей было только то, что рассказал старый медведь Серен Эйсарсон, пока готовили огнебой. Он участвовал в переговорах с лордом Азриэлом об условиях его содержания и все хорошо помнил.

Поначалу, сказал он, свальбардские медведи отнесли к лорду Азриэлу так же, как ко всем остальным политикам, королям и бунтовщикам, сосланным на их мрачный остров. Узники были важными персонами, иначе их просто убили бы дома, а для медведей они могли бы оказаться полезными, если бы судьба снова вознесла их на вершины власти в своих странах; так что не имело смысла обращаться с ними жестоко или непочтительно.

Поэтому лорда Азриэла ожидали на Свальбарде условия не лучше и не хуже, чем у сотен других ссыльных. Но кое-что заставило тюремщиков отнестись к нему с большей опаской, чем к остальным. Его эксперименты с Пылью окружены были атмосферой тайны и духовной угрозы; люди, доставившие его сюда, явно находились в состоянии паники; кроме того, миссис Колтер вела приватные переговоры с Йофуром Ракнисоном.

Вдобавок медведи никогда еще не встречались с таким надменным и властным человеком, как лорд Азриэл. Он держался повелительно даже с Йофуrom, спорил с ним красноречиво и настойчиво и убедил короля медведей предоставить ему самому выбор места жительства.

Первое, которое ему предложили, располагалось слишком низко, сказал он. Ему нужна была возвышенность, куда не достигали испарения и дым огненных шахт и кузниц. Он дал медведям проект нужного ему здания и указал, где оно должно стоять; он подкупал их золотом, он льстил и угрожал Йофуру Ракнисону и озадаченные медведи с готовностью принялись за работу. Вскоре возведен был дом на северном мысу — просторное и прочное строение с окнами из настоящего стекла и каминами, где горел добытый в шахтах и доставляемый сюда медведями уголь. Здесь и поселился узник, который вел себя как король.

А затем он занялся оснащением лаборатории.

С бешеной энергией он стал добывать книги, приборы, химикаты, всевозможные инструменты и оборудование. И они прибывали, то из одного источника, то из другого, некоторые открыто, некоторые контрабандой — с посетителями, которых он требовал допустить к себе. Морем, по воздуху, по суше к лорду Азриэлу прибывали материалы, и за шесть месяцев неволи он собрал все необходимое оборудование. Теперь он работал — думал, планировал, производил расчеты, дожидаясь лишь одного недостающего элемента, который позволит завершить работу, приводившую в такой ужас Жертвенный Совет. Этот элемент с каждой минутой приближался.

Тюрьму своего отца Лира впервые увидела, стоя у подножия горы, где Йорек Бирнисон остановил отряд, чтобы окоченевшие дети могли немного размяться.

— Посмотри наверх, — сказал он.

По широкому неровному ледяному склону, усеянному камнями, вверх вела аккуратно расчищенная дорожка и заканчивалась у скалы, четко обозначившейся на фоне неба. Авроры не было, но звезды горели ярко. Скала казалась черной и узкой, а на ее вершине стояло просторное здание, лившее во все стороны свет — не тусклое, копотное мерцание фитилей, плавающих в жиру, не жесткие белые лучи ан-тарных фар, а теплое кремовое сияние гарных ламп.

О грозном могуществе лорда Азриэла свидетельствовали даже окна. Стекло стоило дорого, большие листы его плохо держали тепло в этом морозном климате; и это говорило о богатстве и влиянии гораздо больше, чем вульгарный дворец Йофура Ракнисона.

Они в последний раз влезли на медведей, и Йорек повел их вверх по склону к дому. Там был двор, заваленный снегом и окруженный низкой стеной, и когда Йорек толкнул ворота, где-то внутри здания послышался звонок.

Лира слезла с медведя. Ноги едва держали ее. Она помогла спуститься Роджеру, и, поддерживая друг друга, в снегу, доходившем до пояса, дети побрели к крыльцу.

Там за дверью — тепло! Там долгожданный отдых!

Она протянула руку к звонку, но не успела тронуть его, как дверь открылась. В маленькой тускло освещенной передней, предназначенной только для того, чтобы не впускать в дом холод, стоял человек, в котором Лира сразу узнала Торольда, слугу лорда Азриэла, и рядом с ним был его деймон, пинчер Анфанг.

Лира устало откинула капюшон.

— Кто... — начал было Торольд, но потом разглядел ее.

— Лира? Маленькая Лира? Мне снится?

Он протянул руку назад и открыл внутреннюю дверь.

Холл, в каменном камине пылает уголь; теплый свет ламп, ковры, кожаные кресла, полированное дерево... Лира не видела ничего подобного с тех пор, как покинула Иордан-колледж, и чуть не задохнулась от удивления.

Деймон лорда Азриэла, снежный барс, зарычал.

Отец Лиры стоял тут же; на его властном лице было написано свирепое торжество и нетерпение; но когда он узнал дочь, оно стало белым, черные глаза расширились от ужаса.

— Нет! Нет!

Он попятился и схватился за каминную полку. Лира не могла пошевелиться.

— Уходи! — закричал лорд Азриэл.

— Прочь отсюда, уходи, прочь! Я не посылал за тобой!

У Лиры отнялся язык, она открыла рот, еще раз и еще и, наконец, выдавила:

— Нет, нет, я приехала, чтобы...

А отец все не мог опомниться; он тряс головой, махал руками, точно хотел отогнать ее; Лира не понимала его отчаяния.

Она шагнула вперед, чтобы успокоить его, и напуганный Роджер вместе с ней. Их деймоны немного оживились в тепле, а через несколько секунд лорд Азриэл провел рукой по лбу и как будто пришел в себя. Он перевел взгляд с нее на Роджера, и щеки его слегка порозовели.

— Лира? — сказал он.

— Это Лира?

— Да, дядя Азриэл, — ответила она, решив, что сейчас не время выяснять их родственные отношения.

— Я привезла вам алетиометр от Магистра.

— Да, конечно, — сказал он.

— А это кто?

— Роджер Парслоу. Он — кухонный мальчик из Иордан-колледжа. Но...

— Как ты сюда попала?

— Я как раз хотела сказать — там, на дворе, Йорек Бирнисон. Он нас сюда привел. Мы были вместе с самого Троллезунда и перехитрили Йофура...

— Кто такой Йорек Бирнисон?

— Бронированный медведь. Он нас сюда привел.

— Торольд, — крикнул дядя, — сделайте для детей горячую ванну и приготовьте поесть. Потом им надо выспаться. Одежда на них грязная; найдите им что-нибудь. Займитесь сейчас же, пока я разговариваю с этим медведем.

У Лире кружилась голова. Может быть, от тепла, а может быть, от облегчения. Слуга с поклоном удалился, а лорд Азриэл вышел в прихожую и закрыл за собой дверь. Лира повалилась в ближайшее кресло.

Не прошло, казалось, и минуты, как она услышала над собой голос Торольда:

— Пойдемте со мной, мисс.

Она с трудом поднялась и вместе с Роджером вошла в теплую ванную, где на горячей трубе висели мягкие полотенца и над водой поднимался пар.

— Ты залезай первым, — сказала Лира.

— Я посижу рядом, поговорим.

Морщась и пыхтя, Роджер влез в горячую воду и стал мыться. Они часто плавали голыми и шалили с другими ребятами в Айсисе, но теперь все было по-другому.

— Я боюсь твоего дядю, — сказал Роджер через открытую дверь.

— То есть твоего отца.

— Пока что зови его дядей. Иногда я его тоже боюсь.

— Когда мы вошли, он меня сперва не увидел. А только тебя. И был страшно испуган, пока не увидел меня. Тогда он сразу успокоился.

— Это просто от неожиданности, — сказала Лира.

— Любой опешит, если увидит человека, которого не ждал. Последний раз он видел меня тогда в Комнате Отдыха. Как тут не удивиться?

— Нет, это неспроста. Он смотрел на меня, как волк или кто-то такой.

— Тебе показалось.

— Нет. Честное слово, я его больше боюсь, чем миссис Колтер.

Он окатил себя водой. Лира достала алетиометр.

— Хочешь, я у алетиометра спрошу?

— Не знаю. Есть такое, чего не хочется знать. По-моему, с тех пор, как Жрецы пришли в Оксфорд, я ничего, кроме плохого, не слышал. Больше чем на пять минут ничего хорошего не хватало. Вот сейчас, например, что я вижу? Ванна хорошая, а там вон теплые полотенца, через пять минут буду ими вытираться. А когда высохну, подумаю: поесть бы чего-нибудь вкусного — а дальше неизвестно что. А когда поем, подумаю: хорошо бы сейчас в мягкую постель. А что потом, не знаю, Лира. Мы же страшные вещи видели, правда? И похоже, что-то еще будет такое. Так что лучше о будущем не думать. Что-то есть сейчас, и ладно.

— Да, — устало согласилась Лира.

— Иногда у меня такое же чувство.

Она еще немного подержала алетиметр в руках, но скорее для успокоения; головок она не трогала, за длинной стрелкой не следила. Пантелеймон молча наблюдал за ними.

После того как оба вымылись, поели хлеба с сыром и выпили вина с горячей водой, слуга Торольд сказал:

— Мальчик пойдет спать. Я провожу его. А вас, мисс Лира, лорд Азриэл просил зайти к нему в библиотеку.

Лорда Азриэла Лира нашла в комнате с широкими окнами, откуда открывался вид на застывшее море. В камине с широкой полкой горел уголь, фитиль гарной лампы был повернут, и людей в комнате ничто не отвлекало друг от друга и от унылой, освещенной только звездами панорамы внизу. Лорд Азриэл полулежал в глубоком кресле возле камина и жестом предложил ей кресло напротив.

— Твой друг Йорек Бирнисон отдыхает на дворе, — сказал он.

— Предпочитает на морозе.

— Он сказал вам о своем поединке с Йофуром Ракнисоном?

— Без подробностей. Но я понял, что он теперь король Свальбарда. Это правда?

— Конечно правда. Йорек никогда не врет.

— Кажется, он взялся быть твоим хранителем.

— Нет. Джон Фаа попросил его позаботиться обо мне — он так и делает. Выполняет приказ Джона Фаа.

— Каким образом тут замешан Джон Фаа?

— Скажу, если вы мне кое-что скажете, — ответила она.

— Вы мой отец, верно?

— Да. Ну и что?

— А то, что должны были об этом сказать. Такие вещи от людей не скрывают, потому что, когда это выясняется, человек чувствует себя глупо, и это обидно. Ну, узнала бы я, что вы мой отец, — что в этом

плохого? Вы могли давным-давно это сказать. Могли сказать и попросить меня, чтобы я держала это в секрете, и я бы держала, даже маленькая. Никому бы не сказала, если бы вы попросили. Я бы так гордилась, что из меня никакими силами этого не вырвали бы, если бы вы велели держать в секрете. А вы молчали. Другим людям говорили, а мне нет.

— Кто тебе сказал?

— Джон Фаа.

— Он сказал, кто твоя мать?

— Да.

— Тогда мне почти нечего добавить. Я не желаю, чтобы меня допрашивал и упрекал нахальный ребенок. Я желаю знать, что ты увидела и что ты делала по дороге сюда.

— Я привезла вам чертов алетиометр, так? — взорвалась Лира. Она чуть не плакала.

— Я тащила его сюда из Иордана, прятала его, берегла, — а с нами чего только не было, — я научилась его понимать, тащила его в эту чертову даль, хотя могла бы плюнуть на него и сидеть себе спокойно, а вы даже не сказали «спасибо», и хоть бы немного обрадовались. Сама не знаю, зачем я это сделала. Но сделала, не отступила, даже у Йофура Ракнисона в вонючем дворце не отступила, одна, среди этих медведей, и подбила его на драку с Йореком, чтобы добраться сюда ради вас... А когда вы меня увидели, вы чуть в обморок не упали, словно я какое-то чудище, — прогоняли меня. Вы не человек, лорд Азриэл. Вы мне не отец. Отец так со мной не обошелся бы. Отцы ведь, кажется, любят своих дочерей? Вы меня не любите, и я вас не люблю, вот что. Я люблю Фардера Корама и люблю Йорека Бирнисона; медведя больше люблю, чем отца. И Йорек, точно, любит меня больше, чем вы.

— Ты сама мне сказала, что он только выполняет приказ Джона Фаа. Если собираешься тут сентиментальничать, я не буду тратить на тебя время.

— Тогда забирайте свой чертов алетиометр, а я возвращаюсь с Йореком.

— Куда?

— Во дворец. А появится миссис Колтер со своим Жертвенным Советом — он будет с ними воевать.

Если они победят, я тоже умру, мне плевать. А если он победит, то пошлет за Ли Скорсби, и я улечу с ним на шаре...

— Кто такой Ли Скорсби?

— Аэронавт. Мы прилетели с ним сюда, а потом была авария. Вот, берите ваш алетиометр. Он в исправности.

Лорд Азриэл не протянул к нему руки, и она положила его на медную решетку камина.

— Наверное, надо вам сказать, что миссис Колтер летит на Свальбард и, как только узнает, что случилось с Йофуром Ракнисоном, полетит сюда. На дирижабле с кучей солдат, и они всех нас убьют по приказу Магистериума.

— Они до нас не доберутся, — безмятежно ответил лорд Азриэл. Он был настолько спокоен и невозмутим, что ярость в ней слегка остыла.

— Вы этого не знаете, — неуверенно сказала она.

— Знаю.

— У вас что, есть другой алетиометр?

— Для этого мне алетиометр не нужен. А теперь, Лира, расскажи мне о своем путешествии сюда. Начни с самого начала. Рассказывай все.

И она стала рассказывать. Начала с того, как пряталась в Комнате Отдыха, потом о Жрецах и похищении Роджера, о своем пребывании у миссис Колтер и дальше, все подряд.

Это было длинное повествование, и, закончив его, она сказала:

— А теперь я хочу знать одно и, по-моему, имею право знать, как имела право знать, кто я на самом деле. И если про меня вы мне не сказали, то про это должны сказать взамен. Что такое Пыль? И почему ее все боятся?

Он посмотрел на нее, как бы прикидывая, поймет ли она то, что он скажет. Он никогда не смотрел на нее серьезно, подумала Лира; до сих пор он вел себя с ней как взрослый, потакающий милым проказам. Но сейчас, по-видимому, решил, что она созрела.

— Пыль — это то, что позволяет работать алетиометру, — сказал он.

— Ага... я уже думала об этом! Но что еще? Как о ней узнали?

— В каком-то смысле, церковь всегда о ней знала. Она толковала о ней веками, только называла иначе.

Но несколько лет назад, в Московии, некто Борис Михайлович Русаков обнаружил новый вид элементарных частиц. Ты слышала об электронах, протонах, нейтрино и остальных? Они называются элементарными частицами потому, что их уже нельзя раздробить: внутри у них нет ничего, кроме их самих. Так вот, эта новая частица тоже была элементарной, но ее было очень трудно измерить, потому что она не вступает в обычные взаимодействия. Больше всего озадачивало Русакова то, что эти новые частицы как будто скапливаются возле людей, как будто притягиваются к ним. И особенно к взрослым. К детям тоже, но гораздо слабее, пока их деймоны не приобретали постоянного вида. В возрасте полового созревания они начинают притягивать Пыль, и она оседает на них так же, как на взрослых.

Обо всех таких открытиях, поскольку они имеют отношение к доктринам церкви, должен объявлять Магистериум в Женеве. А открытие Русакова было настолько странным и неправдоподобным, что Инспектор Дисциплинарного Суда Консistorии заподозрил Русакова в том, что он одержим дьяволом.

Инспектор произвел изгнание беса в лаборатории, допросил Русакова по правилам Инквизиции, но в конце концов церковь вынуждена была признать, что Русаков не лжет и не обманывает ее: Пыль действительно существует.

Теперь необходимо было выяснить, что это такое. Учитывая характер церкви, вывод мог быть только один. Магистериум решил, что Пыль — физическое проявление первородного греха. Ты знаешь, что такое первородный грех?

Лира скривила рот. Как будто она снова в Иордане, и ее экзаменуют по наполовину выученному предмету.

— Вроде знаю, — сказала она.

— Нет, не знаешь. Подойди к полке за письменным столом и принеси мне Библию.

Лира подала отцу толстую черную книгу.

— Ты помнишь рассказ об Адаме и Еве?

— Конечно. Ей нельзя было есть плод, а змей соблазнил ее, и она съела.

— Что было потом?

— Ну... Их выгнали. Бог выгнал их из сада.

— Бог не велел им есть плод, потому что они умрут. Помнишь, они жили голыми в саду, они были как дети, их деймоны принимали любой вид, какой им хотелось. Но вот что произошло.

Он открыл книгу на третьей главе Бытия и стал читать: «— И сказала жена змею: плоды с дерев мы можем есть:

Только плодов дерева, которое среди рая, сказал Бог, не ешьте их и не прикасайтесь к ним, чтобы вам не умереть.

И сказал змей жене: нет, не умрете:

Но знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло.

И увидела жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что откроет человеку истинный вид его деймона; и взяла плодов его, и ела; и дала также мужу своему, и он ел.

И открылись глаза у них обоих, и увидели они истинный вид их деймонов, и говорили с ними.

Но когда муж и жена познали своих деймонов, увидели они в себе большую перемену, ибо до сих пор они были как одно с тварями полевыми и небесными, и не было между ними разницы.

И они увидели разницу, и узнали добро и зло; и узнали стыд, и сшили смоковые листья, чтобы прикрыть наготу...»

Он закрыл книгу.

— Так в мир пришел грех, — сказал он, — грех, и стыд, и смерть. Он пришел в тот момент, когда их деймоны приняли постоянный вид.

— Но...

— Лира пыталась подобрать нужные слова.

— Но это же неправда? Не такая правда, как химия или механика, не такая? На самом деле Адама и Евы не было? Кассингтоновский Ученый сказал мне, что это вроде сказки.

— Кассингтоновская стипендия по традиции дается вольнодумцу, атеисту; его дело — подвергать сомнению веру Ученых. Ничего другого он и не мог сказать. Но ты думай об Адаме и Еве, как о мнимом числе, как о квадратном корне из минус единицы: никаких конкретных доказательств, что оно существует, ты не увидишь, но, включая его в

свои уравнения, ты можешь делать самые разные выкладки, которые без него были бы невысказанными.

Во всяком случае, церковь учила этому тысячелетиями. И когда Русаков открыл Пыль, наконец-то появилось физическое доказательство того, что произошло, когда невинность сменилась опытом.

Кстати, и само слово «Пыль» навеяно Библией. Сперва она называлась Частицами Русакова, но потом кто-то указал на любопытный стих в конце третьей главы Бытия, где Бог проклинает Адама за то, что он отведал плода.

Он снова раскрыл Библию и показал это место Лире. Она прочла: «В поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят; ибо прах ты, и в прах возвратишься».

Лорд Азриэл сказал:

— «Прах» — это Пыль, и ученых церкви всегда смущал перевод этого стиха. Некоторые говорят, что читать следует не «в прах возвратишься», а: «будешь подвержен праху»; другие говорят, что весь стих содержит игру слов, основанную на «земле» и «прахе», и на самом деле означает, что Бог признает частичную греховность своей природы. Согласия нет. И не может быть, потому что текст искажен. Но жалко было не воспользоваться удобным словом, и частицы стали называться Пылью.

— А что насчет Жрецов? — спросила Лира.

— Жертвенный Совет... Шайка твоей матери. Очень умно было с ее стороны воспользоваться возможностью и выстроить для себя политическую опору, но она, как ты, наверное, заметила, умная женщина. А Магистерии очень удобно держать под своим крылом разнообразные политические организации. Можно их стравливать между собой и, если одна возьмет верх, можно сделать вид, что вы поддерживали ее с самого начала, а если она не оправдает ожиданий, объявить ее отступнической и действовавшей самовольно.

Понимаешь, твоя мать всегда стремилась к власти. Сначала она попыталась получить ее обычным способом, через замужество, но не удалось — я думаю, ты об этом слышала. Тогда она обратилась к церкви. Естественно, она не могла рассчитывать на карьеру, открытую для мужчин, — стать священником и так далее. Нужно было что-то нестандартное; пришлось организовать свой собственный орден, собственные каналы влияния и действовать через них. Это был удачный ход — специализироваться на Пыли. Все боялись Пыли; никто не знал, что делать, и, когда она вызвалась возглавить исследования,

Магистериум с великим облегчением поддержал ее деньгами и всевозможными ресурсами.

— Но они отрезали...

— Лира не могла договорить до конца, слова застревали в горле.

— Вы знаете, чем они занимались! Почему церковь им позволила?

— Был прецедент. Нечто подобное делалось раньше. Ты знаешь, что означает слово кастрация? У мальчика удаляют половые органы, так что у него уже никогда не разовьются другие мужские признаки. У него на всю жизнь останется высокий дискант, почему это и позволяла церковь: очень подходит для церковной музыки. Некоторые кастраты становились знаменитыми певцами, великолепными артистами. А многие превращались просто в жирных испорченных полумужчин. Некоторые умирали от последствий операции. Но церкви, как видишь, идея небольшой операции не претила. Так что прецедент был. А это будет гораздо гигиеничнее прежних методов, когда не было анестезии и стерильных бинтов, да и надлежащего выхаживания. Вполне гуманный вариант.

— Нет! — с яростью сказала Лира.

— Нет!

— Нет. Конечно, нет. И поэтому им пришлось прятаться на далеком Севере, в темноте, вдали от людей. Поэтому же церкви было удобно, чтобы возглавлял это кто-то вроде твоей матери. Кто усомнится в такой очаровательной женщине, с такими связями, такой милой и разумной? Но, поскольку предприятие было неофициальным и негласным, Магистериум в случае нужды всегда мог от нее отречься.

— Но кто придумал эту идею — отрезать?

— Она. Она догадалась, что может быть связь между двумя явлениями, которые происходят в позднем отрочестве: перемена в деймоне и то, что начинает оседать Пыль. Так что, если деймона отрезать от человека, то, возможно, он не будет подвержен Пыли — первородному греху. Вопрос состоял в том, можно ли отделить от человека деймона, не убив человека. Но она много путешествовала и многое повидала. Путешествовала, например, по Африке. Африканцы знают способ, как создать раба, называемого зомби. Он лишен собственной воли; он будет покорно работать день и ночь и не попытается бежать. Он выглядит как мертвец...

— Это человек без деймона!

— Совершенно верно. Так она выяснила, что разделить их можно.

— Да... Тони Коста рассказывал мне про жутких призраков, которые водятся в северных лесах. Наверное, это что-то такое же.

— Правильно. Словом, Жертвенный Совет произрос на этих идеях и на одержимости церковников первородным грехом.

Деймон лорда Азриэла насторожил уши, и лорд Азриэл положил ему на голову ладонь.

— Когда они отрезали деймона, происходило кое-что еще, — продолжал он.

— И они этого не заметили. Энергия, которая связывает человека с деймоном, колоссальна. Когда делают разрез, вся эта энергия рассеивается в долю секунды. Они не заметили — принимали это за шок, за ненависть, за нравственное возмущение — и приучили себя относиться к этому бесчувственно. Поэтому не поняли, что может дать эта энергия, не подумали о том, как ее обуздать...

Лира не могла усидеть на месте. Она встала, подошла к окну и невидящими глазами уставилась на темную унылую пустыню. До чего они жестоки. Пускай им важно узнать про первородный грех, но то, что они сделали с Тони Макариусом и другими, — чудовищная жестокость. Ничто не может ее оправдать.

— А вы что делали? — сказала она.

— Вы тоже резали?

— Меня интересует совсем другое. Я считаю, что Жертвенный Совет пошел недостаточно далеко. Я хочу дойти до самого источника Пыли.

— До источника? Откуда же она берется?

— Из другой вселенной, которую мы видим за Авророй.

Лира обернулась к отцу. Он лежал в кресле, спокойный и грозный, и глаза его горели свирепым огнем, как глаза его деймона. Она не любила его и не могла ему доверять, но невольно восхищалась им, роскошью, которой он окружил себя в этой мрачной пустыне, грандиозностью его замысла.

— Что это за другая вселенная? — спросила она.

— Один из мириадов параллельных миров. Ведьмы веками знали о них, но первые теологи, доказавшие их существование математически, были

отлучены от церкви лет пятьдесят назад. Однако же другие миры существуют; отрицать это невозможно.

Но никому не приходило в голову, что можно перейти из одной вселенной в другую. Это противоречило бы фундаментальным законам, думали мы. Так вот, мы ошибались; мы научились видеть, видеть тот мир. Если оттуда проходит свет, то и мы можем пройти. Мы учились его видеть, Лира, как ты училась понимать алетомер.

Тот мир и все другие вселенные возникли как результат возможности. Допустим, ты бросаешь монету: она может выпасть орлом или решкой, и, пока она не легла, ты не знаешь, что выпадет. Если выпал орел, это значит, что другая возможность не реализовалась. До этого момента оба исхода были равно-возможны.

Но в другом мире выпадает решка. И когда это происходит, два мира разъединяются. Этот пример с бросанием монеты я привел для простоты. На самом деле исчезновение возможностей происходит на уровне элементарных частиц, но происходит точно так же: сейчас возможны несколько исходов, а в следующий момент реализуется только один, а остальные исчезают. Только возникли другие миры, где они осуществляются.

— И я отправляюсь в тот мир за Авророй, — сказал он, — ибо полагаю, что оттуда происходит вся Пыль во вселенной. Ты видела слайды, которые я показывал Ученым в Комнате Отдыха. Ты видела, что Пыль низвергается в этот мир с Авроры. Ты сама видела тот город. Если свет может преодолеть барьер между вселенными, если Пыль может, если мы можем видеть этот город, тогда мы можем построить мост и перейти туда. Для этого нужен колоссальный взрыв энергии. Но я могу его вызвать. Где-то там — первоисточник всей Пыли, всей смерти, греха, несчастья, разрушительных сил. Что бы ни увидели люди, они хотят это разрушить, Лира. Вот — первородный грех. И я хочу его уничтожить. Смерть должна умереть.

— Поэтому вас заперли здесь?

— Да. Они пришли в ужас. И не без оснований. Он встал, и встал его деймон, гордый, красивый и хищный. Лира сидела не шелохнувшись. Отец пугал ее, она им бесконечно восхищалась и думала, что он сумасшедший. Но ей ли об этом судить?

— Отправляйся спать, — сказал он.

— Торольд тебя проводит.

Он повернулся к двери.

— Вы забыли алетиметр, — сказала она.

— Ах, да. Но он мне больше не нужен. Тем более что без книг я все равно не смог бы им пользоваться. Знаешь, по-моему, Магистр Иордана дал его тебе. Он в самом деле просил отдать его мне?

— Ну да! — сказала она. Но потом задумалась и сообразила, что Магистр, действительно, не просил об этом; она сама так решила — иначе зачем же ей дали?

— Нет, — сказала она.

— Не знаю. Я подумала...

— В общем, он мне не нужен. Он твой, Лира.

— Но...

— Спокойной ночи, детка.

Растерянная, не в силах вымолвить ни слова, хотя в голове роилось множество важных вопросов, она взяла алетиметр и завернула его в черный бархат. Потом села у камина, а отец вышел из комнаты.

Глава двадцать вторая

ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Проснулась она оттого, что кто-то тряс ее за руку; тут же проснулся и зарычал Пантелеймон, и она узнала Торольда. В дрожащей руке он держал гарную лампу.

— Мисс... мисс... скорей вставайте. Я не знаю, что делать. Он не оставил распоряжений. Мне кажется, он сошел с ума, мисс.

— Что? Что случилось?

— Лорд Азриэл, мисс. С тех пор, как вы легли спать, он как в бреду. Я никогда не видел его в таком исступлении. Он нагрузил сани приборами и батареями, запряг собак и уехал. Но он увез мальчика, мисс!

— Роджера? Увез Роджера?

— Он велел мне разбудить его и одеть, я и не подумал спорить... никогда не спорю... а мальчик все время спрашивал о вас... но лорду Азриэлу нужен был он один... Помните, как вы появились в дверях, мисс? Он увидел вас и не мог поверить своим глазам, хотел, чтобы вы ушли?

От страха и усталости в мыслях у Лиры был полный разброд.

— Да? Да? — повторяла она.

— Ему был нужен ребенок, чтобы закончить эксперимент, мисс! А когда лорду Азриэлу что-то нужно, он признает только один способ: «Подать мне!..»

Теперь в голове у Лиры стоял страшный шум, как будто она пыталась заглушить им мысль, настойчиво пробивавшуюся в ее сознание.

Она слезла с кровати и вдруг повалилась с отчаянным криком. Этот крик шел из нее, но он был больше нее — словно через нее кричало само отчаяние. Она вспомнила слова отца: «Энергия, которая соединяет человека с деймоном, колоссальна», и, чтобы перекрыть пропасть между двумя мирами, нужен «колоссальный взрыв энергии...».

Только теперь ей стало понятно, что она натворила.

Она пробивалась в такую даль, везла лорду Азриэлу алетиметр и думала, что он ему нужен, а нужен был вовсе не он. Ему нужен был ребенок.

Она привезла ему Роджера.

Вот почему он крикнул: «Я не посылал за тобой», когда увидел ее. Он послал за ребенком, и судьба преподнесла ему родную дочь. Так он думал, пока она не отошла в сторону и не появился Роджер.

Какая мука! Она думала, что спасает Роджера, а на самом деле все это время боролась ради того, чтобы предать его...

Рыдания сотрясали ее тело. Неужели это правда?

Торольд пытался ее утешить, но он не понимал причину ее горя и лишь беспомощно поглаживал ее по плечу.

— Йорек... — всхлипнула она, отталкивая слугу.

— Где Йорек Бирнисон? Медведь? Он еще на дворе?

Старик недоуменно пожал плечами.

— Помогите мне! — сказала она, дрожа от страха и внезапно накатившей слабости.

— Помогите одеться. Мне надо ехать! Скорее! Быстро!

Он поставил лампу и стал ей помогать. При том, что лицо ее было мокро от слез, а губы тряслись, своим повелительным тоном она напомнила ему хозяина. Пантелеймон в это время расхаживал по комнате, хлеща хвостом, и мех на нем только что не искрился. Торольд поспешно принес ее залубенелые вонючие меха и помог одеться. Застегнутая наконец на все пуговицы, она подошла к двери; полярный воздух кинжалом резанул ей горло и мгновенно заморозил слезы на щеках.

— Йорек! — крикнула она.

— Йорек Бирнисон! Иди сюда, ты мне нужен!

Зашевелился снег, лязгнул металл, и через мгновение медведь оказался рядом. До этого он спокойно спал под снегопадом. При свете лампы, которую держал у окна Торольд, Лира увидела скрывавший морду шлем с глубокими глазными прорезями, белый мех внизу под черно-рыжим металлом, и ей захотелось обнять его, прильнуть к этому железному шлему и к обледенелому меху.

— Ну? — сказал он.

— Мы должны догнать лорда Азриэла. Он увез Роджера и собирается... страшно подумать... Йорек, милый, умоляю тебя, скорее!

— Так садись, — сказал он, и она вспрыгнула ему на спину.

Искать дорогу не было нужды: санные следы вели со двора прямо на равнину, и Йорек пустился вскачь. Его движения стали настолько привычны для Лире, что равновесие она удерживала автоматически. Он бежал по глубокому снегу так быстро, как не бегал еще никогда, и пластины брони двигались под ней в ровном ритме.

Позади бежали остальные медведи, тянувшие сани с огнебоем. Дорога была хорошо видна, потому что луна стояла высоко, и в ее свете равнина выглядела так же, как с воздушного шара: мир яркого серебра и глубокой черноты. Следы саней лорда Азриэла уходили к гряде невысоких гор; острыми белыми зубами они вонзались в небо, черное, как бархатный чехол алетиметра. Самих саней видно не было... или почудилось ей какое-то неуловимое шевеление на самой высокой вершине? Лира вглядывалась в нее до рези в глазах, и Пантелеймон-сова взлетел насколько мог, чтобы помочь ей своим ночным зрением.

— Да, — сказал он, опустившись ей на запястье, — это лорд Азриэл, он нахлестывает собак, а позади него ребенок...

Лира почувствовала, что Йорек Бирнисон сбавил шаг. Что-то привлекло его внимание. Он поднял голову и водил ей из стороны в сторону.

— Что там? — спросила Лира.

Йорек не ответил. Он напряженно прислушивался, хотя ей ничего не было слышно. Но потом услышала: таинственное, бесконечно далекое потрескивание и шорох. Она уже слышала такое раньше: звук Авроры. Неведомо откуда в северном небе спустилась мерцающая завеса. Миллиарды и триллионы невидимых заряженных частиц и, может быть, подумала она, Пыли озарили волшебным светом верхнюю атмосферу. Спектакль обещал быть более ярким и поразительным, чем все, что прежде видела Лира, — словно небо знало о драме, которая происходит внизу, и хотело осветить ее как можно более грозно и торжественно.

Но никто из медведей не смотрел вверх: их внимание было приковано к земле. И Йорек прислушивался вовсе не к Авроре. Он застыл на месте, и Лира соскользнула с бронированной спины, чтобы ничем не отвлекать его. А его явно что-то беспокоило.

Лира обернулась, посмотрела на широкую равнину, лежавшую между ними и домом лорда Азриэла, на горную гряду, которую они уже преодолели, и не увидела ничего. Аврора разгоралась. Первые полотнища задрожали и понеслись в сторону, наверху разворачивался и сворачивался неровный занавес, с каждой минутой увеличиваясь и разгораясь; петли и дуги металась от одного края горизонта к другому, сияющие арки взлетали к самому зениту. Ясно, как никогда, Лира слышала заполнивший все небо шорох и свист исполинских неосязаемых сил.

— Ведьмы! — раздался крик медведя, и Лира радостно обернулась. Но тут же тяжелая морда сшибла ее на снег, и у нее не было сил даже вскрикнуть — она только вздрогнула и перевела дух, потому что на том месте, где она только что стояла, торчало зеленое оперение стрелы. Древко с наконечником целиком ушло в снег. «Не может быть!» — пронеслось у нее в голове, но ошибки не было: тут же другая стрела ударилась о броню стоявшего над ней Йорека. Это не были ведьмы Серафины Пеккала; это был другой клан. Они кружили в небе, десяток или больше, снижались, чтобы выстрелить, и снова взмывали вверх, и Лира выругалась всеми словами, какие знала.

Йорек Бирнисон отдавал команды. Видно было, что у медведей солидный опыт войны с ведьмами, они сразу приняли боевой порядок, а ведьмы так же быстро начали атаку. Стрелять точно они могли только с короткой дистанции и, чтобы не тратить стрелы зря, устремлялись к земле, пускали стрелу в нижней точке траектории и сразу уходили вверх. Но в нижней точке, при том, что руки их были заняты луком, они становились уязвимы — медведи вскакивали и сгребали их когтями. Так было сбито несколько ведьм, и на земле их сразу прикончили.

Присев за камнем, Лира наблюдала за боем. В нее стреляли несколько раз, но стрелы пролетали мимо, а чуть позже она взглянула на небо и увидела, что большая часть стаи отвернула и полетела прочь.

Если она и почувствовала облегчение, то длилось это всего несколько секунд. Оттуда, куда улетели ведьмы, им на смену летела туча новых, а посреди них в воздухе горело несколько тусклых огней. Над снежным простором Свальбарда, под сияющей Авророй, разнесся звук, которого страшилась Лира, — жесткий рокот газолинового мотора. Дирижабль с миссис Колтер и ее солдатами на борту настиг ее.

Йорек прорычал какую-то команду, и медведи выстроились по-новому. При мерцающем бледном свете Авроры Лира увидела, что они быстро сняли с саней огнебой. Передовой отряд ведьм увидел это и стал пикировать на них, сыпая стрелами; медведи же, полагаясь на свою броню, быстро готовили огнебой — длинный рычаг, косо поднимавшийся вверх, с чашей на конце диаметром в метр, и большой железный бак, окутанный дымом и паром.

Над баком вспыхнуло пламя, и медвежий расчет взялся за дело. Двое притянули рычаг огнебоя к земле, другие лопатами стали забрасывать огонь в его чашу. По команде рычаг отпустили, и он выбросил в небо массу горячей серы.

Ведьмы атаковали таким плотным строем, что после первого же выстрела три из них упали, объятые пламенем. Но скоро стало понятно, что настоящая цель — дирижабль. Пилот либо никогда не видел огнебоя, либо недооценил его мощь — он летел прямо на медведей и даже не подумал свернуть или набрать высоту.

Выяснилось, однако, что и на дирижабле есть грозное оружие — пулемет, установленный в носу гондолы. Лира увидела, как от брони медведей полетели искры, как медведи припали к земле под ее защитой, и только потом услышала звон пуль. Она закричала от страха.

— Ничего, — сказал Йорек Бирнисон.

— Маленькие пули не пробьют броню.

Снова сработал огнебой; на этот раз ком горячей серы полетел прямо вверх, попал в гондолу и разлетелся во все стороны множеством огненных осколков. Дирижабль отвернул влево и, описав широкую дугу, снова устремился к группе медведей, спешно готовивших к выстрелу свое орудие. Когда он приблизился, рычаг огнебоя со скрипом опустился до земли; выплюнул пламя и затрещал пулемет, два медведя ткнулись в снег, Йорек Бирнисон глухо зарычал. Когда дирижабль оказался почти

над головой, командир расчета дал команду, и пружина выбросила рычаг вверх.

На этот раз сера попала в баллон дирижабля, наполненный водородом. Проклеенному шелку баллона, натянутому на каркас, мелкие царапины были не страшны, но горящая глыба прорвала его, как бумагу, и дирижабль превратился в огненный ад.

На мгновение шелк стал прозрачным, на фоне оранжево-желтого пламени проступил черный скелет, и, повисев в воздухе бесконечно долгую секунду, огненная масса словно бы нехотя опустилась на землю. В стороны от нее разбежались огненные ручьи и черные фигурки людей, и ведьмы ринулись вниз, спасти их от пламени. Через минуту после приземления от дирижабля осталась груда искореженного металла, облако дыма и несколько клочков умирающего огня.

Но солдаты и те, кто летел с ними (Ли́ра была слишком далеко и не увидела миссис Колтер, но не сомневалась, что она среди них), не теряли времени даром. С помощью ведьм они вытащили пулемет, установили его и открыли стрельбу.

— Вперед, — сказал Йорек, — они их надолго задержат.

Он рявкнул, и несколько медведей, отделившись от основной группы, атаковали правый фланг тартар. Ли́ра чувствовала, как ему хочется быть среди них, но внутри у нее все кричало: «Идем! Идем!» — и думать она могла только о Роджере и лорде Азриэле. Йорек Бирнисон понял ее и повернул к горе, а его отряд остался сдерживать преследователей.

Они двигались вверх по склону. Ли́ра вглядывалась в даль, но даже совиные глаза Пантелеймона не могли различить никакого движения возле вершины. След саней был отчетлив, и Йорек бежал прямо по нему, высоко вскидывая снег задними лапами. Все, что происходило позади, навсегда осталось позади, для Ли́ры больше не существовало. Ей казалось, что она навсегда расстается с этим миром — настолько она была отрешена и сосредоточена, настолько высоко они забрались, настолько странен и жуток был лившийся с неба свет.

— Йорек, — сказала она, — ты найдешь Ли Скорсби?

— Живого или мертвого, я найду его.

— И если увидишь Серафину Пеккала...

— Расскажу ей, что ты сделала.

— Спасибо, Йорек, — сказала она.

Они замолчали. Лира чувствовала, что погружается в какой-то транс, за пределами сна и яви: это был сон наяву, видение, в котором медведи уносили ее к городу среди звезд.

Она хотела сказать об этом Йореку Бирнисону, но он замедлил шаги и остановился.

— Следы идут дальше, — сказал Йорек.

— Но я не могу.

Лира спрыгнула на землю. Они стояли на краю пропасти. Трещина это во льду или расщелина в скальной породе, понять было трудно да и не имело значения — важно было только то, что стены ее терялись в непроглядном мраке.

А санный след подходил к обрыву... И шел дальше, по мостику из слежавшегося снега.

Мостик явно испытал на себе тяжесть саней лорда Азриэла: у дальнего края его пересекала трещина, а на ближней стороне снег просел примерно на четверть метра. Ребенка он может и выдержать, но под тяжестью медведя в броне наверняка рухнет.

А санный след уходил дальше, в гору. Если она пройдет туда, то дальше пойдет одна.

Лира повернулась к Йореку Бирнисону.

— Я должна идти, — сказала она.

— Спасибо тебе за все, что ты сделал. Я не знаю, что будет, когда я его догоню. Догоню или нет, — может, мы все равно умрем. Но, если вернусь живой, я приду к тебе, чтобы поблагодарить тебя как полагается, король Йорек Бирнисон.

Она положила руку ему на голову. Он постоял под ее рукой и легонько кивнул.

— Прощай, Лира Сирин, — сказал он.

Сердце ее сжималось от любви, но она отвернулась и поставила ногу на мостик. Снег под ней скрипнул, а Пантелеймон перелетел на другую сторону и сел в снегу, чтобы подбодрить ее своим примером. Она продвигалась шаг за шагом и думала, что лучше: быстро пробежать и прыгнуть на другую сторону или по-прежнему идти медленно, ступая как можно легче. На середине снег снова громко скрипнул; кусок возле ее

ноги отвалился и полетел в пропасть, а мостик просел еще на несколько сантиметров.

Она замерла. На той стороне Пантелеймон-леопард присел, изготовясь к прыжку...

Мостик выдержал. Лира сделала шаг, еще один, почувствовала, что мостик уходит из-под ее ног, и прыгнула, собрав все силы. Она упала животом в снег, а мост позади нее с мягким шорохом рухнул в пропасть.

Пантелеймон вцепился когтями в ее мех и держал.

Через минуту она открыла глаза и отползла от края. Пути назад не было. Она встала и подняла руку, прощаясь с медведем. Йорек Бирнисон тоже встал на задние лапы, а потом повернулся и поскакал вниз по склону, на помощь своим подданным, сражавшимся с наемниками миссис Колтер.

Лира осталась одна.

Глава двадцать третья

МОСТ К ЗВЕЗДАМ

Когда Йорек Бирнисон скрылся из виду, Лиру охватила неодолимая слабость, и она вслепую протянула руку к Пантелеймону.

— Пан, милый, я больше не могу! Мне так страшно... я устала... столько всего... я боюсь до смерти! Почему я, а не кто-то другой?!

Пантелеймон, теплый и ласковый, потерся о ее шею кошачьим носом.

— Я не знаю, что нам делать, — всхлипывала Лира.

— Нет больше сил, Пан... мы не сможем...

Уткнувшись лицом в его мех, она сидела на снегу, раскачивалась и рыдала во весь голос.

— А если... если миссис Колтер доберется до Роджера первой, его все равно не спасти, она увезет его обратно в Больвангар или куда-нибудь хуже, а меня в отместку убьют... Почему они так поступают с детьми, Пан, неужели так ненавидят их, что хотят разорвать на части? Почему они так делают?

Но Пантелеймон не знал ответа; он только обнимал ее. Постепенно приступ страха утих, и она пришла в себя, снова стала Лирой, озябшей, испуганной, но прежней Лирой.

— И зачем только... — начала она и осеклась. Поздно было спрашивать «зачем?». Последний прерывистый вздох, и надо идти дальше.

Луна уже зашла, небо на юге было непроницаемо черным, и на нем, как алмазы на бархате, горели мириады звезд. Но в тысячу раз ярче горела Аврора. Ни разу еще Лира не видела ее такой яркой и красочной; с каждым колебанием и переливом новые световые дива зажигались в небе. А за трепетной пеленой света ясно вырисовывался другой мир, солнечный город.

Чем выше они взбирались, тем шире раскидывалась под ними безрадостная местность. На севере лежало замерзшее море, пересеченное торосами там, где ледяные поля налезли друг на друга, но в остальном плоское и белое, уходящее к самому полюсу и далеко за него, безликое, безжизненное и невыразимо угрюмое. На востоке и на западе возвышались горы, их острые зазубренные пики вонзались в небо, крутые снежные склоны были заточены ветром до сабельной остроты. А Лира с тоской смотрела на юг, туда откуда пришла, — не видно ли где милого друга Йорека Бирнисона и его воинов; но ничто не шевелилось на широкой равнине. Она не могла разглядеть даже обгорелых обломков дирижабля и красных пятен на снегу вокруг мертвых солдат.

Пантелеймон-сова взлетел в небо, а потом опустился ей на руку.

— Они прямо за вершиной! — сказал он.

— Лорд Азриэл разложил свои аппараты, а Роджер не может двинуться...

Сразу же вслед за этим Аврора замерцала и потускнела, как антарная лампа под конец жизни, а потом погасла совсем. Но во тьме Лира ощутила присутствие Пыли, словно сам воздух был полон темных намерений, смутных, еще не родившихся мыслей.

Из тьмы донесся детский крик:

— Лира! Лира!

— Иду! — закричала она в ответ и, спотыкаясь, оскальзываясь, падая, упрямо полезла вверх по бледному, призрачному снегу.

— Лира! Лира!

— Я уже близко, — прохрипела она.

— Я уже близко, Роджер!

Возбужденный Пантелеймон быстро менялся: лев, горноста́й, орел, дикий кот, заяц, саламандра, сова, леопард — все, что он знал, калейдоскоп форм среди Пыли...

— Лира!

Наконец она взобралась на вершину и увидела, что происходит. Метрах в пятидесяти, под звездами, лорд Азриэл скручивал два провода, тянувшиеся к наклонным саням, на которых были расставлены батареи, банки и какие-то аппараты, уже покрытые инеем. Он был в толстом меху, и лицо его освещала гарная лампа. Рядом с ним, как сфинкс, сидел и лениво возил хвостом по снегу его деймон, мускулистый и красивый, с лоснящейся от здоровья пятнистой шкурой.

В пасти у него был деймон Роджера.

Маленькое создание билось, извивалось, хлопало крыльями — то птица, то собака, то кошка, то крыса, потом снова птица — и все время звало Роджера, который был всего в нескольких метрах и силился разорвать путы, стянувшие сердце, и плакал от боли и холода. Он звал своего деймона, звал Лиру; потом подбежал к лорду Азриэлу, стал дергать его за руку, и лорд Азриэл отбросил его в сторону. Он снова подбежал к лорду Азриэлу и плакал, умолял его, а тот, не глядя, сшиб его на землю.

Они стояли на краю утеса. Под ними была непроглядная, бескрайняя тьма. И где-то внизу, в сотнях метров — застывшее море.

Все это Лира увидела при свете звезд; но потом лорд Азриэл соединил провода, и сразу же ярко вспыхнула Аврора. Как длинный голубой разряд, извивающийся между двумя шарами, только на тысячекилометровой высоте и в десять тысяч километров длиной, она вилась, взмывала, низвергалась сверкающим водопадом.

Он управлял ею...

Или качал из нее энергию — потому что с громадной катушки на санях провод уходил прямо в небо. Из тьмы спустился ворон, и Лира поняла, что это деймон ведьмы. Ведьма помогала лорду Азриэлу, это она унесла его провод в высоту.

И Аврора снова пылала.

Он был почти готов.

Он повернулся к Роджеру, поманил его, и Роджер покорно пошел, — плача, жалуюсь, мотая головой, покорно пошел к нему.

— Нет! Беги! — крикнула Лира и кинулась вниз по склону.

Пантелеймон прыгнул на снежного барса и выхватил маленького деймона из его зубов. Снежный барс бросился за ним вдогонку, Пантелеймон выпустил друга, и оба молодых деймона, меняясь с неуловимой быстротой, вступили в схватку с большим пятнистым зверем.

Барс бил их когтистыми лапами, и его рычание заглушило даже крики Лиры. Оба ребенка тоже сражались с ним; вернее, с тенями темных замыслов, теснившихся в непроглядном воздухе, пронизанном потоками Пыли...

И Аврора колыхалась в небе, истаивала, открывая то здание, то озеро, то вереницу пальм, такие близкие, что казалось, можно шагнуть из этого мира в тот.

Лира прыгнула и схватила Роджера за руку.

Она тянула изо всех сил, они оторвались от лорда Азриэла и побежали, держась за руки, но Роджер плакал и корчился, потому что барс снова схватил его деймона; Лира знала эту раздирающую сердце боль и хотела остановиться...

Но они не могли остановиться.

Утес уходил у них из-под ног.

Весь пласт снега неудержимо съезжал вниз...

А внизу, в сотнях метров под ними, застывшее море...

— Лира!

Стук сердца...

Намертво сцепившиеся руки...

И дивное зрелище в вышине.

Будто копье пронзило черный небосвод, усеянный звездами.

Струя света, струя чистой энергии ударила ввысь, словно выпущенная из лука стрела. Многоцветный занавес Авроры разорвался надвое; громовый треск пронесся из конца в конец вселенной; по небесной тверди пролегла дорога...

Солнце!

Солнце осветило мех золотой обезьяны...

Снежный пласт остановился; может быть, его задержал невидимый каменный карниз, и Лира увидела, как на утоптаный снег вершины прыгнула с воздуха золотая обезьяна. Она прыгнула рядом с барсом, и Лира увидела, что шерсть на обоих зверях встала дыбом. Хвост обезьяны стоял прямо, а у барса ходил из стороны в сторону. Потом обезьяна нерешительно протянула к нему лапу, а барс грациозно наклонил голову, и они коснулись друг друга...

Лира отвела от них взгляд и увидела миссис Колтер в объятиях лорда Азриэла. Их озарял пляшущий свет, лучи и разряды могучей антарной энергии. Лира не могла представить себе, как это произошло: миссис Колтер преодолела пропасть и настигла ее здесь...

Ее родители, вместе!

И страстно обнимаются — немыслимо!

Глаза у нее расширились. Тело Роджера лежало у нее на руках, застывшее, неподвижное, мертвое. Она услышала их разговор.

Мать сказала:

— Они никогда этого не позволят... Отец сказал:

— Не позволят? Нам не нужны ничьи дозволения, мы не дети. Я сделал так, что перейти сможет всякий, кто захочет.

— Они запретят! Перекроют путь и отлучат всякого, кто попытается!

— Этого захотят слишком многие. Этому не удастся помешать. Это будет означать конец церкви, Мариса, конец Магистериума, конец всех этих темных веков! Повернись к свету — это солнце другого мира! Ощути его тепло своей кожей!

— Они сильнее всех, Азриэл! Ты не знаешь...

— Я не знаю? Я? Никто лучше меня не знает, как сильна церковь! Но тут ее сил не хватит. Пыль все изменит, так или иначе. Теперь этого не остановить.

— Этого ты хотел? Задушить нас всех, убить нас грехом и тьмой?

— Я хотел вырваться отсюда, Мариса! И добился этого. Посмотри, посмотри, как качаются пальмы на берегу! Ты чувствуешь этот ветер? Почувствуй его на волосах, на лице...

Лорд Азриэл стащил капюшон с головы миссис Колтер, повернул ее лицо к небу и погладил ее по волосам. Лира смотрела на них затаив дыхание и боялась пошевелиться.

Женщина припала к лорду Азриэлу, будто вдруг ослабев, и горестно покачала головой:

— Нет... нет... они идут, Азриэл... они знают, где я...

— Тогда идем со мной, прочь из этого мира!

— Я не смею...

— Ты? Не смеешь? Твой ребенок пошел бы. Твой ребенок посмел бы, он смелее своей матери.

— Тогда бери ее, и счастливого пути. Она больше твоя, чем моя, Азриэл.

— Неправда. Ты взяла ее к себе; ты хотела ее вылепить. Тогда она была нужна тебе.

— Она была слишком дикой, слишком упрямой. Я слишком поздно... Но где она теперь? Я шла по ее следам...

— Она еще нужна тебе? Ты дважды пыталась ее удержать, и дважды она уходила. На ее месте я бежал бы сломя голову, чтобы не дать тебе третьей попытки.

Он все еще держал ее обеими руками за голову и вдруг притянул к себе и жадно поцеловал. Лира подумала, что в этом было больше свирепости, чем любви, и оглянулась на их деймонов. Странное зрелище: барс, весь напрягшийся, сжимал в когтях золотую обезьяну, а она бессильно, блаженно лежала на снегу.

Миссис Колтер резко отстранилась от него и сказала:

— Нет, Азриэл... мое место в этом мире, не в том...

— Идем! — сказал он с силой.

— Идем со мной и будем работать вместе!

— Мы не сможем работать вместе, ты и я.

— Нет? Мы с тобой могли бы разобрать вселенную на части и сложить снова, Мариса! Мы нашли бы источник Пыли и задушили его навсегда! И тебе хочется участвовать в этом великом труде; не лги мне. Лги о чем хочешь, лги о Жертвенном Совете, лги о своих любовниках — да, я знаю

о Бореале, и меня это не трогает, — лги о церкви, лги о нашем ребенке, но не лги мне о том, чего ты действительно хочешь...

И губы их соединились в жарком поцелуе. Их деймоны предавались буйной игре: снежный барс перекатился на спину, а обезьяна скребла когтями его шею, и он басовито рычал от удовольствия.

— Если я не пойду, ты постарайся меня уничтожить, — сказала миссис Колтер, оторвавшись от него.

— Зачем мне тебя уничтожать? — ответил он со смехом, и свет иного мира плескался вокруг его головы.

— Пойдем со мной, работай со мной, тогда мне будет не безразлично, жива ты или умерла. Останешься здесь — и ты меня больше не интересуешь. Не лсти себе: я о тебе даже не вспомню. Ну, идем со мной — или оставайся пакостничать в этом мире.

Миссис Колтер колебалась; глаза ее были закрыты, и она покачивалась, словно теряла сознание. Но она устояла на ногах и, открыв глаза, посмотрела на него с бесконечной печалью:

— Нет... Нет.

Их деймоны разошлись. Лорд Азриэл опустил руку и сильными пальцами ухватил мех барса. Потом повернулся к ней спиной и, не сказав ни слова, пошел прочь. Золотая обезьяна вспрыгнула на руки к миссис Колтер и с тихим плачем протягивала лапы к уходившему зверю. Лира увидела, что лицо миссис Колтер блестит от слез; слезы были настоящие.

Потом ее мать повернулась и, вздрагивая от безмолвных рыданий, стала спускаться по склону.

Лира холодно смотрела ей вслед и, когда она скрылась из виду, подняла глаза к небу.

Под сводом его висел дивный город.

Безмолвный и безлюдный, он словно только что родился и ждал обитателей — или спал и ждал, чтобы его разбудили. Солнце того мира светило в этот, оно золотило руки Лире, растапливало лед на меховом капюшоне Роджера, пронизывало насквозь его бледные прозрачные щеки, блестело в открытых невидящих глазах.

Ее душило горе. И гнев — она готова была убить отца; если бы она могла вырвать у него сердце, то сделала бы это не задумываясь. Сотворить такое с Роджером. И с ней — обманул ее... Как он посмел?

Тело Роджера все еще лежало у нее на руках. Пантелеймон что-то говорил, но голова у нее пылала, и она не слышала его, пока он не впился кошачьими когтями в ее руку. Она моргнула.

— Что? Что?

— Пыль! — сказал он.

— О чем ты говоришь?

— Пыль. Он хочет добраться до источника Пыли и уничтожить его, да?

— Так он сказал.

— А Жертвенный Совет, и церковь, и Больвангар, и миссис Колтер, они тоже хотят ее уничтожить, да?

— Да... Или чтобы она не действовала на людей... Ну?

— Если все они думают, что Пыль плохая, значит, она хорошая.

Лира не ответила. У нее перехватило горло. Пантелеймон продолжал:

— Мы слышали, что они говорят о Пыли, они боятся ее, и знаешь? Мы им верили, хотя видели, что дела их неправильные, жестокие и злые... Мы тоже думали, что Пыль плохая, раз они так говорят — ведь они взрослые. А если это не так? Если она...

Лира закончила одним духом:

— Да! Если она хорошая...

В его зеленых кошачьих глазах отражалось ее волнение. У нее кружилась голова, будто весь мир поворачивался под ногами.

Если Пыль хорошая... Если ее надо искать, если надо радоваться ей и лелеять ее...

— Мы могли бы пойти за ней, Пан! — сказала она. Это Пантелеймон и хотел услышать.

— Мы могли бы прийти туда раньше него, — договорил он.

Оба умолкли, вдруг осознав огромность задачи. Она подумала о том, как малы они в этой огромной и величественной вселенной, как ничтожно их знание о ее необъятных тайнах.

— Мы сможем, — настаивал Пантелеймон.

— Смотри, сколько мы прошли, правда? Мы сможем.

— Мы будем одни. Йорек Бирнисон больше не поможет нам. И Фардер Корам, и Серафина Пеккала, и Ли Скорсби — никто.

— Значит, сами. Неважно. Мы ведь не одни, как...

Она понимала, что он хотел сказать: как Тони Макариос; как одинокие деймоны в Больвангаре; мы — одно существо; нас двое, и мы одно.

— И у нас есть алетиометр, — сказала она.

— Да. Мы пойдем туда и будем искать Пыль, а когда найдем, мы поймем, что надо делать.

Тело Роджера лежало у нее на руках. Она бережно опустила его на снег.

— И мы это сделаем, — сказала она.

Лири повернулась. Позади были боль, смерть, страх, впереди — сомнение, опасность и необъятная тайна. Но их было двое.

И Лира со своим деймоном отвернулась от мира, где они родились, подняла глаза к солнцу и взошла на небо.